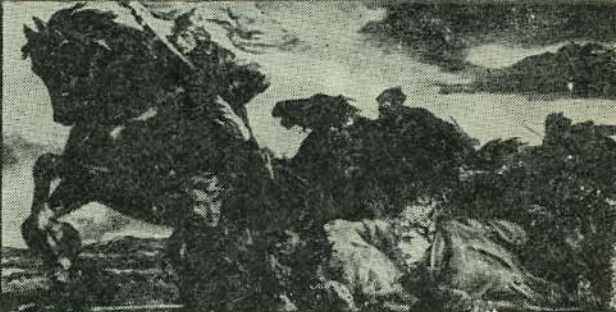

КОМИССАРЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 19

---

 (673)

КОМИССАРЫ

Сборник

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

ББК 63.3(2)7
К 63

Составитель — кандидат философских наук
А. Л. Афанасьев

Рецензент — кандидат исторических наук
Л. М. Гаврилов

НИКОЛАЙ ПОДВОЙСКИЙ
НИКОЛАЙ МАРКИН
МЕШАДИ АЗИЗБЕКОВ
АЛЕКСАНДРА КОЛЛОНТАЙ
АНДРЕЙ БУБНОВ
ИВАН ЛЕПСЕ
ВАСИЛИЙ КЛОЧКОВ
АЛЕКСЕЙ ШАХУРИН
АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

К $\frac{4702010200-266}{078(2)-86}$ КБ-035-022-86

К ЧИТАТЕЛЮ

Каждая эпоха рождает своих героев. Советский период отечественной истории явил миру такие личности, которых еще не знало человечество. Среди них особое, поистине легендарное место занимают комиссары. В сознании нашего народа со словом «комиссар» всегда ассоциируются вера в правоту ленинского дела и личное мужество. Это люди, преданность которых идеалам социальной справедливости, пролетарской солидарности и равенства народов прошла сквозь тяжелейшие испытания.

В. И. Ленин, Коммунистическая партия доверяли комиссарам жизненно важные участки созидания нового мира. На самых трудных этапах социалистического строительства они всегда были впереди, воодушевляя своим примером советских людей на защиту завоеваний Великого Октября в годы гражданской и Великой Отечественной войн, вдохновляя их на самоотверженный труд ради процветания социалистического Отечества.

В сборник «Комиссары» включены девять биографических очерков. Их герои в тот или иной период своей партийно-политической или военно-государственной деятельности носили гордое звание «комиссар» (отметим, что никто из них ранее не был представлен в серии «Жизнь замечательных людей»). Открывает книгу очерк о жизни и деятельности Николая Ильича Подвойского — одного из соратников В. И. Ленина, председателя Военно-революционного комитета в период подготовки и проведения Октябрьского восстания, непосредственно руководившего штурмом Зимнего дворца. Как народный комиссар по военным делам и начальник Всевобуча Н. И. Подвойский внес огромный вклад в дело защиты нашей Родины в первые пооктябрьские годы.

В яркой плеяде героев Великого Октября и гражданской войны достойное место занимает балтийский матрос, комиссар особых поручений при коллегии Наркомата по морским делам, один из создателей аппарата Наркомата иностранных дел Николай Григорьевич Маркин.

В октябре 1918 года комиссар Волжской военной флотилии

Н. Г. Маркин героически погиб в неравном бою с белогвардейцами. О таких, как он, беззаветных рыцарях революции, говорилось в резолюции VIII съезда РКП(б) (принявшего в 1919 году решение о создании Политотдела Реввоенсовета республики): «Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия, — подчеркивалось на съезде, — может с полным удовлетворением оглянуться на героическую работу своих комиссаров, которые, рука об руку с лучшими элементами командного состава, в короткий срок создали боеспособную армию».

Один из двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных эсерами и английскими интервентами, Мешади Азимбек-оглы Азизбеков, очерк о котором следует далее, в Бакинском СНК был губернским комиссаром и заместителем наркома внутренних дел.

Пламенная революционерка, народный комиссар в первом составе Совета Народных Комиссаров Александра Михайловна Коллонтай; видный государственный и партийный деятель, заведующий Агитпропом ЦК РКП(б), начальник Политического управления РККА и нарком просвещения РСФСР Андрей Сергеевич Бубнов; председатель ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов, бесстрашный комиссар гражданской войны Иван Иванович Лепсе — эти герои сборника на всех участках работы, которые им доверяла партия, олицетворяли ум, честь и совесть коммуниста.

Величествен образ комиссара, навечно вошедший в историю Великой Отечественной войны. «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях» — так говорилось в директиве, направленной в германскую армию 6 июня 1941 года. Некоторое время спустя, стараясь разгадать истоки стойкости советских солдат, фашистские генералы пришли к такому заключению: «Несломленный боевой дух русских... должен, вероятно, главным образом быть отнесен за счет воздействия энергичных офицеров и комиссаров». Недолгая, но яркая жизнь легендарного политрука-панфиловца Василия Георгиевича Ключкова служит ярчайшим свидетельством непобедимости нашего народа, вставшего на защиту своего социалистического Отечества, когда нормой поведения каждого члена партии стал лозунг «Коммунисты, вперед!».

Завершают сборник очерки о двух видных государственных деятелях — А. И. Шахурине и А. С. Щербакове. Один из выдающихся организаторов советской промышленности Алексей Ива-

нович Шахурин в годы Великой Отечественной войны был народным комиссаром авиапромышленности СССР. Александр Сергеевич Щербаков в военные годы, будучи кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б), первым секретарем МК и МГК ВКП(б), возглавлял Главное политическое управление Красной Армии и Совинформбюро.

Народная память надежно хранит образ комиссара, с пистолетом во вскинутой руке поднимающего в атаку бойцов, — образ, ставший одним из ярчайших символов Советской страны. О комиссарах сняты фильмы, написаны книги, сложены песни. Они — образец большевистской стойкости и убежденности для нас, наших детей и внуков. Жив их дух, их идея. И они в нескончаемом напряжении душевных сил там, где труднее, где идет бой за правду, за все новое и передовое.

Николай Ильич ПОДВОЙСКИЙ

...Илья Михайлович Подвойский, отец одного из будущих героев Великого Октября, после окончания духовной семинарии работал учителем в селе Кунашевка Нежинского уезда Черниговской губернии. Жена его, Ольга Акимовна, вела хозяйство. 16 февраля 1880 года у них родился второй сын — Микола. Семья быстро росла. Вскоре на скромное учительское жалованье уже кормилось семеро детей — четыре сына и три дочери. Надо было думать об их будущем. В поисках выхода Илья Михайлович, человек по натуре горячий и решительный, круто меняет свою жизнь. Потертый учительский сюртук он сменил на поповскую рясу. Стало легче кормить семью, а главное, появилась возможность бесплатно учить детей в духовном училище и семинарии. Получив бедный приход в селе Чаусы Стародубского уезда, отец Илья в душе, в сущности, остался учителем. Общительный и строгий, он довольно скоро завоевал расположение прихожан. Он меньше других брал за отправление церковных обрядов, когда надо, ссужал окрестных мужиков, приходя им на помощь. Позже, когда сын его Николай стал профессиональным революционером, согласился спрятать в алтаре церкви запрещенную литературу. О «кощунственном преступлении» донес пономарь. Определенное церковным судом наказание отец Илья отбыл в Чернигове, в Троицком монастыре. Его лишили сана, прихода, а следовательно, и средств к существованию... Но это было потом.

А тогда, в Чаусах, живой и сообразительный маленький Микола вблизи, изнутри видел жизнь церкви, низшего духовного сословия. В детской памяти и душе многое

откладывалось, ничто не проходило мимо: противоречивые отцовские суждения, разговоры прихожан...

Выполняя волю отца, после окончания Нежинского духовного училища Николай поступил в Черниговскую духовную семинарию. Она в конце прошлого века была мало похожа на мрачную, жестокую бурсу, описанную Н. Г. Помяловским. В Черниговской семинарии, как потом вспоминал Николай Ильич, витало вольнодумство и «царил мятежный дух». Николай прочитал много книг по истории, основательно познакомился с русской классикой, произведениями А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Книги революционеров-демократов, споры семинаристов о причинах тяжелого положения крестьян будили в нем неясную жажду деятельности.

Вскоре Николай Подвойский познакомился с черниговскими марксистами, стал членом нелегального марксистского кружка. Ночи напролет читал он работы К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, В. И. Ленина. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его», — эта мысль К. Маркса поразила его простотой, ясностью, стала девизом всей его бурной и трудной жизни, выражением сущности его характера.

В 1896 году Николай создал в семинарии марксистский кружок, он в скором времени пополнился наиболее подготовленными гимназистами и учениками фельдшерской школы. Кружковцы провели несколько демонстраций и маевок.

В 1898—1900 годах на Черниговщине происходили частые крестьянские волнения. Николай Подвойский и его товарищи вели революционную пропаганду среди крестьян...

В охранном отделении и жандармском управлении постепенно накапливались материалы о нем. В 1901 году за революционную деятельность и связь с «бунтовщиками» Николай Подвойский исключается из семинарии.

Главную дорогу своей дальнейшей жизни Николай определил сам. Вопреки воле родителей, он уехал в Ярославль и поступил в Демидовский юридический лицей. Он знал, что туда принимают детей разночинцев, в том числе бывших семинаристов. Но самое важное — он ощущал настоятельную потребность в изучении социально-экономических наук, философии и права.

В лицее в то время существовал подпольный марк-

систский кружок, которым руководили члены ярославской группы «Северного рабочего союза» А. П. Доливо-Добровольский и М. С. Кедров.

Николай, в ладно подогнанной лицейской тужурке, с вьющейся шевелюрой, с открытым взглядом чуть прищуренных с зеленюшкой глаз, сразу обратил на себя внимание лицеистов.

— Миша, что это за Добрыня Никитич появился у нас? — спросил один из кружковцев у Кедрова после первого выступления хора, организованного в лицее Николаем.

— Первокурсник Николай Подвойский. Я уже познакомился с ним. Из черниговских семинаристов. Начитан. Не раскрывается, но, кажется, знаком с марксизмом. Нам надо с ним встретиться.

Встреча состоялась, и Николай стал членом, а потом и активистом кружка. Вместе с товарищами он распространял среди студентов и учащихся марксистские идеи, листовки, нелегальную литературу. В августе 1901 года ярославская организация РСДРП приняла его в свои ряды. В октябре 1902 года в лицее была создана социал-демократическая группа «Свобода». Одним из ее руководителей стал Николай. По заданию партии он же возглавил студенческий комитет лицея.

После II съезда РСДРП ярославская организация без колебаний приняла платформу большевиков. Николаю Подвойскому доверили пропагандистскую работу среди рабочих. В подпольных марксистских кружках Главных железнодорожных мастерских, а потом и Большой ярославской мануфактуры появился новый руководитель — «Мироныч». С помощью О. А. Варенцовой, Е. М. Ярославского и других опытных товарищей он овладевал мастерством пролетарского пропагандиста. Позже старый большевик О. Розанова писала: «Огромным успехом пользуются среди рабочей массы тт. Подвойский и Ярославский...» Сам же Н. Подвойский подчеркивал, что именно ярославские ткачи сделали его революционером, у них он учился организованности, стойкости и мужеству.

Вскоре Северный комитет РСДРП поручил ему ответственную и опасную работу связного между ярославской, владимирской, вологодской, костромской и иваново-вознесенской партийными организациями. Выполняя ее, он познакомился со многими видными деятелями партии, прошел трудную школу искусства конспирации. Учителями

его были опытные подпольщики, в том числе один из блестящих конспираторов В. Р. Менжинский.

Широкий кругозор, внешние данные позволяли Николаю Подвойскому выступать в опасных поездках в разных «ролях». Войдя в купе или каюту и оценив наметанным глазом состав пассажиров, он мог поставить в угол футляр со скрипкой (с нелегальной литературой) и со знанием дела вести разговор о музыке. В другой раз — по вопросам римского права. А если была нужда — легко входил в контакт с лицами духовного звания и покорял их поразительными для светского человека знаниями церковных обрядов и священного писания.

На полных неожиданностей линиях связи, при транспортировке литературы, на подпольных явках Николая все чаще встречал высокую белокурую девушку — латышку Нину Дидрикуль. При каждой встрече у Николая замирало сердце. Ее синие глаза казались ему родниками. Нина была на два года моложе Николая, но за революционную деятельность уже дважды подвергалась аресту, сидела в одиночке, находилась под негласным полицейским надзором.

Украинский парубок Микола Подвойский и латышская девушка Нина Дидрикуль полюбили друг друга и пронесли свою любовь до последних дней жизни — через три революции, гражданскую и Великую Отечественную войны.

Осенью 1904 года Гулак и Резвая (подпольные клички Н. Подвойского и Н. Дидрикуль) были введены в состав Ярославского комитета РСДРП, работали рядом с О. А. Варенцовой, В. Р. Менжинским, А. М. Стопани, Е. М. Ярославским, Ц. С. Зеликсон-Бобровской. В ярославской охранке, вспоминал А. М. Стопани, Н. Подвойский и Н. Дидрикуль числились в списке «выдающихся руководителей местных преступных организаций». Комитет поручил Николаю Подвойскому, кроме пропагандистской, еще и организаторскую работу.

...«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года всколыхнуло Россию. Началась первая русская революция. Ярославль не остался в стороне. 17 января студенты лица по призыву руководимого Н. Подвойским студенческого комитета начали политическую стачку, которая продолжалась до осени. Члены Ярославского комитета РСДРП В. Р. Менжинский, Е. М. Ярославский, Н. И. Подвойский и прибывший в Ярославль Я. М. Свердлов проводили собрания и митинги; выполняя решения III съезда

РСДРП, развернули работу по созданию боевых дружин, по изучению оружия, тактики уличных боев. Николай Подвойский обучал дружинников стрельбе, метанию бомб, инструктировал руководителей дружин. Вместе с Е. М. Ярославским и В. Р. Менжинским он создал в расквартированном в городе Фанаторийском полку партийную организацию.

Весной большевики начали подготовку к первомайским демонстрациям. Начальник губернского жандармского управления 22 апреля сообщил директору департамента полиции список организаторов предстоящих выступлений. В нем числились: Я. М. Свердлов, М. С. Кедров, Н. И. Подвойский, Н. А. Дидрикуль и другие руководители комитета РСДРП. 1 мая они провели четыре мавевки и две демонстрации. Самая крупная мавевка прошла под Ярославлем, в лесу около села Иванково. Перед ее началом Нина Дидрикуль подняла над головой красный флаг и так держала его над каждым выступающим. В памяти Николая Ильича на всю жизнь запечатлелся этот образ: на фоне яркой зелени весенних берез — освещенная солнцем Нина с поднятым красным знаменем...

Сразу после майских выступлений Н. И. Подвойский и один из активных ярославских большевиков А. К. Гастев были посланы комитетом в Иваново-Вознесенск. Туда же приехали: из Москвы — М. В. Фрунзе, из Владимира — А. С. Самохвалов, посланцы других городов. Подвойский и Гастев приехали порознь. Николай уже бывал в этом городе. Быстро нашел явки, встретился с Трифониным (М. В. Фрунзе), а также с Отцом (Ф. А. Афанасьевым) и другими руководителями иваново-вознесенских большевиков, сразу же включился в организаторскую и пропагандистскую работу.

12 мая рабочие фабрики Бакулина начали стачку, к ней присоединились еще 43 предприятия. Она продолжалась 72 дня.

Воскресным днем 15 мая провел первое заседание первый в России Совет рабочих депутатов. Его председателем был избран гравер Авенир Ноздрин, а секретарем — электрик Иван Добровольский.

Весь май Подвойский провел в Иваново-Вознесенске, работая вместе с О. А. Варенцовой, Ф. А. Афанасьевым, Ф. Н. Самойловым, М. В. Фрунзе, А. С. Бубновым. Он стал одним из организаторов Совета, популярнейшим пропагандистом «университета на Талке».

Иваново-вознесенская стачка гулким эхом отозвалась

по всей России. В Ярославле поднялись рабочие железнодорожных мастерских, ткачи Большой мануфактуры. Подвойский отзывается в Ярославль.

В августе 1905 года ярославцы делегировали Николая Подвойского на Всероссийский съезд представителей студенческих организаций, созданный в Выборге по инициативе партии большевиков. В ожесточенной борьбе с меньшевиками, эсерами, кадетами делегаты-большевики добились принятия резолюции, требующей создания боевых студенческих отрядов, с тем чтобы в нужный момент они могли примкнуть «к общей политической забастовке и к вооруженному восстанию».

В октябре началась Всероссийская политическая стачка. В Ярославле к ней первыми присоединились железнодорожники, где революционную работу вел Николай Подвойский. За ними выступили ткачи, химики, табачники. Популярность Подвойского была уже настолько велика, что полиция решила изолировать его от масс. 14 октября без предъявления обвинения он был арестован и посажен в тюрьму «Коровники». Однако в тот же день состоялся городской митинг рабочих, студентов, прогрессивной интеллигенции, на котором прозвучало требование к губернатору освободить арестованного. К начальнику жандармского управления поступили данные о том, что рабочие в связи с арестом Н. Подвойского грозят всеобщей забастовкой, а студенты обсуждают план насильственного освобождения Подвойского. 16 октября Николай был выпущен из тюрьмы.

17 октября царь издал манифест о свободах, а через два дня Ярославский комитет РСДРП назначил общегородской митинг.

...19 октября колонны демонстрантов с разных концов города шли к манежу, где должен был состояться митинг. Подвойский вел несколько сот рабочих-железнодорожников и студентов. На углу Духовской и Романской улиц им преградила дорогу другая демонстрация — лавочников, приказчиков, уголовников. Над их головами колыхались иконы, портреты царя, а в руках были железные трости, крючья, на ремешках привязаны гири. Рядом с черносотенцами стояли казаки и полицейские. В коляске восседали губернатор Рогович и офицер жандармского управления Немчинов.

Двое студентов подошли к Роговичу и потребовали свободы демонстраций, только что объявленной царем. Губернатор рассвирепел:

— Я вам покажу свободу демонстраций! Убратъ знамя! Разойтись по домам!

Студенты были отброшены от коляски. Подвойский оглянулся. Демонстранты смотрели на него — своего вожака. Тогда Николай шагнул к губернатору, схватил лошадь за уздцы.

— Подвойский! — доложил Немчинов губернатору.

— Бей их! — услышал Николай хриплый голос Роговича и увидел кинувшихся к нему черносотенцев. Он отшвырнул одного, схватился с другим. Но тут на него навалились, обдавая винным перегаром, лавочники. Подвойского сбили с ног, стали избивать палками, крючьями. Он потерял сознание.

Пустив в ход револьверы, дружинники сумели вынести из свалки не подававшего признаков жизни Подвойского. В городской больнице врачи констатировали: семнадцать ранений, поврежден позвоночник, отбиты легкие. Или смерть, или инвалидность на всю жизнь. Дружинники увезли Подвойского на конспиративную квартиру, а потом Нина по заданию комитета тайно переправила его в Кострому. Николай часто терял сознание, не мог двигаться, говорить. Нина почти не отходила от него. Через месяц нелегальная квартира в Костроме была выслежена. Подвойского на носилках внесли в тюремный вагон и доставили в одиночную камеру Ярославской тюрьмы.

Три месяца почти без медицинской помощи продолжался его поединок со смертью. Большой поддержкой стало письмо В. И. Ленина, который, узнав о событиях в Ярославле и ранении Н. Подвойского, написал: «Вы исполнили свой долг, выполнили волю рабочего класса. Этим вы приняли посвящение в ряды солдат революции». Поддерживала и переписка с Ниной. «Не нужно больше ходить и просить о переводе в земскую больницу, бесполезно, — писал он ей 14 января 1906 года. — Я бодро, голубчик, перенесу заключение...» Но вскоре арестовали и Нину. Суд приговорил ее к пятилетней ссылке в Тобольскую губернию.

В мучительном одиночестве, на жестком, привинченном к полу топчане, упершись взглядом в полукруглый потолок камеры, подводил Николай итоги своей двадцатипятилетней жизни. Из лица он исключен, хотя остались лишь экзамены. Но главный экзамен он выдержал...

Дело Н. Подвойского получило широкую огласку. По поручению комитета РСДРП М. С. Кедров добивается его освобождения и разрешения на выезд за границу для

лечения. Власти пошли на уступку лишь потому, что считали: смерть Подвойского в камере нежелательна, пусть умрет на свободе.

...26 марта, 1906 год. Давно осталась позади Москва. Мерно стучат колеса, покачивается вагон. Подвойский не спит. Скоро Смоленск. Там второе место в закушленном товарищами купе займет медсестра Н. Сущева, которая будет сопровождать его в Германию. В Смоленске высокая, белокурая сестра милосердия в халате и косынке с красным крестом уверенно вошла в купе. Николай взглянул на нее и увидел... Нину. Товарищи устроили ей побег по дороге в ссылку и под именем Н. Сущевой поручили вывезти Подвойского за границу.

Несколько месяцев пролежал Н. Подвойский в клиниках Германии. Нина дни и ночи самоотверженно боролась за его жизнь и здоровье. В конце 1906 года он уже стал ходить. Они перебрались в Швейцарию. Сносное питание, горный воздух быстро восстанавливали здоровье Николая Ильича. Чтобы не терять время, он слушает лекции на естественно-философском и экономическом факультетах Бернского университета, изучает немецкий язык, штудирует марксистскую литературу.

...Наступил 1907 год. Революция в России потерпела поражение. Свирепствовала реакция. Революционеров тысячами отправляли на виселицу, на каторгу, в ссылку. Таяли ряды большевиков. В Берне появились первые эмигранты.

Николай Ильич и Нина Августовна решили, что место их сейчас в России. В сентябре 1907 года Николай Ильич получил зашифрованные явки, пароли и выехал в Россию на профессиональную революционную работу. Дождавшись документов, приехала и Нина Августовна.

В условиях реакции В. И. Ленин развернул борьбу за сохранение партии и чистоту ее теории. Возникла острейшая нужда в марксистской литературе, в собственном партийном издательстве. Осенью 1907 года М. С. Кедров на деньги, полученные по наследству, основал в Петербурге легальное большевистское издательство «Зерно». ЦК поручил ему, Н. С. Ангарскому и Н. И. Подвойскому организовать выпуск партийной литературы.

Кедровы и Подвойские поселились вместе на Невском, при издательстве. Они были не только единомышленниками, но и родственниками. Нина Августовна была сестрой жены Кедрова — Ольги Августовны.

— Знаете, чем закончится ваша работа в издательстве? — спросила как-то Ольга Августовна за чаепитием.

— Представляем, — усмехнулся Михаил Сергеевич, — арестом.

— Поэтому надо спешить, — серьезно добавил Николай Ильич.

Сначала выпустили «Календарь для всех на 1908 год». В нем были помещены статьи В. И. Ленина, М. С. Ольминского, Н. Н. Батурина. Успели распространить 60 тысяч экземпляров — остальные конфисковала полиция. По заданию ЦК начали работу над первым собранием сочинений В. И. Ленина — сборником «За 12 лет». Работы В. И. Ленина под контролем автора готовила к печати Нина Августовна. В ноябре 1907 года выпустили первый том, успели распространить значительную часть тиража — на остальную был наложен арест. Та же участь постигла первую часть второго тома. Выпустили в свет «Историю Российской социал-демократической рабочей партии» М. Н. Лядова, ряд популярных марксистских брошюр. Но 27 апреля полиция произвела налет на издательство, конфисковала 17 тысяч экземпляров книг и брошюр 92 названий. М. С. Кедров и Н. И. Подвойский получили по 3 года тюрьмы.

Снова одиночная камера, но теперь уже в Петербурге, на Шпалерной. В одиночке неокрепшее здоровье Николая Ильича резко ухудшилось, и его перевели в общую камеру. Здесь он встретился с участниками вооруженных восстаний в Свеаборге, Кронштадте, Москве и других городах. Большевики вместе анализировали причины поражений. Становилось ясно, что необходимо глубоко изучать военное дело. К этому настойчиво призывал и В. И. Ленин. В камеры по заказам узников потоком поплыли книги по военной стратегии, тактике, артиллерии, фортификации. Подвойский потом шутил, что в тридцать лет стал юнкером революции. Занятия военным делом несколько облегчали тоску по воле, по семье, по дочке Оле-се, родившейся, пока он был в тюрьме.

В июле 1910 года с помощью товарищей Н. И. Подвойскому удалось по состоянию здоровья досрочно вырваться на свободу, правда, без права проживания в Петербурге и Москве. Он уехал в Лунево Костромской губернии к родственникам, где Нина Августовна выходила его, поставила на ноги. Едва окрепнув, Николай Ильич по заданию ЦК выехал на подпольную работу в Баку. Снова — чужой паспорт, явки, борьба с филерами. В «ма-

зутной армии» рабочих-нефтяников он прошел еще одну великодушную школу пролетарской борьбы.

В 1911 году под предлогом необходимости лечения в столичных клиниках удалось добиться разрешения на легальное проживание Н. И. Подвойскому в Петербурге. Николай Ильич стал работать в большевистской газете «Звезда».

С началом нового революционного подъема ЦК РСДРП принял решение о выпуске ежедневной массовой газеты. Николаю Ильичу, как человеку энергичному и напористому, было поручено создание ее материально-технической базы. Он справился с этим труднейшим заданием. 22 апреля (5 мая) 1912 года вышел первый номер «Правды». Николай Ильич был введен в состав редакции. Вместе с К. С. Еремеевым он вел отдел рабочих корреспондентов, создавая рабкоровскую сеть, писал передовицы, готовил к печати материалы. По воспоминаниям Н. И. Подвойского, он с 1912 года учился быть администратором, редактором и литератором.

...Петербург, Галерная, 5. Квартира с маленькими окнами под потолком была неудобной для жилья, зато располагалась в доме с проходным двором, рядом с почтой. В ней и поселились Подвойские. Квартира была превращена в перевалочный пункт связи с заграницей, переправки людей, переписки, транспортировки литературы. Николай Ильич стал адресатом связи находившихся за границей В. И. Ленина и ЦК с петербургскими большевиками, редакцией «Правды», большевистской фракцией в IV Государственной думе. Одновременно он готовил и посылал В. И. Ленину ценные статистические материалы.

Дом на Галерной стал привлекать внимание охранки. Это сразу заметили Подвойские. Пришлось перебраться в Парголово. Но наиболее подходящим местом оказалась Куоккала — близко к Петербургу, и граница с Финляндией. Здесь же поселилась сестра В. И. Ленина Анна Ильинична. Вновь бесперебойно заработал пункт связи.

С началом первой мировой войны самодержавие, пользуясь законами военного времени, обрушило репрессии на большевиков. Были закрыты все газеты. Не было ни одного партийного комитета, который не подвергся бы разгрому. Петербургский Комитет стал первой жертвой. За решетку попали многие его руководители. Оборвалась связь с В. И. Лениным и ЦК. Больничная касса Путиловского завода, секретарем которой Н. И. Подвойский был

избран в 1913 году, стала прикрытием нелегального центра комитета, местом явок, собраний.

Вскоре в Петроград приехал бежавший из ссылки М. В. Фрунзе. Старый товарищ посоветовал ему обратиться в больничную кассу Путиловского завода. Подвойский был чрезвычайно рад встрече с удивленным и тоже обрадованным Трифоновым. Вспомнили Иваново-Вознесенск, первый Совет. Николай Ильич рассказал, что там прошли массовые аресты, комитет разгромлен. Фрунзе заявил, что немедленно выедет в Иваново-Вознесенск. Подвойский покачал головой:

— Там все вас знают. Больше двух недель не продержитесь. Сейчас под ружье поставлены миллионы крестьян и рабочих. Надо армию поворачивать на сторону революции. Сейчас вы нужнее всего в армии.

Михаил Васильевич, снабженный паспортом на имя Михайлова, уехал на военную работу в Минск.

Как и в Ярославле в 1905 году, Николай Ильич и Нина Августовна перебиваются на скудные заработки за поденную работу статистиков. Да и на нее остаются только ночи. Семья Подвойских живет впроголодь. А в ней уже трое детей — Олеся, Лев, Лида. Если бы не помощь сестер Николая Ильича — Феофании и Марии — да брата Ивана, то было бы совсем туго.

В феврале 1915 года партии удалось восстановить журнал «Вопросы страхования». Он стал единственным легальным большевистским журналом вплоть до 1917 года. Его редактирование было поручено хорошо знавшему страховое дело и статистику Н. И. Подвойскому. Туда же пришла работать Нина Августовна.

К тому времени наладилась связь с В. И. Лениным, удалось восстановить партийные комитеты. В конце 1915 года вновь стало функционировать Русское Бюро ЦК, в финансовую комиссию которого вошел Николай Ильич.

Несколько раз на квартире Подвойских производились обыски. Но для полиции они оказывались безрезультатными. Однако 16 ноября 1916 года охранка предприняла крупную акцию — за одну ночь арестовала более 90 большевиков-руководителей. В их числе в пятый раз, теперь уже по обвинению «в организации Бюро ЦК и сотрудничестве в заграничном «Социал-демократе», арестован был и Н. И. Подвойский. В ордере было предписано: «арестовать независимо от результатов обыска».

...День за днем, недели, месяцы меряет Николай Иль-

ич нетерпеливыми шагами одиночку в «Крестах». Наконец в конце февраля 1917 года состоялся суд, приговоривший его к ссылке в Сибирь. Перед отправкой дали три дня на прощание с близкими. Но именно в эти дни грянула Февральская революция. Не помышляя о возвращении в «Кресты», Николай Ильич вместе с большевиком Г. В. Елиным вывел на улицы солдат бронедивизиона. Они захватили дворец Кшесинской, который превратился в штаб большевистской партии.

Н. И. Подвойский сразу же был введен в состав восстановленного Петербургского Комитета РСДРП, стал членом его исполнительной комиссии, а также членом Исполкома Петроградского Совета. Помощником секретаря ПК была назначена Нина Августовна.

В марте для работы в войсках гарнизона была образована Военная организация при Петербургском Комитете РСДРП во главе с Н. И. Подвойским. В ее бюро входили: В. И. Невский, солдаты К. А. Мехоношин и Г. В. Елин, подпоручики П. В. Дашкевич и А. И. Ильин-Женевский и другие.

Военная организация, или «Военка», как ее стали называть, приступила к созданию партийных организаций в войсках, к налаживанию их работы среди солдат. Часть солдатских комитетов оказалась под влиянием эсеров и меньшевиков. Они всячески препятствовали большевистской агитации. В те дни появление большевика-агитатора в казарме часто было связано с риском быть избитым. И вряд ли молодые работники «Военки» справились бы со своей задачей, вспоминал потом Н. И. Подвойский, если бы не возвращение В. И. Ленина из эмиграции.

...Ранним утром 3 апреля перед дежурившим во дворце Кшесинской Н. И. Подвойским появилась встревоженная младшая сестра В. И. Ленина.

— Что случилось, Мария Ильинична?

— Вечером приезжает Владимир Ильич. Вот телеграмма из Торнео. Никого из ЦК нет. Что делать?

Подвойский усадил ее, успокоил, налил чаю. А сам в это время лихорадочно думал: сегодня второй день пасхи, заводы стоят, солдаты отпущены в город, учреждения закрыты... Как оповестить руководителей партии, партийные организации, как собрать рабочих и солдат для встречи? Неожиданно пришла мысль: надо использовать технику лавинообразного распространения слухов.

В тот день дворец охраняли большевистски настроенные солдаты мастерских бронедивизиона. Тут же был их

вожак — член «Военки» Г. В. Елин. Николай Ильич вызвал его:

— Георгий Васильевич! Давай сюда твоих большевиков. Кто на постах, подмени беспартийными. Потом объясню. Быстро!

Елин непонимающе пожал богатырскими плечами и ушел.

— Мария Ильинична! Какие адреса членов ЦК, ПК, правдистов вы помните? Диктуйте.

Николай Ильич записал несколько адресов, добавил от себя. Пришли солдаты-большевики из охраны. Николай Ильич сказал каждому адрес, заставил повторить, чтобы не забыли.

— Пойдете по адресу. Скажите, что от Подвойского. Сообщите, что вечером приезжает товарищ Ленин. От моего имени попросите тут же оповестить членов ЦК, ПК, редакции «Правды», адреса которых данному товарищу известны. А те передадут дальше. Сами же пусть придут во дворец Кшесинской.

Солдаты ушли. Заулыбался черноусый Елин, облегченно вздохнула Мария Ильинична.

— Не волнуйтесь, — сказал, провожая ее, Николай Ильич. — Часа через полтора все будут здесь.

А в голове его уже зрел план встречи вождя: во-первых, выставить почетный караул из солдат и моряков, во-вторых, построить у Финляндского вокзала революционно настроенные полки, причем в сопровождении хотя бы одного броневика. Его должен вывести Елин. В прошлом рязанский крестьянин, потом рабочий, ныне вожак большевиков бронедивизиона, Елин знал, что за самовольный вывод броневика грозит военно-полевой суд, но колебался недолго. Он сразу понял политическое значение задуманной Подвойским демонстрации.

Днем работники ЦК, ПК, «Военки» оповестили партийные организации заводов, войсковых частей. Активисты ПК и «Военки» пронесли по улицам транспаранты с сообщением о приезде В. И. Ленина и призывом к рабочим и солдатам собраться на заводах и в полках. О приезде Владимира Ильича вскоре узнал весь город.

...Когда В. И. Ленин ступил на перрон Финляндского вокзала, отряд матросов по команде взял «на караул», военно-морской оркестр грянул «Марсельезу». Начальник караула, печатая шаг, подошел к В. И. Ленину и отдал рапорт. В. И. Ленин обратился к присутствующим с краткой речью, которую закончил историческим

призывом: «Да здравствует социалистическая революция!» На освещенной прожекторами привокзальной площади в стройных колоннах его ожидали тысячи рабочих, красногвардейцев, матросов, солдат, тут же стояли два броневика. На одном из них, ставшим передвижной трибуной, он доехал до дворца Кшесинской. За рулем броневика сидел солдат М. С. Оганьян, а справа и слева, держась за крылья, шли Н. И. Подвойский и Г. В. Елин.

С приездом В. И. Ленина партия взяла курс на социалистическую революцию. Перед Военной организацией встала задача преодолеть эсеро-меньшевистские, оборонческие настроения среди солдат гарнизона. В беседах с Н. И. Подвойским В. И. Ленин посоветовал перестроить агитационную работу в войсках — отказаться от больших собраний, митингов, посвятить в полки сотни агитаторов и в беседах с небольшими группами солдат разъяснять четыре самых близких им вопроса: о мире, о земле, о власти, о рабочем контроле. По мнению В. И. Ленина, лучше всего для выполнения этой работы подходили моряки, сыгравшие большую роль в Февральской революции.

«Военка» вызвала из Кронштадта несколько сот моряков. Они собрались в большом, облицованном белым мрамором зале дворца Кшесинской. Их распределили по полкам, для большей безопасности — группами.

— Не начинайте с митингов, — инструктировал их Н. И. Подвойский, — работайте с маленькими группами, отрывайте их от эсеро-меньшевистских солдатских комитетов. Митингом можно завершить работу. Не уходите, пока полк не станет большевистским. Ешьте, спите с солдатами... и агитируйте!

Действительно, вспоминал потом Н. И. Подвойский, некоторые агитаторы не выходили из казарм по 5—7 дней. Потом приходили в «Военку» и докладывали: такой-то полк идет за большевиками. Двухнедельный поход агитаторов в полки закончился успешно.

В апреле — мае Военная организация перешла в подчинение ЦК партии. По инициативе Н. И. Подвойского она наладила издание своей газеты — «Солдатская правда». В. И. Ленин предупредил Николая Ильича:

— Если вы станете выпускать газету для солдат, ничего не выйдет, надо, чтобы это была солдатская газета, — Владимир Ильич сделал ударение на слове «солдатская». — Вы понимаете меня? Если писать в нее будут сами солдаты, тогда и читателей своих она заинтересует.

В. И. Ленин постоянно следил за «Солдатской правдой». В ней было опубликовано около 60 его статей и речей. По воспоминаниям Н. И. Подвойского, каждое утро, часа через два после доставки газеты, он приходил к В. И. Ленину, который указывал, что ему понравилось в номере, какие материалы он считает неудачными. Средний тираж газеты составлял 50 тысяч экземпляров, но иногда доходил до 75 тысяч. Почти половина тиража отправлялась на фронт. Вскоре «Солдатская правда» наряду с «Правдой» стала самой любимой у солдат и самой ненавистой у буржуазии и соглашателей.

Н. И. Подвойский непрерывно искал способы усиления влияния «Военки», новые формы ее работы. Так, Военная организация открыла во дворце Кшесинской солдатский клуб, получивший у солдат название «Клуб «Правды». Он работал без перерыва с раннего утра до глубокой ночи. Ходоки с фронта, из провинциальных гарнизонов, солдаты и матросы столицы могли прийти сюда в любое время и попасть на лекцию, беседу, встречу с членами ЦК, ПК, «Военки», получить ответы на самые животрепещущие вопросы. Авторитет клуба был настолько велик, что через две недели после открытия в нем насчитывалось более трех тысяч членов. Такие клубы стали создаваться и в других местах.

Усилению большевистской агитации в войсках способствовало открытие Военной организацией курсов агитаторов. Вскоре, вспоминал впоследствии Н. И. Подвойский, мы имели только в Петрограде более двухсот солдатских агитаторов. Такие же курсы были созданы местными военными организациями в Москве, Кронштадте, Ревеле, Риге, Минске и других городах. По заданию ЦК Военная организация была привлечена к работе по большевизации стихийно возникших в те дни рабочих и солдатских землячеств.

Наряду с интенсивной агитационно-пропагандистской работой в частях Военная организация включилась в решение важнейшей задачи партии — создание, вооружение и обучение Красной гвардии.

Результаты целеустремленной работы партии, ее Военной организации ярко проявились в грандиозной демонстрации, проведенной ЦК, ПК и «Военкой» 18 апреля (1 мая) 1917 года. В ней участвовали В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин, Н. И. Подвойский. На Марсовом поле, заполненном многими тысячами рабочих, солдат и матросов, ораторы вы-

ступали одновременно со 167 трибун! Демонстрация прошла под большевистскими лозунгами.

К маю военные организации были созданы и активно действовали во многих частях и соединениях фронта и тыловых гарнизонах. В целях усиления работы партии в армии, а также для распространения опыта работы военных большевиков Петрограда, ЦК РСДРП(б) по предложению Н. И. Подвойского принял решение о созыве Всероссийской конференции военных организаций. ЦК образовал бюро по подготовке конференции во главе с Н. И. Подвойским.

Для Николая Ильича наступили дни предельной нагрузки. Бюро только с 31 мая по 5 июня направило на фронт и в гарнизоны 120 инструктивных писем, командировало туда многих активистов «Военки». Повсюду в частях и гарнизонах шли многочисленные митинги и собрания, на которых не только избирались делегаты на конференцию, но и непременно обсуждались животрепещущие политические вопросы. Направляла подготовительную работу «Солдатская правда», тираж которой в те дни достиг 100 тысяч экземпляров.

Деятельность Военной организации была настолько интенсивной, что она насторожила даже некоторых членов ЦК. По воспоминаниям Н. И. Подвойского, Каменев озобоченно заявил, что Военная организация по ряду вопросов опережает ЦК. На это В. И. Ленин ответил ему, что в этом ничего плохого нет, просто Военная организация делает то, что должен был делать ЦК.

Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) открылась 16 июня в особняке Кшесинской. На нее съехались 167 делегатов 43 фронтовых и 17 тыловых военных организаций, объединивших 26 тысяч большевиков. «Особняк, — вспоминала участница конференции, член Военной организации М. Л. Сулимова, — заполнили грубоватые, обветренные, громко разговаривающие люди в серых шинелях и матросских бушлатах. Некоторые из них и здесь не расставались с оружием: одни сжимали винтовки, у других на поясах болтались маузеры и наганы, гранаты. Многие приехали прямо с передовых позиций...»

О значении, которое ЦК РСДРП(б) придавал конференции, говорит тот факт, что доклады о текущем моменте и по аграрному вопросу были поручены В. И. Ленину, по национальному вопросу — И. В. Сталину. Н. И. Подвойский сделал доклад о целях, задачах и формах Воен-

ной организации партии. Вся работа конференции была пронизана ленинскими идеями. Она одобрила решения VII (Апрельской) конференции партии большевиков, выразила поддержку ее Центральному Комитету, проанализировала опыт и сформулировала задачи военной работы большевиков, избрала Всероссийское центральное бюро военных организаций. Его председателем стал Н. И. Подвойский. В бюро вошли также В. И. Невский, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, М. С. Кедров, Е. Ф. Розмирович и другие. Конференция показала, что пролетарская и в значительной мере полупролетарская часть армии прочно стоит на революционных позициях.

Военная организация при ЦК РСДРП(б) получила мощный заряд для расширения и углубления своей работы. Н. И. Подвойский бросил все силы «Военки» на выполнение решений конференции. Один из руководителей Военной организации, А. Ф. Ильин-Женевский, писал: «Подвойский был главным организатором и вообще душой Военной организации, Невский — главным и любимейшим солдатским агитатором-учителем. Невский как бы взрыхлял девственную почву политического сознания солдатско-крестьянских масс, а Подвойский заседал их семенами дисциплины и организации... Неумоимости того и другого можно было прямо удивляться. Можно смело сказать, что по крайней мере две трети всей работы лежали на плечах этих товарищей».

К началу июля революционные настроения в Петрограде настолько накалились, что рабочие и солдаты стали требовать от большевиков немедленного захвата власти. Однако В. И. Ленин, ЦК РСДРП(б) считали, что провинция и фронт в целом пока еще не идут за большевиками. В этих условиях вооруженное выступление в Петрограде не может получить поддержки в стране. Оно лишь послужит поводом для открытого контрреволюционного выступления буржуазии.

Удержать массы не удалось, но большевики сумели придать выступлению мирный характер. Демонстрация состоялась 4 июля, и с согласия эсеро-меньшевистского ЦИК была расстреляна Временным правительством.

В ту же ночь была разгромлена «Правда», при этом В. И. Ленин лишь случайно избежал ареста, уйдя из редакции за полчаса до налета.

Командующий округом генерал Половцев сколотил отряд с орудиями и броневиками для захвата штаба партии большевиков — особняка Кшесинской. Н. И. Подвойский,

находившийся в особняке, располагал отрядом охраны из 120 матросов и 60 солдат. Вместе с активистами «Военки» он организовал оборону дворца и эвакуацию документов ЦК, ПК, Военной организации, «Солдатской правды» в Петропавловскую крепость. Командир правительственного отряда Козьмин по телефону ультимативно потребовал очистить дворец, а охране сложить оружие. Не назвавший себя Подвойский под предлогом того, что надо связаться с кем-нибудь из ЦК или «Военки», «выторговал» 45 минут. Потом еще 30 минут. Значительная часть документов была уже в безопасности. Николай Ильич приказал охране покинуть дворец, броском достигнуть Петропавловской крепости и укрыться за ее стенами. Сам же замешкался, отдавая последние распоряжения коменданту. Ворвались погромщики. «Им чудились, — вспоминал потом Н. И. Подвойский, — бомбы, взрывы, пулеметы, пушки, и они, обезумев от ожидаемых в штабе большевиков ужасов, ничего не соображали, ничего не видели и носились по двору, саду и кабинетам с ружьями наперевес, с револьверами на взводе, обнаженными пашками, готовые все разрушить и... удрать при возникновении действительной опасности». В этой суматохе Подвойскому, одетому, как и погромщики, в солдатскую форму, удалось ускользнуть из дворца.

Временное правительство объявило о розыске и аресте В. И. Ленина, членов ЦК и руководителей Военной организации, об отдаче В. И. Ленина под суд.

Но уже 9 июля Никлин (Н. И. Подвойский) на нелегальной квартире в Невском районе провел совещание с оставшимися на свободе членами Бюро и активистами «Военки»: В. И. Невским, М. С. Кедровым, Е. Ф. Розмирович, А. С. Киселевым, А. Ф. Ильиным-Женевским, С. А. Черепановым. Было решено приступить к восстановлению военных партийных организаций, используя при этом легальные и нелегальные формы работы.

После июльского расстрела политическое положение в стране изменилось, и ЦК принял решение о созыве VI съезда партии. 21 июля Н. И. Подвойский провел делегатское собрание представителей уже восстановленных партийных организаций частей. Оно избрало его делегатом VI съезда партии.

В эти трудные дни Н. И. Подвойский и М. С. Кедров сделали, кажется, невозможное — 23 июля двадцатипяти тысячным тиражом выпустили новую газету с многозначным названием «Рабочий и солдат». Я. М. Свердлов от-

вез ее первый номер в Разлив В. И. Ленину и очень обрадовал его этим событием. Партия вновь обрела голос. С 4 августа «Рабочий и солдат» стал органом ЦК РСДРП (б).

26 июля открылся VI съезд партии. На пятом, утреннем заседании по поручению ЦК с докладом о работе Военной организации выступил товарищ Николай (Н. И. Подвойский). Делегаты с удовлетворением встретили его аргументированное сообщение о том, что и после июльских событий влияние большевиков в войсках не уменьшилось, а Красная гвардия не выпустила из рук оружие. Съезд принял обоснованный В. И. Лениным курс на вооруженное восстание. Формирование армии революции стало самой главной политической и организационной задачей «Военки». Она усилила работу в войсках, особенно в Петроградском гарнизоне. «Кто командует гарнизоном, тот диктует свою волю», — неоднократно повторял Н. И. Подвойский.

Другой важнейшей заботой Военной организации стала Красная гвардия — главная ударная сила революции. «Военка» создала инструкторско-методическую комиссию, сформировала инструкторский и снабженческий аппараты, уточнила программы обучения и организационную структуру Красной гвардии. Во второй половине августа при Военной организации были открыты курсы инструкторов Красной гвардии, превращенные вскоре во всероссийские. Потребность в инструкторах в связи с расширением Красной гвардии быстро росла. «Мы не знали ни дня, ни ночи, — писал Н. И. Подвойский, — работали почти круглосуточно, но сначала требовалось 75 инструкторов, через 5 дней — 400, а затем 1000 инструкторов».

Разгром корниловщины изменил политическую обстановку в стране. Массы на опыте распознали суть эсеро-меньшевистских соглашателей, фактически прикрывавших и защищавших буржуазию. Авторитет большевиков резко вырос. Началась большевизация Советов. Партия вновь выдвинула лозунг: «Вся власть Советам!» Но теперь он означал вооруженное восстание.

Исходя из общей линии ЦК, Военная организация 4 сентября провела совещание 230 представителей партийных организаций 68 частей, на котором Н. И. Подвойский поставил задачу подготовки к захвату власти. По указанию В. И. Ленина, под вывеской курсов организаторов выборов в Учредительное собрание «Военка» 24 сентября открыла школу вожakov восстания. В ней

прошло обучение более 400 человек. «Школа, — писал Н. И. Подвойский, — работала со своими учениками от зари до зари... Где бы мы впоследствии ни встречались с руководителями восстания, мы почти всегда видели в этой роли бывших курсантов школы восстания».

В конце сентября В. И. Ленин шлет в ЦК письма, в которых дает тщательно продуманный план восстания, определяет его место — Петроград, считает необходимым сформировать штаб восстания. 10 октября по предложению В. И. Ленина ЦК принял решение о восстании и избрал Политбюро из 7 человек для руководства им. 12 октября по предложению большевиков Петроградский Совет создал штаб восстания — Военно-революционный комитет (ВРК) и утвердил положение о нем. В состав ВРК вошли представители Петроградского Совета, Военной организации, профсоюзов. ВРК избрал Бюро из большевиков В. А. Антонова-Овсеевко, Н. И. Подвойского, А. Д. Садовского и левых эсеров П. Е. Лазимира и Г. Д. Сухарькова. Председателем Бюро был избран П. Е. Лазимир. Это пока устраивало большевиков, так как облегчало привлечение на сторону восставших солдат и крестьян, идущих за левыми эсерами. 14 октября В. И. Ленин на конспиративной квартире машиниста Г. Ялавы встретился с Ф. Э. Дзержинским, В. А. Антоновым-Овсеевко, Н. И. Подвойским, В. И. Невским и М. С. Кедровым и обсудил с ними практические вопросы организации восстания. 16 октября ЦК образовал партийный центр по руководству восстанием в составе Я. М. Свердлов, И. В. Сталина, А. С. Бубнова, М. С. Урицкого и Ф. Э. Дзержинского. Партийный центр вошел в Военно-революционный комитет.

Восстание должно было начаться со дня на день. 20 октября поздно вечером Я. М. Свердлов сказал Н. И. Подвойскому, что его, а также В. А. Антонова-Овсеевко и В. И. Невского на конспиративной квартире ждет В. И. Ленин.

На встрече с В. И. Лениным Антонов-Овсеевко и Невский доложили о готовности к восстанию Балтфлота и расположенных в Финляндии частей. В. И. Ленин предложил им немедленно выехать в эти районы, а также на Северный фронт, чтобы еще раз проверить и ускорить подготовку к восстанию. Николай Ильич доложил о готовности Красной гвардии и революционных частей Петрограда. В конце добавил, что Военная организация командировала своих представителей на фронт, чтобы обес-

печить поддержку восстания со стороны действующей армии.

Беседа закончилась далеко за полночь. Николай Ильич, вернувшись, поставил на ноги весь актив Военной организации и буквально за день выполнил основные указания Владимира Ильича.

В тот же день ВРК послал своих комиссаров в части гарнизона и в штаб округа. По решению Военной организации с 21 октября революционные части гарнизона стали выполнять только приказы ВРК. 22 октября Я. М. Свердлов и Н. И. Подвойский провели общегородскую конференцию Красной гвардии, по решению которой она была переведена на казарменное положение. Для охраны Смольного и выполнения чрезвычайных поручений было выделено 1500 красногвардейцев.

Наступало время решительных действий. Утром 24 октября Н. И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеевко после консультационной встречи с секретарем ЦК Я. М. Свердловым дали гарнизону «Предписание № 1» Военно-революционного комитета, которым привели революционные части гарнизона в боевую готовность. Подвойский, подписывая днем приказы «за председателя» ВРК, привел в боеготовность Петропавловскую крепость, назначил А. Бельшева комиссаром «Авроры», приказал 2-му пулеметному полку закрыть пути подхода юнкеров из Ораниенбаума и Петергофа, а Гренадерскому полку — подготовить команды для охраны мостов, соединяющих центр с рабочими районами.

ВРК поручил Н. И. Подвойскому, В. А. Антонову-Овсеевко и Г. И. Чудновскому выработку окончательного плана восстания. Они положили в его основу ленинский план: силами рабочих, флота и солдат окружить и отрезать Петроград, захватить телефонную станцию, телеграф, вокзалы, мосты, арестовать Генеральный штаб и Временное правительство.

Однако практические действия восставших еще не носили наступательного характера. В. И. Ленин, видя это, без санкции ЦК в десятом часу вечера, рискуя жизнью, пришел в Смольный и, как вспоминал Н. И. Подвойский, пустил машину восстания на полный ход. С этого момента Н. И. Подвойский стал председателем Военно-революционного комитета.

В ночь на 25 октября ЦК, ВРК и Военная организация действовали под руководством В. И. Ленина как единый механизм. Все нити восстания сходились в Смольный.

К утру все ключевые объекты без боев и кровопролития оказались в руках восставших. Зимний и Маринский дворцы, где заседали Временное правительство и Предпарламент, были окружены. Керенский под прикрытием дипломатической машины с американским флагом бежал. Военно-революционный комитет в написанном В. И. Лениным обращении «К гражданам России» объявил о взятии власти в свои руки. Днем на заседании Петроградского Совета В. И. Ленин провозгласил: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

ВРК приступил к перегруппировке сил для взятия Зимнего дворца, где все еще «заседало» Временное правительство. Для руководства штурмом полевой штаб во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко переместили в Петропавловскую крепость. Для непосредственного управления атакующими возле Зимнего создали еще два штаба: во главе с К. С. Еремеевым — в Павловских казармах, во главе с Г. И. Чудновским — в казармах 2-го Балтийского экипажа. Н. И. Подвойский координировал их действия из Смольного. Было установлено, что в 9 часов вечера на мачте в Петропавловской крепости будет поднят красный фонарь, по которому «Аврора» даст холостой выстрел — сигнал начала штурма.

К вечеру кольцо вокруг Зимнего сжалось до предела.

Ночью лавина восставших поднялась в атаку. Среди них был и Н. И. Подвойский, находившийся в цепях Павловского полка.

Почти час потребовался для того, чтобы очистить более тысячи комнат Зимнего дворца. В Малой столовой В. А. Антонов-Овсеенко обнаружил министров Временного правительства и арестовал их. Н. И. Подвойский отправил в Смольный сообщение о взятии Зимнего и аресте Временного правительства. Он взглянул на свой хронометр — было 2 часа 10 минут.

До рассвета
осталось
не больше аршина, —
руки
лучей
с востока взмолнены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
В Смольный».

В Смольном В. И. Ленин выслушал короткий доклад Н. И. Подвойского. Он не стал вникать в детали штурма. Но на слова Николая Ильича: «Теперь все кончено», — энергично покачал головой:

— Все только начинается. Теперь вам, военным работникам партии, предстоит организовать вооруженную защиту республики.

Рано утром 26 октября Н. И. Подвойский после двухчасового отдыха был уже в бурлящем Смольном.

В первый день Советской власти ВРК заседал и действовал одновременно и непрерывно. Решения по всем вопросам принимались немедленно, без согласований и консультаций. Короткие приказы и распоряжения разрабатывались и подписывались тут же и сразу вручались или отправлялись исполнителям. Отгородиться хоть на короткое время от посетителей не удавалось. Они шли прямо на заседание. Их не просили подождать. Один-два члена ВРК отходили с ними в угол и решали их неотложные дела. Это своеобразное заседание продолжалось практически без перерыва и часто без протокола и ночью, и на следующий день.

А. В. Луначарский назвал эту работу ВРК ошеломляющей.

Вечером 26 октября Н. И. Подвойский был на заседании 2-го Всероссийского съезда Советов. Съезд принял Декреты о мире, о земле, сформировал Советское правительство — Совет Народных Комиссаров. В составе СНК был образован Комитет по военным и морским делам.

Съезд закончил работу в шестом часу утра. А днем стало известно, что по приказу Керенского генерал Краснов бросил в наступление на Петроград дивизии донских и уссурийских казаков, около тысячи юнкеров, сотни солдат, бронепоезд. Красновцы уже заняли Гатчину, шел бой под Красным Селом. Возникла реальная угроза Петрограду. Вечером ЦК РСДРП(б), СНК и ВРК образовали комиссию во главе с В. И. Лениным для руководства обороной города.

В. А. Антонов-Овсеенко, назначенный командующим, а также К. А. Мехоношин, Н. В. Крыленко, В. И. Невский выехали в штаб округа, чтобы оттуда, используя его аппарат и каналы связи, руководить действиями революционных войск. Н. И. Подвойский, занятый отправкой на передовую революционных частей и Красной гвардии, время от времени звонил в штаб округа и справлялся о ходе боевых действий. Противоречивые ответы вызвали в

нем беспокойство. Он выехал в штаб. Не спавший много суток Антонов-Овсеев был до предела измотан. Подвойский понимал, что Антонову-Овсееву надо дать отоспаться. Но красновцы уже под Петроградом. Выход один — немедленно сменить командующего. С разрешения В. И. Ленина Подвойский собрал работников ВРК и «Военки», объяснил обстановку.

— Кто возьмет на себя командование фронтом? — спросил он.

Все молчали. Никто из них фронтом не командовал и не знал, справится ли, сумеет ли в такой ответственный момент организовать действия революционных войск. Тогда Н. И. Подвойский заявил:

— Считаю партийным долгом принять командование на себя.

Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, В. И. Невский и другие одобрили его решение. Н. И. Подвойский доложил об этом В. И. Ленину.

— Считайте, что вы утверждены ЦК командующим Петроградским военным округом и фронтом, — сказал Владимир Ильич. — Руководство Военной организацией и Военно-революционным комитетом с вас не снимается. Надо слить их работу, не теряя ни минуты, покончить с неразберихой, организовать четкие действия войск.

Н. И. Подвойский перенес штаб обороны в Смольный и, опираясь на поддержку ЦК, ВЦИК и СНК, энергично взялся за выполнение поставленной В. И. Лениным задачи.

Ночью 29 октября, в самое напряженное время организации обороны, в Петрограде вспыхнул мятеж юнкеров. Руководимые контрреволюционным «Комитетом спасения родины и революции», юнкера захватили телефонную станцию, телеграф, банк и другие учреждения. В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, Н. И. Подвойский и другие работники ЦК, ВРК и Военной организации предприняли энергичные меры, чтобы за несколько ночных и утренних часов сформировать и вооружить отряды рабочих. Эти отряды под командованием активистов «Военки» к середине дня подавили мятеж, разоружили юнкеров, взяли под контроль все военные училища.

На следующий день красновцы нанесли удар по центру фронта — Пулковским высотам, но взять их не смогли. Фронт замер. Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин пришли к выводу, что силы красновцев

иссякли, и решили бросить резерв — шесть столичных полков.

31 октября пришла весть о начале контрнаступления революционных войск, о взятии ими Царского Села. Получив ее, Н. И. Подвойский без сил опустился на стул. Делегат 2-го Всероссийского съезда Советов Я. Р. Елькович, видевший Николая Ильича в те дни, писал: «Достаточно поглядеть на его посеревшее от безумной усталости лицо, на его покрасневшие от многих бессонных ночей глаза, чтобы понять: обычный предел человеческих сил, самой высокой человеческой выносливости уже пройден. Кажется, стоит только ему на минуту прислониться к стене, и он мгновенно уснет. Но нет, Великий Октябрь уже в процессе подготовки вооруженного восстания перечеркнул все обычные человеческие пределы».

С началом наступления напряженность работы Н. И. Подвойского по разгрому войск Керенского — Краснова несколько спала, и он взялся за упорядочение работы ВРК, ставшего после съезда Советов исполнительным органом ВЦИК и СНК. Он понимал, что, пока народные комиссариаты сформируются, преодолеют саботаж чиновников и наберут силы, Военно-революционному комитету придется выполнять многие их функции. По просьбе Н. И. Подвойского ВЦИК пополнил ВРК опытными партийными работниками, такими, как В. А. Аванесов, Ф. И. Голощекин, Я. Х. Петерс и другие. Секретариат ВРК возглавил видный деятель партии С. И. Гусев. Большую помощь ему оказывала Нина Августовна, чьей рукой записаны многие протоколы. В самом ВРК были сформированы штаб и восемь специализированных отделов.

1 ноября революционные части взяли Гатчину. Распропагандированные большевистскими агитаторами и деморализованные неудачами казаки арестовали своего командующего генерала Краснова.

Потерпев поражение в открытой вооруженной схватке, буржуазия применила новые формы борьбы. Н. И. Подвойский, выполняя задания В. И. Ленина, ЦК, СНК, направил усилия Военно-революционного комитета на борьбу с инспирированными буржуазией в Петрограде голодом, пьяными погромами, спекуляцией и злостным саботажем чиновников. Но главной для Николая Ильича оставалась военная работа.

23 ноября СНК образовал коллегию Народного комиссариата по военным делам, поставив ее председателем

Н. И. Подвойского. С этого дня он возглавил наркомат. Предстояло быстро осуществить слом старой и создание новой армии.

Задача слома старой армии в условиях России 1917 года оказалась весьма сложной. Страна находилась в состоянии войны с Германией и ее союзниками. Ликвидация старой армии немедленно открыла бы фронт. В. И. Ленин, военные работники партии выработали план, который позволил в процессе слома временно использовать старую армию для прикрытия фронта. План заключался в быстрой и решительной демократизации армии, разрушении контрреволюционных органов военного управления, постепенной демобилизации и окончательном роспуске старой армии.

Демократизация армии была начата сразу после Февральской революции, но широко развернулась после победы Октябрьского вооруженного восстания. 2-й Всероссийский съезд Советов постановил образовать в армии революционные комитеты и подчинить им командиров всех степеней. Военно-революционный комитет призвал революционных солдат бдительно следить за поведением командного состава, арестовывать тех, кто открыто не присоединился к Советской власти.

17 декабря за подписью В. И. Ленина, Н. И. Подвойского, Н. В. Крыленко были опубликованы декреты СНК: «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», «О выборном начале и об организации власти в армии». Декретами упразднялись воинские чины, все военнослужащие уравнивались в правах, вводилась выборность командного состава до главкома включительно.

Главком Н. В. Крыленко, опираясь на военные организации большевиков, насчитывавшие около 60 тысяч человек, возглавил работу по решительной и быстрой демократизации частей и соединений действующей армии и тыла.

К концу года демократизация старой армии была завершена. «...Старая армия, — говорил В. И. Ленин, — армия казарменной муштровки... отошла в прошлое... Полная демократизация армии произведена».

Одновременно с этим пришлось еще до заключения мира решать вопрос о демобилизации. Солдаты рвались в деревню, где решался вековой вопрос о земле. Нависла угроза бегства армии.

15 декабря начал работу созданный Наркомвоенном Всеармейский съезд по демобилизации. Руководил его ра-

ботой Н. И. Подвойский. В. И. Ленин, получая постоянную информацию от Николая Ильича, внимательно следил за работой съезда, написал делегатам письмо.

По предложению съезда в Наркомвоенном был сформирован отдел по демобилизации во главе с М. С. Кедровым, назначенным заместителем народного комиссара. Н. И. Подвойский и М. С. Кедров понимали, что они во что бы то ни стало должны удержать армию от стихийной демобилизации. Если многомиллионная лавина голодных солдат, да еще с оружием хлынет в тыл, она сметет на своем пути все, а кроме того, откроется фронт. Демобилизацию надо было провести не только организованно, но и постепенно.

Разрушая старую армию, Коммунистическая партия одновременно разрабатывала пути, формы и методы нового военного строительства. Вопрос о создании новой армии обсуждался на всех уровнях: от ЦК до местных партийных организаций. Руководил этой работой В. И. Ленин, который, по свидетельству Н. И. Подвойского, глубоко и всесторонне обдумывал принципиальные вопросы военного строительства. А непосредственный поиск вели работники Военной организации и Наркомвоенном во главе с Н. И. Подвойским и Ставки — во главе с Н. В. Крыленко. Они постоянно советовались с В. И. Лениным. Сразу после подавления мятежа Керенского — Краснова 2 — 4 ноября 1917 года Н. И. Подвойский и К. С. Еремеев разработали и обсудили записку об общих принципах организации социалистической армии. Николай Ильич несколько раз беседовал с В. И. Лениным по поводу отдельных положений этой записки. Н. И. Подвойский считал, что новая армия в условиях усталости масс от войны должна быть добровольческой, классовой, территориальной по дислокации и комплектованию. По совету В. И. Ленина он вынес эту точку зрения на обсуждение Всеармейского съезда по демобилизации, а потом — совещания военных работников. Обсуждались там и другие взгляды и предложения.

Эти теоретические поиски пришлось ускорить в связи с возросшей опасностью наступления германских войск. Н. И. Подвойский организует одно совещание за другим, некоторые с участием В. И. Ленина, где уточняются принципы, формы и методы военного строительства. Наконец, 26 декабря на заседании Военной организации Николай Ильич изложил план создания 300-тысячной

добровольческой армии, которая должна была послужить костяком новой социалистической армии. Предложения Н. И. Подвойского были одобрены. Он доложил об этом В. И. Ленину и попросил издать соответствующий манифест и обращение к населению. Однако В. И. Ленин предложил провести решение о создании новой армии не сверху, а снизу — через представителей измученных войной масс. Н. И. Подвойский выступил с докладами на Всеармейском съезде по демобилизации, на Исполкоме, а потом и на пленуме Петроградского Совета, и, наконец, на заседании солдатской секции 3-го Всероссийского съезда Советов. Все его инициативы были поддержаны.

Между тем создание новой армии уже началось. Почин положил пролетарский Питер. 1 января В. И. Ленин и Н. И. Подвойский провожали первые эшелоны на фронт. «...Эта армия, — сказал В. И. Ленин в своем выступлении на митинге, — призывается оберегать завоеванных революцией, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа...»

Вопрос о рождении новой армии, таким образом, прошел обсуждение на всех уровнях. По поручению В. И. Ленина 15 января Н. И. Подвойский изложил на заседании СНК проект декрета о создании добровольческой Красной Армии из рабочих и крестьян. Тут же выправленный В. И. Лениным проект был принят. СНК образовал Всероссийскую коллегию по формированию Красной Армии и поставил во главе ее Н. И. Подвойского. 17 января Н. И. Подвойский и Н. В. Крыленко подписали и телеграфно разослали приказ о повсеместной немедленной организации Красной Армии.

Трудный период первых поисков заканчивался, началось интенсивное строительство новой армии.

Набравшие силу народные комиссариаты позволили в начале декабря ликвидировать Военно-революционный комитет как чрезвычайный орган власти. Но Н. И. Подвойский не получил передышки. Молодая республика к этому времени, как оспой, покрылась очагами антисоветских выступлений — Каледия, Дутов, Центральная рада... «Самый причудливый фронт, — писал Н. И. Подвойский, — самая причудливая дислокация контрреволюционных сил, контрреволюционных вспышек, отсутствие налаженных аппаратов... заставляли создавать из ничего целые полки, дивизии... Все это пришлось нам делать на лету, в самых

неблагоприятных условиях, буквально в дни и часы, а не в месяцы».

Выдающуюся роль в преодолении всех возникавших трудностей играла возглавляемая Н. И. Подвойским Всероссийская коллегия по формированию Красной Армии, членами которой были Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношин, В. А. Трифонов и К. А. Юренев. Она с первого же дня работала под пристальным вниманием В. И. Ленина. «Руководство В. И. Ленина было настолько всесторонним, — писал Н. И. Подвойский, — что Всероссийская коллегия фактически являлась военным аппаратом председателя СНК».

Для оказания помощи местным органам власти в привлечении добровольцев в Красную Армию Всероссийская коллегия создавала курсы, подготовившие к началу апреля 398 агитаторов-организаторов.

Новая армия требовала новых командиров. Еще в декабре 1917 года по инициативе Н. И. Подвойского и Е. М. Ярославского была сформирована 1-я Московская революционная пулеметная школа (ныне МВОКУ имени Верховного Совета РСФСР). 14 февраля 1918 года Николай Ильич подписал приказ об открытии 13 командных курсов в Москве, Петрограде, Твери и других городах. Н. И. Подвойский участвовал в формировании органов управления авиацией, создании Совета Броневых частей, Автотранспортного отдела Красной Армии.

В. И. Ленин считал, что для строительства Красной Армии нужен мир или хотя бы мирная передышка. Главными противниками заключения мира были выступавшие за «революционную войну» «левые коммунисты», а также Троцкий, который, возглавляя советскую делегацию на переговорах в Бресте, вопреки директивам ЦК и СНК сорвал подписание мира. Германские войска по всему фронту, простиравшемуся от Риги до Дуная, перешли в наступление. Основной удар направлялся на Петроград. Остатки частей старой армии, бросая военное имущество, покатались в глубь страны. В первые же два дня были сданы Двинск, Минск, Луцк, Ровно... 21 февраля СНК объявил: «Социалистическое отечество в опасности!» Был создан комитет революционной обороны Петрограда во главе с Я. М. Свердловым. В руководящее бюро комитета вошел Н. И. Подвойский.

Развернулась спешная, экстренная мобилизация всех сил на отпор германскому нашествию. Николаю Ильичу,

кроме того, пришлось заниматься и оперативным руководством действиями войск.

Наступление противника удалось остановить к 23 февраля. В этот день в Петрограде под рев заводских гудков на многочисленных митингах шла массовая запись добровольцев в Красную Армию. С 1919 года и до настоящего времени этот день празднуется как День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Борьба с наступлением германских войск показала, что необходим единый орган не только формирования Красной Армии (чем занимался Наркомат по военным делам), но и оперативного руководства ее боевой деятельностью. В начале марта СНК по инициативе В. И. Ленина образовал Высший Военный Совет. Военным руководителем его был поставлен генерал М. Д. Бонч-Бруевич. Н. И. Подвойский стал членом совета.

Высший Военный Совет с помощью старых военных специалистов разработал план развертывания полутора-миллионной армии из всех родов войск, построенной по единым штатам. В апреле ВЦИК и СНК приняли декреты о создании в волостях, уездах, губерниях и округах военных комиссариатов, об обучении населения военному делу...

Для ускорения формирования военкоматов и Красной Армии, контроля за выполнением апрельских декретов ВЦИК и СНК по вопросам военного строительства 24 апреля 1918 года была создана Высшая Военная Инспекция (ВВИ). В. И. Ленин и Я. М. Свердлов считали, что ВВИ должен возглавить преданный революции партийный работник, знающий военное дело, имеющий опыт военно-организаторской работы и авторитет в массах. Председателем ВВИ был назначен Н. И. Подвойский. Он был наделен чрезвычайными полномочиями представителя ЦК, ВЦИК, СНК, Наркомвоена с правом самостоятельно издавать приказы по Красной Армии, назначать и смещать в ней должностных лиц. Его доклады, выводы и предложения при необходимости могли адресоваться в ЦК, ВЦИК и СНК непосредственно или через Наркомвоен.

На следующий же день после назначения Николай Ильич подписал приказ об инспектировании военной работы в Орле и других городах. Поезд ВВИ отбыл из Москвы. Замелькали города: Орел, Брянск, Курск, Рязань, Саратов, Сызрань, Уфа...

Как и предполагал Николай Ильич, в первые месяцы своей деятельности Высшая Военная Инспекция стала не

столько органом инспектирования, сколько органом строительства Красной Армии. Ни в одном городе, где побывала ВВИ, декреты о создании военкоматов и переформировании местных отрядов Красной Армии в штатные батальоны и полки не выполнялись в должной мере. Всюду еще действовали военные отряды Советов. Разношерстные, одетые и вооруженные кое-как отряды, гордо именовавшие себя, например, «Курская Красная Армия», не признавали военных специалистов, командиров, а подчас и не подчинялись никому, даже сформировавшей их местной власти. Поэтому с самого начала Н. И. Подвойский твердо установил, что главная задача ВВИ — не фиксирование недостатков, а их устранение с помощью работников инспекции. ВВИ уезжала из города только тогда, когда работа в нем приводилась в соответствии с требованиями апрельских декретов ВЦИК и СНК, когда все назначения и перемещения должностных лиц были произведены.

Обычно порядок работы ВВИ был такой. Приезжая в тот или иной город, работники инспекции в течение двух-трех часов знакомились с постановкой военной работы, состоянием отрядов и частей. Опытным военным специалистам было вполне достаточно этого времени, чтобы наметанным глазом определить реальное положение дел. Они тут же составляли Н. И. Подвойскому предварительный доклад. Сам он в это время изучал работу губкома и губсовета. Ознакомившись с докладом инспекторов, он проводил совместное совещание ВВИ и местных ответственных работников и на самых свежих, неопровержимых фактах показывал состояние военной работы, ставил задачи по ее налаживанию. Затем сутки, двое, трое, без сна и отдыха шла не просто напряженная, а лихорадочная совместная работа по преодолению имевшихся неполадок. Николай Ильич шел в казармы, штабы, на заводы, участвовал в работе губпартконференций, пленумов, если таковые случались или созывались по его требованию. Он с присущей ему страстью разносил местничество, консерватизм, медлительность, разъяснял политику партии в области советского и военного строительства, добивался принятия местными органами соответствующих резолюций и помогал организовывать их выполнение. Почти везде в Советах ему противодействовали эсеры и меньшевики. В Рязани, например, ему пришлось «скрестить шпаги» с одним из лидеров партии левых эсеров Спиридоновой, приехавшей на губернский съезд Советов. Но и здесь

Николай Ильич добился принятия большевистских резолюций.

Выполнив всю необходимую работу, инспекция покинула город. Работники инспекции отсыпались и штопали потертые гимнастерки только во время переезда из одного города в другой. Почти не давали себе отдыха лишь комедант поезда балтийский матрос И. Приходько, отвечавший за его охрану, да председатель ВВИ Николай Ильич анализировал и обобщал ход военного строительства, писал статьи, составлял доклады В. И. Ленину, ЦК, ВЦИК, Совнаркому. Подвойский обрисовал в них все как есть, без прикрас, предлагал, настаивал, требовал принять те или другие меры.

В конце мая, когда ВВИ работала в районе Саратова — Сызрани, вспыхнул мятеж белочехов, к которому примкнула внутренняя контрреволюция. Н. И. Подвойский со всем составом ВВИ сразу же выехал в район мятежа. С разрешения Советского правительства Николай Ильич взял на себя функции командующего фронтом, штабом которого стал аппарат ВВИ. Около месяца, до конца июня, спешно формируемые красноармейские части под руководством Подвойского сдерживали врага в районе Челябинска — Златоуста — Уфы.

13 июня 1918 года В. И. Ленин подписал приказ об образовании РВС Восточного фронта, взявшего на себя управление войсками, ведущими борьбу против белочехов. Н. И. Подвойский с ВВИ был отозван в Москву, где V Всероссийский съезд Советов должен был рассмотреть принципиальные вопросы дальнейшего военного строительства.

Прибыв из Уфы в Москву, Н. И. Подвойский попал, как говорится, из огня да в полымя. Во время работы V Всероссийского съезда Советов, 6 июля, в столице вспыхнул мятеж левых эсеров, рассчитывавших одним ударом обезглавить Советскую власть. Им удалось арестовать Ф. Э. Дзержинского, захватить Центральный телеграф.

Общее руководство борьбой с мятежниками сразу же взяли в свои руки В. И. Ленин и Я. М. Свердлов. Организация военного подавления мятежа была поручена Н. И. Подвойскому. Действия Н. И. Подвойского и помогавшего ему командира латышской дивизии Н. И. Вацети-са были решительными и четкими. Ночью логово мятежников было окружено, а утром 7 июля взято штурмом.

Съезд продолжил работу. Он принял важные решения

по строительству централизованной дисциплинированной армии. В них, по сути, была одобрена многогранная и многотрудная деятельность ВВИ и ее председателя. «Период случайных формирований, произвольных отрядов... должен быть оставлен позади», — говорилось в резолюции съезда о Красной Армии.

Сразу после съезда по заданию В. И. Ленина Н. И. Подвойский с пополненным аппаратом ВВИ выехал на Западный и Южный фронты, где вновь в полной мере проявился его организаторский талант и поразительная работоспособность. Летом на Южном фронте, под Поворином, когда создалась угроза прорыва белоказачьих частей к Волге, ему снова пришлось выполнять функции командующего, а аппарату ВВИ — функции боевого штаба.

Николай Ильич проявлял себя не только как умелый и энергичный организатор, но и как аналитик. Работа с ВВИ в самой гуще событий давала ему обширный материал, в результате анализа которого он внес в ЦК, СНК и Наркомвоен много ценных предложений по совершенствованию военной организации Советского государства. Так, он был одним из инициаторов создания единого органа руководства оперативной деятельностью войск — Реввоенсовета республики; создания службы тыла и снабжения Красной Армии; организации глубокой политической и военной разведки в тылу противника; объединения многочисленных воинских частей, находившихся в подчинении разных ведомств, в ведении Народного комиссариата по военным делам и т. д.

Но комиссарский характер, комиссарская душа Н. И. Подвойского ярче всего проявились в налаживании в Красной Армии партийно-политической, воспитательной работы. Для него, бойца ленинской гвардии, было характерно сочетание, слияние качеств организатора и страстного агитатора, воспитателя масс.

Успешное решение вопросов строительства Красной Армии, считал В. И. Ленин, возможно лишь при условии руководства вооруженными силами Коммунистической партией. В непосредственную работу по созданию армейского партполитаппарата Н. И. Подвойский включился в январе 1918 года, когда в составе Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии был образован организационно-агитационный отдел. Его принято считать первым политическим органом в Советских Вооруженных Силах. В Высшей Военной Инспекции Николай Ильич сформировал политическую секцию, в которой трудились

известные работники Коммунистической партии В. Ф. Горин-Галкин, С. С. Данилов и другие. Секция не только инспектировала, но и организовывала партийно-политическую работу в частях и среди местного населения. В Рызани, Орле, Брянске, Курске, Тамбове и других городах, где побывала ВВИ, по приказу Н. И. Подвойского были созданы солдатские клубы и библиотеки. Были введены обязательные ежедневные политические занятия с солдатами. Отрывая время от своего короткого отдыха, Николай Ильич разработал программу политзанятий и написал учебник, получивший одобрение ВЦИК.

Николай Ильич на всех этапах гражданской войны делал все возможное для активизации армейских партийных организаций. Крестьянство, особенно бывшие солдаты, писал Н. И. Подвойский, влившись в Красную Армию, принесли «болезни» старой армии, в том числе «ненависть к командному составу, к дисциплине, к планомерной учебе». Вести наиболее эффективную борьбу с этими «болезнями», по мнению Н. И. Подвойского, могли только партийные организации, особенно ротные ячейки.

Неоценимой заслугой ВВИ и ее председателя является то, что во время борьбы с белочехами на Северо-Урало-Сибирском фронте был создан первый в Советских Вооруженных Силах политотдел. Политотделы и до сегодняшнего дня являются руководящими органами КПСС в Советских Вооруженных Силах.

Николай Ильич с первых дней Советской власти по поручению В. И. Ленина и ЦК вместе с руководителями партии занимался подбором и расстановкой политических комиссаров. Он внес значительный вклад в налаживание агитационно-пропагандистской работы в Красной Армии. При этом он неизменно руководствовался указаниями В. И. Ленина, который требовал не считаться ни с какими затратами для пропаганды и агитации. Н. И. Подвойский приравнивал пропаганду и агитацию к оружию. Особенно настойчиво он организовывал ее на фронте. «Что надо знать солдату... когда он направляется на поле битвы? — писал Николай Ильич. — Прежде всего ему необходимо знать, что делается во всем мире и, во-вторых, из-за чего происходит настоящая война, в-третьих, что будет в результате этой войны». Летом 1918 года, приехав на Южный фронт и ознакомившись с положением дел, он прежде всего запросил 400 агитаторов у ЦК и 300 коммунистов у петроградской партийной организации.

Н. И. Подвойский широко применял разнообразные

формы работы: собрания, листовки, торжественно-траурные митинги при похоронах павших бойцов, посещение раненых в госпиталях и другие. Николай Ильич был чрезвычайно находчив в применении форм агитации. В 1919 году в Киеве под влиянием левых эсеров взбунтовался красноармейский полк, заявивший, что руководители Советской власти морят их голодом, а сами питаются, как буржуа. Николай Ильич тут же взял девятилетнего сына Льва и приехал в полк. Он поднялся на возвышение и молча встал перед взбудораженной толпой — высокий, до чрезвычайности худой, с изможденным лицом. Рядом поставил бледненького, худенького босоногого сына. Появление безоружного и без охраны наркома сразу ошарашило толпу.

— Вот я, нарком, — обратился к красноармейцам Н. И. Подвойский. — Вот мой сын. Разве похоже, что мы питаемся лучше вас?

Красноармейцы притихли. Николай Ильич произнес страстную речь, после которой красноармейцы сами скрутили провокаторов.

Документы свидетельствуют, что в годы гражданской войны не было ни одного крупного решения партии и правительства, с разъяснением которых не выступал бы Николай Ильич. «Нужна личная агитация», — считал он и выступал ежедневно, а если требовалось, и по нескольку раз в день. Он мастерски владел словом как устным, так и печатным.

Н. И. Подвойский настойчиво, как призывала партия, добивался укрепления дисциплины в Красной Армии. Осенью 1918 года ЦК РКП(б) в циркулярном письме к членам партии писал: «Ни одно преступление против дисциплины... не должно оставаться безнаказанным». СНК требовал «предать революционному суду всех дезорганизаторов, смутьянов и шкурников». Еще резче поставил вопрос В. И. Ленин. В «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» он писал: «Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, тот сторонник колчаковщины, того надо истреблять беспощадно».

В многочисленных беседах с красноармейцами Николай Ильич не подстраивался под их настроение, не сюсюкал с ними, а разъяснял необходимость наведения порядка, давал решительный отпор крикунам и разгильдяям. «Только отборные солдаты Красной Армии, дисциплини-

рованные и послушные достойному командованию, — утверждал он, — достигнут желательного результата борьбы».

Работа по укреплению дисциплины осложнялась тем, что в 1918 году в Красной Армии еще не было уставов, регламентирующих ее жизнь. Старые уставы Николай Ильич изучил настолько, что на совещаниях и в беседах цитировал их наизусть. Введенные в заблуждение выправкой и собранностью Николая Ильича, знанием им уставов и наставлений, молодые местные работники подчас справлялись у членов ВВИ, правдивы ли слухи, что Подвойский был полковником старой армии. А Николай Ильич изучал уставы для того, чтобы все рациональное, выработанное веками и необходимое для любой армии перенести в Красную Армию. 19 мая 1918 года приказом ВВИ № 89 он распорядился: «Впредь, до обнародования военных уставов... в вопросах обучения и внутреннего быта руководствоваться соответственными уставами старой армии... пользуясь теми статьями и пунктами, которые не противоречат духу организации армии на началах, выработанных в декретах и приказах Рабоче-крестьянского правительства». Вскоре РВСР подтвердил это распоряжение.

Н. И. Подвойский видел, что боеспособность Красной Армии во многом зависит от работы других наркоматов — продовольствия, путей сообщения... Он добился разрешения на их инспектирование Высшей Военной Инспекцией. В процессе работы в прифронтовой полосе Н. И. Подвойский пришел также к убеждению, что созданные весной военкоматы уже нуждаются в реорганизации. Он образовал в составе ВВИ комиссию, которая приступила к подготовке реформы военкоматов. В связи с выдвинутой В. И. Лениным задачей довести Красную Армию до трех миллионов человек, Николай Ильич подключил ВВИ к решению и этой задачи. 19 октября 1918 года Н. И. Подвойский представил в ЦК РКП(б) «Программу работ Коммунистической партии по созданию трехмиллионной армии».

В. И. Ленин высоко ценил деятельность ВВИ. Об этом свидетельствуют боевые задания, которые он давал инспекции, его личное общение и переписка с Н. И. Подвойским. Я. М. Свердлов в конце 1918 года в комиссии, разработавшей план объединения контрольных органов, отмечал: «Наиболее законченная форма ведомственного контроля имеется в военном ведомстве, это Высшая Военная Инспекция. Она исполняет целый ряд таких функций,

которые мог бы выполнять Государственный контроль, если бы он стоял на высоте». Таким образом, ВВИ в силу сложившихся обстоятельств, а также благодаря неуемной энергии Н. И. Подвойского, его стремлению сделать как можно больше для строительства и укрепления Красной Армии разорвала узкие рамки отведенных ей задач, она стала как бы подвижным филиалом Наркомата по военным делам.

В январе 1919 года ЦК РКП(б) и СНК, выполняя свой интернациональный долг, оказали всестороннюю помощь, в том числе кадрами, молодым советским республикам — Украине, Белоруссии, Латвии, Литве, Эстонии. Н. И. Подвойскому было поручено возглавить Народный комиссариат по военным и морским делам Украины. В феврале 1919 года он с группой военных работников прибыл в Харьков.

Обстановка на Украине в то время была чрезвычайно сложной. Органы Советской власти, создаваемые вслед за отодвигающейся линией фронта, были слабы. Республика кишела кулацкими бандами. Но, успокоенные успехами по быстрому освобождению значительной части Украины, местные военные работники старались не замечать этого.

Быстро ознакомившись с состоянием военного дела, Н. И. Подвойский на очевидных фактах показал местному руководству, что Красная Армия Украины представляет собой конгломерат разношерстных, полупартизанских частей со своими выборными атаманами и «батьками», что Наркомвоен существует только на бумаге, на местах нет ни одного военкомата. Используя опыт РСФСР и опираясь на приехавших с ним из Москвы военных работников, Николай Ильич в считанные дни сформировал аппарат Наркомата по военным и морским делам. Во главе его штаба были поставлены М. А. Соковнин и Б. М. Шапошников. С февраля по май на освобожденной территории Украины было создано 3 окружных, 10 губернских, 88 уездных и 1738 волостных военкоматов. Они поставили на учет более 1 миллиона 800 тысяч человек 22 призывных возрастов, а также более 6 тысяч бывших офицеров и военных чиновников. Было открыто 19 командных курсов, на которых обучалось шесть тысяч курсантов. В условиях непрерывных кулацких мятежей удалось провести несколько мобилизаций, давших 70 тысяч бойцов Южному и 17 тысяч бойцов Украинскому фронтам.

Обстановка на Украине вскоре еще более осложнилась. Началось наступление Деникина, развернулась героиче-

ская борьба советских войск, пытавшихся отстоять Донбасс. Вновь резко возрос бандитизм. Банды терроризировали население, заставляли его уклоняться от мобилизации, громили военкоматы. Обстановка в стране требовала военного объединения всех советских республик. 1 июня был обнародован декрет ВЦИК, по которому военные органы республик сливались с соответствующими органами РСФСР. В связи с этим Народный комиссариат по военным и морским делам Украины был ликвидирован, а Николай Ильич отозван в Москву.

В октябре войска Юденича прорвали фронт 7-й армии и приблизились к Петрограду. По решению ЦК РКП(б) для предотвращения готовившегося контрреволюционного восстания и ликвидации шпионских гнезд в Питер выехал Ф. Э. Дзержинский. В качестве уполномоченного Совета обороны и члена РВС 7-й армии туда же был направлен Н. И. Подвойский.

Вместе с командованием армии большевикам Петрограда удалось укрепить оборону города: опоясать его тремя оборонительными линиями, призвать коммунистов, комсомольцев, рабочих пополнить 7-ю армию, довооружить ее. В конце октября 7-я армия при поддержке Балтфлота и во взаимодействии с 15-й армией перешла в наступление. Противник был отброшен в Эстония.

По возвращении в Москву Н. И. Подвойский решением ЦК РКП(б) был назначен уполномоченным Совета обороны и членом РВС 10-й армии, которая вела тяжелые наступательные бои против Деникина на Северном Кавказе. Лишь к началу января по разбитым железным дорогам добрался Николай Ильич до своей армии. По пути, пользуясь правами представителя Совета обороны, да и своим именем (а оно тогда звучало и громко и грозно), он наводил порядок на железнодорожных узлах, ускорял эвакуацию раненых и тифозных больных, ликвидировал любой беспорядок, свидетелем которого оказывался.

10-я армия после длительных наступательных боев находилась в тяжелом положении. Ее коммуникации растянулись, тылы отстали, не хватало продовольствия, боеприпасов, людей косил тиф. Вновь в полной мере проявилась кипучая энергия Николая Ильича, сразу включившегося в организацию политработы, улучшение снабжения. Здесь ему довелось работать с такими же, как и он, страстными, убежденными бойцами большевистской партии — Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым. Как уполномоченный Совета обороны Николай Ильич занимался не только дела-

ми армии, но и восстановлением органов Советской власти в освобожденных районах, налаживанием их хозяйственной жизни, работой нефтепромыслов, отправкой хлебных эшелонов в Москву и т. п.

После разгрома войск Деникина, к концу марта 1920 года, Николай Ильич вернулся в Москву, где его уже полгода ждала новая, трудная работа...

В связи с приближавшимся окончанием гражданской войны и неизбежным сокращением Красной Армии резко возросла роль созданного еще в 1918 году Всеобуча (всеобщего военного обучения трудящихся). ЦК РКП(б) принял решение о его реорганизации. По предложению В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского начальником Всеобуча был назначен Н. И. Подвойский. Николай Ильич высоко оценил доверие партии. Ведь Всеобуч имел свои округа и участки по всей стране, в нем в течение года проходили военную подготовку более 800 тысяч человек. В него были влиты более 50 тысяч бойцов ЧОНа (частей особого назначения). Николай Ильич с жаром взялся за новое дело. Уже в апреле 1920 года он провел I Всероссийский съезд работников Всеобуча, затем осуществил его реорганизацию, добился повсеместного укрепления связей округов и участков с местными партийными и комсомольскими организациями, Советами, вузами, школами.

Ярким творческим начинанием Н. И. Подвойского в 20-е годы являлась его работа по развертыванию массового физкультурного движения в стране. Он в полной мере осознавал политическое и оборонное значение приобщения освобожденных рабоче-крестьянских масс к физической культуре, влияние массовых спортивно-оздоровительных мероприятий на экономику страны, а также их значение для укрепления здоровья населения. По предложению Н. И. Подвойского, активно поддержанному В. И. Лениным, в 1920 году при Всеобуче был создан Высший совет физической культуры (ВСФК). Его председателем стал Николай Ильич. Вскоре советы физической культуры были созданы при окружных управлениях Всеобуча. В них стараниями Николая Ильича были переведены из Красной Армии квалифицированные спортсмены. В Москве, Петрограде и других городах были созданы школы инструкторов спорта. В короткий срок при активной поддержке ЦК РКСМ, при широком участии комсомольцев и молодежи были построены тысячи спортивных площадок и стадионов, созданы сотни спортивных кружков и десятки клубов. В Москве по инициативе Николая Ильича нача-

лась расчистка площадки и подготовка к строительству Красного стадиона на Воробьевых горах.

При содействии III конгресса Коминтерна, работавшего в Москве летом 1921 года, Н. И. Подвойский добился учреждения Красного Спортивного Интернационала (Спортинтерна) и, конечно, как инициатор, стал его председателем. Спортинтерн объединил спортивные организации нашей страны, а также рабочие спортивные общества Германии, Франции, Италии, Чехословакии и других стран. Он внес определенный вклад в укрепление интернациональных связей пролетариата, в усиление борьбы с фашистской опасностью.

Развивая физкультурное движение в стране, Николай Ильич придавал первостепенное значение военно-прикладным видам спорта, а также «массовым действиям» — групповым гимнастическим упражнениям. Николай Ильич называл массовое физкультурное движение «смычкой с солнцем». У Воробьевых гор, которые по предложению Н. И. Подвойского стали называться Ленинскими горами, уже обозначились контуры будущего стадиона. На его расчищенной площадке проводились спортивные состязания и массовые гуляния молодежи.

В те же годы Н. И. Подвойский возглавлял отдел Красной Армии Истпарта. Там он разработал проект крупнейшего издания из 5 выпусков общим объемом в 3 тысячи страниц под названием «Красная Армия и Красный Флот в гражданской и революционной войнах Советской России. 1917—1920 гг.». Авторами должны были выступить все известные военные работники партии и полководцы гражданской войны. Николай Ильич делал все возможное для того, чтобы эти народные герои, пока их память сохраняет еще события, пока они живы, написали подробные мемуары. Благодаря его настойчивости многие из предполагаемых авторов опубликовали свои воспоминания. Но пеликом осуществить этот грандиозный замысел Н. И. Подвойскому не удалось.

Двадцать лет работы без отпусков и выходных, подполье и тюрьмы не прошли бесследно. Николая Ильича свалил сильнейший приступ грудной жабы, как тогда называли инфаркт.

Прямая работа Н. И. Подвойского в Красной Армии закончилась. В дни празднования пятилетия РККА за заслуги в строительстве Красной Армии Николай Ильич был награжден орденом Красного Знамени. До конца дней он высоко ценил этот единственный свой орден.

В январе 1924 года партию, весь советский народ постигло огромное горе — умер Владимир Ильич Ленин. Для Николая Ильича это было и личное горе — так глубоко и трогательно любил он В. И. Ленина. Потрясенный, шел он в группе старых большевиков, сопровождавших гроб с телом В. И. Ленина от Горок до станции и в траурном поезде — до Москвы. Не удержал слез закаленный боец, когда в Колонном зале хор швейников тихо запел прощальную песню «Не плачьте».

Тема В. И. Ленина стала главной и первой в его пропагандистской работе и литературном творчестве. А Нина Августовна решением ЦК была направлена работать в Институт В. И. Ленина. Почти тридцать лет, всю оставшуюся часть своей жизни она отдала расшифровке ленинских рукописей, подготовке произведений В. И. Ленина к печати.

На XIII, XIV, XV съездах партии Н. И. Подвойский избирался членом Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК). Работая в ее аппарате, он вел активную борьбу с троцкистскими, зиновьевскими, бухаринскими и другими оппозиционными группировками, отстаивал линию партии, направленную на строительство социализма в СССР, участвовал в перерегистрации коммунистов, в чистке партии. Он вполне соответствовал тем требованиям, которые В. И. Ленин в свое время предъявлял к членам ЦКК и РКК. Эти работники, подчеркивал Владимир Ильич, должны быть особо надежны, особо проверены по части добросовестности, чтобы за них можно было ручаться, они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, не побоятся никакой борьбы для достижения цели, невзирая на лица и ни на какой авторитет, добьются строжайшей правильности дел.

В 1926 году из-за грудной жабы Николай Ильич вновь оказался на больничной койке.

В 1927 году Н. И. Подвойский сдал свои полномочия в Спортинтерне, в правлении товарищества по строительству Красного стадиона. «Я удовлетворен. — писал он жене, — работа стала на ноги... Мои ученики выросли. Надо им открыть самостоятельный путь». К сожалению, строительство стадиона потом по ряду причин прекратилось. Но мечта Николая Ильича все же сбылась — в 1956 году стадион имени В. И. Ленина был открыт. Всего восемь лет не дождал он до этого события.

Н. И. Подвойский был включен в комиссию по подготовке празднования 10-летия Октября. Вместе с А. Безы-

менским, В. Маяковским, А. Жаровым, С. Эйзенштейном и другими деятелями культуры он разработал сценарий всесоюзного празднования и отдался всепоглощающей работе по его реализации. Одновременно он получил задание М. И. Калинина оказать помощь С. Эйзенштейну, Г. Александрову и М. Штрауху в создании фильма-памятника «Октябрь», в котором, кстати, Н. И. Подвойский сыграл сам себя. Николаю Ильичу удалось привлечь к созданию фильма многих участников Октябрьского вооруженного восстания. «Много раз приезжал он к нам в Ленинград, где производились важнейшие съемки, — писал позже М. М. Штраух. — Подвойский буквально поднял на ноги весь город...»

Яркой страницей в биографии Н. И. Подвойского была его работа в Комитете по высшему техническому образованию (ВКВТО). Индустриализация страны и техническая реконструкция требовали большого количества инженеров из трудящихся. Для перестройки системы высшего образования и был образован ВКВТО во главе с Г. М. Кржижановским. Николай Ильич был назначен инспектором комитета и руководителем отдела авиационных вузов. Перестройка высшего технического образования была делом чрезвычайно спешным. Работая около двух лет по 14—18 часов в сутки, Подвойский с помощью работников партийных организаций и профессорско-преподавательского состава досконально обследовал 33 ленинградских, московских и уральских технических института. Свои выводы и предложения Н. И. Подвойский изложил в докладной записке Совету Народных Комиссаров. Многие из них нашли отражение в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», принятом 23 июня 1936 года. Самому же Николаю Ильичу участвовать в разработке этого постановления не довелось — в 1934 году случился новый тяжелый инфаркт.

По мнению врачей, надежд на спасение уже не было. Нина Августовна, взяв на себя ответственность и оформив ее письменно, увезла Николая Ильича домой и снова выходила его. Но врачи категорически запретили Н. И. Подвойскому работать.

Сын бурного времени, Николай Ильич Подвойский не мог смириться с положением пенсионера, его стихией всю жизнь была борьба. И он стал искать ее новые формы. По своему партийному долгу идет он к рабочим, красноармейцам, комсомольцам, пионерам. Ленин, Октябрь,

партия, борьба за строительство социализма стали главными темами его практически ежедневных выступлений. Н. И. Подвойский получил наконец возможность без суеты поработать над воспоминаниями о В. И. Ленине, Октябрьской революции, Красной Армии, гражданской войне.

Еще в 1918 году по рекомендации В. И. Ленина Николай Ильич вместе с Н. К. Крунской встал на учет в партийную организацию Трехгорной мануфактуры. «Владимир Ильич поручил мне, и я должен вести там черновую работу», — не раз говорил он, и вел ее до последних дней жизни. Как штатный работник приходил он на ткацкую фабрику, помогал научно организовывать производство, разворачивать стахановское движение, вел политические занятия в кружках, кропотливо занимался воспитанием рабочих, инженеров, да и самих руководителей.

В первый же день Великой Отечественной войны Н. И. Подвойский подал заявление в ЦК партии с просьбой направить его в действующую армию. «Готов выполнить любое поручение», — писал он. Но место в армии должны были занять и заняли более молодые. В первые же дни, отказавшись от брони, ушел в армию сын Лев. Несмотря на болезнь, после окончания медицинских курсов добилась отправки на фронт батальоном фельдшером дочь Лида. С оборонным заводом эвакуировалась на Урал старшая дочь Олеся. В Пермь, в Уралэнерго, была направлена на работу младшая дочь Нина. Вместе с Институтом Маркса — Энгельса — Ленина уехала в Уфу продолжать свой нелегкий труд Нина Августовна.

Николай Ильич категорически отказался эвакуироваться из Москвы и, оставшись один, перешел на «военное положение». Он повесил на стене огромную карту и каждый вечер, с тревогой вчитываясь в опешелмляющие сводки Совинформбюро, отмечал флажками изменения линии фронта. Вскоре на столах и стульях выросли стопки вырезок из газет и журналов — горький опыт первых месяцев Великой Отечественной войны. ...Николай Ильич встает в 4—5 часов утра. Неизменно пинет письмо жене или кому-нибудь из детей. Потом надевает свою изрядно потертую пижаму и добирается до «Трехгорки». Оттуда с выделенными фабрикой ткачихами едет на оборонные работы под Москву — копать противотанковые рвы, окопы, устанавливать надолбы и за-

граждения. После выполнения задания он везет ткачих к станкам, а сам отправляется на заводы, в красноармейские части, на сборные пункты военкоматов. Николай Ильич выступает перед рабочими, красноармейцами, устанавливает живую, осязаемую связь между историческими событиями 1917 года, героическими годами гражданской войны, полным энтузиазма и светлых надежд трудом в первые пятилетки и этой жестокой войной. Очень дорого было слушателям его мудрое слово, его горячий призыв к самоотверженности и подвигу. «Противотанковые рвы, заводы — теперь мой дом», — пишет он Нине Августовне. Вернувшись поздно вечером домой, он работает за письменным столом, слушает в полночь последние известия, передвигает флажки на карте и гасит свет, чтобы через четыре часа начать новый трудовой день.

Так жил он месяц за месяцем. Его письма военных лет полны веры в победу, бодрости и оптимизма. В них нет жалоб ни на трудности, ни на здоровье. Лишь в 1943 году извинился перед близкими за плохой почерк, вскользь заметив, что его «перестала слушаться правая рука».

В соответствии со сложившейся обстановкой по инициативе Николая Ильича с сентября 1941 года был восстановлен Всевобуч. Вместе с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайловым он разработал план развертывания всеобщего военного обучения населения, участвовал в его реализации, писал статьи о Всевобуче. За годы войны военное обучение во Всевобуче прошли 9,9 миллиона человек.

Много сил отдал Н. И. Подвойский организации бригад писателей с целью создания для красноармейцев художественных произведений, образно пропагандирующих опыт боевых действий в Великой Отечественной войне. «Это был замечательный человек, — писала М. Шагинян, которую Николай Ильич уговорил написать очерк о борьбе с танками и танкобоязнь. — Он мог мертвого заставить встать из гроба, чтобы выполнить военное задание».

...После войны Подвойские снова собрались в родное гнездо. Вместе с народом они пережили лихое время, каждый из них сделал для победы все возможное. Николай Ильич по-прежнему на общественных началах работал на «Трехгорке», искал каждую возможность для выступлений, ему была дорога любая аудитория. Все чаще

кололо и давило в груди, но это мало кто замечал — Николай Ильич был неизменно бодр, сыпал шутками, искрился весельем.

В конце июня 1948 года в подмосковном санатории у Николая Ильича случился тяжелейший сердечный приступ. Беспомощно смотрела на дорогое лицо Нина Августовна. «Выкарабкаюсь... ты же меня знаешь...» — шептал посеребрившими губами Николай Ильич, пытаясь через силу подмигнуть ей. 28 июля 1948 года Николая Ильича Подвойского не стало. Трудно понять, сказали врачи после медицинского вскрытия, какая сила могла заставить работать его измученное сердце — оно должно было остановиться много-много лет назад.

До конца своей жизни Н. И. Подвойский остался верен взятому в молодые годы девизу: не только объяснять, но и изменять мир. Николай Ильич был ненасытен в работе, неуправляем в стремлении сделать больше и лучше. Ему всегда оказывались слишком узкими рамки поставленных задач, и он неизменно вырывался из них. Так было во время его работы в Военной организации, в Военно-революционном комитете, в Высшей Военной Инспекции, во Всевобуче, в Высшем совете физической культуры. Кроме доброй памяти, Николай Ильич оставил после себя более 120 опубликованных и около 60 неопубликованных книг, брошюр и статей.

Тяжело, мучительно переживая горечь невосполнимой утраты, мужественно завершала свой жизненный путь Нина Августовна. Она напряженно работала до последних дней, до тех пор, пока легла и уже не встала. Нина Августовна участвовала в подготовке к печати тридцати трех Ленинских Сборников, многих томов собранной сочинений В. И. Ленина. Орден Трудового Красного Знамени и ученая степень кандидата исторических наук стали признанием ее заслуг как труженицы и как исследователя.

Трудную и славную жизнь, поддерживая друг друга, прожили Подвойские. Они сделали для социализма все, что могли. На последней совместной фотографии они написали детям: «Мы были счастливы. Идите этим верным путем».

Николай Григорьевич МАРКИН

«№ 1491 2/Х—18 г. Рейд Усть-Икское.
Москва, тов. Ленину, Свердлову...

1-го октября под Пьяным Бором в ожесточенном бою нашей флотилии с судами и береговыми батареями противника погиб вооруженный пароход «Ваня-коммунист», на нем нашел себе преждевременную кончину помощник командующего Волжской военной флотилии товарищ Маркин Николай Григорьевич, преданнейший член нашей партии, один из основателей и самых энергичнейших создателей нашей молодой флотилии на Волге и Каме. Его смерть является тяжчайшей и абсолютно незаменимой утратой как для флотилии, так и для всей Советской Республики.

Вечная память отважному революционеру.

Комфлот».

Охваченная пламенем гражданской войны молодая Советская Республика жила событиями, происходившими на фронте. Она радостно приветствовала победы только что родившейся Красной Армии. Но как часто эта радость омрачалась скорбными вестями о павших в борьбе за правое дело сынов революции! Каждый день из самых разных губерний бескрайней России шли в центр телеграммы, сообщавшие о погибших... В первую очередь гибли те, кто был впереди, кто вел за собою других...

«Нам на каждом заседании приходится чтить память только что погибших товарищей, — получив телеграмму командующего Волжской военной флотилией, говорил на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, представителей фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Я. М. Свердлов, — и нам придется

неоднократно призывать вас к этому, но едва ли мы часто будем говорить о гибели товарищей так, как о только что погибшем товарище Маркине. Несомненно, потеря его является незаменимой потерей... Честь и слава погибшему герою! Я предлагаю почтить его память вставанием».

На гибель Николая Маркина откликнулся Реввоенсовет республики: «Выражаем Волжской военной флотилии глубокое сочувствие по поводу гибели мужественного борца Николая Григорьевича Маркина. Предлагаем именем его назвать первый боевой корабль, который войдет в состав Волжской военной флотилии. Просим всех, кто знает, сообщить о семейном положении Маркина. Лица, близкие к Маркину, не могут не быть близкими Советской Республике».

Траурные митинги по поводу гибели Николая Маркина прошли на всех кораблях флотилии, в городах, где он жил и боролся.

Кто же он, Николай Маркин, чья гибель так всколыхнула страну? Какими делами, какими подвигами прославил он свое имя?

О детских и юношеских годах Маркина известно немного. Родился в мае 1893 года в селе Русский Сыромяс Городищенского уезда Пензенской губернии. Многочленная семья (Николай был шестым ребенком) часто испытывала нужду. Поэтому с раннего детства Николай, как и все дети Маркиных, познал, что такое нелегкий труд. Он ухаживал за помещичьим скотом, помогал старшим во всех их занятиях.

Детство было нелегким. Но в нем были и свои праздники — походы за грибами, купанье в речке с таким причудливым названием — Айва. По воскресеньям в селе проходили ярмарки. И Коля со своими босоногими друзьями бродил по рядам, разглядывая причудливые товары, людей, вслушиваясь в разговоры, смысл которых еще далеко не всегда мог быть воспринят детским его умом. Мальчишечьи глаза разбегались. Гончары всю расхваливали изготовленную ими посуду или глиняные свистульки; плотники предлагали купить свои произведения — любовно сделанные сундуки, стулья, другую хозяйственную утварь; местные мастерицы развешивали на заборах домотканые половички и коврики, яркими красками игравшие на солнце; где-то в стороне мужики приценивались к скотине — мяли вымя коровам, заглядывали

вали в рот лошадям. Ярмарка гремела, божилась сотнями голосов, ругалась, спорила до хрипоты. Иногда приезжали артисты, давали представление — силачи и фокусники тешили публику как могли, а в конце обходили ее с фуражкой, благодарно кланялись на звяканье медяков.

Маленькому Коле очень нравилось бывать на ярмарках, и он считал, что интереснее, чем на ярмарке, могло быть только... в школе. Выучившись читать и писать от старших братьев (в семье Маркиных все были грамотны — по тем временам вещь удивительная!), он мечтал побыстрее пойти в школу. А когда наступил этот желанный день, Коле казалось, что время остановилось, что никогда не наступит та минута, когда под звон колокольчика войдет он за школьный порог. Не зря мальчик так рвался в школу. Учеба пришлась ему по душе, давалась легко. Трехклассную церковноприходскую школу он окончил с похвальным листом, да еще за две зимы!

Почти половину Городищенского уезда занимали леса. Густые дубовые и сосновые леса со всех сторон окружали Сыромяс, подступали прямо к домам и огородам. И хотя главным занятием местных жителей, как было написано в справочниках, являлось хлебопашество, городищенским крестьянам приходилось идти на отхожие промыслы. Годной к обработке земли было мало (да и та в основном принадлежала богачам Шуваловым, Куракиным, Столыпиным, Оболенским), так что, завершив свои сезонные дела, крестьяне шли работать на ближайшие ткацкие фабрики.

У Маркиных не было ни своей земли, ни своего скота. Григорий Андреевич и старшие его сыновья — Иван и Виктор — круглый год работали на суконной фабрике. Фабрика находилась в нескольких десятках верст от Сыромяса, отец и братья жили при фабрике, а домой приходили только на праздничные да выходные дни.

Для маленького Коли их приход всегда был большой радостью. Он очень любил отца, братьев, любил слушать их рассказы о фабрике, о тех, кто работает вместе с ними. Они же, зная, как терпеливо ожидает их Николай у околицы, старались каждый раз прихватить ему хоть какой-нибудь гостинец, порадовать шуткой, смешной историей.

Бедно, но очень дружно, трезво жила большая семья Маркиных.

На ткацкой фабрике, где работали отец и старшие

братья Николая, условия были очень тяжелые, как, впрочем, и на других предприятиях царской России. Рабочий день длился по двенадцать и более часов, заработная плата была очень низкой, постоянные придирки мастеров влекли за собой бесконечные штрафы. Рабочие боролись за свои права — выдвигали справедливые требования, пытались найти правду у уездного и губернского начальства и, в конце концов отчаявшись, бастовали.

Хозяева с бунтарями не особенно церемонились — увольняли их. После одной из стычек с администрацией был выброшен за ворота фабрики и отец Коли Маркина. В документе говорилось: «Григорий Андреевич Маркин уволен за противоправительственную деятельность. Принимать его на работу опасно...»

Маленький Коля остро воспринимал события, происходившие вокруг. Его юная душа возмущалась несправедливым устройством мира. «Князя Оболенские ничего не делают, и у них все есть, — рассуждал он. — А мы всей семьей от зари и до зари трудимся, а беднее нас нет!» Особенно большую роль в формировании бунтарской натуры мальчика сыграл его старший брат Виктор. Он терпеливо объяснял Коле: «Чтобы лучше жить, нужно бороться!»

У Виктора слово с делом не расходилось. Однажды, мстя барину за издевательства над бедными, он поджег барскую ригу с хлебом. Естественно, после этого ему пришлось скрываться. К Маркиным нагрянула полиция. Уж как ни подъезжал урядник к Коле — и угрожал, и обещал конфет купить и даже саблю подарить — мальчик, глядя исподлобья, твердил: «Не знаю, где брат».

После того как отец был уволен с фабрики, петля нужды стала по-настоящему затягивать семью Маркиных. Не видя другого выхода, Маркины решили оставить привычные места и перебраться на Волгу, в Саратов. Как им представлялось, там много фабрик, заводов — где-нибудь да и возьмут на работу. Но в Саратове семья не прижилась. Фабрик и заводов было много, но почти на всех рабочие бастовали (началась первая русская революция), на улицах было неспокойно — происходили демонстрации, стычки рабочих с полицией, с казаками-черносотенцами, устраивавшими погромы. В такой обстановке трудно было с кем-то говорить о работе, а без работы прожить такой многочисленной семьей было невозможно.

На семейном совете решено было ехать еще дальше, на Кавказ. Там, во Владикавказе, жил Виктор. Он устро-

ился наборщиком в типографию и слал письма, звал к себе. Вскоре вся семья, кроме одной из сестер, Агафьи, которая сумела получить место в одной из аптек Саратова, тронулась в путь.

Во Владикавказе с работой было легче. Отец стал работать в железнодорожных мастерских, а Колю определили «мальчиком» в писчебумажный магазин.

Во Владикавказе многое было для Маркиных непривычным: яркая южная природа, горячие и порывистые горцы, шумные восточные базары, перед которыми бледнели детские воспоминания о сыромятских ярмарках... Но очень скоро, освоившись с экзотикой, Маркины увидели, что в этом краю жизнь далеко не рай для рабочего человека.

Первым это почувствовал Григорий Андреевич. Оказалось, что на Владикавказской, как и на других частных железных дорогах, платят значительно меньше по сравнению с дорогами государственными. Здесь при найме, как правило, не учитывали ни стажа, ни квалификации рабочих, поэтому проработавшие десять-пятнадцать лет получали столько же, сколько новички.

В эпоху революционного подъема борьба пролетариата на Кавказе за свои права приобрела самый широкий размах. Григорий Андреевич Маркин активно включился в нее. Он посещал тайные сходки, распространял нелегальную литературу, выступал на митингах. Если Николай бывал свободен, он старался быть рядом с отцом или старшим братом Виктором, который также принимал участие в революционных событиях.

Между тем обстановка во Владикавказе постепенно изменялась. После революционного подъема произошел спад. Многие большевистские организации были разгромлены. На Северном Кавказе наступил период «махрового расцвета асеровщины». Он нашел свое выражение в широко развернувшейся кампании террора. В мае 1907 года во Владикавказе был убит высокопоставленный чиновник Мамацев. Два убийства произошли в Пятигорске. Их жертвами стали одесский губернатор Карангозов и жандармский полковник Луцаков. Эхо этих выстрелов, по-видимому, определенным образом сказалось и на мироощущении юного Маркина. Он по-прежнему работал в писчебумажном магазине. Но ни сам магазин, ни хозяева не нравились ему. Николай решил поступить «по-революционному» и надумал поджечь магазин. Ему это не удалось. Но его арестовали.

При обыске полицейские обнаружили у Николая нелегальную литературу, которую оставил, уезжая в 1908 году в Баку, Виктор.

— Чьи? — полицейский пристав потрясал зажатými в кулаке листками бумаги. — Где взял?

— Мои, — угрюмо говорил Коля.

— Врешь ведь, гаденыш, мал еще такие книжонки читать. Чьи?

— Мои, — стоял на своем Николай.

Восемь месяцев находился он в тюрьме. Здесь в полной мере понял, как нелегко и опасен удел революционера. Его били на допросах, сажали в карцер. Крысы, шмыгавшие по каменным полам, голод — все это перестало быть для него всего лишь впечатляющими рассказами товарищей.

Но недаром большевики называли тюрьму университетом. Здесь они находили время, чтобы углублять свои знания, заниматься самообразованием, овладевать основами наук. Прошел через этот университет и Николай Маркин. Его брат Виктор писал впоследствии, что за время сидения в тюрьме Николай «сошелся с политическими заключенными и приобрел там теоретические знания, столь необходимые в то время для пролетариата».

За недостаточностью улик Николай был выпущен из тюрьмы и переехал в Саратов, к сестре Агафье.

Увлечение Маркина политическими книгами не проходило, а, наоборот, крепло. Тем более что их у сестры оказалось немало. Он самостоятельно изучал труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ильича Ленина. И чем глубже вникал в суть этих произведений, тем больше понимал ошибочность своих представлений о методах борьбы. Нужно такой пожар разжечь, думал он, чтобы сгорел не только хозяин писчебумажного магазина или помещик, а все капиталисты. Маркин все чаще обращался к сестре с просьбой: сведи с подпольщиками, с революционерами...

Вскоре он получил от них первое задание — съездить домой, в Пензу, отвезти нужным людям нелегальную литературу. Поручение это Николай выполнил. Побывал он и в родном селе, привез и распространил среди надежных земляков большевистские газеты и листовки. Организовывал в лесу сходку. Когда выдалось свободное время, прошелся по улицам Сыромяса, постоял у родимого

двора, побывал на берегу Айвы. Защищило сердце, вспомнилось далекое босовое детство, грибные походы, рыбная ловля, шумные ярмарки...

Родное село поразило его. Многие избы покосились, их окна и двери были забиты крест-накрест досками — люди нищали, продавали землю и, как в свое время Маркины, ехали искать лучшей доли.

...Для Николая началась жизнь революционера. Счастливыми поездками, опасными заданиями. Вскоре из Саратова он переезжает в Ростов-на-Дону. Работает на заводе слесарем, электромонтером. Выполняя партийные задания, он продолжает много времени уделять самообразованию. Чтение книг заполняет все его свободное время. Маркин с большим уважением относился к образованным, ученым людям и сожалел, что самому ему не удалось получить образование. Сохранилось письмо Николая Маркина к сестрам, в котором он писал:

«Дорогая Ганя, ты уж слишком меня превозносишь. Ну что тут такого удивительного, что я работаю, тружусь, — самое естественное дело. И это обязанность каждого человека. Так я считаю. Добиваться лучшего — это задача каждого индивидуума. Если бы этого не было... то человечество в настоящее время находилось бы на самом низком уровне культуры. Культура может идти вперед при условии, чтобы у каждого человека было стремление к более лучшему существованию, чем он находит. Я рад, Ганя, что ты гордишься мною. Но я этого не заслужил и постараюсь заслужить. Скверно только одно, что я не получил никакого образования, хотя бы среднего. Это имеет очень большое значение, чтобы быть хорошим человеком.

Итак, дорогая Ганя, надо трудиться, ума-разума набираться, чтобы легче дышалось, легче жилось и мысль была бы яснее и на все смотреть здравым умом».

Обращаясь к младшей сестре Нюре в том же письме, он писал: «Вот теперь ты начинаешь учиться. Желаю тебе успехов... Ученье много облегчает труд человека. Плохо жить неученому. Поверь мне, Нюрочка, я это испытал и хорошо знаю».

С такими принципами выходил на широкую жизненную дорогу Николай Маркин, девятнадцатилетний пролетарий.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. В считанные дни государства Европы, уже несколько лет медленно, но верно сползавшей к войне, схватились в ранее невиданном вооруженном конфликте. Грянула первая мировая война.

Весть об этом застала Николая в Ростове. Весь город как-то сразу изменился. По его улицам вдруг одна за другой прошли манифестации с хоругвями, с портретами Николая II. Студенты, ранее если и не отрицательно, то скептически относившиеся к трону, теперь кричали на площади о своей готовности воевать «за веру, царя и престол». Газеты сообщили о переименовании Петербурга в Петроград, о разгроме в столице немецкого посольства и немецких фирм. По всему городу на стенах домов пестрели лиловые и голубые листки с двуглавым орлом: «Призвать на военную службу...»

Еще более удивительным было то, что после объявления мобилизации на призывные пункты явились практически все подлежащие мобилизации. Этот взрыв патриотизма потряс даже военное начальство, которое рассчитывало на явку значительно меньшего числа призывников.

Что же случилось? — никак не мог понять Маркин. Почему многие крестьяне, рабочие, не говоря уж о служащих и просто мещанах, вдруг забыли о своей ненависти к царизму и готовы идти его защищать? Неужели в России действительно царит «вековая тишина», о которой так много пишут монархические газеты? Как же поступить ему самому?

Ответ на все вопросы он получил в Ростовском комитете партии: от призыва не уклоняться. Объяснили там позицию большевиков. Нужно идти в армию, вести работу среди солдат и матросов, нужно овладевать военными знаниями. Владимир Ильич Ленин указывал товарищам по партии: необходимо превращать империалистическую войну в гражданскую, нужно думать о поражении своего правительства и о том, что это «пораженчество» подразумевает одновременное свержение правительств, бросивших мир в кровавую войну. Необходимо «воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их». Эти ленинские слова стали программой для большевиков.

По законам Российской империи призыв на службу производился не по месту жительства, а по месту рождения. Поэтому Маркин выехал в Пензенскую губернию.

Он не узнал уездного центра. Совсем еще недавно это был тихий захолустный городок — с землистыми лицами угодников над воротами церквей, с острогом на выгоне, с запущенными подворьями монастырей. Летом его бесконечные овраги зарастали крапивой, а зимой он затихал, заваленный метровыми пластами снега. Нынче же город звенел протяжным пиликаньем гармошек, разухабистыми частушками. По улицам, волоча ноги, бродили пьяные рекруты, а за ними шли заплаканные матери, жены, невесты. Россия собиралась на войну...

В воинском присутствии появлению Маркина обрадовались. Еще бы, здоровый, грамотный. Защитник престола какой будет!

— Куда же мне тебя направить? — задумался городищенский военный начальник.

— Пропущь на флот, господин штабс-капитан.

— Ну что ж, из тебя выйдет лихой матрос. Поедешь служить в Петроград. Ступай к доктору...

В Городище на него, как и на всех призванных, был заведен приемный формулярный список. В нем значилось: «1914. Маркин Николай Григорьевич... из села Сыромяса, Сыромятской волости. На службу принят 23 октября 1914 года. Начало службы с 1 января 1915 года. Время рождения 8 мая 1893 года. Рост 2 аршина 6 вершков. Объем груди 21 вершок. Вес 4 пуда и 19 фунтов... Православный. Холост. Грамотный... Электромонтер... На службу явился и на казарменное содержание поступил 31 октября 1914 года... На службу назначен в Балтийский флот города Петрограда...»

Через неделю Николай Маркин вместе с отрядом новобранцев прибыл в столицу. Пешком добрались до Крюковских казарм. Отворились черные железные ворота с начищенными до блеска медным орлом и якорями. «Заходи», — крикнул унтер-офицер. Все неловко столпились на плацу. Ворота бесшумно закрылись. Маркин с интересом огляделся вокруг: как тут, на флоте?

До войны прибытие новобранцев в Петроград было большим событием. Служить в столице направляли красивых, рослых мужчин. Самых высоких и крепких определяли в гвардейские экипажи. Курносые попадали в лейб-гвардии Павловский полк (император Павел был курносый), высокие и ловкие брүнеты — в лейб-гвардии Конный полк, и так, согласно традициям, по всем частям.

На эти своеобразные представления приезжали даже члены императорской семьи. Ритуал, получивший название «разбивка».

Но так было раньше. Тяготы начавшейся войны, ее жертвы до крайности упростили распределение новобранцев. Спросив, откуда Николай, чем он занимался раньше, какое имеет образование, писарь написал ему на груди мелом три большие буквы: БФЭ. Уловив недоумение, объяснил:

— Балтийского флота экипаж. Там мастера нужны.

Служить предстояло в Кронштадте. При этой вести у многих новобранцев дрогнуло сердце. Дрогнуло оно и у Николая. Из рассказов он уже знал, что по суровости службу в этой крепости можно было сравнить лишь с каторжными работами. Одетый в чугуны, броню и камень Кронштадт воплощал в себе все те жестокости, которые царили в Российской империи. Тут был и свой царь — адмирал Вирен. «Зверь суций» — называли его между собой моряки. Встречая моряка на улицах Кронштадта, Вирен осматривал его с головы до ног, и если вдруг ему казалось, что матрос одет в брюки неуставного образца, адмирал заставлял его прямо на улице расстегнуть брюки и показать метки. Если фамилия на штанах оказывалась ненаписанной, то матрос безо всяких проволочек получал тридцать суток ареста. Нижние чины да и офицеры были так затерроризированы, что отдавали честь даже пустому автомобилю Вирена. Случалось, что моряк, зазевавшись, не успевал встать во фронт перед автомобилем, тогда адмирал сразу же посылал его под арест. Улицы в городе были разделены: по одной стороне («бархатной») ходили только офицеры, а по другой («сухой») — матросы. За нарушение этого правила Вирен строжайше наказывал виновных. Под стать Вирену были и его подручные: начальник штаба крепости адмирал Бутаков, комендант крепости адмирал Курат, командир 1-го экипажа Стронский...

Жить и служить в Кронштадте будет нелегко, понимал Маркин. Но он так же хорошо понимал, как важно для партии иметь в этой твердыне своих, преданных революции людей.

Служба началась с экзамена. Новобранцев завели в помещение, рассадили за столы. Выдали ручки и по лис-

ту бумаги. Продиктовали текст. Потом велели решить несколько арифметических примеров.

Для Николая, окончившего воскресную рабочую школу, оба эти задания показались очень несложными. Он отдал свой лист раньше других.

После проверки объявили, что успешно сдавших экзамены зачислили в учебно-минный отряд. Среди них был и матрос Маркин. Началась упорная учеба.

...С самого раннего утра над плацем слышно рывканье и рыканье унтер-офицеров. Из вновь прибывших «салаг» они куют «настоящих матросов» — учат почтению к начальству, учат ходить настоящим строевым шагом, учат...

Учат не только криком и командой. Иной раз суют кулаком (аж искры из глаз летят!) по скуле — называя это «персиком», «кубарем» или «банькой». А если не доходит, вешают на спину ранец, куда наложено побольше кирпичей, суют винтовку в руку: стой. Быстрее поймешь, чего от тебя хотят...

Да, недаром вздрагивали матросы при слове «Кронштадт».

Николай, привыкший все делать основательно и прочно, принялся за новые для него науки с особым старанием. Тем более что изучать военное дело было указанием партии, В. И. Ленина. Вождь пролетариата писал, что необходимо обучать трудящихся военному делу, умению «практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе». Но была и еще одна причина, заставлявшая Николая глубоко вникать в науку, — ему нравились занятия электротехникой, минным делом, по организации которого, кстати, русский флот не имел себе равных в мире.

Допоздна, уже после окончания занятий, просиживал он над чертежами, схемами. Однажды ему показалось, что он сможет сам сделать мину для взрыва на расстоянии. Причем такую, какой еще нет в отряде. Вот будет сюрприз для всех! Он, матрос Маркин, — изобретатель! Еще раз проверив свои расчеты, Николай взялся за дело... Завершив работу, он обратился к командиру роты Белинскому. Тот, удивленно оглядев матроса с ног до головы — экий Кулибин выискался, — тем не менее попросил показать ему «мину Маркина».

Вскоре Николая вызвали в ротную канцелярию. Белинский говорил уже без иронических интонаций:

— Поздравляю. Мина действительно получилась, ее можно применять на море. Но, к сожалению, должен тебя огорчить. Такая мина уже, братец, изобретена...

Увидев, как покраснел матрос, смутился, командир роты одобрительно хлопнул его по плечу:

— Все равно молодец...

Сохранившийся послужной список Маркина запечатлел изменения, происходившие в жизни матроса. «На службу явился и на казенное содержание поступил 31 октября 1914 года. Определен на службу в 1-й Балтийский флотский экипаж 1914 года ноября 16. Переименован в матросы 2-й статьи 8 марта 1915 года. Циркуляром штаба начальника тыла и кронштадтского порта за № 859 зачислен в учебно-минный отряд Балтийского флота в класс электриков 27 апреля 1915 года. Приказом начальника учебно-минного отряда за № 1 произведен в матросы 1-й статьи 1 января 1916 года. Приказом начальника учебного отдела и отдельного плавательного судна Балтийского флота от 27 марта с. г. за № 249 зачислен в электрики как выдержавший экзамен на это звание 15 марта 1916 года. Зачислен в класс электриков унтер-офицеров. Постановлением начальника всех морских частей г. Кронштадта за № 222 произведен в электрики унтер-офицеров 2-й статьи 5 мая 1917 года».

Но военная служба и учеба были лишь частью его жизни. Другая часть, скрытая от многих глаз, от флотского начальства, была связана с деятельностью большевика Маркина.

Гарнизон Кронштадта отличался от других гарнизонов не только жестоким режимом, который был установлен Виреном, но кое-чем и другим. В Кронштадте служили матросы, большинство которых происходило из пролетариев. Причем они едва ли не каждодневно общались с рабочими находившихся здесь же судоремонтных заводов. Эти особенности матросской массы очень хорошо знали и умело использовали большевики. В Кронштадте действовала глубоко законспирированная партийная группа.

Были большевики и в учебно-минном отряде. Один из самых опытных партийцев — Глухаченков работал в корабельной мастерской судна «Николаев». Здесь же ве-

ли свою работу Пожаров, Колбин, Юрков и другие большевики. Маркин, попав в отряд, включился в революционную пропаганду среди матросов.

...Однажды в учебно-минном отряде случился переполох — начальство нашло прокламацию. Небольшой листок бумаги, видно, был прочитан не раз и не два — хранил на себе следы многих рук. Интерес моряков к листовке, озаглавленной: «Когда же конец?» — объяснялся содержанием: она требовала мира, призывала к свержению царя, к революции.

Наблюдая, как матросы взволнованно обмениваются мнениями о прочитанном, Маркин лишь улыбался. Он был доволен, его план удался. Хотя поволноваться пришлось изрядно. А дело было так.

Увольнения моряков на берег были редкими, поэтому большевики использовали любой случай для доставки из города листовок. Узнав, что командир учебного судна «Азов» посылает матроса Павлова за какими-то деталями в Кронштадт, Маркин подошел к нему:

— Есть дело.

Принимавший участие в революционной работе, Павлов сразу понял, о чем речь:

— Что нужно?

— Слушай внимательно. Зайдешь в Кронштадте к матросу Савве Угрюмому, он живет на Владимирской улице. Возьмешь у него листовки, принесешь мне.

Павлов сделал, как сказали. Но, возвращаясь, на пристани попал в облаву. Обыскивали всех тщательно, до последнего рубчика. Павлов, положив листовки в один из ящичков с запасными частями, лихорадочно соображал: что же делать? Отойти от ящичков, будто они чужие? Но шпики сразу найдут хозяина. Еще какое-то мгновение, и все — провал, трибунал...

Выручил матроса находившийся здесь же, на пристани, офицер с «Азова» лейтенант Панцержанский. Неизвестно почему он вдруг сказал:

— Ящички мои. В них стекло. Прикажете не открывать.

Да, на большой риск пошли большевики учебно-минного отряда. Под угрозой провала неожиданно оказалась вся партиячка. Но не напрасны были их усилия. Прокламации, доставленные на учебные корабли, всколыхнули матросские сердца.

...Наступил февраль 1917 года. События Февральской революции начались с мощной забастовки питерских работниц и рабочих. С каждым днем революционное движение нарастало. 27 февраля восстали солдаты Петроградского гарнизона. 2 марта царь отрекся от престола.

Но в Кронштадте, находящемся от столицы на расстоянии тридцати километров, два часа хода на утлом пароходике, мало кто знал о происходивших в Петрограде событиях. Командование флота пыталось изолировать крепость от внешнего мира. Была прервана связь с Петроградом, вокруг крепости выставили дозоры, дороги строго охранялись.

Но все-таки сведения о событиях в Петрограде просочились и сюда.

28 февраля к Вирену — главному командиру порта и военному губернатору Кронштадта — обратились рабочие морского судоремонтного завода:

— Почему от всех скрывают правду о революции в Петрограде?

Вирен пообещал рассказать все 1 марта и пригласил рабочих явиться в этот день на Якорную площадь. Сам же начал готовить расправу. В зданиях вокруг площади были расставлены пулеметы.

Узнав о готовящейся расправе, большевики Кронштадта решили немедленно начинать восстание. Подниматься первым предстояло учебно-минному отряду: там во всех ротках были надежные люди.

...После вечерней поверки послышалась команда:

— Петь «Боже, царя храни».

Матросы молчали. Офицер, проводивший вечернюю поверку, спросил:

— Почему не поете?

Николай Маркин ответил:

— А зачем петь? Ведь царя теперь никто не спасет, даже бог! — И, выйдя из строя, крикнул: — Да здравствует революция! К оружию!

Вмиг были разобраны винтовки, офицеры арестованы. К электрикам присоединились машинисты, возглавляемые Колбиным.

Матросы вырвались на улицу. В морозном воздухе отчетливо был слышен гром военного оркестра. Он играл «Марсельезу». К береговым подразделениям учебно-минного отряда присоединились команды учебных судов — «Николаева», «Рынды» и других. А потом и артиллеристы.

Заминка получилась в 1-м Балтийском флотском экипаже. Ворота оказались запертыми. Когда же их взломали, увидели выстроенных во дворе новобранцев экипажа. Подчиняясь требованиям офицеров, они оцетинились штыками на ворвавшихся матросов. Но через какое-то мгновение они опустили оружие.

Восстание разрасталось. К нему примкнули солдаты пехотных частей, рабочие...

На Николаевском проспекте вдруг вспыхнуло здание. Загорелась охранка — штики спешили замести следы.

В Морском манеже стихийно возник митинг. Шумный, крикливый и радостный. Ораторы сменяли друг друга. Всех пьянил гром «Марсельезы». Революция! Свобода!

Начались выборы представителей в Петроградский Совет.

Людской гвалт покрыл голос большевика унтер-офицера Пожарова:

— Выдвигаю в Совет от учебно-минного отряда Николая Маркина. Знаю его как верного борца против царизма, рабочего, еще юношей сидевшего в тюрьме за революционную пропаганду, большевика-подпольщика...

— Знаем, знаем такого...

— Ставь на голосование...

Маркина единогласно избрали делегатом. Потом ему дали слово. Говорил Николай коротко, ярко и убедительно.

На митинге в Морском манеже было решено поручить 1-му Балтийскому флотскому экипажу обеспечить революционный порядок в городе — организовать патрулирование, сменять караулы. К утру на всех судах, стоявших на кронштадтском рейде, реяли красные флаги.

Наступил момент, когда восставшие двинулись к дому Вирена. Они попросили адмирала выйти к ним. Появился Вирен и вдруг закричал на всех: «Смирно!» Вокруг засмеялись... Недавний военный губернатор крепости, жестокий истязатель, ненавистный Вирен нашел свою смерть на Якорной площади, там, где сам он готовил зверскую расправу над рабочими.

...Революционное очищение. Его переживала вся истерзанная войной Россия.

Подхваченный вихрем революции, Н. Маркин отдавался ей всем сердцем. Большевики вышли из подполья.

4 марта был избран Кронштадтский комитет партии. В него вошел и Н. Маркин.

Кронштадт кипел митингами, демонстрациями. Представители различных партий агитировали матросов, каждый предлагал свою программу. Одни поддерживали Временное правительство, другие кричали об анархии.

Шла борьба за массы. Используя демократические лозунги, прибегая к прямому обману, эсеры и меньшевики захватили большинство мест в Кронштадтском Совете. Они как могли старались подавить влияние большевиков, склоняли матросов к поддержке Временного правительства и его политики на продолжение войны.

18 апреля министр иностранных дел Милюков обратился к союзникам с нотой о готовности выполнять все договоры царского правительства, вести войну до «победного конца». Кронштадтский Совет, имевший эсеро-меньшевистское большинство, поддержал «ноту Милюкова».

Большевики выступили против резолюции. В Кронштадте состоялся двадцатитысячный митинг, который осудил позицию Временного правительства.

В те дни Маркину, как и всем большевикам, немало пришлось выступать. Он с радостью ощущал, что правдивые слова о мире и земле близки морякам.

— Вся власть Советам! Долой войну! — раздавалось на улицах.

Борьба с меньшевиками и эсерами шла остро и открыто. Когда Временное правительство предложило Кронштадтскому гарнизону и кораблям принять присягу на верность ему, в ответ Кронштадтский Совет по требованию большевиков послал телеграмму: «Свободному народу присягать не нужно. Не народ должен давать присягу верности Временному правительству, а Временное правительство — народу».

Контрреволюционеры хорошо понимали, какую огромную силу представляет собой Кронштадт. Началось паломничество различных эмиссаров в крепость. Кого только не пришлось повидать Маркину за это время — и члена Государственной думы октябриста Пепеляева, и «эсеровскую богородицу» Брешко-Брешковскую, и командующего Петроградским военным округом Корнилова. На какие только ухищрения не шли они, чтобы завоевать доверие моряков! Корнилов, например, став на колени перед морским собором, дал клятвенное обещание собравшимся на Якорной площади в том, что он будет честно служить революции.

Но матросы не верили:
— Врут они, собаки...
— Опять войны хотят...
— Давай большевика на трибуну! Пусть правду скажет...
— Маркина давай!

И поднимался над матросскими бескозырками Н. Маркин или другой большевик. Они рассказывали о программе своей партии — требовали мира, земли, равенства.

15 марта в доме бывшего комендантского управления начала выходить газета «Голос правды». Эсеры и меньшевики всеми силами старались не допустить ее издания; трудно было со средствами, не было помещения. Большевики организовали сбор денег в фонд газеты. Маркин принял в этом самое активное участие. Собирать приходилось буквально по копейке. Когда первый номер газеты увидел свет, «Правда» откликнулась на это событие: «Приветствуем нового собрата на поприще революционной борьбы...» Николай Маркин стал активным корреспондентом новой газеты — он писал для нее статьи, помогал создавать авторский актив.

...В Кронштадт пришла весть о возвращении из-за границы В. И. Ленина. На кораблях пробили боевую тревогу. Собрали митинг. Для охраны Ленина был выделен сводный отряд, в котором был и Н. Маркин. Вначале добирались ледоколом, а на Неве пересели в катера. Высадились у Литейного моста и почти бегом двинулись к Финляндскому вокзалу. Пробиваясь сквозь толпы народа, моряки прошли на перрон, мгновенно выстроились в две шеренги. Маркин стоял вместе со всеми и чувствовал, как тревожно и радостно бьется его сердце — свершилась его давняя мечта, он увидит В. И. Ленина!

К перрону подошел поезд. Из пятого от паровоза вагона вышел Владимир Ильич. За ним показалась Надежда Константиновна. Затаив дыхание, следил Н. Маркин, как В. И. Ленин идет вдоль фронта почетного караула. На середине он остановился, снял шляпу и обратился к ним с трогательными, простыми словами:

— Матросы, товарищи, приветствую вас, я еще не знаю, верите ли вы всем посулам Временного правительства, но я твердо знаю, что, когда вам говорят сладкие речи, когда вам много обещают, — вас обманывают, как обманывают и весь русский народ. Народу нужен мир,

народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, бескормица, на земле оставляют помещиков. Матросы, товарищи, нам нужно бороться за социальную революцию, бороться до конца, до полной победы пролетариата! Да здравствует социалистическая революция!

Овации, гром музыки, пение «Интернационала» не стихали над площадью, когда туда вышел В. И. Ленин. Владимир Ильич поднялся на броневик. Вспыхнули прожекторы. Их лучи прорезали мрак ночи...

Переполненные впечатлениями, возвращались моряки в Кронштадт. Н. Маркин не устал рассказывать о встрече В. И. Ленина, о его выступлениях на площади перед Финляндским вокзалом, с балкона дворца Кшесинской. Вскоре в Морском манеже состоялось общее собрание партийной организации Кронштадта. Были заслушаны доклады о войне, об отношении к Временному правительству, к Советам рабочих и солдатских депутатов. По всем обсуждавшимся вопросам собрание приняло резолюцию в духе Апрельских тезисов. Через несколько дней, 22 апреля, по требованию большевиков, были проведены перевыборы Кронштадтского Совета. В его новый состав было избрано 93 большевика. К началу мая 1917 года Кронштадт превратился в опору большевистской партии, борющейся за социалистическую революцию.

Активное участие Н. Маркина в революционной борьбе принесло ему заслуженное уважение и доверие моряков. И когда в мае начались выборы делегатов на 1-й Общеполитический флотский съезд, кандидатура Н. Маркина прошла единогласно.

В Гельсингфорс, где проходил съезд, прибыло 256 делегатов. Они, как говорилось в принятом постановлении, ставили перед собой задачи, «связанные с преобразованием организации флота на широких демократических началах». Около одной трети делегатов были большевики и им сочувствующие, около одной четверти — эсеры, меньшевики и анархисты, остальные были беспартийными.

Николай Маркин, избранный на первом заседании товарищем (заместителем) председателя президиума съезда, сразу оказался в центре событий.

Споры, столкновения по идейно-политическим вопросам на съезде было много — большевики твердо держали свою линию, не давая меньшевикам и эсерам протаскивать свои мелкобуржуазные идеи.

Особенно острая борьба шла вокруг устава Централь-

ного комитета Балтийского флота. Разработанный Центробаллом устав предполагал, что именно он, Центробалл, являющийся высшим органом для всех флотских комитетов, станет высшей инстанцией Балтики, что «ни один приказ, касающийся жизни флота, исключая чисто оперативную и связанную с ней техническую деятельность, не имеет силы без одобрения ЦКБФ».

Штаб флота и комиссар Временного правительства выдвинули проект своего устава, в котором права ЦКБФ урезались, он ставился в зависимость от командующего флотом.

Три дня шли дебаты. После бурного заседания 1 июня большинством голосов был принят первый вариант устава. Н. Маркин, активно отстаивавший его, был избран в состав делегации, которой съезд поручил добиться утверждения устава Керенским.

Прочитав устав, Керенский пришел в ярость: флот желал выйти из повиновения Временному правительству! Керенский затопал ногами, начал кричать на делегатов. Выбрав паузу, когда морской министр на мгновение смолк, переводя дыхание, Н. Маркин поднялся со стула:

— Вы, Александр Федорович, не кричите на представителей флота, не старые времена. В истории на шею народа сидели три Александра, а четвертому не бывать! Посмотрите, господин министр, что у вас за спиной!

Керенский оглянулся и недоуменно уставился на Маркина.

— За вашей спиной только стена! А за нашей, господин министр, сто тысяч моряков Балтийского флота, да столько же на других морях России.

8 июня Н. Маркин доложил съезду о своей поездке к Керенскому. С «угрюмой решительностью», как писал один из участников событий, Маркин разоблачал Временное правительство, эсеров и меньшевиков. Он внес предложение утвердить устав и ввести его в жизнь, несмотря на отрицательную позицию Керенского.

Подавляющим большинством голосов съезд принял следующую резолюцию: «Устав Центрального комитета Балтийского флота вступает в законную силу и проводится в жизнь со дня утверждения его данным съездом, впредь до рассмотрения его Всероссийским флотским съездом...»

Пользуясь своим правом (на третьем заседании Ни-

колай был избран уже первым товарищем председателя президиума), Маркин послал телеграмму в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он запрашивал, могут ли представители Балтики послать своих делегатов на Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

Когда стало известно об этой телеграмме Маркина, меньшевики и эсеры обрушились на него, обвинили в самоуправстве, в нарушении демократии, в превышении полномочий и т. д. Но Маркин только улыбался: дело было сделано. Была получена ответная телеграмма — от моряков Балтики предлагалось избрать восемь человек.

— Молодец Маркин, — жали руку большевики. — Нашу линию здорово отстаиваешь...

Как ни противились эсеры и меньшевики, как ни клеймили Маркина соглашатели, моряки избрали его делегатом на 1-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

Здесь же, в Гельсингфорсе, состоялось собрание большевиков. Оно избрало делегатов на Всероссийскую конференцию фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). Страстная, энергичная борьба Маркина на 1-м съезде военных моряков Балтики была высоко оценена большевиками Гельсингфорса. Его выбрали делегатом на Всероссийскую конференцию фронтовых и тыловых военных организаций большевиков.

— Ты, братишка, — сказал ему председатель Центробалта П. Дыбенко, — отлично поработал на съезде. Теперь плыви дальше.

...Всероссийский съезд Советов проходил на Васильевском острове, в здании бывшего кадетского корпуса. Большевиков было мало, всего десятая часть от общего количества.

Н. Маркин подошел к руководителю большевистской фракции Сталину:

— Почему так мало наших?

Тот улыбнулся:

— Вы от Балтфлота, товарищ? А сколько же у вас большевиков? Двое из восьми делегатов. Если даже революционный флот послал только двух большевиков, то чего ожидать от других?

— Да, трудновато будет, — покачал головой Н. Маркин.

— Февральская революция выплеснула наверх гигантскую мелкобуржуазную волну, — объяснил Сталин причину, — в ней на какое-то время растворилась партия. Но это явление временное.

Делегаты 1-го Всероссийского съезда Советов, в особенности солдаты и матросы, много спорили по поводу объявленного Керенским 11 мая «положения об основных правах военнослужащих». Оно вошло в историю под названием «Декларация прав солдат». О правах там говорилось мало. В основном речь шла о запретах. Декларация запрещала военнослужащим выбирать начальников, права офицеров в боевой обстановке ничем не ограничивались. Такие пункты были на руку контрреволюции. Не случайно большевики назвали ее «декларацией бесправия солдат». Но меньшевики и эсеры, ссылаясь на сложную обстановку на фронтах, требовали ее признания. Вокруг документа разгорелись острые дискуссии.

Выступая на заседании военной секции съезда, Н. Маркин подверг декларацию суровой критике.

— Я, представитель флота Балтийского моря, — говорил он, — и заявляю, что если декларация будет издана в том виде, как она теперь есть, или даже в измененном виде, но принцип ее будет оставлен, то она не будет принята в большинстве случаев солдатами и матросами... Чтобы эта декларация была действительно Декларацией прав солдата, она должна быть выработана самими солдатами, которые должны представлять большинство...

Рабочий вопрос должен всегда защищаться самими рабочими, солдатский — самими солдатами, а здесь среди присутствующих 40 офицеров. Ясно, что офицеры будут защищать свои права... Я предлагаю, — продолжал Маркин, — образовать комиссию из нашей среды, которая выработала бы Декларацию прав солдата, а не декларацию бесправия солдата!

Так же горячо, ярко и непримиримо он выступал и по поводу других проблем, которые рассматривались делегатами. В. И. Ленин, принимавший активное участие в работе съезда, высоко оценил деятельность Маркина. По его рекомендации Н. Маркин был избран членом ВЦИКа от большевистской фракции. А на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций большевиков, где Маркин выступил с отчетом от Гельсингфорсской организации РСДРП(б), он был из-

бран еще и членом «Военки» — Военной организации при ЦК большевистской партии.

Облеченный высокими полномочиями и должностями, Н. Маркин оставался прежним. Все так же он был прост в общении, скор на слово, легок на подъем. Он много ездит, бывает на кораблях, в казармах и везде выступает — перед матросами, солдатами, рабочими. Н. Маркин эмоционально рассказывает о выступлениях В. И. Ленина, которые слышал, о задачах, стоявших перед партией. Особенно много сил требовала от него работа в Центрофлоте.

Это была выборная организация при ВЦИКе. Большинство в ней, как и в Исполнительном Комитете, принадлежало тогда меньшевикам и эсерам, которые хотели превратить Центрофлот в антипод революционного Центробалта. Центрофлот, например, заявил Временному правительству о своей готовности поддержать его лозунг: «Война до победного конца!»

Небольшая группа большевиков, вошедших в эту соглашательскую организацию, разоблачала политику эсеро-меньшевистского большинства Центрофлота. В протоколах Центрофлота очень часто встречается фамилия Н. Маркина. Он страстно откликался на происходившие события, умело отстаивал большевистскую линию.

Как только Временным правительством был издан приказ о введении смертной казни и ликвидации солдатских и матросских комитетов, Н. Маркин активно протестует, шлет телеграмму самому Керенскому. Деятельности большевиков на флоте во многом препятствовал заместитель морского министра, ярый монархист капитан I ранга Дудоров. Н. Маркин решительно требовал его замены...

Ожесточенная борьба в Центрофлоте разгорелась вокруг «Займа свободы». Заем был выпущен Временным правительством в конце марта 1917 года для финансирования империалистической войны. Буржуазия развила вокруг него «патриотическую» агитацию. Меньшевики и эсеры горячо поддержали эту линию, прикрыв свое соглашение пламенными лозунгами о любви к Родине...

Большевики, в свою очередь, выдвинули лозунг: «Ни копейки на продолжение империалистической войны!» На одном из заседаний Центрофлота против «Займа свободы» выступил Н. Маркин. Не обращая внимания на эсеро-меньшевистские реплики и обвинения («это непатриотично!»), он заклеил соглашателей позором:

— Неужели вам мало пролитой крови? Долой войну! Долой «Заем свободы»!

Эсеро-меньшевистский Центрофлот имел в лице матроса Н. Маркина самого непримиримого противника. Соглашатели его боялись, ненавидели, мстили.

...« В бюро Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Постановлением общего собрания Комитета от 21 сего августа член ЦИК тов. Маркин, входивший в состав Центрофлота как представитель флота, за неоднократные демагогические выпады, несовместимые с тем общественным положением, которое он занимает, и роняющее достоинство как Центрофлота, так избирателей, которых он представляет, исключен из числа членов Центрофлота.

Сообщая о сем, ЦК просит вместо Маркина командировать другое лицо. Предложить Маркину возвратить выданный ему Центрофлотом мандат за № 92.

Председатель М. Абрамов. Секретарь В. Бобров».

Но даже этот подлый выпад не вывел Н. Маркина из себя.

— Еще посмотрим, кто победит, — сказал он. — Я буду апеллировать ко всему Балтийскому флоту и путем личной агитации на местах расскажу командам о неправильных действиях Центрофлота по отношению ко мне...

Он не складывал оружия.

В те дни, работая в «Воевке», Центрофлоте, Н. Маркин часто встречался с В. И. Лениным. Общение с вождем российского пролетариата стало для него большой школой революционной борьбы.

...3 июля, поздним вечером, он получает задание идти в воинские части города разъяснять мирный характер назначенной на следующий день демонстрации. Н. Маркин выступает перед рабочими Выборгского района, матросами 2-го Балтийского флотского экипажа, прибывшими в Питер кронштадтцами:

— Товарищи, у нас еще мало сил для вооруженного восстания, — говорит он. — Завтрашняя демонстрация носит мирный характер. Таково указание товарища Ленина...

В то тревожное, насыщенное бурными событиями время Н. Маркин старался быть в самом центре происходящего.

В дни ожесточенного разгула контрреволюции Н. Маркин, будучи членом ВЦИКа, максимально использует свои большие права. Помогает скрываться от ареста товарищам, активно содействует освобождению из «Крестов» — петроградской тюрьмы — арестованных делегатов Центробалта.

В дни корниловского мятежа Маркин порой не спал по несколько суток. Корнилов, еще недавно заверявший Кронштадт в своей лояльности революции, теперь хотел затоптать ее копытами казацких полков. Его эмиссары готовились поднять мятеж в городе. Н. Маркин возглавил отряд матросов, который вылавливал скрывавшихся в Петрограде контрреволюционеров. Налеты производились ночью, внезапно. После каждой операции в Петропавловскую крепость препровождались бывшие офицеры и генералы. Вместе с другими большевиками Н. Маркин едет навстречу наступающим на Петроград войскам, выступает в «туземной» дивизии, убеждает горцев повернуть оружие против своих командиров.

Видевший Н. Маркина в те дни большевик Ф. С. Кузнецов-Ломакин писал: «Мне приходилось встречаться с Н. Г. Маркиным в июле — августе 1917 года. Меня поразила страстная энергия, с которой молодой матрос вел тогда борьбу с засилием соглашателей. Чувствовалось невольно, что вся его жизнь посвящена одной только цели — делу партии».

В Гельсингфорсе состоялся 2-й съезд моряков Балтийского флота. Он проходил под лозунгами большевиков. Маркина тут знали. Его появление и выступление встретили дружными аплодисментами...

В перерыве между заседаниями Маркин увидел в коридоре Н. Ховрина, с которым был дружен еще со времен первого съезда. Маркин рассказал ему о событиях последних недель.

— Воюю с меньшевиками и эсерами в Центрофлоте. Не выдерживают они моего большевистского духа, нашли повод, исключили из состава Центрофлота...

К ним подошел еще моряк — стройный, высокий. Отчаянные глаза весело смотрели из-под взбитого чуба.

— Николай, — позвал он Маркина. Тот оглянулся. Радостно воскликнул: — Анатолий, здравствуй! — Они обнялись.

Маркин познакомил Ховрина с товарищем:

— Викторский. Но это по документам. А настоящая

фамилия — Железняков; Анатолий Григорьевич. Кронштадтец. Был арестован Временным, дней двадцать назад бежал из тюрьмы.

На одном из жизненных перекрестков встретились три революционных моряка. Три веселых парня во флотских бушлатах, посвятившие жизни свои партии, народу, революции. Чистые сердца, решительные, смелые люди! Они нашли в революции свое место.

27 октября Ховрин выступил перед делегатами того самого реакционного Центрофлота:

— Объявляю ваше заседание закрытым. Центрофлот распускается!

— По какому праву?! — кричали оторопевшие меньшевики и эсеры.

— По праву сильных! — ответил балтийский моряк.

А в январе 1918 года матрос Железняк — друг Маркина, Анатолий Железняков, чье имя песней вошло в историю гражданской войны, будучи начальником караула Таврического дворца, произнес не менее историческую фразу. Обращаясь к депутатам Учредительного собрания, он сказал:

— Господа, караул устал. Предлагаю разойтись по домам...

Еще в августе 1917 года на своем VI съезде партия взяла курс на вооруженное восстание. В сентябре вопрос о взятии власти большевиками стал в повестку дня как практическая задача. Революция вступила в решающую фазу своего развития.

Н. Маркин каждый день выполняет задания штаба вооруженного восстания, сформированного 12 октября, — Военно-революционного комитета. Он весь в движении. Утром он снимает юнкерские посты у Троицкого моста, а вечером уже выступает перед кронштадтцами, призывает к свержению Временного правительства. Ставит конкретные задачи отряду моряков, отбывающих в Питер. Маркин доволен своими сослуживцами из 1-го Балтийского экипажа. Моряки горячо стоят за большевиков. Только его родное учебное судно «Николаев», переименованное после революции в «Народоволец», послало на помощь Смольному пятьсот человек.

А на следующий день Маркина уже можно видеть в Сайкином переулке в редакции газеты «Рабочий и сол-

дат». Он часто бывает здесь. Сам пишет статьи, редактирует поступившие материалы. А кроме того, охраняет редакцию от вторжения милиции Керенского, который всячески пытается затруднить выпуск газеты.

24 октября в редакцию вновь нагрянули непрошеные гости.

— Именем Временного правительства... — привычно заговорил возглавлявший милиционеров инспектор, — редакцию газеты «Рабочий и солдат» арестовать... — Он начал отдавать приказания: — Стереотипы разбить, шрифты собрать, тираж уничтожить.

Но не тут-то было. «Рабочие, — как наутро описали это событие многие газеты, — сплотившись вокруг своих представителей, вместе с двумя матросами отбили уже нагруженный автомобиль...» Газету отправили в Смольный. Милиционеры исчезли, но работу пришлось приостановить. Менялся план следующего номера. В городе шло вооруженное восстание, и в редакцию поступали все новые и новые известия. Восставшими взяты мосты, вокзалы, Государственный банк. Каждой из этих новостей необходимо было найти место в газете...

В разгар работы из Смольного прибыл Бонч-Бруевич. Он привез воззвание В. И. Ленина «К гражданам России!».

Взяв привезенные листки бумаги, Н. Маркин пробежал текст глазами. Крикнул метранпажу:

— Снова будем переверстывать! Это пойдет на первую полосу!

Во втором часу ночи со свежими оттисками «Рабочего и солдата» Н. Маркин появился в Смольном. Он отнес их в Военно-революционный комитет.

...Н. Маркин спешит к Зимнему. Здесь людно. Подходят отряды рабочих, солдат и матросов, подъезжают броневики. По черным слякотным мостовым ветер гонит обрывки бумаг.

— Зимний окружен — мышь не проскочит, — говорит Николаю В. А. Антонов-Овсеенко. — Сил тут хватает. Берите отряд моряков и освобождайте штаб округа и министерство иностранных дел.

Штаб был освобожден короткой и решительной атакой. Сломив сопротивление юнкеров, разгоряченные матросы овладели зданием МИДа.

В ту же ночь штурмом был взят Зимний. Временное правительство было арестовано.

Утром 26 октября Н. Маркин находился в Смольном.

Он слушал доклад В. И. Ленина на 2-м съезде Советов. В. И. Ленин говорил о самом наболевшем. Декрет о мире, первый акт пролетарской власти, объявил войну «величайшим преступлением против человечества», заявил о полном отказе Советского правительства от всяких захватнических договоров. В нем декларировалось, что Советское правительство выступает против тайной дипломатии вообще, выражает твердые намерения вести переговоры открыто перед всем миром и приступает к немедленному опубликованию тайных договоров, содержание которых отныне отменяется. Декрет предлагал всем воюющим народам и их правительствам приступить к переговорам и заключить всеобщий справедливый демократический мир. Присутствовавшие на съезде делегаты — солдаты, рабочие, крестьяне, матросы, уполномоченные трудовой России, — внимательно слушали В. И. Ленина.

А потом...

«Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала», — писал Джон Рид, американский журналист, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир». — Какой-то старый седеющий солдат плакал, как ребенок. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо...»

Вместе со всеми, охваченный этим порывом, шел Николай Маркин.

...Власть перешла к трудящимся. Но враги революции не оставляли надежды на реванш. Керенский двинул свои войска на Петроград. Зашевелились контрреволюционеры, которыми в те дни кишел город. Подняли мятеж юнкера.

Назначенный командующим Петроградским военным округом Н. И. Подвойский вызвал Н. Маркина:

— Обстановка сложная. Все лучшие части выступили против войск Керенского и Краснова. Вот почитай, что пишет комендант Петропавловской крепости, — он развернул лист бумаги. — Из крепости выведены все матросы, остался старый гарнизон, в верности которого у меня нет полной уверенности. Оставить важнейший пункт без охраны нельзя...

И продолжал, круто обозначив перед Маркиным задачу:

— Бери матросов и красногвардейцев. Наведи там порядок.

Наводить порядок Н. Маркину пришлось не только в крепости. Он освобождал захваченный казаками особняк Кшесинской, арестовывал контрреволюционных офицеров на Васильевском острове, участвовал в аресте бывших жандармских офицеров, изымал в тайных игорных домах золото и драгоценности.

...Дворцовая площадь, 6. Министерство иностранных дел. Подойдя к огромному трехэтажному зданию, Николай на секунду замедлил шаги. Мелькнула мысль — вот отсюда выезжал на доклад к царю министр иностранных дел, здесь он принимал послов. Где-то там — взгляд его скользнул по окнам — хранятся тайные договоры царского правительства. «Тайные, — он улыбнулся, — скоро станут явными». Владимир Ильич, партия приняли решение опубликовать их. И это будет сделано во что бы то ни стало.

Николай понимал, какое непростое задание поручено ему выполнить на этот раз. Простой матрос, иностранных языков он не знал, в дипломатических делах, естественно, не разбирался. В министерстве иностранных дел его, конечно же, ждали не с распростертыми объятиями. Скорее наоборот.

Маркину было известно, что несколькими днями раньше для приема дел в здание МИДа прибыл член ВРК М. С. Урицкий. Его провели к Нератову — первому заместителю министра. Их беседа продолжалась около часа. Нератов ответил отказом на требование М. С. Урицкого передать в распоряжение новой власти тайные договоры. Из меньшевистской «Рабочей газеты» Маркин узнал формулировку этого отказа. «Договоры могут быть переданы только дипломату в ранге министра иностранных дел, а никак не «временному комиссару временного революционного комитета», — злорадовала меньшевистская газетенка.

М. С. Урицкий понял, что с Нератовым ему не договориться, и обратился к рядовым служащим. Те тоже ответили уклончиво: «О тайных договорах не знаем...» Почти все шестьсот чиновников МИДа выразили по отношению к Советской власти, как писала буржуазная газета «День», «резкую и открытую оппозицию». Да, недаром МИД считался одним из мощных столпов царизма.

Ничего не изменилось в позиции МИДа и после того, как его сотрудникам было разъяснено, что сформировано

новое правительство — Совет Народных Комиссаров, в состав которого входил и Комиссариат иностранных дел. Казалось бы, формального повода не допускать представителя Советской власти к документам министерства иностранных дел не было. Но саботаж чиновников продолжался. Нератов и другие высокопоставленные чиновники скрылись и унесли с собою ключи и шифры от секретных сейфов. Им было известно, что Керенский, подняв конный корпус генерала Краснова, идет на Питер. Спрятавшись, они выжидали развязки событий.

«Вот и дождались, — подумал Маркин. — С Керенским покончено, с Красновым тоже. Теперь очередь за Нератовым и его компанией. Хоть и хитер бывший первый товарищ бывшего министра, хоть и слышет знатоком дипломатических и канцелярских дел, но придется ключи и шифры сдать».

Маркин подошел к стоявшему у входа в здание часовому. Молча подал пропуск. Тот, слегка запинаясь — видно, с грамотой мало знаком был, — прочитал: «Товарищу Маркину, секретарю Народного комиссариата иностранных дел, поручается проведение необходимых действий для организации работы Народного комиссариата...» Оторвал взгляд от мандата, посмотрел на Маркина, уважительно произнес:

— Моряки тут порядок наведут. Ничо, что молодые...

Н. Маркин обошел все здание министерства. В сияющих роскошью комнатах никого не было. Всюду царил тишина, веяло неожиданным спокойствием. В одной из комнат навстречу ему поднялся седой, подтянутый человек:

— А, Маркин прибыл. Ждем Вас, Николай Григорьевич.

Это был Иван Абрамович Залкинд. Восемнадцатилетним юношей связал он свою жизнь с революцией. В 1903 году стал членом партии большевиков. Участвовал во многих революционных выступлениях, в том числе в потемкинской эпопее. Много лет после очередного побега из тюрьмы Залкинду пришлось провести за границей, жить в Англии, Франции, Испании, Алжире. Он владел восемью иностранными языками, окончил Сорбонну, получил степень доктора биологии. Именно ему, старому большевику, поручалось окончательно покончить с саботажниками и принять в ведение Советской власти министерство иностранных дел.

Познакомив Н. Маркина с Е. Д. Поливановым (одним

из немногих бывших сотрудников МИДа, пожелавшим сотрудничать с большевиками), И. А. Залкинд сразу обрисовал обстановку:

— Нератов и его приспешники пока еще в бегах. Вместе с Евгением Дмитриевичем я объехал квартиры всех видных чиновников министерства, каждому мы предложили явиться завтра, четвертого ноября, для решающих переговоров. Некоторые выдавали себя за больных, а когда мы настаивали на встрече, они залезали под одеяло прямо в костюме и ботинках. Смешно, право...

— Арестовать их надо, Иван Абрамович, — сказал Маркин. — И в первую очередь Нератова...

— Решение об этом уже принято. — Залкинд показал ордер на арест, подписанный М. С. Урицким. — Но ведь дело не только в нем и его подручных. Главное, чтобы основная масса служащих приняла нашу сторону.

— Ну что ж, завтрашний день покажет.

Увы, «решительные переговоры» результата не принесли. Чиновники ответили отказом на все предложения о сотрудничестве. Они лишь «великодушно» согласились охранять министерство и выполнять некоторые текущие дела. Без сомнения, это был сговор.

Ни увещевания, ни угрозы не помогали. Не подействовали и слова Е. Д. Поливанова, напомнившего, что своей забастовкой они обрекают на голодную смерть русских военнопленных в Германии и Австрии, прекратив им высылку денег.

Всем, что происходило в министерстве иностранных дел, постоянно интересовался В. И. Ленин. Он торопил события, требовал скорейшей публикации тайных договоров царского правительства. Это было очень важно для утверждения принципов мирной политики Советской России. С саботажем необходимо было покончить во что бы то ни стало.

По НКИДу был издан приказ об увольнении чиновников, отказавшихся признать новое правительство. «Служащие министерства иностранных дел, которые не явятся на работу до утра 13 ноября, — гласил приказ, — будут считаться уволенными с лишением права на государственную пенсию...»

Вскоре контрреволюционная газета «Новая жизнь» «скорбила» об увольнении тридцати таких чиновников. «Покинул казенную квартиру директор канцелярии министра Б. А. Татищев, — сокрушался «День». — Укладывает свои вещи товарищ министра А. М. Петряев».

Из высших чинов МИДа на сторону революции перешло лишь несколько человек. Новому руководству министерства пришлось опираться на младших служащих и технический персонал. Курьеры, швейцары, работники типографии стали потихоньку выполнять свои несложные обязанности. По просьбе Маркина ВРК направил сюда рабочих Трубочного, Путиловского, Военно-подковочного заводов, пришли и военные специалисты-шифровальщики. МИД как государственное учреждение понемногу начал работать.

Среди тех, кто появился в те дни в здании № 6 на Дворцовой площади, был и Джон Рид. Он служил в Наркоминделе два месяца — с декабря 1917 года по февраль 1918 года.

Вместе с другими иностранными коммунистами он работал в Бюро интернациональной революционной пропаганды при наркомате. Бюро занималось распространением антивоенной литературы среди солдат Германии и бывших союзников России. Изданные бюро газеты и листовки забрасывались в окна противника. Эту работу очень высоко ценил В. И. Ленин.

Джон Рид был дружен с И. А. Залкиндом, часто встречался он и с Н. Маркиным, выполнял его поручения. 4 января 1918 года, когда стало известно, что контрреволюционеры готовятся ночью совершить вылазку, Н. Маркин собрал митинг в большом зале. Он вызвал добровольцев для вооруженной защиты наркомата. Одним из первых поднял руку американский коммунист.

Джон Рид в своих очерках описал «изумительные перемены», происшедшие в министерстве иностранных дел:

«Дом № 6 по Дворцовой площади, напротив Зимнего дворца. Когда вы входите, унаследованный от старого режима швейцар в синей ливрее с медными пуговицами и красным воротником берет у вас пальто, шляпу и калоши; он делает это с тою же почтительностью, что и прежде, когда раздавал принцев крови и иностранных послов. Сейчас посетители в большинстве простые рабочие и солдаты, которые именуют швейцара «товарищ» и чувствуют себя здесь очень уверенно...

В кабинете сидит товарищ Залкинд, худощавый, быстрый человек с лицом итальянца и беспорядочной седой шевелюрой. Он в стареньком полувоенном костюме, на ногах — сапоги. Он долго жил в эмиграции... беседуя с вами, улыбается и настроен весьма революционно. За сто-

лом напротив сидит товарищ Маркин, его помощник, молчаливый матрос с суровым взглядом.

...В глубине несколько солдат попивают чай из побитого самовара. По стенам торчат крюки; на них висели портреты царских министров. По чьему-то недосмотру остался Горчаков, грудь у него в орденах, на шее крест с бриллиантами. Под Горчаковым висит простенькая репродукция с портрета Бебеля, а на стене напротив прибита открытка, с которой на нас взирает Карл Маркс. Над письменным столом Залкинда гравированное изображение Пекинского конгресса — собрание дипломатов со всех концов мира... Чья-то непочтительная рука начертила на раме: «Шайка контрабандистов...»

Когда большевики пришли к власти, чиновники и канцеляристы всех министерств объявили забастовку. Сейчас они просят назад. Время от времени они попадают мне на глаза, щеголеватые молодые люди в безукоризненно сидящих фраках, с несколько ошеломленным выражением лица. Неслышанная реформа новой власти состоит в том, что она требует от чиновников, чтобы они занимались делом. Вообразите, что кто-нибудь потребует того же от наших чиновников в Вашингтоне!»

...— Тайные договоры опубликованы!

— Покупайте газету «Известия»! В ней вы можете узнать все тайны царского правительства!

— Конец тайной дипломатии!

Н. Маркин остановился на углу улицы и наблюдал, как прохожие обступили продавцов газет. Те лишь успевали принимать деньги.

— А что, ведь большевики как сказали, так и сделали, — делились двое рабочих неподалеку от него. — Всю подноготную сквырнули!

«Не всю, к сожалению, — подумал про себя Николай. — Не такое простое дело публикация договоров. Мало того, что они запрятаны в бездонных шкафах, зашифрованы, они еще и не все написаны на русском языке. Тут работы и работы...»

— Да, перед советскими дипломатами стояла нелегкая задача. Враги считали, что, даже получив ключи от сейфов, большевики не смогут проникнуть в мидовские тайны.

Чтобы сбить эту спесь и дать почувствовать серьезность намерений Советской власти, было решено опубли-

ковать документ, обнаруженный Е. Д. Поливановым в одном из шкафов. Это был очень интересный документ. Он был предназначен для бывшего министра иностранных дел Временного правительства Терещенко. Новичок на дипломатическом поприще, он не был знаком с работой МИДа. Чтобы новый руководитель побыстрее вошел в курс дела, для него и подготовили своеобразный очерк, отражающий взаимоотношения России и союзников. В очерк этот вошли цитаты из многих важных договоров и комментариев к ним. Весь этот ценный материал и лег на страницы газет. Тайная дипломатия царизма, спекулировавшего интересами своей страны и народа, во всей своей неприглядности предстала перед миром. Большевики держали свое слово...

Публикация документов царского министерства иностранных дел происходила под аккомпанемент раздраженных комментариев эсеро-меньшевистских и буржуазных газет. Они ставили под сомнение сами документы, пытались скомпрометировать новых руководителей ведомства, убедить читателей в полном их невежестве.

Но большевики публиковали все новые и новые материалы. «Известия» и «Газета Временного рабочего и крестьянского правительства» — официальные советские издания — напечатали по восемнадцать дипломатических документов. Кроме того, шесть появилось на страницах «Правды».

Подлинность документов подчеркивалась сопровождением соответствующих примечаний и пометок, указаниями: «шифр», «шифрованная телеграмма», «перевод с французского языка». Для полной достоверности воспроизводились все пометки, находившиеся в тексте: номера, подписи, шрифтовые выделения. Каждому документу был предпослан заголовок, подробно отражавший его содержание.

Все, что публиковалось в газетах, Н. Маркин предложил объединить воедино и издать в специальных сборниках. Ему, возглавлявшему в то время три отдела НКИДа — лекционный, контроля и типографский, — и была поручена данная работа.

Засиживаясь по ночам, Николай тщательно отбирал документы для первого сборника, сам написал введение. Вскоре вышла первая брошюра. На обложке значилось: «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел. Издание народного комис-

сариата по иностранным делам. Дворцовая, 6». В этом сборнике был опубликован двадцать один документ — тайное соглашение России с Японией о совместной вооруженной борьбе против любой страны, которая попытается проникнуть с оружием в руках в Китай; переписка германского императора с русским царем; франко-русская военная конвенция и другие. Во введении Н. Маркин писал:

«Целью настоящего Сборника является ознакомление широких масс с содержанием документов, хранившихся в бронированных комнатах и негорюемых шкафах бывшего Министерства иностранных дел как одного из отделений буржуазии всех стран... Пусть знают трудящиеся всего мира, как за их спинами дипломаты в кабинетах продавали их жизнь. Аннексировали земли. Беспеременно порабощали мелкие нации. Давили, угнетали политически и экономически. Заключали позорные договоры... Каждый открытый секретный документ есть острейшее оружие против буржуазии».

Семь таких сборников вышли в свет. На их 320 страницах было обнародовано 130 различных документов. Почти все они публиковались впервые.

Н. Маркин был не только редактором, но и корректором, и выпускающим. Ему, конечно, приходилось нелегко. Сказывалось отсутствие необходимого образования, знаний. Но... «Более необыкновенного редактора не имело, конечно, ни одно издание дипломатических документов, — оценивал впоследствии деятельность Николая Маркина академик М. Н. Покровский. — И представьте себе... редактор был недурной. Для матроса архив должен был представляться столь же загадочной вещью, как для архивиста броненосец: наверное, ни один архивист не сумел бы извлечь из броненосца ни малейшей пользы, а вот матрос, хотя и хаотически, извлек из архива... такие ценнейшие вещи, как сербско-болгарская военная конвенция 1912 года, по мнению теперешних специалистов... являющаяся одним из исходных пунктов катастрофы 1914 года. Во всяком случае, агитационное впечатление «разоблачений» получилось от публикации Маркина полное. Конечно, он не сам все делал, но каково было в хаосе первых дней революции подобрать только необходимый персонал, начиная даже с машинисток, продолжая переводчиками и техническими редакторами. Теперь... можно оценить, какой гигантский сдвиг был произведен в свое время рукою революционного матроса».

Публикация тайных договоров произвела в буржуазных странах впечатление разорвавшейся бомбы. Имя русского матроса Н. Маркина прогремело едва ли не на весь мир.

Во многих западных странах публикация договоров вызвала широкие антивоенные выступления. Под давлением народных масс вопрос о тайных договорах вынуждены были рассмотреть парламенты Великобритании, Франции. Свыше миллиона американцев под впечатлением мирной политики новой России подписали петицию в конгресс с призывом «создать истинно демократическую внешнюю политику».

Владимир Ильич Ленин в те дни отмечал, что действительно революционная борьба за мир была начата в России после победы социалистической революции. И первыми плодами этой победы были опубликованные тайные договоры.

На 1-м Всероссийском съезде военного флота, делегатом которого, конечно, был и Николай Маркин, вождем пролетарской революции сказал: «Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру».

На VII съезде РКП(б) Владимир Ильич вновь возвращается к теме мира и вновь отмечает как большое событие публикацию тайных договоров: «...Мы все знаем, что порвали с империалистами не на словах, а на деле: разрушили тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир, так что все народы могли увидеть на деле все наши намерения».

Намерения новой власти, нового дипломатического ведомства Советской России были ясны. Еще далеко к подходу к зданию Народного комиссариата иностранных дел был виден прибывший Н. Маркиным большой красный флаг с надписью «Да здравствует мир!». Именно борьба за мир, за прекращение войны стала главной задачей Наркомата иностранных дел.

8 ноября 1917 года Наркоминдел направил послам и посланникам шести стран — США, Англии, Франции, Италии, Сербии и Бельгии — официальные ноты, в кото-

рых просил рассмотреть Декрет о мире как формальное предложение перемирия на всех фронтах и открытия мирных переговоров. Через два дня последовало обращение к нейтральным странам с просьбой довести мирные предложения Советского правительства до населения этих стран.

Но все мирные инициативы молодого Советского государства были встречены буржуазией в штыки. Бывшие союзники России требовали продолжения войны и оказывали активное давление на возглавлявшего Ставку главнокомандующего генерала Духонина. По решению Совета Народных Комиссаров Духонин был отстранен от должности. На фронте начались переговоры революционных комитетов армии с войсками противника о перемирии. Перемирия подписывались между полками, дивизиями, корпусами, армиями. Это были «солдатские миры». К началу декабря 1917 года перемирия были заключены на всех фронтах.

Бывший в курсе всех этих событий и горячо болевший за них Н. Маркин немедленно рядом с красным флагом на фасаде НКИДа повесил, как выразился И. А. Залкинд, «колоссальный плакат» с аршинной надписью: «Перемирие подписано!»

А вскоре нкидовцы встречали германского посла. Это была первая ласточка заключенного перемирия.

Маркин активно участвовал во всех делах НКИДа, работал много и самозабвенно. И. А. Залкинд писал, что «каждый вечер можно было быть уверенным встретить у меня т. Маркина, то разбирающего груды писем, пришедших с какой-либо запоздалой к революции вализой, то пробующего найденную им модель нового пулемета, то чинящего диктофон...». Николай чутко ощущал политическую актуальность событий в стране, в мире и остро реагировал на них. Работа в НКИДе требовала оперативности, и Маркин быстро обретал навыки дипломатического работника. Как только в Наркоминдел поступило сообщение о затруднениях с возвращением из Англии Г. В. Чичерина (правительство Великобритании упрямо не пустило его в тюрьму), Н. Маркин срочно направляется в Совнарком. Оттуда он привозит в НКИД решение о невыдаче виз английским подданным, желающим выехать из России. Вскоре Г. В. Чичерин приезжает на Родину...

Бурные события революции едва ли не ежедневно давали Николаю уроки дипломатии, которая, казалось,

становится уже его новой профессией. Вот, например, инцидент на Румынском фронте. Войсками боярской Румынии был арестован выборный комитет 195-го полка, 194-й полк был разоружен. В ответ на это советские власти арестовали румынского посланника Диаманди и всех сотрудников посольства. Иностранные дипломаты дружно выступили против этой акции СНК. Они потребовали встречи с В. И. Лениным. Как представитель НКВД молодой советский дипломат Николай Маркин принимал участие в подготовке этой встречи, необходимых для нее документов. И когда дипломатический корпус потребовал освободить румынского посланника, глава Советского правительства В. И. Ленин, являя образец дипломатической учтивости, вместе с тем непреклонно объяснил, что, с его точки зрения, «жизнь тысяч солдат дороже спокойствия одного дипломата...».

На глазах Н. Маркина рождалась и уверенно действовала новая дипломатия, дипломатия, защищавшая интересы народов, а не монархий. И сам он, Николай Маркин, был ее участником, ее активным творцом.

В потоке сложных каждодневных дел Н. Маркин находил возможность уделять время учебе, чтению. Он часто встречался с Г. В. Чичериным и старался что-то перенять у него, обогатить себя новыми знаниями. Г. В. Чичерину очень нравился этот жизнерадостный матрос, они часто беседовали на самые различные темы. Секретарь Я. М. Свердлова Е. Я. Драбкина, свидетельница одного из их разговоров, вспоминала: «Когда я вошла в кабинет Чичерина, он показывал Маркину какую-то книгу. Подождая, я увидела, что это «Божественная комедия». Видимо, заканчивая разговор, Чичерин сказал Маркину: «Седьмой круг ада предназначался для тиранов, которые жаждали золота и крови. Если бы Данте писал «Божественную комедию» сегодня, он наверняка поместил бы в седьмой круг прусских юнкеров с их закрученными вверх усами...»

...Мирная передышка, полученная Советской Россией ценою тяжкого Брестского мира, длилась недолго. Не прошло и одного месяца, как на молодую Республику Советов обрушились новые испытания. На помощь потерпевшей поражение внутренней реакцией пришла мировая буржуазия. Боясь, по выражению В. И. Ленина, «как бы искры нашего пожара не перепадали на их крыши», иностранные

капиталисты развязали против нас настоящую войну.

Особую опасность представляло спровоцированное Антантой и контрреволюционным офицерством антисоветское вооруженное выступление чехословацкого корпуса. Этот корпус был сформирован еще до Октябрьской революции из находившихся в России в плену чехов и словаков — бывших солдат и офицеров воевавшей с Россией Австро-Венгрии. После заключения Брестского мира Совнарком РСФСР рассмотрел и удовлетворил просьбу командования корпуса о переброске его из России во Францию. Но обстановка в центре страны была сложной, враг наступал со всех сторон, поэтому бывших военнопленных было решено эвакуировать через Дальний Восток. До Владивостока им предстояло следовать эшелонами как частным лицам, оружие и боеприпасы необходимо было сдать органам Советской власти. Для несения караульной службы в пути разрешалось иметь в каждом эшелоне по одному пулемету и 168 винтовок.

Однако с первых же дней эвакуации это правило стало нарушаться. Если вначале кое-какое оружие для отвода глаз еще сдавалось, то в дальнейшем по корпусу был издан приказ — оружие не сдавать. Недавние военнопленные не пожелали быть «частными лицами».

Чехословацкий корпус — крупное вооруженное воинское формирование — растянулся эшелонами по железной дороге на протяжении семи тысяч километров — от Волги до Владивостока. По пути следования в эшелоны во множестве подсаживались белогвардейские и эсеро-меньшевистские агитаторы, делавшие все для того, чтобы поднять чехословаков на выступление против Советской власти.

Мятеж начался 25 мая в Челябинске, где на железнодорожной станции скопилось свыше десяти эшелонов с чехословаками. Здесь несколько белочехов совершили убийство стоявшего на посту красноармейца, венгра по национальности. Местный Совет арестовал убийц. Мятежники использовали этот случай в качестве предлога для того, чтобы занять вокзал, прилегающие к нему районы, и отвергли все предложения Челябинского Совета об урегулировании инцидента.

Скоре начались вооруженные выступления других частей корпуса. В течение нескольких дней мятежники заняли Сибирскую железнодорожную магистраль и расположенные на ней крупные станции от Приволжья до

Приморья. 8 июня пала Самара. Враг перехватил Волгу — главную водную артерию страны. Белочехи в контакте с эсерами образовали в Самаре «правительство». В него вошли оказавшиеся здесь же члены Учредительного собрания. Новоиспеченное, благословленное Антантой «правительство» начало спешно сколачивать собственную армию, установило на подвластной ему территории режим террора и насилия.

Захват врагами революции богатых сырьевых и продовольственных районов на Волге, Урале, в Сибири поставил под угрозу само существование Советской Республики. Сложилась обстановка, когда, по определению В. И. Ленина, «весь вопрос российской социалистической революции свелся к вопросу военному». Восточный — чехословацкий — фронт В. И. Ленин считал одним из самых главных.

...Поезд шел медленно, с трудом преодолевая небольшие подъемы. Казалось, что вот-вот на одном из них он остановится навсегда. Ленивый перестук вагонных колес раздражал Н. Маркина. Он спешил. Мыслями он уже был в Москве. «Что же случилось? — размышлял он. — Почему так срочно отозвали из Петрограда?» Ведь немногим более недели назад его назначили комиссаром особых поручений при коллегии Народного комиссариата по морским делам и командировали в Петроград, чтобы мобилизовать в городе все возможное для организации речных флотилий. Он с головой окунулся в новую работу, встречался с работниками Центрального промышленного комитета, объезжал заводы, верфи, склады, пристани, отгружал оружие, боеприпасы. Работал с раннего утра до позднего вечера, иногда прихватывал ночь. За несколько дней он буквально перевернул Центральный промышленный комитет, заставил его работать с учетом новой тревожной обстановки. Действовал решительно. Встречая саботаж, призывал на помощь чекистов. В трудную минуту шел к рабочим, умел убедить их проявить сознательность и окончить намеченную работу в необходимые сроки. Из Питера пошли первые эшелоны для будущих военных флотилий. И вдруг получил телеграмму — срочно вернуться в Москву... Чутье и опыт подсказывали ему, что речь пойдет, наверное, о Восточном фронте. Оттуда революции грозила главная опасность, и именно туда он просил его направить.

Вокзал встретил привычной суетой. Отыскав извозчика, поехал в наркомат.

— Отправитесь в Нижний Новгород, — член коллегии наркомата И. И. Вахрамеев подвел Н. Маркина к висевшей на стене карте. — Учитывая ваши просьбы, мы решили поручить вам формирование флотилии на Волге. Положение там чрезвычайно сложное.

Из дальнейшей беседы Николай узнал, что в районе Среднего Поволжья действует белая флотилия. По данным разведки она насчитывает около сорока судов, в том числе семь канонерок и две плавучие базы. Плохо вооруженные, действующие разрозненно, наши суда не могут сдерживать ее натиска. Чтобы подавить господство белых на Волге, помочь Красной Армии в форсировании реки, высадке десантов, подвозе продовольствия, обмундирования, боеприпасов, было решено создать несколько формирований судов: два отряда вооруженных кораблей и четыре флотилии. Астраханско-Каспийскую флотилию планировалось разместить в Астрахани, Военно-Волжскую — в Царицыне, Вольскую — в Вольске и самую большую, Волжскую военную флотилию, — в Нижнем Новгороде. Н. Маркина, учитывая его боевой опыт, направляли на самый ответственный участок работы...

Николай, внимательно слушавший Вахрамеева, почувствовал, как его охватывает волнение, желание побыстрее взяться за дело. Уловив его состояние, Вахрамеев улыбнулся:

— Не спешите, Николай. Зайди в секретариат, возьми свое предписание. А потом явись к Якову Михайловичу Свердлову, он хотел тебя видеть.

В переполненном, прокуренном секретариате матрос с лихим чубом одним пальцем отстучал на машинке документ. На бланке народного комиссара по морским делам значилось: «Товарищу Маркину. Согласно указанию Правительства, Вам надлежит:

1. В наивозможно скорейшее время организовать вооруженную флотилию на реке Волге для борьбы с контрреволюционными бандами.

2. Организовать охрану водного речного транспорта на реке Волге от нападений разного рода злоумышленников.

Для выполнения указанных поручений вам надлежит:

- а) по соглашению с Главводом реквизировать подходящие пароходы и иные плавучие средства на реке Волге;

б) по выяснении на месте вооружать эти суда мелкой артиллерией, каковая будет дана из запасов Морского комиссариата;

в) для технического выполнения указанного в п. «б» в ваше распоряжение командируется корабельный инженер Олигер и будут командированы другие техники и специалисты;

г) для формирования личного состава вам представляется по соглашению с Самарским Совдепом, использовать личный состав воздушной бригады особого назначения Морского ведомства, ныне находящегося в Симбирске;

д) вам представляется право пользоваться прямыми проводами и междугородными телефонами.

Все советские, военные и военно-морские власти, а равно общественные организации обязаны оказывать Вам возможное содействие к выполнению возложенного на Вас поручения».

Поблескивая стеклами пенсне, Председатель ВЦИКа встретил Маркина теплой улыбкой. Сказал, что много слышал о нем как о преданном работнике, человеке настойчивом и трудолюбивом. Подчеркнул, что Владимир Ильич лично знает о задании Н. Маркина и просил оказывать ему всяческое содействие.

21 июня 1918 года, получив последние инструкции, Н. Маркин выехал на Волгу.

...Улицы Нижнего Новгорода выглядели пустынно. Казалось, что все жители этого большого волжского города покинули его, уехали на природу, в лес, чтобы не глотать густую, поднимаемую ветрами пыль. Лишь изредка мелькали фигуры спешивших людей, ехали неторопливые повозки. Налетавшие с Волги порывы ветра яростно набрасывались на валявшиеся повсюду обрывки плакатов, различных объявлений, приказов и упорно гнали их вдоль домов и заборов.

Но город только внешне выглядел безлюдным. Здесь шла борьба, ход которой можно было проследить по тем объявлениям, которые висели на заборах и афишных тумбах. Одни из них сообщали о национализации частного речного транспорта, о создании новой организации «Центроволга», которая должна объединить все бывшие фирмы Волжского пароходства. Другие же, по всей видимости, противились этому, агитировали за нейтральную Волгу:

«Пароходы должны свободно плавать по реке с нейтральным флагом!» «Вот он, голос меньшевиков и эсеров», — отметил про себя Н. Маркин. — Да. Борьба предстоит не легкая».

Первые живые впечатления Маркина в Нижнем оказались полными и точными. Это подтвердили сразу же беседы в губкоме партии и губисполкоме.

— В городе активно действуют меньшевики и эсеры, — рассказывали ему местные партийцы. — Они проинкли в Управление водного транспорта, на некоторые заводы, работающие на оборону. Они не только ведут активную агитацию против создания флотилий, но и саботируют распоряжения Советской власти. Втихую в отдаленные затоны угоняются самые лучшие пароходы. Враги противодействуют мобилизации лоцманов и капитанов, подбивают рабочих на забастовки. Пусть, дескать, комиссары сами ремонтируют суда. Часть рабочих и служащих попала под их влияние.

Непосредственно углубившись в работу, Николай еще более убедился в чрезвычайной сложности обстановки. В городе не хватало хлеба — купечество прятало его, ожидая прихода белых. Все больше и больше досаждали меньшевики и эсеры. Они всячески препятствовали Маркину. Им даже удалось с помощью Троцкого, ставшего с апреля наркомом по военным и морским делам, добиться отстранения Маркина от работы. Однако ЦК партии это распоряжение отменил и восстановил Николая в правах комиссара.

Каждый день, полный тревог, волнений, забот, подтверждал дальновидность, правильность решения Советского правительства организовывать флотилию именно в этом городе. Ведь Нижний Новгород был крупнейшим на Волге центром судостроения, паровозостроения и машиностроения. Он был мощным водным узлом, имел большую железнодорожную службу. Расположенный здесь порт был первым в России по приемке грузов и вторым (после Астрахани) по их отправке. Нижний был городом рабочих. Большинство многочисленной армии пролетариев, несмотря на происки эсеров и меньшевиков, твердо поддерживали власть Советов. Именно на них, а также на беднейших крестьян, на моряков-волжан сделал свою ставку Н. Маркин. Он знал, что они откликнутся на призыв большевиков.

...Вскоре после прибытия Н. Маркина в самых оживленных местах Нижнего появились объявления:

«Бывшие моряки Российского Военного Флота всех специальностей призыва с 1910 по 1917 гг. приглашаются для записей в целях поступления на службу во вновь формируемый военный морской отряд.

Заявления и записи будут приниматься ежедневно от 10-ти час. утра до 3-х час. дня с 25-го сего июня 1918 года в Коллегии Управления Всероссийского Военно-Морского Porta (Канавино, Сорокинское Подворье). От желающих поступить в отряд требуется признание платформы Советской Власти и безукоризненная честность как по отношению к Начальству, так и к своим товарищам. Не имеющих этих качеств, просим не беспокоиться.

Комиссар Волжской Военной Флотилии Н. Маркин.

Прохожие, привлеченные строгим и четким языком объявления, останавливались, читали.

— Это ж кто таков, этот Маркин?

— Моряк, с Балтийского.

— Ну раз с Питера, порядок наведет.

Вскоре по Окской набережной, по Нижнему базару, по ярмарочным улицам и площадям замелькали подтянутые матросские фигуры. Моряки шли к небольшому трехэтажному зданию бывшего Сорокинского подворья. Здесь и встречал их комиссар Волжской флотилии, в сшитом из байки бушлате, в соломенной шляпе, из-под которой улыбаиво глядели синие глаза. Он с пристрастием расспрашивал добровольцев. Ведь приходили не только моряки. Призыв о необходимости защиты великой русской реки нашел отклик в сердцах многих людей. Сюда, в Канавино, шли бывшие пехотинцы, кавалеристы, авиаторы, бывшие гвардейцы, уланы, артиллеристы.

Первыми моряками Волжской флотилии стали пулеметчики Н. Карташов, Е. Орехов и В. Реаторский. Н. Маркина радовало не только то, что они были отменными специалистами, главное — они твердо стояли на позициях Советской власти. Карташов прежде служил пулеметчиком в кавалерии, возглавлял даже пулеметную команду. Реаторский тоже воевал пулеметчиком, но только в пехоте. Орехов был добровольцем рабочей дружины. Н. Маркин охотно принял их, решив, что эти парни смогут обучить пулеметному делу других моряков. Он вызвал флаг-секретаря А. Прохорова и приказал зачислить пулеметчиков на все виды довольствия. Прощаясь с моряками, комиссар сказал:

— Что ж, дорогие товарищи, вы родились и выросли на Волге. Вам придется быть в первых рядах, защищать

Заседание Совета Народных Комиссаров с участием В. И. Ленина. Петроград, 1918 г.

Активные работники
Военной организации
при ЦК РСДРП (б).
Первый ряд
(справа налево):
П. В. Дашкевич,
Н. И. Подвойский,
В. И. Невский,
К. А. Мехоношин,
К. А. Орлов;
второй ряд:
А. И. Тарасов-
Родионов,
В. Л. Панюшкин,
М. С. Кедров,
Б. М. Занько. ▶

Н. И. Подвойский,
студент
Демидовского
юридического
лицея. 1903 г.

Н. А. Подвойская.
1904 г.

Удостоверение Н. И. Подвойского — председателя
Военно-революционного комитета при Петроградском Совете
рабочих и солдатских депутатов.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
КОМИТЕТ
ПРИ ПЕТРОГРАДСКОМ СОВЕТЕ
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ.

Петроград 27-го Октября
1917 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящим удостоверяется, что товарищ
ПОДВОЙСКИЙ состоит председателем Военно-
Революционного Комитета при Петроградском Совете
Рабочих и Солдатских Депутатов.

Председатель

Секретарь

27/10 1917
1251

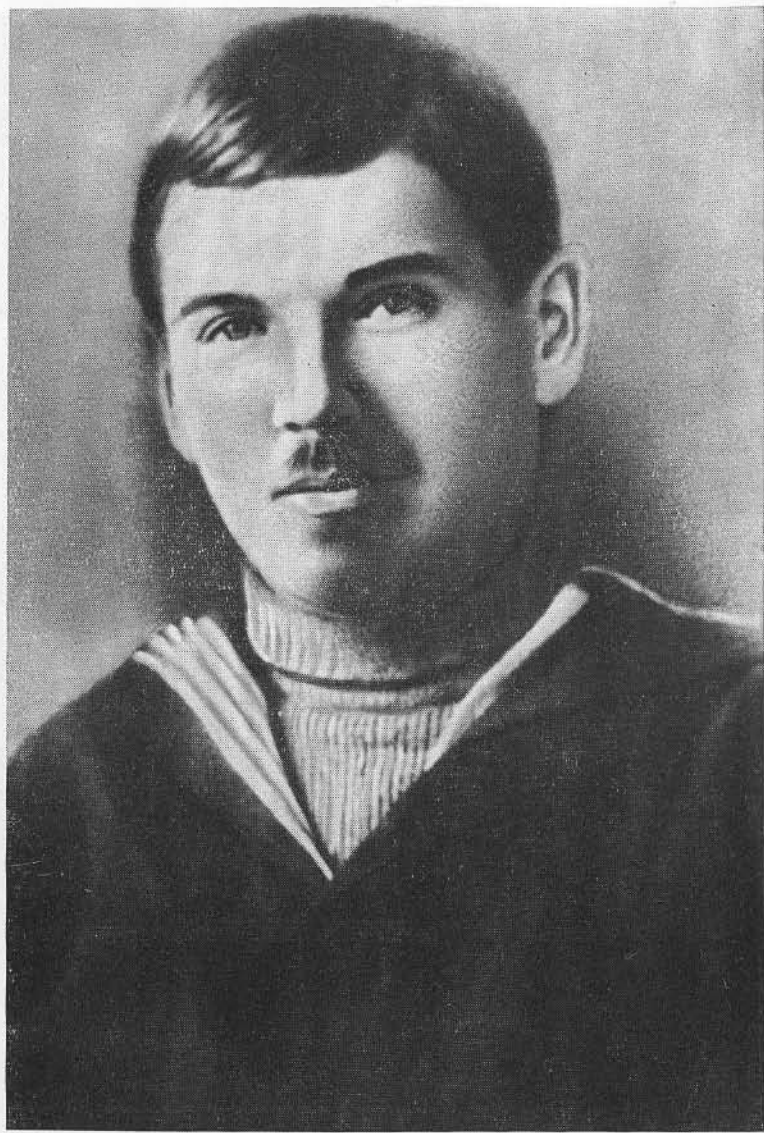
Н. И. Подвойский выступает на красноармейском митинге. Южный фронт, 1918 г.

Н. И. Подвойский со своими детьми Львом, Олесей и Лидой в поезде ВВИ. 1918 г.

Н. И. и Н. А. Подвойские.
Последняя фотография. 1948 г.

Н. Г. Маркин. Снимок до 1917 г.

Мать и сестра
Н. Г. Маркина.

Н. Г. Маркин
с племянницей
Верой.

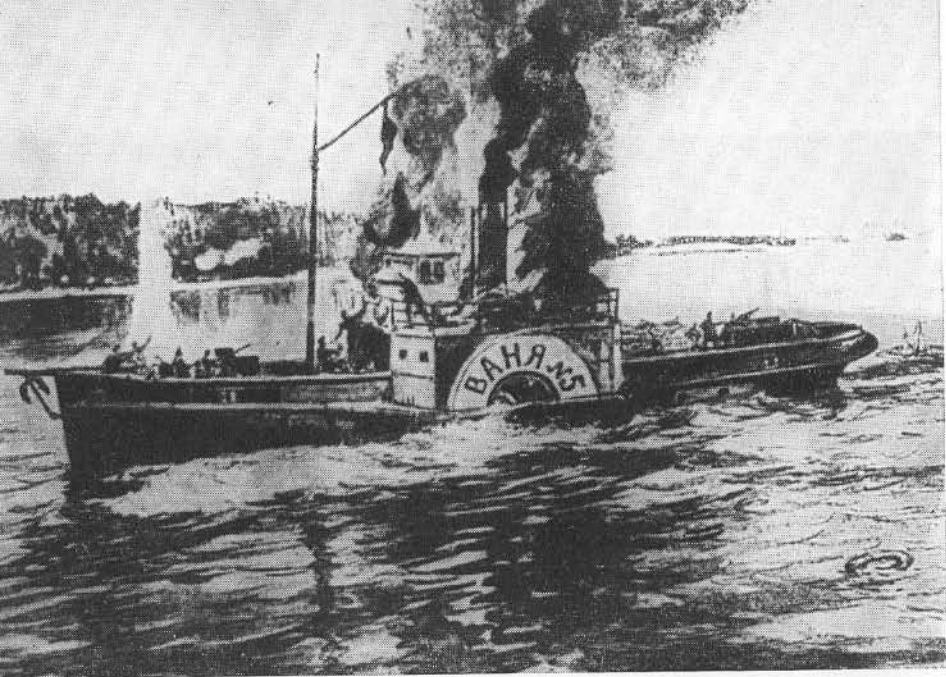
Группа моряков с канонерской лодки
«Ваня-коммунист». 1918 г.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

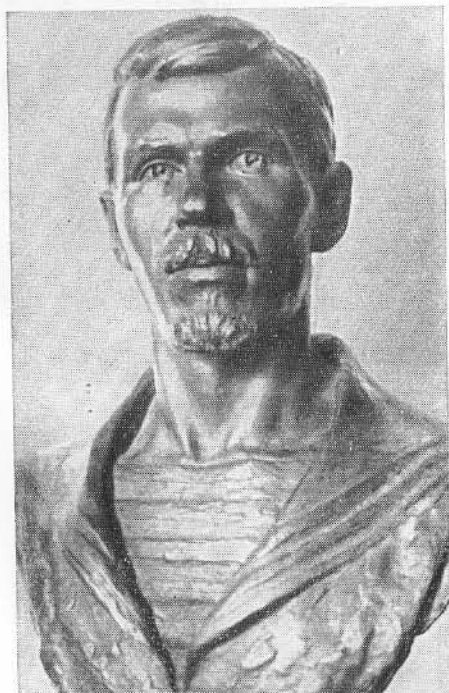
Бывшіе моряки Россійскаго Военнаго Флота всѣхъ специальностей призыва съ 1910 по 1917 г.г. приглашаются для записей въ цѣляхъ поступленія на службу во вновь формируемый военный морской отрядъ.

Заявленія и записи будутъ приниматься ежедневно отъ 10-ти час. утра до 3-хъ час. дня съ 25-го сего іюня 1918 года въ Коллегіи Управленія Всероссійскаго Военно-Морскаго Порта (Канавино, Сорочинское Подворье). Отъ желающихъ поступить въ отрядъ требуется признаніе платформы Совѣтской Власти и безукоризненная честность какъ по отношенію къ Начальству, такъ и къ своимъ товарищамъ. Не имѣющихъ этихъ качествъ, просимъ не беспокоиться.

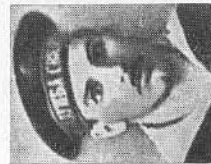
**Комиссаръ Волжской Военной
Флотиліи Н. МАРКИНЪ.**

Гибель
«Вани-коммуниста».
Рис. неизвестного
художника.

Скульптурный портрет
Н. Г. Маркина. Работа
скульптора
К. С. Чеботарева.

М. Азизбеков. 1917 г.

Бакинское реальное училище,
в котором учился М. Азизбеков. ►

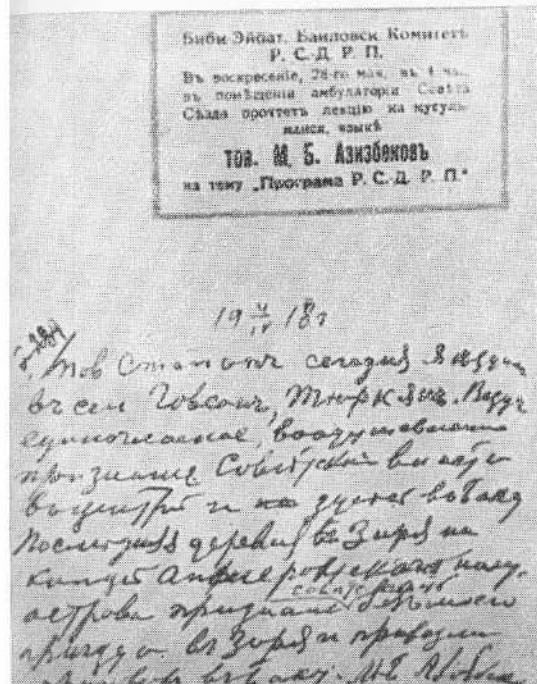
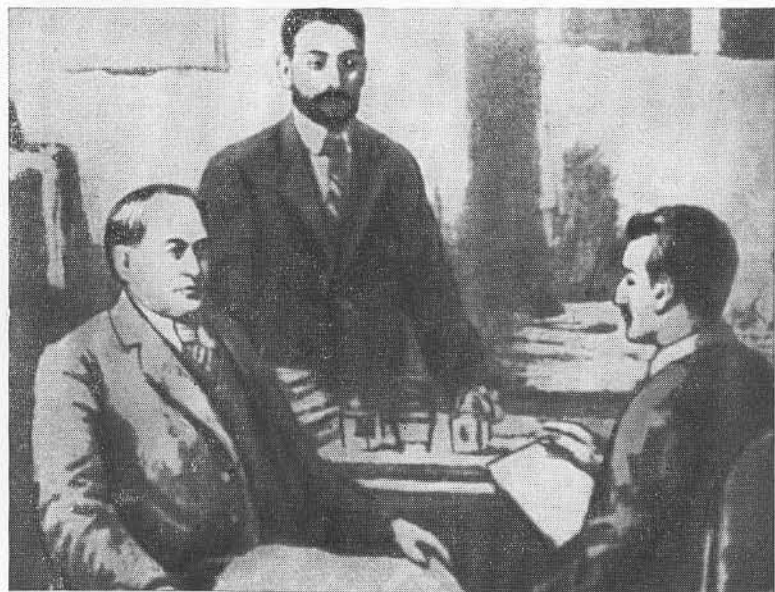
Отец М. Азизбекова Азимбек и мать Сальминаз.

Большевистская
печать
Азербайджана.

В редакции
газеты «Гуммет».

Записка М. Азизбекова
о проведении собраний
в поселке Тюркян
и в селе Зиря. 1918 г.

Выступление
М. Азизбекова во время
сентябрьской стачки.
Баку, 1917 г.

Горельеф, посвященный бакинским комиссарам, в г. Баку.

и освобождать матушку-Волгу. Завтра же примите пулеметы, которые будем устанавливать на боевые суда, и приступайте к обучению моряков пулеметному делу.

Количество добровольцев неизмеримо выросло, когда в Нижний прибыли моряки-черноморцы. Выполняя приказ В. И. Ленина, они затопили свои корабли в Новороссийске. Но служба матросская для них не закончилась. Моряки нужны были Советской Республике, и она направила их на Волгу. Разместились черноморцы на территории Нижегородской ярмарки, заняли несколько гостиниц. Штаб расположился в маленькой комнате на втором этаже гостиницы «Россия». Здесь с ними и вели беседы комиссар и его помощники.

Всем зачисленным во флотилию выдавалось соответствующее удостоверение. «Предъявитель сего, — было написано в нем, — есть матрос Рабоче-Крестьянского Красного Флота... Находится в составе Волжской Военной флотилии в качестве... с... по... Настоящий документ считается недействительным, если матрос будет находиться в десяти верстах от судна без надлежащего отпускного свидетельства...»

Такое строгое правило было применено Н. Маркиным с целью пресечь в формируемой им флотилии разброд, шатания, дезертирство. К себе в подчинение он брал только надежных, проверенных людей. Тех же, о ком у него еще не сложилось мнение, он направлял в так называемую «переходную роту», где они проходили испытательный срок.

Зачисленные во флотилию моряки, со своей стороны, должны были давать письменное обязательство служить не менее шести месяцев, строго соблюдать дисциплину, не жалеть себя при защите Советской власти.

Мир тесен. Н. Маркин, принимая добровольцев, встретил в Нижнем многих своих старых знакомых — по Петрограду, Москве, Кронштадту.

С эшелоном черноморцев прибыл Иван Колбин. Его Николай знал еще по Балтике. Вместе входили в Кронштадтский комитет партии, вместе сотрудничали в большевистской газете «Голос правды». Вместе поднимали моряков против царизма, против Временного правительства. Крепко обнялись старые большевики (а им-то обоим вместе еще и полсотни не набралось) и принялись за де-

ло. Колбин был назначен помощником начальника штаба флотилии. Позже он стал начальником ее политотдела.

Среди черноморских моряков находился и матрос Всеволод Вишневский. Бросив гимназию, он убежал на фронт, когда ему было четырнадцать. Воевал. Заслужил боевые награды. Потом вернулся в гимназию. Окончив ее, В. Вишневский, как он позже вспоминал, пошел добровольцем на службу в Красный флот — «тяга к морю у меня была всегда, а беззаветная храбрость матросов и их преданность революции окончательно решили мой выбор». В. Вишневский позже тепло писал о своей первой встрече с Н. Маркиным: «Меня принял организатор флотилии — легендарный комиссар товарищ Маркин и назначил пулеметчиком на военный корабль «Вая». Смысленный юноша, уже три года воевавший на фронтах, понравился Н. Маркину. Комиссар не боялся поручать ему ответственные задания. Здесь же, в Волжской флотилии, В. Вишневский стал коммунистом.

Однажды, шагая по улице, Николай обратил внимание на моряка, который внимательно наблюдал за ним. Присмотрелся сам и узнал — Георгий Корягин. Старый знакомый еще по учебно-минному отряду. Начались расспросы, что и как. Григорий удивился:

— Ты ведь из Пензы? Что же делаешь в Нижнем?

Н. Маркин коротко рассказал о своей работе, об организации флотилии. Потом они вспомнили учебно-минный отряд и то, как во время экзамена оба корпели над нисьмом и арифметикой, вспомнили и марксистский кружок в Кронштадте.

— Ну так что? — прервал Николай воспоминания. — Идешь в Волжскую флотилию? — И, получив утвердительный ответ, сказал: — Назначаю тебя старшиною электриков.

Так, с легкой руки комиссара флотилия пополнилась еще одним верным защитником Советской власти. Георгий Николаевич Корягин всю свою жизнь посвятил борьбе за ее высокие идеалы. После Волжской флотилии воевал в отряде моряков на Украине, работал в ЧК, участвовал в войне с белофиннами, в Великой Отечественной войне. Куда бы ни бросала судьба моряка, он всегда в трудную минуту жизни вспоминал Н. Маркина, своего любимого комиссара. «Замечательный человек нашей эпохи» — так написал о Н. Маркине Г. Н. Корягин спустя сорок лет.

...Дни летели. На громадное количество дел не хватало времени. Наряду с набором экипажей Н. Маркину приходилось заниматься и подготовкой судов, их оснащением, экипировкой. Он сразу определил «слабые места» имевшихся пароходов: корпус тонкий — пуля пробивает насквозь; на многих из них машины и котлы были подняты выше палубы, что тоже делало их очень уязвимыми; кроме того, пароходы по сравнению с морскими судами были неповоротливы. Но тем не менее из этих разномастных мирных «купцов», барж, пароходов и катеров необходимо было создать грозные боевые корабли, способные противостоять вражеской флотилии.

Первые же шаги Н. Маркина по переоборудованию судов натолкнулись на жесткий отпор бывших хозяев, а также эсеров и меньшевиков. Лучшие пароходы приводились в негодность, угонялись в дальние затоны — «ушли, мол, в низовье, за хлебом». Но комиссар был готов к такому повороту событий. С помощью нижегородских коммунистов он обследовал все те места, где могли быть запрятаны пароходы. Было обнаружено шестнадцать судов. Но шесть из них Н. Маркин забраковал сразу же. «Не подходят, старые, маломощные, тихоходные». Остальные десять были обследованы, а затем переправлены на завод «Теплоход». Предстояло оснастить их оружием, дооборудовать.

И здесь, на заводе, Н. Маркину опять пришлось вступить в нешуточную схватку с меньшевиками и эсерами. Несколько инженерно-технических работников «Теплохода» заявили, что не будут руководить работами. Дескать, комиссар хочет попросту уничтожить пароходы, которые не приспособлены и не могут быть приспособлены к ведению военных действий, а потому неизбежно погибнут в бою. На этом основании они отказались вооружать суда. «Хотим плавать по нейтральной Волге!» — это было лозунгом тех, кто стоял на платформе меньшевиков и эсеров, лозунгом всех саботажников, яростное сопротивление которых приходилось преодолевать Н. Маркину.

Там же, на заводе «Теплоход», Н. Маркин собрал митинг. Собранный, напряженный, как пружина, он выступил перед рабочими:

— Лозунг о нейтральной Волге — самый предательский лозунг, — горячо говорил Николай. — Меньшевики и эсеры в лицо нам кричат о нем, но за этим внешним нейтралитетом мы видим белогвардейцев, расстреливающих рабочих. Белые занимают на Волге все новые го-

рода, а мы, видите ли, должны оставаться нейтральными! Нет! Рабочие Нижнего не должны безучастно смотреть на то, как белогвардейцы идут к Москве. За работу, товарищи! Время не ждет!

Меньшевики и эсеры, пытавшиеся сорвать митинг, прощитались. Нижегородские рабочие, испытанные на себе гнет богатеев-заводчиков, поддержали комиссара.

— Выходим все на работу!

— Вооружим пароходы...

— Не допустим белых в Нижний...

С одобрением было встречено решение комиссара об аресте эсеро-меньшевистских саботажников. И уж совсем успокоительной музыкой для Маркина прозвучали слова, сказанные кем-то из рабочих:

— За пароходы, Маркин, теперь будь спокоен. Наше слово крепкое!

Рабочие «Теплохода» под руководством инженера Олигера в самые короткие сроки покрывали броней буксирные пароходы, устанавливали на палубе орудия. Работы велись быстро, но время требовало работать еще быстрее. Н. Маркин решил снова поговорить с рабочими.

— Товарищи, предлагаю обедать и ужинать не дома, а на заводе. Экономим время на этой ходьбе. Есть же можно на месте, как делают это моряки. Те, кто останется на сверхурочную работу, будут получать дополнительное питание...

Ремонтники согласились с предложением комиссара. И это дало свои результаты. Производительность труда в следующие дни заметно повысилась. Коммунисты, передовые нижегородские рабочие трудились по шестнадцать и более часов в сутки.

Н. Маркин внимательно следил за ходом работ. Он вникал во все детали — как лучше сделать крепеж, как удобнее располагать помещения, каюты, размещать вооружение. Возникали заминки — и Маркин тут же старался устранить их. Не оказалось чего-то под рукой — Маркин шлет телеграмму в наркомат, требует помощи. «В первую очередь, — подчеркивал он, — необходимо абсолютно срочно: 4 пушки 4-х дюймовые или 120-мм морские со станками и снарядами; 20 пушек 47-мм со всеми принадлежностями и снарядами; 10 пушек 37-мм с тумбами и снарядами. Обмундирование на 500 человек...» И вскоре от петроградских и московских оружейных, судостроительных, металлургических заводов, с центральных складов приходит необходимое оборудование и снаряжение.

...Неожиданно упала производительность труда у ремонтников завода «Нижегородский пароход». Н. Маркин выяснил причину — и сердце его сжалось. Рабочие были истощены, они получали всего по четверти фунта хлеба в сутки. Нужно было принимать срочные меры. Он обращается в Нижегородский Совет рабочих и крестьянских депутатов с просьбой отпустить муки для рабочих. Когда же выяснилось, что в городе муки нет, Н. Маркин отправляет своего помощника с отрядом краснофлотцев добывать продукты у кулаков и торговцев хлебом. Понимая, как непросто приходится комиссару Волжской флотилии, Я. М. Свердлов 22 июля 1918 года направляет телеграмму Нижегородскому губкому партии: «Предлагаю оказывать всяческое содействие всех учреждений т. Маркину порученной ему работе». А вскоре Совет Народных Комиссаров постановил ассигновать в распоряжение Наркомата по морским делам 25 миллионов рублей на формирование Волжской военной флотилии.

...Не хватает рабочих рук. И комиссар обращается к морякам — помогите ремонтникам. Те с готовностью откликаются на просьбу. В. Вишневецкий вспоминал впоследствии: «Принимается решение всем идти на суда работать вместе с рабочими. Идет непрерывный боевой субботник, хотя до появления известных субботников было еще далеко. На «Сереже» стук и скрежет молотков и сверл. Орудия громяхают по железной палубе. Разгоряченный и опьяненный делом, работает наш механик товарищ Федоров. Маркин — всюду».

Да, Маркин был всюду. Его надвинутую на глаза соломенную шляпу можно было видеть то в заводских цехах, то в штабе флотилии, то в губпарткоме, то в авиаотряде, то на кораблях. Тут, на кораблях, Маркин появлялся все чаще и чаще. Предстояло важное событие — испытание изготовленных судов. Волновался комиссар, волновались специалисты. Выдержат ли пароходы, баржи и катера орудийные установки?

Артиллерийские пробы решили провести на реке, в отдалении от населенных пунктов. Зарядили орудия. От их замков на берег протянули длинные шнуры. Все спрятались. Команда «огонь!». Гремят выстрелы трехдюймовых орудий. Пароход только вздрагивает. Выскочившие из укрытий люди кричат «ура!» и бросают вверх фуражки, бескозырки. В массе головных уборов взлетает и соломенная шляпа комиссара.

Маркин всюду. Чем уже сжимается кольцо белогвар-

дейских войск и чехословацких мятежников, тем больше осложняется обстановка в городе и губернии. Все чаще приходят известия о действиях кулацких банд. Для их подавления флотилия направляет специальные отряды в Вязовку, Дальне-Константиново, Борисово-Покровск и другие города. Отряды эти иногда возглавлял сам комиссар. В июле он докладывал наркомвоенмору:

«Сейчас мой отряд оперирует в Арзамасском уезде в составе 80 человек.

Большое моральное впечатление производит на белогвардейцев матросская форма, белогвардейцы бегут в панике, все бросая, правда, наши лошады не дают».

Маркин всюду. Он работает, забывая про отдых, сон, еду.

...Катер шел из Моховых Гор в Нижний. Выдался момент, когда Маркин позволил себе минуту отдыха, сел, задумался. Подошел старшина пулеметчиков Карташов.

— А, первый доброволец Волжской флотилии, — улыбнулся комиссар. Отодвинулся к борту: — Садись, рассказывай, как житье-бытье.

Присев рядом, Карташов вдруг спросил:

— Николай Григорьевич, когда же вы спите и едите? Все видят вас занятым целыми днями и ночами...

Маркин снова улыбнулся и пошутил:

— В военное время спать не положено. — Потом добавил: — А есть... Есть надо по-походному.

Он достал сверток, развернул. Разделив хлеб, масло и сахар, отдал одну часть Карташову, а сам принялся за другую. Поев, Маркин налил кружку кипятка, выпил ее и сказал:

— А сейчас, пожалуй, я действительно немного отдохну. — И пошел в кубрик. У порога остановился, попрощался: — Когда будем швартоваться, прошу разбудить...

К концу июля силы белых преобладали как на воде, так и на суше. Красная Армия с боями отходила правым берегом по направлению к Казани. Вечером 5 августа с кораблей противника, захватившего казанские пристани, высадился на берег десант чехословацких мятежников. Два дня продолжались жестокие бои — и белогвардейцы полностью овладели городом. Падение Казани создало непосредственную угрозу Нижнему Новгороду.

Изменение обстановки на фронте сразу почувствовали

притаившиеся в городе враги — бывшие золотопогонники, кулачье, купечество. По городу поползли обывательские слухи:

— Белые вот-вот будут, уже на подходе...

— Нечего оборонять Нижний, а то жертв будет много.

— Пусть комиссары бегут, а мы объявим Волгу нейтральной.

Обеспокоенный серьезностью ситуации в Нижнем Новгороде, В. И. Ленин 9 августа пишет письмо председателю Нижегородского губисполкома. В нем он обозначил необходимость экстренных мероприятий.

Для Н. Маркина это письмо стало программой действий. Он собрал на митинг матросов и командиров флотилии:

— Город мы не сдадим. Враг должен получить здесь такой отпор, которого не встретил ни под Самарой, ни под Симбирском, ни под Казанью.

Созданный по указанию В. И. Ленина военно-революционный комитет, куда вошел и Н. Маркин, взялся за наведение порядка в городе. Были раскрыты несколько заговоров, арестованы их организаторы. В самые короткие сроки все имевшиеся в распоряжении большевиков силы были мобилизованы на защиту города. Чтобы предупредить прорыв, командующий Восточным фронтом, которому была подчинена и Волжская флотилия, издал приказ: отправить к месту боев все суда.

...Погожим августовским днем флотилия уходила из города. Провожавших было много. Состоялся короткий митинг.

— Спасибо, дорогие товарищи, за работу, — от имени моряков благодарил Н. Маркин ремонтников. А те в ответ напутствовали уходящие суда:

— Бейте контру насмерть!

— Счастливого пути!

— Идем с победой!

Корабли Волжской военной флотилии двинулись вниз по реке. Их путь долго еще можно было проследить по густым клубам дыма, стлавшегося по реке. Десятки, сотни глаз с надеждой и тревогой смотрели им вслед.

Комиссар флотилии Николай Маркин «держал флаг» (хотя флага на своих кораблях ни он, ни командующий флотилией не поднимали) на «Ване». Это был низко осевший и широкий, почти круглый пароход; напоминавший

сковородку, спущенную на воду. Он бодро шлепал колесами по воде. Кожухи колес были не по корпусу высоки и громадны, а низкая и толстая труба, расширявшаяся наверху, походила на башню шестидюймового орудия. Но «Ваня», этот корабль, совсем недавно бывший собственностью волжского миллионера Сталева, при всей неуклюжести своего внешнего вида был построен прочно и надежно. Он хорошо слушался руля, неплохо маневрировал.

«Ваня» шел вслед за сторожевым катером «Олень». За ним на буксире следовал плавучий форт «Сережа», переоборудованный из нефтеналивной баржи и вооруженный, кроме двадцати двух орудий, еще двадцатью пулеметами. Н. Маркин с гордостью поглядывал на «Сережу». Ведь именно по приказу Н. Маркина была реквизирована эта только что спущенная на воду заводом Курбатова громадная железная баржа, вмещающая 125 тысяч пудов груза. Этот речной дредноут имел много преимуществ. При полной загрузке, например, он оседал только на один аршин, что позволяло ему проходить любые мели. «А если залить водою некоторые отсеки, — говорил Маркин, — на нем можно будет свободно выходить в Каспий!» Николай ни на минуту не сомневался, что именно там и очень скоро окончат свой поход волжские корабли. Чувство гордости, которое он испытывал, глядя на «Сережу», омрачалось, однако, одним обстоятельством. Комиссар видел, что тяжелая баржа существенно замедляет движение не только «Вани», но и всей флотилии.

— Для него необходим специальный буксирный катер, — размышлял вслух Маркин. — Может быть, этот подойдет?

Флотилия проходила мимо затона, где стоял двухтрубный буксир.

— «Мария», — кто-то в бинокль прочитал название судна.

— Поженим «Сережу» с «Маршей», — сразу же пошутили на «Ване».

— Пожалуй, подойдет, — оценивающе осмотрев буксир, сказал Н. Маркин. И скомандовал: — Взять пароход для флотилии!

Переговоры с капитаном и командой закончились успешно. «Мария» взяла «Сережу» на буксир. «Ваня», а вслед за ним и все корабли флотилии увеличили скорость.

Встреча с кораблями, ушедшими из Нижнего несколько раньше, произошла у Свяжска. Радостно приветство-

вали моряки прибытие главных сил. И. Дойников, командир парохода «Ольга», прямо на капитанском мостике пустился в пляс. Сами собой сложились немудреные матросские частушки:

Эх, яблочко, да прикатилось ты,
В самый раз под Казанью пригодилось ты;
Мы с тобой угостили белых досьта,
Время вверх идти ими проспано.

...Волжская военная флотилия готовилась к серьезным боям, к освобождению Казани. В конце августа в ее составе уже были три миноносца, девять вооруженных пароходов, две плавбатареи, четыре катера и свой авиатряд, состоящий из четырех самолетов.

Были произведены и организационные изменения. 23 августа вместо не справившегося с руководством флотилией Р. Бернгардта командующим был назначен Ф. Раскольников. Помощником командующего и комиссаром военной флотилии стал Николай Маркин. Вместе с новым командующим приехала его жена журналистка Лариса Рейснер. В своих очерках и корреспонденциях, которые публиковались потом в газете «Известия», она эмоционально и красочно рассказала о боевых действиях флотилии, о героизме ее матросов.

Новое командование приняло активные меры для повышения организованности и дисциплины личного состава. Моряки-балтийцы, влившиеся в состав Волжской флотилии, принесли с собой дух революционного оптимизма, боевой задор, готовность к борьбе. Настроение рвавшихся в бой моряков в те дни было можно выразить одним лозунгом: «Даешь Казань!»

Командование флотилии не стало дожидаться наступления белых и решило нанести несколько мощных ударов по противнику. Первая серьезная стычка произошла в районе Верхнего Услона. Здесь красные моряки применили неожиданный для белых тактический прием. Открыв огонь, несколько судов сразу же в начале боя стали отходить. Ощущая свое превосходство, флотилия белогвардейцев бросилась в погоню и... попала под удар стоящего в засаде плавучего форта «Сережа». Маркин был доволен. Это его «детище» точными залпами своих многочисленных орудий сбilo спесь с противника. Суда белых в панике заметались. Многие их корабли получили серьезные повреждения и поспешно отошли вниз по

Волге. На следующий день морякам удалось отбить у врагов баржу с продовольствием и боеприпасами.

Первый успех воодушевил всех. Весть о победе в речном бою, подобно птице, облетела войска 5-й армии, с которой взаимодействовала флотилия.

В течение двух дней флотилия вела почти непрерывные бои. Одновременно была произведена детальная разведка, получены данные о созданной белогвардейцами системе обороны, о позициях их артиллерии.

Первые победы принесли с собой и первые потери. Гибли люди, выходила из строя техника. Проанализировав ситуацию, Н. Маркин приходит к выводу: необходимо продолжать укреплять суда. Он едет к ремонтникам, выступает перед ними, убеждает в необходимости установить на «Ване» и других судах специальные щиты для палубных команд, находившихся у орудий. Как виделось Маркину, именно это позволило бы надежно защитить комендоров от пулеметного огня противника. Рабочие согласились быстро выполнить заказ моряков.

Последовавшие затем бои были чрезвычайно жестокими и упорными. Никто, ни красные, ни белые, не желал отступать. В этих условиях нужна была особая твердость духа, выдержка и смелость. «Все ли моряки флотилии обладают такими качествами? — задавался вопросом комиссар. — Все ли выдержат это тяжкое испытание, не дрогнут ли в бою? Ведь дальше будет еще труднее...»

Перед началом новой операции он выстроил команду на палубе:

— Мы идем на поединок с головным судном белой флотилии, — начал комиссар свое выступление. — Кто боится смерти, пусть честно выйдет вперед, чтобы в бою не сеять панику. Трусость в решающий момент подобна смерти!

Над палубой нависла тишина. Потом вперед вышли два матроса.

— Сходите на катер, — зло сказал им Маркин. — Катер вас спасет, в бой не пойдете.

Моряки стоявших рядом с «Ваней» судов начали свистеть, кричать:

— Труссы!

Немного потоптавшись на месте, оба матроса вдруг заявили:

— Мы не хотим уходить. Мы решили — пойдем вместе с вами в бой.

— Не сдрейфите? — спросил их Маркин.

— Нет, — твердо заявили те. — Будем сражаться до последней капли...

...И снова бои. Сутками продолжались схватки. В одной из них сошлись «Ваня» и белогвардейский корабль «Ливадия». Суда сблизилась на расстояние винтовочного выстрела. Вот как описал впоследствии этот бой В. Вишневецкий:

«Снова выходим за поворот. Снарядов мало, очень мало. Приходится надеяться на пулеметы. Противник крепко встречает, идет быстро на сближение. Дистанция уменьшается со страшной быстротой. Комендоры входят в азарт. Выстрелы частят. Стоит непрерывный грохот и звон падающих гильз... Подана команда: взять ручное оружие! Мы ждем абордажного боя. Какой редкий случай! Наконец время вмешаться и нам, пулеметчикам. Стоя и лежа на открытом мостике, мы четверо — Штуц, Рябчинский, я и еще один — открываем огонь из четырех «максимов». Ленты с нервными подергиваниями опускаются одна за другой. Из пароводных трубок хлещет пар. Маркин впился глазами в приближающийся белогвардейский корабль «Ливадия». Еще немного, и корабли будут таранить друг друга. Рулевые неподвижны. Лоцман — бородатый волгарь — бледен и жалок... Стреляю в боевом упоении, одной рукой нажимая спуск, другой подтягивая узкие патронные ящики... Белые дрогнули. «Ливадия» покатила в сторону. Мы уже не имеем снарядов, но преследуем, не можем остановиться. Палуба пожелтела от патронных гильз. Надульники матового цвета от порохового налета... Все страшно возбуждены. Нам что-то кричат с палубы — грубое, задорное. Вероятно, наша стрельба пришлась по вкусу...»

...31 августа из штаба Восточного фронта прилетела страшная весть: правые эсеры совершили злодейское покушение на вождя пролетарской революции В. И. Ленина. Во флотилии, как и во всех частях Красной Армии, люди стихийно собрались на митинг. Выступавших было много, все хотели высказать свой гнев, свою ненависть к врагам Советской власти:

— Мы возмущены дерзким покушением!

— Раны Владимира Ильича — наши раны. Его боль жжет наши сердца больше, чем вражеская пуля!

— Каждая капля его крови будет отомщена!

Весь Восточный фронт жил призывом: за одну рану Ильича отбить его родной город Симбирск, а за вторую — освободить Самару!

Красноармейцы и моряки шли в наступление, горя стремлением разделаться с врагом, отомстить за раны вождя революции.

...День за днем — уже целую неделю флотилия вела жестокие бои. Энергия, натиск, рождавшийся в боях опыт заставляли вражеские суда отступать. Волжская флотилия приближалась к Казани. Но сдавать ее просто так враг не собирался. В те тревожные и напряженные дни комиссар флотилии всегда был там, где кипел самый жестокий бой, где решалась судьба сражения.

...Бригада полковника Капшеля внезапно ударила в тыл 5-й армии. Под угрозой захвата оказался ее штаб. Положение сухопутных войск у Свияжска стало критическим. Командование флотилии решило помочь им десантом моряков. Н. Маркин набирает добровольцев. И вот уже форт-баржа «Сережа» высаживает их на берег, и десант сразу вступает в бой. При виде черных бушлатов и полосатых тельняшек белогвардейцы в панике отступили.

...Необходимо разведать позиции белой артиллерии, прикрывающей подходы к Казани. В тыл врага направлена группа добровольцев. Возглавляет ее Н. Маркин. В «вольном платье», в шляпе он совсем не похож на моряка-комиссара. Под стать ему экипируются другие разведчики. Группа проникает далеко за передовую цепь противника. Сквозь бинокли моряки внимательно изучают берег реки. Есть! Батареи обнаружены! Разведчики уходят назад. «Сережа» заставляет замолчать белогвардейские батареи.

...Маркин вызывает к себе командира авиаторов бывшего балтийца летчика Э. Столярского:

— Нужно узнать, что делается в тылах белых, где их резервы, склады. Хочу слетать с вами на разведку.

— Высоты не боитесь?

— Нет.

И вскоре один из гидросамолетов, на котором находились Столярский и Маркин, облетает тылы белых...

Ради достижения цели, которая стоит перед ним во всей своей определенности, — ради победы революции Н. Маркин готов выполнить любую задачу. При этом в круговороте больших дел, в каждодневной суете Николай не забывает о главном, о том, что он комиссар, на котором лежит ответственность за политическое воспитание моряков. Коммунистов в экипажах судов и среди рабочих-ремонтников было мало. Это очень осложняло работу. Через Нижегородский губком партии Николай подбирает надежных, преданных людей, которые были назначены комиссарами судов. Опираясь на них, Маркин и проводил партийно-политическую работу.

Заниматься нужно было всем. Вот, например, на «Добром», как эпидемия, вспыхнуло повальное увлечение игрой в карты. Комиссара, который пытался пресечь эту картежную стихию, никто не слушал: «Играли и играть будем». Необходимо было жесткое решение. Разговор Н. Маркина с инициаторами-картежниками был короток: с корабля — вон! Зачинщики, не ожидавшие такого крутого поворота, переполошились. Лишь взяв с них честное революционное слово, Н. Маркин оставил их на судне. Свободное время отныне экипаж стал проводить за... чтением. Особенно всем нравилось повествование Демьяна Бедного о попе Панкрате. Правда, ради такого увлекательного занятия кое-кто махнул рукой и на службу... Сам очень любивший книгу, Н. Маркин деликатно сумел повернуть дело так, что именно те, кто воевал лучше других, получили преимущественную возможность посвящать свой досуг чтению.

Н. Маркин видел, как в ходе боев мужают его боевые товарищи. Он всячески поддерживал складывавшиеся в коллективе хорошие традиции и, напротив, пресекал любые отступления от революционной морали.

...Под Морквашами группа моряков была послана на разведку. Возвращаясь обратно, матрос Карташов захватил в одном из оставленных хозяевами домов несколько томов энциклопедии. Ходивший вместе с ним пулеметчик матрос Вишневский взял граммофон с пластинками. Пусть, дескать, команда музыку слушает!

С этими трофеями Карташов и Вишневский прибыли на корабль. У трапа их встретил Н. Маркин:

— Вы что же мародерством занимаетесь?!

Матросы ознакомились. Карташов чистосердечно рассказал, где что взяли. И попросил комиссара:

— Может, оставим эти книги? Будем читать на досуге. Ведь они очень интересные. У нас на корабле книг мало!

Немного подумав, Н. Маркин распорядился:

— Карташова с книгами на борт принять, а Вишневному граммофон вернуть и положить туда, откуда взято. Обескураженный матрос пошел обратно.

В начале сентября войска 5-й армии, соединение В. Азина, суда Волжской военной флотилии начали наступательные действия под Казанью. 7 сентября были освобождены Верхний и Нижний Услоны, Почиче...

10 сентября корабли флотилии под орудийным огнем противника пришвартовались у казанской пристани. «Ваня» шел головным. За ним в кильватере — «Добрый», «Ольга», «Кововод», «Олень» и «Пересвет».

Маркин отдает приказ:

— Десант — на берег! — И первым спускается с корабля во главе отряда в сто человек.

— Вперед! Освободим Казань! — увлекает он моряков.

Огнем пушек и пулеметов суда поддерживают десантников. И вот, сбив в коротком бою белогвардейские цепи, моряки идут по улицам Казани.

Маркин доволен ходом боя, оперативностью, доволен темпами наступления. Белые бегут. Николаю доложили, что обнаружен брошенный белогвардейский штаб. Комиссар приказал осмотреть его. В штабе нашли документы, печати. Все это Маркин взял с собою. Кроме того, приказал погрузить на корабль стоявшие у штаба две 37-мм скорострельные английские пушки и запас снарядов к ним.

Днем отряд стройными рядами с красными знаменами прошел по городу. А вечером на пристани состоялся митинг. Команде канонерской лодки «Ваня», первой ворвавшейся в город, было вручено Красное знамя. Н. Маркин объявил благодарность личному составу всех кораблей, вручил памятные подарки лучшим воинам. Машинист «Вани» Петр Попов был награжден гитарой с надписью: «От Реввоенсовета республики. За штурм Казани. 10 сентября 1918 г.».

Владимир Ильич Ленин 11 сентября направил в Казань телеграмму: «Приветствую с восторгом блестящую

победу...» Через несколько дней вождь пролетарской революции обратился с письмом ко всем войскам, участвовавшим в этой операции:

«Товарищи! Вам уже известно, какое великое значение приобрело для всей русской революции взятие Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям. Тяжелые жертвы, понесенные вами в боях, спасают республику Советов. От укрепления армии зависит прочность республики в борьбе с империалистами, зависит победа социализма в России и во всем мире. От всей души приветствую геройские советские войска, армию авангарда эксплуатируемых, борющихся за свержение эксплуатации, и желаю дальнейших успехов.

С товарищеским и коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)».

Это письмо было с воодушевлением встречено моряками Волжской военной флотилии. На митингах его читали и перечитывали.

В те же дни в штаб флотилии поступила телеграмма от Революционного военного совета республики: «Моряки Волжской военной флотилии. В боях под Казанью ваша флотилия покрыла себя славой. Все суда соревновались в героизме и преданности рабочему классу. Славные моряки показали, что они остаются тем, кем были: красной гордостью революции... Братский привет, товарищи моряки. Вперед! Задушите гадину!»

Реввоенсовет предложил заменить старые названия судов, «унаследованные от царской и купеческой эпохи», новыми, соответствующими эпохе революционной. Во флотилии так и поступили. Боевое судно «Ольга» легко переименовалось в «Авангард революции», катер «Олень» стал «Борцом за свободу», «Пересвет» — «Борцом за коммуноу». Но когда очередь дошла до «Вани», дело застопорилось. Разгорелись споры. Морякам полюбилось название судна — простое русское имя. Большинство не хотело его менять. Тогда слово взял Н. Маркин. Он предложил к имени «Ваня» прибавить слово «коммунист».

— Ведь все моряки вели себя в бою, как коммунисты, — обосновал он свое предложение.

Корабль стал называться «Ваня-коммунист». Именно под этим именем он вошел в историю флота, в историю гражданской войны.

18 сентября основные силы Волжской военной флотилии были направлены на Каму для поддержки 2-й армии. Эта группа войск имела задачу подавить ижевско-воткинский мятеж, основными движущими силами которого были эсеры и находившиеся в подполье белогвардейцы.

Двигаясь вверх по Каме, флотилия участвовала в освобождении Чистополя, Елабуги, других городов.

Н. Маркин в это время по распоряжению Реввоенсовета находился в Нижнем Новгороде. Вновь занимался оснащением и переоборудованием судов для флотилии. В условиях напряженных боевых действий эта работа была бесконечной, и воистину один только Маркин, энергичный, деятельный, мог добиться необходимой четкости и оперативности в ходе ремонтных и монтажных работ на судах. Пока Николай ездил по заводам, команда ремонтировала «Ваню-коммуниста». Он все больше и больше обретал черты боевого судна. На корабле установили дальномер, противоаэропланную пушку. Ряд усовершенствований коснулся и машинного отделения.

29 сентября у Набережных Челнов «Ваня-коммунист» соединился с главными силами флотилии, которая настойчиво преследовала белогвардейские суда. Продвижение наших кораблей было таким стремительным, что они на несколько десятков километров обогнали сухопутные части Красной Армии.

30 сентября флотилия оказалась в нескольких километрах от села Пьяный Бор. Разведка донесла, что правый высокий и лесистый берег Камы занят белогвардейцами, они его укрепляют, а левый — свободен. Белогвардейские корабли находились в районе Пьяноборского острова, который делил русло Камы на два рукава.

Исходя из обстановки, Н. Маркин принял следующее решение. Утром 1 октября он высадил на берег десант — 25 человек во главе со старшим пулеметчиков Карташовым. Моряки получили приказ разведать местность, а затем открыть огонь по противнику, заставить его раскрыть систему огня. Десант был усилен двумя пулеметами и двумя пушками с «Вани-коммуниста».

Матросам повезло. На лугу им встретились двое крестьян на телегах и согласились помочь перевезти пушки и пулеметы. Проследив в бинокль, как моряки

исчезли в прибрежных кустах, Н. Маркин начал готовиться к предстоящему бою. Он еще раз прошелся по кораблю, заглянул в машинное отделение, побеседовал с моряками.

Вскоре на «Ване-коммунисте» был поднят сигнал: «Всем с якоря сниматься и следовать за мной». Канонерская лодка комиссара первой пошла вверх по Каме.

Маркин внимательно всматривался в берега. Приближенные окулярами, спокойно, в такт порывам ветра, качались деревья. Вспомнилось, как лодман объяснял, почему село называется «Пьяный Бор» — сосны на ветру качаются, словно от вина...

Его интересовал правый берег. Именно там укрепились белогвардейцы. Где-то там, у пристани, притаились вражеские корабли. Николай не сводил глаз с прибрежной полосы. Скоро должно появиться село. Нужно только обойти выступающий, поросший лесом мыс Малиновского. Корабль уже начал огибать этот мыс, когда до слуха моряков долетели звуки выстрелов. Это действовали десантники. Они заставили сняться с места корабли белых, вызывали их огонь на себя.

«Нужно увеличить ход», — решил Маркин, но вдруг наблюдатель доложил:

— Белые! На мысу!

В бинокль Маркин увидел на берегу сарайчики и сложенные в штабеля дрова. За ними мелькали неясные серые фигуры. Комиссару стал понятен план противника: пропустить красные суда, а когда они вступят в бой — громить их с двух сторон, с флангов.

— По поленицам! Огонь!

Носовое орудие, круто повернувшись, начало обстрел замаскированной батареи белых. Полетели вверх дрова, стала видна опрокинутая пушка.

— Огонь! Огонь! — командовал комиссар.

В машинное отделение он передал приказ — подготовиться к десанту. Корабль направился к мысу. Орудия бьют по уже не маскирующей артиллерийской батарее белых. Маркин за штурвалом, он сам ведет корабль. Все ближе берег. Все ожесточеннее стрельба. Еще мгновение, и десантники ринутся в бой...

Но матрос, делавший промер глубин, доложил:

— Глубина три фута.

Этого мало. К берегу подойти нельзя. Маркин отменяет десант. Матросы разбегаются по местам.

Теперь «Ване-коммунисту» приходится вести бой уже на два фронта. Носовое орудие комендора Овсейчука продолжает обстреливать берег, а кормовое орудие комендора Палланго ведет огонь по появившимся судам противника. Положение «Вани-коммуниста» становится сложным. Командующий флотилией с «Прыткого» передает: — Немедленно отойти.

Но не мог Маркин отойти. «Нет, Маркин, — вспоминала свидетельница этого боя Лариса Рейснер, — командовавший лучшим пароходом «Ваня-коммунист», привыкший к опасности, влюбленный в нее как мальчик, не мог со стороны наблюдать воинственную игру этого утра».

«Ваня-коммунист» продолжал вести свой неравный бой. Вражеские снаряды ложились все ближе и ближе к кораблю. Один из них разорвался над рубкой. Многие матросы были ранены. Взрывной волной Маркина отбросило от штурвального колеса. Он добрался до переговорной трубы и скомандовал машинному отделению:

— Дать полный задний!

Машинисты, матросы Кулик и Попов, мгновенно перевели кулису и дали задний ход. Но вдруг и в машинном отделении разорвался снаряд. Осколки перебили паропровод, исковеркали кулису. Судно потеряло управление, закружилось на месте...

Теперь белогвардейцы спокойно вели по нему прицельный огонь. Снаряды рвались все гуще. Пламя охватило корабельные надстройки. Орудия были повреждены...

На помощь «Ване-коммунисту» пытались пробиться другие корабли флотилии — «Прыткий», истребитель № 23, канонерские лодки «Товарищ» и «Авангард революции». Но и они попали в плотную завесу огня. Снаряд ударил в нефтяную цистерну «Товарища», подача топлива в топку котла прекратилась, судно на буксире увели с поля боя. Отошла также «Прыткий» и «Авангард революции». Только истребитель № 23 (один из шести доставленных по железной дороге с Балтики быстроходных катеров) подошел к «Ване-коммунисту» и спасал оказавшихся за бортом.

Лучший корабль Волжской военной флотилии, насквозь прошитый пулями, «Ваня-коммунист» продолжал бой. Огнем пулеметов, выстрелами из винтовок встречали моряки приближавшиеся белогвардейские суда. Окровавленные, израненные матросы заделывали пробоины, тушили пожар, выбрасывали за борт находившуюся в трюме взрывчатку. А враг наседавал. Взрывы снарядов, дым,

гарь... «Ваня-коммунист» охвачен огнем... Маркин приказывает команде оставить корабль, плыть к левому берегу.

Верный старому морскому правилу (капитан сходит с корабля последним!), комиссар лег за пулемет и стал прикрывать отход товарищей.

Еще один снаряд попадает в горящее судно. Взрывом сорван дальномер. Он зацепился за трос сирены, и сирена пронзительным воем покрыла звуки боя.

Борис Лавренев писал: «Ваня-коммунист» умирал в неравной борьбе и страшным голосом бьющего в сирену пара прощался с жизнью и звал о мести».

В том бою погибло около сорока матросов. Погиб и комиссар флотилии Николай Григорьевич Маркин.

«...Маркина ждали всю ночь — Маркин не вернулся, и о нем грустили, стоя у руля, молчаливые штурвальные, и наводчики у орудий, и наблюдатели у своих стекол, которые вдруг казались мутно-водянистыми от непролитых слез.

Погиб Маркин с его огненным темпераментом, нервным, почти звериным угадыванием врага, с его жестокой волей и гордостью, синими глазами, крепкой руганью, добротой и героизмом».

Это строки из воспоминаний Ларисы Рейснер.

Весть о гибели Николая Маркина облетела все Поволжье, печалью отозвалась на всех кораблях. Чтобы увековечить память погибшего комиссара, командование приняло решение присвоить его имя одному из пароходов флотилии. Героический «Добрый» стал называться: «Товарищ Маркин». Моряки не хотели считать погибшим и любимое детище Н. Маркина пароход «Ваня-коммунист». Именно поэтому первое же влившееся в состав флотилии судно получило имя героически погибшего корабля — «Ваня-коммунист». На этом судне были установлены снятые с погибшего «Вани-коммуниста» две 37-мм скорострельные пушки, которые Н. Маркин в свое время захватил при освобождении Казани.

16 октября корабль вышел из Нижнего. 20 октября он проходил место гибели своего предшественника, место, где вел он свой последний бой. На канонерской лодке моряки спустили флаг. Весь личный состав построился вдоль борта. Раздалась команда: «Смирно! Вечная память героям!» С трепетом и волнением смотрели матросы на стоявшее у берега обгоревшее судно.

Моряки отомстили белым за гибель любимого комиссара. Смелыми и мощными ударами они уничтожили несколько судов противника, отбили баржу с 522 пленными партийными и советскими работниками, отгеснили флотилию противника в реку Белую.

С именем Николая Маркина моряки громили белогвардейцев. Лариса Рейснер писала о том, как сражались они под Царицыном в 1919 году: «Когда совсем близко падают снаряды, когда над мачтами кружится аэроплан, высматривая добычу, то кажется, что со дна реки, из дыма, пены и брызг, поднятых всплеском, поднимается грозное и искаженное лицо Маркина и его непобедимые руки и голос, сильный, как гроза, хранят от гибели братьев... отражающих убийц народа».

Овеянный романтикой образ героического комиссара продолжает жить. В годы Великой Отечественной войны имя и жизнь Николая Маркина были в ряду тех героических примеров, которые вдохновляли советских моряков на беспощадный отпор фашистским захватчикам. «Маркин как бы шагал в одном строю с наследниками своей боевой славы», — писала газета «Красный флот» в 1947 году. В наши дни имя Н. Г. Маркина носит один из кораблей Военно-Морского Флота СССР. Моряки верны памяти славного комиссара. Большинство членов экипажа корабля «Николай Маркин» — классные специалисты, отличники боевой и политической подготовки. Каждый владеет рядом смежных специальностей и только на «отлично» выполняет боевые упражнения. Именем Н. Г. Маркина названы площадь в Горьком, село Русский Сыромяс, тут установлен памятник герою-моряку.

Двадцать пять лет прожил Николай Григорьевич Маркин. Он прожил мало, погиб совсем молодым. Но как много успел сделать для революции, партии, нашей Отчизны.

Николай Маркин — матрос, большевик, комиссар!

Мешади Азимбек-оглы АЗИЗБЕКОВ

...Баку 80-х годов прошлого века. Начинаясь «нефтяная горячка». Быстрорастущий город притягивал как богащей, так и бедняков. Со всех концов света сюда прибывали денежные тузы, чтобы еще больше разбогатеть. Национальный состав класса богачей был весьма пестрым: здесь были азербайджанские миллионеры Тагиев и Нагиев, армянские — Манташев и Маилов, шведы — братья Нобели, немцы — Сименсы, англичане — Ротшильды. Не менее пестрым, разноязычным был и бакинский пролетариат. Тут были коренные жители города, были и выходцы из различных уголков Азербайджана, по разным причинам (чаще всего материального характера) прибывшие в столицу нефти, были и русские, и армяне, и дагестанцы... Весь этот разноязыкий люд был неодинаков по своим взглядам. Еще сильны были национальная, религиозная отчужденность, искусно подогреваемые классом эксплуататоров. И все же постепенно эта масса, из года в год численно увеличившаяся, сливалась в единую силу, когда речь шла хотя бы о частичном, мизерном улучшении материального положения, ибо люди убеждались, что, как писал Самед Вургун, «везде одинаков цвет мазолей».

Одним из участников первых стихийных выступлений бакинских рабочих был и каменщик-кладчик Азимбек Азимбек-оглы. Отец будущего революционера Мешади Азимбекова был известен как честный, мужественный, бескомпромиссный человек. Он тяжелым трудом зарабатывал кусок хлеба, на весьма скромные заработки содержал семью. В мечтах он видел своего сына повзрослевшим, учащимся. Но не суждено ему было ни вырастить

своего сына, ни дать ему соответствующее воспитание, ни выучить, ни справить ему свадьбу...

...Однажды в приподнятом настроении Азимбек со своими друзьями шел по улице. Один из его товарищей высоким звучным голосом напевал азербайджанский мугам*. Хотя ничего предосудительного в этом не было, но почему-то пение не понравилось приставу Джаббар-беку, неожиданно появившемуся из-за угла. Он преградил приятелям дорогу:

— Что разорались, а? Топайте отсюда, грязные твари! Забыли, что на этой улице живет Джаббар-бек?!

— Джаббар-бек, дай нам пройти, не ругайся и не оскорбляй нас. Мы тоже люди, хотя и заняты не самой чистой работой, — ответил Азимбек.

Но пристав не обратил внимания на его слова. Он пришел в еще больший гнев. Выхватил пистолет и, размахивая им, пошел на рабочих.

— Не ругайся, Джаббар-бек!

Пристав не слушал, он перешел на самые грязные ругательства. Азимбек не выдержал оскорблений и сильно толкнул полицейского. Тот упал. Вскочив, взвел курок. Каждую минуту мог прогреметь выстрел. Азимбек выхватил из рук пристава пистолет и два раза выстрелил ему в голову...

Эхо этих выстрелов с быстротою молнии разнеслось по всему городу. И раньше всех его услышал маленький Мешади. До конца жизни это эхо звучало в его ушах.

...Вечером Азимбек ужинал со своей семьей. Вдруг раздался резкий, повелительный стук. Жена Азимбека Сальминаз открыла дверь. Ворвавшиеся в комнату полицейские схватили Азимбека и увели его с собой.

Через несколько дней, после тяжких мытарств Сальминаз сумела добиться разрешения повидать мужа. Во время свидания мать и сын узнали, что Азимбека ссылают в Сибирь. Сальминаз не смогла сдержать себя, расплакалась.

— Почему ты плачешь? — спросил ее Азимбек. — Меня отправляют в Сибирь после того, как я отомстил за оскорбления. Благодарю бога, что род Азизбековых не кончается мною. Да будет жив и здоров Мешади! Пусть он растет боевым, смелым мужчиной! И еще прошу тебя, Сальминаз: пусть Мешади учится!

Это была их последняя встреча. Азимбека сослали в Сибирь. Ровно через год пришло известие о его смерти.

* Мугам — народный напев.

С потерей единственного кормильца материальное положение семьи резко ухудшилось. Детство и юношеские годы Мешади прошли в суровой нужде. И все же, несмотря на тяготы, он тянулся к знаниям, помня завет отца, много читал.

В те времена детям из простонародья нелегко было получить образование. А уж Мешади — сыну каменщика, да еще отмеченного «печатью» Сибири, — труднее вдвойне. Царские чиновники под любыми предлогами закрывали двери учебных заведений перед детьми бедняков. Прежде всего тщательно проверялось прошлое их родителей. Дети неблагонадежных не допускались к учебе. После двойной, а иногда и тройной фильтрации ставленники допускались к занятиям. Но и во время учебы их всячески третировали преподаватели, принижали однокашники, а зачастую и били. Не случайно некоторые учебные заведения в то время называли «обителями скорби».

В результате долгих хождений по инстанциям, просьб, унижений Сальминаз сумела устроить сына учиться в Бакинское реальное училище. В годы учебы в училище Мешади переживал большие материальные трудности. Учась в четвертом классе основного отделения, Мешади обратился к директору с заявлением: «Оставшись после смерти отца в многодетной семье, я лишен всех средств существования. Можно сказать, что я не могу продолжать образование в школе, находящейся под вашим попечением. Потому что у меня нет возможности приобрести книги, учебные пособия и необходимый костюм. И поэтому нижайше прошу Ваше превосходительство принять меня в число пансионеров училища и дать этим мне возможность закончить образование».

«Нижайшая просьба» была удовлетворена, хотя материальный вопрос не был решен полностью. И все же, несмотря на все трудности, Мешади в 1894 году успешно закончил Бакинское реальное училище. После пяти лет обучения получил аттестат, в котором было написано: «Данный аттестат выдается учащемуся VI класса Бакинского реального училища, родившемуся 6 января 1876 года в г. Баку Мешади Азимбек-оглы Азизбекову в том, что он 1 сентября 1889 года поступил в Бакинское реальное училище и при отличном поведении до 7 июня 1894 года окончил полный курс основного отделения. На последних экзаменах Мешади Азизбеков получил успешные оценки по нижеследующим предметам: русскому, француз-

скому, немецкому языкам, географии, истории, черчению, рисованию, алгебре, арифметике, геометрии, тригонометрии, природоведению, физике.

Приступая к гражданской службе, М. Азизбеков на основании 91 и 92 статей Устава Бакинского реального училища обладает теми же правами, что и остальные выпускники средней школы. Во время прохождения воинской повинности он пользуется льготами, даваемыми по первой степени обучения».

Мешади не останавливается на достигнутом, он усиленно занимается самообразованием, изучает творчество виднейших азербайджанских литераторов — Низами, Физули, Несими и других. Чтобы ознакомиться с богатым культурным наследием русского народа, основательно изучает русский язык.

Среди прочитанных Мешади книг, возможно, были и запрещенные цензурой произведения, тайно ходившие по рукам. Хотя мы не можем с документальной точностью утверждать, какие именно «крамольные» произведения им были прочитаны, но то, что такие книги имели хождение в среде учащихся-бедняков, известно достоверно.

М. Азизбеков внимательно изучал произведения революционных демократов — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского. Многие в их творчестве он открыл для себя, и это не прошло бесследно для формирования основных черт характера, мировоззрения будущего революционера.

После окончания реального училища Мешади принимает решение учиться дальше. Мать оказывает в этом всевозможную помощь. Выполняя наказ мужа, отдает сыну последние жалкие гроши, которые ей удалось скопить благодаря величайшей экономии, порою отказу от необходимого. Мешади Азизбеков пускается в путь — едет в столицу империи Петербург. Он был в числе немногих азербайджанцев, отправлявшихся в Россию для получения высшего образования. Ведь в те годы получить образование в вузах столицы, да и вообще в России, представителям других наций и народностей было довольно-таки нелегким делом. Царское правительство всячески препятствовало зарождению национальной интеллигенции на окраинах империи.

В 1896 году Мешади Азизбеков пытается поступить в Петербургский институт гражданских инженеров, но при-

нят не был. Почему? Об этом можно только гадать. Не выдержал ли приемных экзаменов или недобрал баллов — неизвестно. Но он не пал духом, остается в столице, чтобы серьезно и тщательно подготовиться к поступлению в высшую школу. На следующий год Азизбеков становится студентом Петербургского технологического института.

Поступить-то он поступил, но нерешенным остался один вопрос: чем жить? Отсутствие даже минимума материальной обеспеченности делало его дальнейшую учебу в институте весьма проблематичной. Нужно было в срочном порядке найти выход из этого положения, иначе и учеба, и мечты, и потраченные труды пойдут прахом.

Мешади Азизбеков обратился в Управление кавказского просвещения с просьбой предоставить ему одну из тех мизерных стипендий, которые были выделены для студентов высших школ. Но получил категорический отказ. Видимо, сыграла свою роль «неблагонадежность» отца.

Потеряв надежду на получение стипендии из управления просвещения, Мешади Азизбеков вынужден был заняться репетиторством. Нелегко было и учиться, и давать уроки. Для этого нужны были и силы и время. Но он был очень трудолюбив, своей исключительной работоспособностью Азизбеков заметно выделялся среди товарищей по учебе. Был он всегда энергичен, неутомим, несмотря на трудности, успешно учился, занимался самообразованием, был преданным дружбе и товариществу. Один из друзей Мешади позднее писал в своих воспоминаниях об этой поре становления революционера: «Несмотря на перебивание частными уроками на дому и случайными заработками, он, можно сказать, еще и другим оказывал помощь. А зачастую закладывал в петербургском ломбарде свои серебряные часы — единственную ценную вещь, которая у него имелась, — и избавлял от трудностей товарища, терпящего трудности. Чистый, как хрусталь, бескорыстный товарищ Мешади заслужил особое уважение студентов Кавказа».

Учеба Азизбекова в Петербурге пришлась как раз на годы бурного роста рабочего движения и широкого распространения марксизма в России. В 90-х годах XIX — начале XX века в нашей стране создаются марксистские и рабочие кружки. В 1895 году В. И. Ленин объединил марксистские кружки Петербурга в единую организацию

под названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этот «Союз» стал зародышем революционной пролетарской партии в России.

Вне всякого сомнения, накаленная общественная атмосфера оказывала большое влияние на мировоззрение и мироощущение будущего комиссара Бакинской коммуны. Будучи представителем самой боевой, революционной части петербургских студентов, Мешади Азизбеков принимает активное участие в организации студенческих марксистских кружков, в массовых выступлениях студенческой молодежи.

Одно из первых революционных выступлений, в котором участвовал Мешади Азизбеков и которое оставило след в архивах жандармерии Петербурга, произошло 4 марта 1897 года. События развивались так. Жандармы арестовали и заточили в Петропавловскую крепость студентку-революционерку Марию Федоровну Ветрову. Это послужило причиной возмущения радикального студенчества. Требования студентов властям остались без ответа: Ветрову не освободили. Жандармы только еще больше ужесточили режим пребывания Ветровой в тюрьме. Ежедневно девушку допрашивали по нескольку раз, безжалостно избивали. Не выдержав пыток, Ветрова покончила с собою. Ночью в камере она облилась керосином из лампы и сожгла себя.

Власти стремились скрыть смерть Ветровой. Глубокой ночью ее труп вывезли и похоронили в укромном месте. Даже отцу и матери не сообщили о смерти дочери. Однако спустя несколько недель все стало известно. Прогрессивная общественность Петербурга была возмущена. Многочисленные манифестации вышли на улицы. Студенты решили отметить смерть Ветровой общим трауром.

Около 10 тысяч студентов прошли по улицам Петербурга. Когда жандармы, напуганные демонстрацией, запретили пение молитв по погибшей, Мешади Азизбеков сказал, обращаясь к студентам:

— Священника нет, мы должны справить гражданскую панихиду!

И они запели революционные песни.

Эта манифестация, превратившаяся в политическое выступление против царизма, завершилась столкновением

с полицией. Группа студентов была арестована. Среди арестованных был и Азизбеков.

Земляк Мешади, его близкий друг Селим, пытался что-либо узнать в жандармских и полицейских управлениях города о судьбе товарища. Но из его усилий ровным счетом ничего не вышло. Обойдя все тюрьмы города, Селим уставший вернулся домой. И тут хозяйка квартиры передала ему письмо от Мешади. Быстро вскрыв его, Селим стал читать. Мешади писал: «Ты ничего не бойся, Селим. Если даже меня и накажут, я не раскаиваюсь в содеянном мною». Оказалось, что Азизбеков находился всего в двухстах метрах от их жилья — в полицейском участке.

После долгих стараний Селим добился свидания с Мешади. И вот два друга стоят лицом к лицу, между ними пространство четыре-пять метров, разделяющее их. Мешади и Селим говорили на родном языке. Прелесть родного языка покоила их души, как колыбельная матери. Они говорили по-азербайджански, а надзиратель, ничего не понимая, подозрительно поглядывал на друзей.

За время ареста Мешади исхудал, осунулся, лицо посерело, глаза запали.

— Мешади, тебя не пытаются? — спросил Селим.

— Сегодня чуть не избili.

— За что?

— Следователь оскорбил меня, сказал, что из татарина инженера не выйдет. Я заметил, что азербайджанцы — народ с древней культурой и что русские профессора по всем предметам ставят мне отличные оценки. «Видимо, это случайность», — возразил следователь, а я ответил ему, что это так же случайно, как и то, что он стал следователем...

— Мешади, хочу написать на родину, дать знать твоей матери об аресте.

— Если сделаешь это, я обижусь на тебя. Меня арестовали из-за пустяка и, наверное, вскоре выпустят. Все спрашивают: «У вас подпольная организация? Кто в нее входит?» Но я все отрицаю, да и нет никакой организации, сам знаешь.

Даже самому близкому своему другу Селиму Мешади не говорил о том, что он связан с подпольщиками.

Надзирателю, видимо, надоело быть сторонним свидетелем разговора, и он постучал по решетке:

— Хватит. Говорите по-русски.
— Мой товарищ не знает русского языка, — ответил Мешади.

— Это меня не касается.

— Видишь, Селим, каких идиотов назначают жандармами. Они смешны в своем служебном слабоумии. Ну да ладно. Меня не исключили из института?

— Не исключили. Пока ждут.

— Хорошо, я выйду отсюда. У них на руках нет никаких доказательств...

— Может быть, Мешади, тебе не стоит заниматься политикой? Ни к чему доброму это не приведет.

— Это смотря что подразумевать под словом «доброе»...

— Трудно быть заключенным? — спросил Селим.

Мешади грустно улыбнулся другу и ответил:

— Нет, не очень...

Когда друзья расставались, в глазах Селима стояли слезы. Он чувствовал, что его товарищ, земляк стал на дорогу тяжелых испытаний, борьбы, но не знал, правили ли этот путь.

...Прошло две недели, и Мешади Азизбекова выпустили. Он вернулся в институт, встретился с друзьями, вновь приступил к учебе. Краткосрочное заключение не охладило его бойцовского пыла, но только утвердило в справедливости борьбы, которую вели молодые революционеры. Идеи, владевшие его мыслями, были велики, цель ясной.

В 1904 году в связи с начавшейся русско-японской войной Петербургский технологический институт закрывается. Мешади Азизбеков возвращается на родину, так и не завершив своего образования. В Баку М. Азизбеков устроился работать на Баилловскую электрическую станцию и сразу же включается в революционную деятельность. Все свои силы он посвящает активной борьбе против царского самодержавия, гнета капиталистов, помещиков, за свободу бакинского пролетариата, всех трудящихся Азербайджана.

Тяжелым было до революции положение бакинского пролетариата. Алексей Максимович Горький, побывав на бакинских промыслах, с болью в сердце писал: «Нефтяные промыслы остались в памяти моей гениально сделан-

ной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрешенного разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я не шучу. Впечатление было ошеломляющее». А в листовке «Ко всем рабочим», выпущенной Бакинским комитетом РСДРП 3 июля 1903 года, говорилось: «Нигде труд рабочих так не тяжел, как у нас... летом при тропической жаре, зимой — на холоду, в не приспособленных для труда помещениях».

На бакинских промыслах и заводах, где повсеместно отсутствовала даже элементарная техника безопасности и охрана труда, почти ежедневно происходили несчастные случаи. Это стало рядовым явлением, и никого из власти имущих оно не беспокоило. Рабочие-нефтяники вручную копали колодцы. Их на веревке спускали на 20—30 метров под землю (в то время нефть залежала на такой глубине), и там они копали породу, ссылая ее в ведро, которое вытягивали наверх. Единственным способом добыть нефть было естественное фонтанирование. И порою, когда начиналось фонтанирование, рабочих-копателей не успевали вытащить, они были обречены.

Несмотря на страшные условия работы, на неслыханную эксплуатацию, заработная плата рабочих, добывавших из-под земли «черное золото», была ничтожной, ее едва хватало на жизнь, ибо продукты, товары первой необходимости стоили дорого.

В начале века многонациональный бакинский пролетариат под руководством партии большевиков начал выходить на передовые позиции революционной борьбы в России. В связи с этим перед большевиками встали такие неотложные задачи: нужно было вырастить кадры, умеющие вести революционную агитацию, привести в порядок издание революционной литературы на азербайджанском языке, усилить пролетарско-интернациональное воспитание рабочего люда. С этой целью в конце 1904 года по инициативе М. Азизбекова, А. Джапаридзе, А. М. Стопани, С. М. Эфендиева была создана социал-демократическая группа «Гуммет», которая стала неотъемлемой частью Бакинской партийной организации.

Рождение группы «Гуммет» относится к периоду борьбы большевиков за созыв III съезда РСДРП. Гумметовцы приняли активное участие в этой работе.

Группа «Гуммет» издавала и распространяла марксистскую литературу на азербайджанском языке, пропа-

гандировала большевистские идеи, привлекала рабочих-азербайджанцев к активной политической борьбе. Сообщая В. И. Ленину о первых изданиях партийной литературы на азербайджанском языке, А. М. Стопани писал, что в Баку большевиками «...развивается издательская работа на мусульманском (азербайджанском. — Р. Б.) языке».

В состав группы входили, кроме азербайджанцев, дагестанцы, поволжские татары, представители других национальностей.

Основное ядро «Гуммета» состояло из азербайджанских рабочих. Среди активистов этой группы особенно выделялись Х. Сафаралиев, Б. Сардаров, М. Мамедьяров, Б. Дадашев, А. Сулейманов, А. Ахундов, М. Гаджиев, К. Агасиев, М. Айдинбеков, А. Расулов.

Встревожившись усилением деятельности «Гуммета» в годы первой русской революции, царские жандармы установили слежку за этой организацией, в том числе и за Азизбековым. Перечисляя активных членов «Гуммета», начальник бакинской полиции в своем донесении писал, что студент Азизбеков является видным представителем «Гуммета»...

Чтобы подавить революционное движение в Баку, царские власти прибегали к любым средствам, в том числе и к таким грязным, как разжигание национальной розни между городскими жителями. Так, в феврале 1905 года агенты царизма спровоцировали в Баку столкновение между национальными группами. К проблемам, которые приходилось большевикам решать в те дни, прибавилась еще одна: нужно было незамедлительно остановить бойню, разгоравшуюся между рабочими разных национальностей. За это дело взялись не только большевики — все честные люди.

Джалил Мамедкулизаде, например, создал одноактную драму «Кяманча». Написанная на злобу дня, эта пьеса вошла в золотой фонд азербайджанской драматургии. В ней описывается весьма типичный для тех времен случай. Головорезы засели в засаде и поджидают армянина, который должен возвращаться по этой дороге домой. Схватенный у засады армянин оказывается музыкантом. Хромой, болезненный человек, он живет тем, что ему перепадает на свадьбах. И на этот раз он возвращается с азербайджанской свадьбы. И вот над головой этого несчастного, совершенно беспомощного человека засверкали клинки. Видя неминуемую смерть, армянин

умоляет головорезов дать возможность ему в последний раз сыграть на кяманче. И он так заиграл, что и у безжалостных людей пробудилось что-то человеческое. Незаметно клинки вкладываются в ножны. И когда музыка закончилась и армянин был готов к смерти, глава отряда внезапно закричал:

— Слушай, Бахши-армянин, что ты от нас хочешь? Что ты нам дал, что отнять не можешь? Что ты не убираешься ко всем чертям, а?

Этой драмой писатель как бы обращался ко всем народам Востока: музыка одна, история одна, судьба одна, быт, чаянья, положение одни и те же. Так, собственно говоря, во имя чего люди истребляют друг друга?

Не остался в стороне и выдающийся поэт-сатирик М. А. Сабир, написавший стихотворение, клеймившее разжигателей национальной розни.

В одной из своих листовок азербайджанские большевики, разоблачая царский строй, подстрекаелей братоубийственной резни, призывали рабочих и всех трудящихся к выступлению и против непосредственных участников этих бесчеловечных преступлений — прежде всего полиции, и против самого главного виновника этих жестокостей — царя.

Благодаря большой работе, проводимой большевиками, во многих случаях удалось предотвратить столкновения на национальной почве. М. Азизбеков и его соратники: С. М. Эфендиев, П. Монтин, А. Джапаридзе, А. М. Стопани, М. Касумов и другие — вели неустанную борьбу за то, чтобы и русские, и армянские, и азербайджанские рабочие, рабочие других национальностей объединялись вокруг большевистской партии и продолжали совместно бороться с царизмом за свои права. М. Азизбеков призывал рабочих быть стойкими в борьбе против врагов революции, разъяснял им смысл и значение великой дружбы кавказских народов. Многонациональный пролетариат Баку объединялся под знаменем пролетарского интернационализма.

В специальной протокольной записи о февральских событиях 1905 года, сохранившейся в партийных архивах, так говорится о роли, которую сыграл М. Азизбеков в приостановлении столкновений на национальной почве: «Мусульманский студент, возвратившийся из Петербурга в Баку, Мешади Азизбеков был самым деятельным человеком, стремившимся к созданию спокойствия в эти страшные дни 6-го февраля. Возможно, что на деле мы

все обязаны ему спасением своих жизней, имущества, а также тем, что пожилые и дети не остались голодными, тем, что мы смогли купить в соседних лавках все, что нужно. С понеделника подвергая свою жизнь опасности, он с утра до позднего вечера стоял один без всякого оружия перед разгоряченными, разъярившимися вооруженными людьми и разъяснял, что их обманули. Таким образом, своевременно сказанными добрыми словами, он спас очень многих от смерти, зверств, казачьих нагаек, пуль».

Бывший сокурсник М. Азизбекова инженер Ю. С. Саркисбеков писал в своих воспоминаниях, что «товарищ Азизбеков спрятал десятки армян в своем доме и домах своих знакомых и этим спас им жизнь. Когда я встретился с ним после столкновения, он с волнением сказал, что в случившемся нет вины ни армянского, ни азербайджанского народов. Виновником является правящий режим, натравливающий одну часть населения на другую».

Выступая в качестве свидетеля перед комиссией бакинских адвокатов, разбиравших дело о резне на межнациональной почве, М. Азизбеков говорил: «Мне даже и в голову не приходит, что причиной этих столкновений может служить межнациональная вражда. В то время я был в Баку, встретился со многими своими знакомыми, но нигде не слышал, что могут произойти столкновения. Думаю, что если бы не было провокаций, козней полиции; то никакого столкновения не случилось бы. Многие из трудящихся видели накануне резни, как полиция вооружала преступные отряды и подстрекала их на бойню».

Борьба М. Азизбекова и других большевиков за предотвращение межнациональных столкновений была проявлением их последовательного интернационализма. М. Азизбеков категорически заявлял: «Я враг национального раздора в какой бы то ни было форме!»

После окончания столкновений Бакинская партийная организация принимала самое деятельное участие в работе примирительной комиссии. Вела агитацию среди азербайджанского и армянского населения города, чтобы не допустить повторения трагических событий. Осенью 1905 года газета «Каспий» писала: «17 ноября в доме общества артистов состоялся митинг с целью примирения населения Баку, состоящего из разных национальностей. На митинг собралось около тысячи человек, было

много мусульман, русских, евреев, армян... Первыми говорили гг. Азизбеков, Артуцев и Ахундов; смысл их выступлений носил общеполитический характер, причины всех последних событий в России, в том числе и бакинской трагедии ораторы отнесли к общему положению в стране...»

О чем же говорил М. Азизбеков, какие вопросы он затронул, что дало право газете назвать их «общеполитическими»? Выступая на митинге, М. Азизбеков говорил, что проведение митинга в атмосфере дружбы стало прочной основой для зарождения доброго отношения между мусульманами и армянами, что граждане города Баку должны забыть тяжкое прошлое ради достижения всеобщей свободы народов. Только свобода может принести народам России счастливую жизнь.

Каждой клеткой своей души М. Азизбеков отвергал шовинизм, национализм, понимал, как прилипчивы идеи, которые умело закладывают в сознание обывателей провокаторы всех мастей. И не только обывателей. Эти вредные идеи внедряли и в умы образованных людей.

Азербайджанские большевики, усиливая свою деятельность в области интернационального воспитания трудящихся разных национальностей, одновременно мобилизовывали их силы на борьбу за социальную справедливость. Газета «Вперед» 10 марта 1905 года писала: «...Соц.-демократы ведут здесь открытую агитацию на улицах и ежедневных митингах, в здании заводов и мастерских. Число участников доходит на митингах до 6 тысяч. Соц.-демократы призывают к братству народов и к объединению их с целью свержения самодержавия путем вооруженного восстания. Речи говорятся на русском, татарском и армянском языках».

Разжигаемая царизмом национальная вражда не только не ослабила революцию, наоборот, она подняла революционный вал на еще большую высоту. В. И. Ленин указывал, что разжиганием расовой и национальной вражды правительство на некоторое время может затормозить развитие классовой борьбы, но только может на короткий срок затормозить, притом может затормозить ценою еще большего озлобления народа против самодержавия. Результаты бакинской резни, десятикратно повысившей революционный дух всех слоев в борьбе против царизма, являются доказательством этому. Последующие события полностью подтвердили верность ленинских слов.

Важнейшей вехой в ходе первой русской революции была Всероссийская октябрьская политическая стачка, охватившая многие промышленные центры страны, в том числе и весь бакинский район. Стачка особенно активно проходила у нефтяников и у совместно с ними выступивших железнодорожников. В то время полиция сообщала в своих донесениях, что «город Баку живет и дышит революцией». Было введено военное положение. После ликвидации его М. Азизбеков, выступая на митингах, призывал рабочих всех национальностей теснее сплотиться «в единой семье для достижения свободы, за которую ведется борьба».

Всероссийская октябрьская политическая стачка вынудила царское самодержавие издать 17 октября манифест. В нем давались ложные обещания о предоставлении гражданских свобод и созыве Думы, обладающей законодательной властью, другими словами, монархическая страна отныне должна была стать конституционной монархией.

После того, как весть о царском манифесте достигла Баку, власти стали готовить демонстрацию в честь этой «милости». Они полагали, что привлекут к демонстрации и рабочих.

Но как только стало известно об этих замыслах, Бакинский комитет РСДРП организовал общебакинский митинг. В этом митинге участвовал и М. Азизбеков. Он выступил с разьяснением реакционной сущности царского манифеста, рассчитанного на обман народных масс, на расчленение и раздробление сил революции и предусматривающего в конечном счете ее подавление. В конце своей речи М. Азизбеков призвал всех трудящихся Баку, независимо от их национальной принадлежности, к бойкоту подготавливаемой врагами революции манифестации. «Для нас, — говорилось в листовке Бакинского комитета РСДРП от 18 октября, — эта царская милость слишком дешевая ценность, а для народа никакой пользы от нее нет».

Претворяя в жизнь решения IV конференции Кавказского Союза РСДРП, бакинские большевики усилили подготовку рабочих масс к вооруженному восстанию. М. Азизбеков и другие большевики — Б. Дадашев, И. Вацк, М. Мамедьяров, М. Касумов, С. Ялубов, И. Гандюрин — принимали самое активное участие в создании рабочих дружин.

В 1905 году Мешади Азизбеков стал одним из орга-

низаторов дружины общества «Байдаги Нусрат» («Флаг победы»), входившей в состав общегородского боевого отряда. Касаясь задач этого отряда, М. Азизбеков говорил, что нужно вооружаться, что должно противопоставить врагам революции организованность и силу, создавать боевые отряды из самых лучших партийцев.

Сообщая жандармскому управлению Бакинской губернии об организации «Байдаги Нусрат», начальник полицейского участка докладывал, что он раздобыл прокламацию этой организации. В прокламации говорилось:

«Победа в единении!

Мусульманская молодежь Баку вынуждена организовать общество, называемое «Байдаги Нусрат» («Флаг победы»), которое выступило бы против всякой напасти, пролития крови и несправедливости.

Общество «Байдаги Нусрат» желает мира, братства и единения и призывает к этому всех людей доброй воли.

Мусульмане! Положите конец розни... забудьте национальную и духовную вражду, которая имеется между мусульманами и армянами, русскими и евреями и между другими нациями. Не вовлекайте детей, несчастных сирот, которых и без того слишком много, в эту вражду. «Байдаги Нусрат» — благотворительное общество, в то же время оно беспощадно борется с теми, кто питает ненависть к человеку... Соберитесь под знаменем «Байдаги Нусрат», беритесь друг с другом за руки и выступайте против сторонников всех античеловеческих теорий...
Счастье народа в его единении!

Да здравствует «Байдаги Нусрат»!
Да здравствуют народные герои!
Долой вражду!..»

В борьбе с разгоравшимся революционным движением царское правительство усилило террор, устраивались заговоры, убийства передовых рабочих, чтобы обезглавить антиправительственное движение. Так, 5 декабря 1905 года в Баку был зверски убит рабочий Али Микаилов. На другой день черносотенцы убили славного большевика, одного из видных деятелей Бакинского комитета РСДРП Петра Монтиня.

Петр Монтин и Мешади Азизбеков были близкими друзьями, часто встречались в доме Азизбекова. Идейное братство связывало их друг с другом. Они вели совместную борьбу за дело революции, организовывали рабочие

митинги, призывали всех трудящихся объединиться под знаменем большевиков.

П. Монтин был избран представителем Бакинского партийного комитета на Таммерфорскую конференцию. До отъезда на конференцию Монтин зашел к М. Азизбекову. Всегда деятельный, в тот день был он грустен, задумчив, словно чувствовал, что это их последняя встреча. На пути к железнодорожному вокзалу П. Монтин был предательски убит агентами полиции. Рабочий-ветеран З. Зейналов в своих воспоминаниях писал: «Никогда не забуду темный, холодный, снежно-буранный вечер дня 6 декабря 1905 года; в тот вечер вблизи дома Мешади Азизбекова, на углу Азиатской и Татарской улиц, был убит незабвенный товарищ Монтин — один из самых лучших наших работников».

Похороны Али Микаилова и Петра Монтиня вылились в бурную демонстрацию братской и международной солидарности всего бакинского пролетариата.

М. Азизбеков являлся одним из организаторов этой демонстрации. В полицейском донесении сообщалось, что М. Азизбеков «в политическом отношении... во время похорон Монтиня проявил себя недопустимо активно».

Хотя после поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве революция и пошла на спад, во многих провинциях Российской империи продолжались классовые битвы. Не слабел накал борьбы на Кавказе. Давая высокую оценку завоеваниям кавказских трудящихся, В. И. Ленин писал, что движение на Кавказе гораздо дальше других отошло от террора, восстание там гораздо лучше организовано, массовый характер пролетарской борьбы проявился более сильно и более четко.

Для усиления и расширения агитационной и пропагандистской работы среди масс азербайджанские большевики обращают особое внимание на развитие и укрепление революционной печати на нескольких языках. С этой целью М. Азизбеков в 1906 году организовал небольшую мастерскую. В этой тайной мастерской готовились для типографий станки, которые использовались в Баку и в других городах Закавказья, а также переправлялись в центральные районы России. Из воспоминаний старейшего большевика Степана Гаришвили известно, что эти станки стояли и в нелегальной типографии московской партийной организации.

По инициативе Бакинского комитета РСДРП и группы «Гуммет» в 1906—1907 годах издавались на азербайджанском языке: «Йолдаш» («Товарищ»), «Такамюль» («Эволюция»), на русском языке: «Бакинский рабочий», «Рядовой», «Призыв» и другие газеты. Всего в Закавказье на русском, азербайджанском, армянском, грузинском языках выходило более 15 газет и журналов. В работе этих изданий непосредственное участие принимали М. А. Азизбеков, А. А. Ахундов, М. Н. Давиташвили, П. А. Джапаридзе, С. И. Касьян, Ф. И. Махарадзе, В. П. Ногин, В. А. Радусь-Зенькович, С. С. Спандарян, И. В. Сталин, М. Г. Цхакая, С. Г. Шаумян, С. М. Эфендиев и другие.

Печатные органы сыграли огромную роль в сплочении азербайджанских, армянских и русских рабочих вокруг большевистской партии.

Активная революционная деятельность М. Азизбекова не давала покоя властям. Его всюду выслеживали. Заветной целью царской охранки было вывести его из революционной борьбы. Особенно усилились карательные меры царского режима после поражения первой русской революции. 5 мая 1907 года были арестованы 19 человек из руководителей бакинской большевистской организации, в том числе были схвачены несколько членов социал-демократической группы «Гуммет».

Наступили тяжелые дни для бакинской парторганизации. Ко всему этому прибавилась и раскольническая деятельность всякого рода соглашателей, захвативших руководство некоторыми партийными организациями в городе.

Благодаря настойчивой борьбе большевиков удалось вытеснить и изгнать соглашателей из организаций главных рабочих районов города. И М. Азизбеков, как один из самых активных участников этой борьбы, часто выступал в разных частях Баку, призывал к сплочению большевистских рядов бакинской партийной организации. В одной из статей, напечатанной на страницах нелегальной газеты «Бакинский пролетарий», говорилось, что 9 июня 1907 года в Балаханах, где М. Азизбеков вел партийную работу, состоялось собрание партийных представителей, в котором участвовало 32 человека. Избрано девять делегатов в районный партийный комитет. И все они были активными большевиками.

Царские агенты прилагали немало сил, чтобы помешать кипучей деятельности М. Азизбекова. Его дом неоднократно подвергался обыску. Полиция выбивалась из сил, чтобы найти улики против него, но не могла до чего-либо докопаться. За годы революционной работы М. Азизбеков стал первоклассным конспиратором.

Как и на других революционеров, на Мешади Азимбека устраивались покушения. Но Азизбеков умел обходить расставленные рогатки, и многочисленные попытки покушения не удались.

Занимаясь революционной деятельностью, М. Азизбеков никогда не забывал об учебе, не отказывался от мысли получить высшее образование. В октябре 1906 года он пишет прошение с просьбой о восстановлении в Петербургском технологическом институте. Прошение было удовлетворено.

...И вновь М. Азизбеков отправился в дальнюю дорогу. Он ехал в Петербург для сдачи государственных экзаменов и получения диплома об окончании вуза. Вместе с ним на железнодорожный вокзал пришли Сальминаз и Пюста-ханум — жена. Женщины были немного грустны. А Мешади-бек, несмотря на расставание, в глубине души радовался. Радовался, что на этот раз вернется из Петербурга с дипломом, с честью выполнит завет отца.

Поезд свистнул и тронулся. Мешади из окна вагона прощально помахал родным рукой... У Сальминаз невольно глаза наполнились слезами...

Поезд исчез из виду, его белесый дым качнулся, как платок на ветру, смешался с горизонтом и исчез.

А вскоре М. Азизбеков вернулся в Баку с дипломом инженера. Это был торжественный день для Сальминаз, самый радостный за все те годы, что прошли после ареста мужа.

Глубокие знания, широкий политический кругозор давали возможность М. Азизбекову занять лидирующее место среди азербайджанской интеллигенции. Многие передовые азербайджанские деятели культуры — редактор сатирического журнала «Молла Насреддин» Джалил Мамедкулизаде, поэт-сатирик Мирза Сабир, зна-

менитый актер Гусейн Араблинский, певец Гусейнкули Сарабский, романист Мамед Саид Ордубады, композитор Узеир Гаджибеков и другие, с кем общался Мешади Азизбеков, в той или иной степени ощущали воздействие его личности.

Особо нужно отметить дружбу Мешади с поэтом-сатириком Сабиром. М. А. Азизбеков одним из первых понял, что Сабир — незаурядный, талантливый поэт, поддержал его, живущего впроголодь, вынужденного ради куска хлеба учительствовать в рабочей школе близ поселка Балаханы. Сабир попал в революционный водоворот. Его крылатые фразы: «Рабочий, и ты себя человеком считаешь?!», «Голодная курица во сне видит корм» и другие — были на устах рабочего люда. Азизбеков преклонялся перед творчеством поистине народного поэта, старался вдохнуть революционный дух в его творчество. Вне всякого сомнения, дружба с Азизбековым сыграла большую роль в творческом становлении и развитии поэта.

Дружил М. Азизбеков и с композителем У. Гаджибековым, автором известных комедий «Аршин мал алан», «Не та, так эта», еще первой своей оперой «Лейли и Меджнун» прославившимся далеко за пределами Азербайджана. Уже первые шаги Гаджибекова в музыке привлекли внимание М. Азизбекова. Он ставил вопрос об организации национального театра, о помощи нуждающимся артистам и т. д. Вся энергия М. Азизбекова была направлена на то, чтобы не дать зачахнуть росткам нового в культурной жизни Азербайджана.

Самое активное участие принимал М. Азизбеков в работе культурно-просветительского общества «Ниджат-Маариф» («Спасение в просвещении»). Это общество объединяло вокруг себя самых лучших представителей революционно-демократической интеллигенции Азербайджана. В мае 1908 года Мешади Азизбеков был избран заместителем председателя правления общества. В то же время он был избран и заместителем председателя финансовой комиссии и принимал активное участие в мероприятиях по увеличению доходов общества.

В 1909 году, выступая с отчетным докладом, М. Азизбеков сообщил, что общество за год провело вечера, посвященные русскому писателю Л. Н. Толстому и грузинскому поэту Акакию Церетели, показало представления в рабочих клубах, открыло школы в азербайджанских уездах... Было решено вести просветительскую работу среди мусульман совместно с обществом «Нашри-Маа-

риф» («Общество по распространению просвещения»), созданным еще в 1906 году. Большевики через это общество вели пропаганду марксизма.

Лауреат Государственной премии, народный артист СССР Мирза-ага Алиев в своих воспоминаниях так писал о деятельности М. Азизбекова в обществе «Ниджат-Маариф»:

«Работа общества «Ниджат-Маариф» особенно улучшилась после того, как М. Азизбеков стал заместителем председателя общества. Было проведено совещание руководителей бакинских театральных кружков, на котором М. Азизбеков предложил создать единый театр при обществе. С этой инициативы и началось создание сильной актерской труппы. Кроме того, М. Азизбеков устроил общежитие для нуждающихся учащихся. Обществом «Ниджат-Маариф» были выделены деньги для оказания материальной помощи нуждающимся актерам. Занятый революционными делами, М. Азизбеков обращал большое внимание и на работников искусства. Он хотел оказать помощь мне и Араблинскому, чтобы мы смогли поехать в Москву для получения образования. К нашему большому сожалению, реакционные купеческие элементы не поддержали эту его инициативу».

М. Азизбеков вел и большую педагогическую работу на вечерних курсах, организованных при обществе «Ниджат-Маариф». Газета «Терекки» («Прогресс») сообщала: «В начале года общество открыло пять школ, а начиная со вчерашнего дня и вечерние курсы. Для наблюдения над ними в прошлую неделю был обсужден вопрос о создании при группе управления общества школьной комиссии. Была избрана школьная комиссия, состоящая из двенадцати учителей и молодых просветителей. Для управления делами комиссии была создана группа управления, в состав которой был избран и М. Азизбеков». На курсах М. Азизбеков обычно читал лекции на политические темы, разъяснял задачи социал-демократической партии. Вел революционную пропаганду среди азербайджанской интеллигенции. Он выполнял большую работу по просвещению рабочих, был организатором ряда воскресных школ для азербайджанских рабочих, здесь он сам учительствовал и читал лекции.

Когда буржуазно-националистические элементы стали прибирать общество «Ниджат-Маариф» к своим рукам, М. Азизбеков повел бескомпромиссную борьбу с ними, стойко защищал права и интересы азербайджанской

демократической интеллигенции. Эта его деятельность имела большое значение в той идейной борьбе, которая, собственно говоря, и не затихала, а, наоборот, становилась все более острой, несмотря на поражение революции.

Буржуазные элементы смотрели на общество «Ниджат» как на источник обогащения за счет творчества азербайджанских композиторов, писателей, поэтов. Вот что в ноябре 1912 года скупой на жалобы Узеир Гаджибеков писал своему другу Мешади: «Вопрос о договоре, который еще не вошел в законную силу, несколько беспокоит меня. Мне так кажется, что мошенники из «Ниджата» хотят нас обмануть, меня пугает не только сумма, которую я должен получить через два года, но также и то, что в один прекрасный день они могут срезать и мое ежемесячное жалованье. Если этот вопрос и тебя беспокоит, то заранее дай мне знать, чтобы я принял какие-нибудь меры, иначе я могу попасть в трудное положение».

М. Азизбеков пришел на помощь У. Гаджибекову, проявил заботу о нем. И благодаря материальной поддержке основоположник азербайджанской классической музыки сумел продолжить свое образование.

М. Азизбеков проявлял заботу о многих. При этом чувство справедливости у него было несравненно выше родственных чувств. Однажды М. Азизбеков побывал на табачной фабрике своего дяди Гаджи Сулеймана. Увидев рабочих, которым за работу платили так мало, что не на что было купить даже одежду, он сказал им: «Требуйте у хозяина повышения заработной платы и специальной рабочей одежды». Через два дня рабочие объявили стачку, так как хозяин не шел на уступки. И Гаджи Сулейман вынужден был выполнить их требования.

М. Азизбеков обладал человеческими качествами, которые сразу располагали к нему людей. Его скромность, непосредственность в общении очень и очень помогали ему при ведении революционной агитации. «Азизбеков был человеком массы в полном смысле этого слова! Люди шли к нему домой, на улице обращались с просьбой о помощи. Азизбеков выслушивал всех, писал заявления жалующимся, ходил в учреждения, поднимал вопрос то об одном, то о другом бедняке, в противовес интересам самых сильных богачей он защищал бедняков», — писал соратник М. Азизбекова С. М. Эфендиев. И далее: «Я совместно работал с ним в 1909 году, ког-

да был членом Балаханнинской районной организации, и в 1912-м, когда мы оба были членами Бакинского комитета. В этот период наша организация несколько раз была разгромлена, когда наши «тяжелые пушки» были рассеяны, а одна часть была разбросана по разным местам (С. Шаумян был сослан в Сибирь, Алеша Джапаридзе в Грузии был лишен крова и т. д.), тогда товарищ Азизбеков играл руководящую роль в Бакинском комитете. Среди мусульман он имел весьма высокое уважение. Его любили. Благодаря ему из азербайджанцев, имеющих подготовку для ведения нашей революционной работы, вызревали наши партийные кадры».

В годы реакции, в 1907—1910 годах, закавказские большевики, группа «Гуммет» оказывали содействие революции, грянувшей в Иране, освободительному движению народных масс Южного Азербайджана. О революции в Иране, начавшейся под влиянием первой русской революции, В. И. Ленин писал, что «открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская».

В годы иранской революции Южный Азербайджан превратился в настоящее поле боевых схваток. Здесь национальный гнет тесно переплетался с феодально-крепостнической эксплуатацией. Крестьяне, доведенные до крайних пределов нищеты феодальным оброком и бесчисленными налогами, отбыванием барщины, полнейшим бесправием, поднялись на борьбу за свободу, за свои права, за землю. Их вождем стал Саттар-хан. Неграмотный крестьянин, он проявил большие полководческие способности. Его быстрые, сокрушительные победы завоевали ему славу «Сардара-милли» («Полководца нации»).

Азизбеков руководил Бакинским комитетом помощи иранским революционерам. Для оказания поддержки освободительной борьбе трудящихся Южного Азербайджана была создана революционная организация «Муджахид» («Доброволец»).

Все оружие и вся политическая литература, предназначенные для отправки в Южный Азербайджан, хранились на квартире М. Азизбекова. И потому его дом называли «Штабом боевого отряда». Об этой деятельности М. Азизбекова С. М. Эфендиев писал:

«Вопросами снабжения оружием товарищ Азизбеков занимался не только внутри организации и страны, но также и за пределами России. Наряду с членством в рядах РСДРП, М. Азизбеков был также членом ЦК социал-демократической партии «Адалят», которая руководила революционным движением в Иране в период борьбы иранских трудящихся против шахского деспотизма.

Партия «Адалят» работала в тесной связи с нашей партией, в нее входили Н. Нариманов, М. Азизбеков и другие большевики. При содействии этих товарищей в Иран отправлялись оружие и политическая литература».

Первый раз М. Азизбеков поехал в Иран, переправившись вместе с гумметовцами через Аракс. В Иран было доставлено значительное количество оружия, патронов и бомб.

Затем в 1909 году по заданию Бакинского комитета помощи иранским революционерам М. Азизбеков отправился в иранский город Решт на корабле «Эвелина». Капитаном корабля был Дадаш Касумов — двоюродный брат Мешади. Он обязался переправить М. Азизбекова, тайно везущего оружие и литературу. Во вторую свою поездку Азизбеков взял с собой более 20 гумметовцев. Среди них были Г. Алиев, М. Ахундов и другие.

По возвращении в Баку он дал отчет о своей поездке. Рассказал о героизме иранских революционеров. И в конце своего отчета предложил минутой молчания почтить память семерых из 20 гумметовцев, погибших за счастье трудового народа Ирана.

На том собрании он подробно доложил и о своей встрече с Саттар-ханом. Азизбеков отметил, что Саттар-хан выразил благодарность бакинским товарищам за помощь.

В 1910 году по поручению фирмы Нобеля М. Азизбеков вновь отправился в Иран. На этот раз он ехал легально с заграничным паспортом в кармане по приглашению городских властей Решта для участия в строительстве электрической станции и жилых домов. И на этот раз М. Азизбеков прибыл в Иран не с пустыми руками: он вез с собой политическую литературу на азербайджанском языке и фарси, а также оружие.

Через брата — капитана корабля «Эвелина» — М. Азизбеков послал известие Серго Орджоникидзе, что и тот может этим кораблем через Энзели добраться до Решта. С. Орджоникидзе прибыл в Иран вместе с М. Азизбековым. В городе Энзели они создали социал-

демократическую организацию и вооруженные отряды.

В 1908 году по инициативе М. Азизбекова петербургские студенты послали письмо герою иранской революции Саттар-хану, в котором выразили свою солидарность с борьбой трудящихся Южного Азербайджана. В то же время на имя Саттар-хана студентами была послана и приветственная телеграмма. М. Азизбеков был одним из тех, кто подписал ее.

Революционер Арташес Касьян в своих воспоминаниях об этом писал так:

«Помню, когда я учился в Петербургском университете, всех студентов интересовали события, происходящие в Иране. Поздравление-посвящение, написанное на большой и длинной бумаге, несколько дней ходило по рукам. Затем письмо послали в Тавриз. Инициативу сбора подписей выдвинула социал-демократическая фракция студентов. Студенты за полной подписью вместо фамилий писали свои имена, псевдонимы или же условные знаки. Этот приветственный адрес подписали более 250 студентов.

На первой странице этого приветственного адреса цветным карандашом был нарисован портрет Саттар-хана на коне с мечом в руке. После этого портрета шел список подписей-псевдонимов студентов, то есть тех, кто подписал его. Потом уже нам передали, что этот приветственный адрес своевременно был доставлен в Тавриз и передан самому Саттар-хану и очень понравился ему. Нам передали даже привет от Саттар-хана».

А председатель совета министров Столыпин 20 ноября 1908 года писал ректору Петербургского университета:

«В газете «Колокол» от 18 ноября сообщается, что в С.-Петербургском университете с позволения ректора и проректора была вывешена для доведения до сведения всех телеграмма на имя Саттар-хана, составленная студентами конституционно-демократической и социал-демократической фракций, направленная против правительства и крайне неприличного содержания.

В связи с этим я до крайней степени прошу вашего превосходительства, чтобы вы выслали мне об этом деле нужные сведения с оригиналом отправленной телеграммы или же с ее копией».

Содержание телеграммы было таким:

«Русские студенты из далекого Петербурга шлют привет Саттар-хану, своими победами рассеивающему чер-

ные тучи, веками покрывающие страну Шири-Хуршуда. Саттар-хан, наш враг является и твоим врагом. Наш враг — это Российское самодержавие и твой враг — Ляхов — тень самодержавия.

Мы стыдимся, что Ляхов называется нашим соотечественником. Как и ты, мы тоже ведем борьбу против гнета и насилия самодержавия. Теперь наш стан согнут, но мы не стали на колени. Мы выпрямим свой стан. Саттар-хан, у нас и цель одна, и враг один.

Прими посылаемый нами привет, рожденный радостью и изумлением!

Пусть всегда тебе сопутствует победа, которая принесет свободу Ирану. Да здравствует свобода, и пусть сгинут ее враги».

...Началась первая мировая война. Бакинские большевики разъяряли широким массам истинные причины, цели и характер империалистической грабительской войны. Это было крайне важно, так как буржуазная пропаганда одурманивала народ шовинистическими лозунгами. Руководствуясь ленинскими установками, большевики боролись за превращение империалистической войны в войну гражданскую, за то, чтобы поднять широкие народные массы против существующего строя.

В это время М. Азизбеков продолжал свою революционную и общественную деятельность, вел большую агитационную работу среди рабочих.

Будучи депутатом городской думы, М. Азизбеков занимался об улучшении жизни и быта населения Баку в условиях военного времени, требовал справедливого решения вопросов обеспечения трудящихся питьевой водой, дровами, городским транспортом.

В 1915 году М. Азизбеков, выступая на большом митинге, призвал городские власти принять самые строгие меры по пресечению спекуляции; предложил организовать централизованную закупку и складирование всех запасов зерна и муки, которая ежедневно намолачивалась всеми мельницами города; равного распределения хлеба среди всех слоев населения; он считал, что с помощью властей должны быть установлены твердые цены на различные товары. Критикуя бездеятельность буржуазной городской думы в эту тяжелую для народа пору, М. Азизбеков говорил, что на бумаге, на словах дела в городе идут хорошо, а когда дело доходит до действия,

то видишь, что ничего не делается. Он настаивал на контроле думы со стороны народа. Народ должен знать, что делает дума. «Когда человек болсет, он обязывается рассказать врачу начало болезненного процесса, как идет болезнь... Народ то же самое, что и врач. Когда дума «заболеет», народ должен ее лечить».

Разумеется, такого рода выступления М. Азизбекова не могли прийти по душе ни членам городской думы, ни тем более торговцам и спекулянтам, наживающимся на бедствиях народа. И поэтому бакинские воротилы всячески стремились удалить его из думы, лишить депутатской неприкосновенности. На него было устроено несколько покушений. Однако все попытки недоброжелателей скомпрометировать народного лидера, завоевавшего авторитет, любовь и уважение среди рабочего класса, удалить его от дел городского управления кончились ничем.

В феврале 1915 года в Баку было принято решение о создании Комитета помощи беженцам из районов военных действий Закавказья. Бакинский комитет партии поручил М. Азизбекову работать в нем.

Был обсужден и выработан устав комитета. Азизбеков решительно настаивал на включении в устав пункта о создании отделений в рабочих районах города. Он стремился расширить базу действия комитета. Его предложение было принято. М. Азизбекова избрали заместителем председателя. В состав комитета вошли С. Шаумян, Б. Сардаров, И. Фиолетов, Я. Зевин и другие.

На первом же собрании М. Азизбеков выдвинул вопрос об организации отделения в Балаханах. Оно было создано, и им стал руководить И. Фиолетов. Затем открылись отделения в Биби-Эйбате и других нефтяных районах города.

Пользуясь комитетом как прикрытием, большевики получили возможность легального чтения докладов и выступлений. В них они говорили о самых насущных для всего народа делах, о путях решения назревших задач.

С помощью Азизбекова комитет организовал благотворительные вечера для сбора средств в помощь беженцам. В Баку был создан специальный фонд.

Иногда М. Азизбеков печатал в газетах статьи, в которых рассказывал о деятельности комитета. В статье под названием «Комитет помощи беженцам» он писал, что президиум комитета вынес решение об отправке двух вагонов с продовольствием и вещами в Эриван-

скую губернию и другие районы Закавказья, и это решение было выполнено. В другой статье он писал: «Принимаются меры для оказания медицинской помощи грузинскому, армянскому и мусульманскому населению районов Аджаристана и Ардагана: открываются амбулатории, ведется подготовка для отправки беженцам одежды и других вещей».

При активном содействии М. Азизбекова комитет организовал помощь полякам и евреям, которые разорились в ходе военных операций в Польше и западных губерниях России.

Наряду с положительной оценкой деятельности комитета Азизбеков весьма часто и критиковал его. Причиной критики было то, что все же это была буржуазная организация. Некоторые члены комитета проводили политику своего класса, ратовали за войну до победного конца.

Работа в Комитете помощи беженцам и деятельность депутата городской думы служили М. Азизбекову верным подспорьем в его нелегальной революционной работе, которую он вел в годы империалистической войны.

Только в результате Февральской буржуазно-демократической революции открылись возможности для легализации деятельности большевиков. Многие арестованные большевики из заключения, ссылки вернулись в ряды своих организаций. Вернулись в Баку ближайшие друзья и соратники М. Азизбекова — А. Джапаридзе, С. Шаумян.

В Азербайджане установилось двоевластие. Наряду с Советом бакинских рабочих депутатов, избранным 6 марта 1917 года, существовали и буржуазные органы власти. С помощью Озакома* буржуазное Временное правительство проводило в Закавказье политику, противоречащую интересам народа. Их поддерживали буржуазно-националистические партии: «Мусават» (партия азербайджанской буржуазии), «Дашнакцутюн» (партия армянской буржуазии) и партия грузинских меньшевиков.

Враги пролетариата — эсеры, меньшевики, буржуазные националисты — составляли большинство и в Бакинском Совете. Однако и рабочие имели там своих

* Оз а к о м — Особый закавказский комитет.

представителей: Наримана Нариманова, Султан-Меджида Эфендиева, Алешу Джапаридзе, Ивана Фиолетова и других большевиков. А Степан Шаумян был избран председателем Совета заочно, еще до прибытия в Баку.

После февраля 1917 года партии большевиков пришлось решать трудные задачи: готовить широкие трудящиеся массы к социалистической революции, бороться за большинство в Совете, крепить союз между рабочими и крестьянами.

Баку в то время был самым крупным промышленным и революционным центром Закавказья. Более одной трети пролетариата Закавказья было сосредоточено в этом городе. Руководимые большевиками, рабочие Баку были стойкой политической силой, у них возникло и укрепилось чувство единения, это была не разрозненная толпа, но класс, способный взять на себя изменение существующего порядка.

Легализовавшаяся в то время организация «Гуммет» начала собирать свои силы в единый кулак. Возглавили эту работу Н. Нариманов, Б. Сардаров, С. М. Эфендиев, А. Ахундов, Д. Буниатзаде, М. Исрафилбеков. М. Азизбеков с его уже 20-летним стажем революционной работы привнес в работу «Гуммета» свойственный ему темперамент и огромную дееспособность.

В апреле 1917 года в Баку состоялся съезд кавказских мусульман. Большинство участников съезда были представителями имущих классов. Но были делегаты и трудящихся, и среди них большевики Н. Нариманов, М. Азизбеков, Г. Султанов. Они добились включения в порядок работы съезда обсуждения двух докладов: о рабочих и о земле. По первому вопросу выступил М. Азизбеков, по второму — Г. Султанов. В своих речах докладчики, разоблачая буржуазных националистов, призывали всех трудящихся объединиться под красным знаменем, пойти плечом к плечу с революционным русским народом.

С июля 1917 года в Баку стала выходить газета «Гуммет». Редактором газеты был славный сын азербайджанского народа Нариман Нариманов, прозванный в народе «Лениным Востока». В редакционную коллегию входили М. Азизбеков, С. Эфендиев, Т. Шабази (писательский псевдоним Симург), Д. Буниатзаде.

Легальная деятельность организации «Гуммет» под-

няла революционный дух бакинских трудящихся. Газета «Бакинский рабочий» писала: «Мы желаем силы и успехов товарищам в «Гуммете». Их успех — это наш успех. Интересы рабочих всех наций тесно связаны друг с другом. Просвещение мусульманских рабочих необходимо и для русских пролетариев, и общих целей, и борьбы во имя общего дела».

Активность организации «Гуммет» получила одобрение ЦК партии большевиков. Выступая на VI съезде РСДРП(б), А. Джапаридзе говорил: «С самого начала и сейчас «Гуммет» составляет единство с нашей партийной организацией, наши мусульманские товарищи входят в общепартийные организации». VI съезд партии приветствовал социал-демократическую организацию азербайджанских трудящихся большевистского направления и предложил Центральному Комитету оказывать «Гуммету» всемерную помощь. В приветствии «Гуммету» от имени делегатов VI съезда партии говорилось, что по поручению VI съезда РСДРП(б) Центральный Комитет партии посылает организации «Гуммет» свой товарищеский привет. Первое участие организации «Гуммет» в работе всероссийского съезда партии, отмечалось в приветствии, дает надежду, что передовые мусульманские рабочие и их организация составят единую семью с пролетариатом всей России и они под знаменем революционной социал-демократической партии поведут борьбу за победу пролетариата.

После июльских событий, положивших конец мирному развитию революции, азербайджанские большевики стали готовить трудящихся к решающим боям.

Меньшевики, захватившие власть, отказывались удовлетворить предъявленные рабочими требования об улучшении условий труда, повышении заработной платы, заключении коллективных трудовых договоров. Тогда в сентябре 1917 года пролетариат начал всеобщую стачку. Для руководства ею был организован центральный стачечный комитет, одним из членов которого стал и М. Азизбеков. Сохранилось свидетельство, выданное центральным стачечным комитетом в 1917 году, которое удостоверяет, что «товарищ Азизбеков является членом Центрального стачечного комитета».

Дальнейшее развитие событий ясно показало, что пролетариат встал на путь бескомпромиссной организованной революционной борьбы. «Гуммет» прикрепляла своих представителей к центральному и районным ста-

чечным комитетам для оказания помощи в проведении стачки и обеспечения активного участия в ней азербайджанских рабочих. В обращении организации «Гуммет» к стачечникам говорилось: «Товарищи! В эти дни испытаний вы должны всему миру показать, что готовы к пролетарской борьбе. Следуйте указаниям стачечного комитета. Знайте, что сила в единении. Организация «Гуммет», защищающая ваши права, ждет проявления вами высоких способностей. Ваши враги прибегают к самым подлым интригам, чтобы нарушить ваше единство. Не поддавайтесь и покажите, что в борьбе за общее дело вы единодушны со своими товарищами — рабочими других наций».

Руководимые большевиками, бакинские рабочие победили. Нефтепромышленники вынуждены были пойти на уступки и заключить первый трудовой договор. В связи с победой рабочих-нефтяников ЦК РСДРП(б) писал бакинским рабочим: «Приветствуем революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал».

Крестьянские массы Азербайджана, стремившиеся освободиться от гнета и притеснения беков, следуя примеру бакинского пролетариата, также стали повсеместно подниматься на борьбу. То тут, то там возникали отряды качагов. Слово «качаг» буквально означает «беглец», то есть это человек, который прячется от закона, уклоняется от властей. Качаги, находясь в бегах, вели беспощадную жестокую борьбу с угнетателями. Многие из них, правда, были политически наивны: боролись против «плохих» помещиков, сельских старост (кэндхуда) и не трогали тех, кто более или менее сносно обходился с крестьянами. Отдельные качаги объединялись в отряды, и тогда они становились грозной силой.

Самые лучшие представители большевиков, в том числе и М. Азизбеков, были посланы в деревню. Будучи в Шемахинском уезде, М. Азизбеков организовал совместный митинг азербайджанских и армянских крестьян. Выступая на этом митинге, он раскрыл подлинные цели мусаватистов и дашнаков, разоблачил их линию, ведущую на разобщение народов Закавказья, объяснил, что, только заключив союз с великим русским народом, крестьянами России, можно в конечном счете добиться победы над помещиками, голодом, нищетой и бесправием.

В результате деятельности большевиков росло революционное сознание крестьянской массы. Восстания,

вспыхнувшие в Шемахинском, Казахском, Кубинском, Елизаветпольском уездах, носили все более организованный характер...

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому этапу в борьбе бакинского пролетариата, трудящихся всего Азербайджана. Не прошло и недели со дня победы Октября, как власть в Баку мирным путем перешла в руки Советов. В городе была установлена Советская власть, известная в истории под названием Бакинской коммуны.

Неимоверно трудные задачи встали перед пришедшими к власти большевиками. Переплетение капиталистического уклада с остатками феодализма, многонациональность состава как рабочего класса Азербайджана, так и буржуазии, враждебные элементы внутри губернии и за пределами края — все это осложняло проведение в жизнь безотлагательных социальных, экономических и политических мероприятий.

Недобрые вести приходили из Армении, где к власти пришли дашнаки. А в Грузии власть захватили меньшевики. Было ясно, что националистические буржуазные правительства не потерпят у себя под боком существования Советской коммуны. Еще более опасные новости шли из султанской Турции и шахского Ирана, где хозяйничали англичане. Предельно ясно было, что и они не потерпят Советское правительство Азербайджана.

Вот в такой обстановке начинала свою жизнь Бакинская коммуна. Конечно, можно было быть уверенными в помощи со стороны Советской России. Но и у самой молодой республики положение было не из легких: она отбивалась от наседавших со всех сторон врагов.

В марте 1918 года контрреволюционеры-мусаватисты подняли в Баку мятеж против Советской власти. Только что организованные, необученные, не имеющие опыта отряды рабочих вступили в бой с отрядами контрреволюции. Три дня во всех частях города слышалась пальба: бой шел не на жизнь, а на смерть.

Мартовские бои кончились победой рабочих. Контрреволюционный заговор был ликвидирован. В письме В. И. Ленину от 13 апреля 1918 года С. Шаумян сообщал: «Разгром противника был полнейший».

Велико было значение этого успеха. Если бы многонациональный рабочий Баку не выступил единым фрон-

том, то и речи не могло быть о победе над врагом. Это была победа единения, еще более укрепившая власть Советов.

После мятежа по инициативе М. Азизбекова было принято решение ввести в городе твердую революционную дисциплину, чтобы обеспечить революционную законность и порядок. Мешади Азимбек сам со всей решительностью взялся за дело. По его приказу на улицы вышли патрули красногвардейцев. Они должны были следить за порядком на улицах, а в случае необходимости вмешиваться в возникавшие конфликты. Эти подвижные отряды красногвардейцев должны были охранять население от грабителей, в основном состоящих из дашнаков и мусаватистов, «удивших рыбу в мутной воде», стравливавших людей разных национальностей. Чтобы пресечь всевозможные интриги врагов, Азизбеков выступил с обращением к населению, в котором заявил, что Советская власть примет самые суровые, самые решительные меры против всех, кто создает угрозу спокойствию населения, — грабителей, воров, элементов, ведущих контрреволюционную деятельность.

Для усиления обороны города под руководством М. Азизбекова создавались отряды, состоявшие из студентов и учащихся старших классов.

И все-таки имевшихся в наличии сил было явно недостаточно в случае возникновения внешней угрозы. В одном из воззваний к населению, написанном М. Азизбековым, говорилось: «...социал-демократическая партия от имени Совета обращается ко всем сочувствующим, а также учителям народных школ и объявляет двухнедельную воинскую обязанность. Все добровольцы должны прибыть в реальную школу на улицу Николаевскую. Всем хозяевам бакалейных, мясных, а также других лавок сообщается, что они обязаны немедленно открыть свои заведения и торговать. Просьба к комиссарам всех милицийских постов довести до своих милиционеров, чтобы они ни под каким предлогом не допускали перенесение или же перевозку вещей из одной части города в другую его часть.

Прошу комиссариат районных постов милиции принять самые суровые меры против грабителей, насильников, воров».

На собрании Бакинского Совета 25 апреля 1918 года было принято решение о создании Бакинского Совета Народных Комиссаров — революционного правитель-

ства. Его состав стал символом интернационализма бакинского рабочего класса, дружбы между закавказскими народами. Председателем Бакинского Совета Народных Комиссаров и комиссаром по внешним делам был назначен С. Г. Шаумян, Н. Н. Нариманов стал комиссаром городского хозяйства, П. А. Джапаридзе — комиссаром внутренних дел, М. Г. Везиров — комиссаром земледелия, Я. Д. Зевин — комиссаром труда, И. Т. Фиолетов — комиссаром по делам народного хозяйства, Н. Н. Колесникова — комиссаром просвещения, М. А. Азизбеков — комиссаром губернии и заместителем комиссара внутренних дел.

И на новом посту М. Азизбеков весь свой талант отдал делу служения народу и партии. В тот напряженный период М. Азизбекова можно было видеть и на городских митингах, и на собраниях на промыслах, и на сельских сходках.

Много сил отнимала работа в деревне. Азизбеков часто выезжал в селения и уезды Бакинской губернии. Нужно было убеждать крестьян, что не большевики, а мусаватисты, дашнаки, меньшевики и эсеры являются их врагами, нужно было объединять крестьян вокруг Советов, которые организовывались. Азизбеков обращал большое внимание и на культурно-просветительскую работу среди крестьян. Бывая в селениях, он всегда выносил на общее обсуждение вопросы постройки и открытия школ. И как правило, встречал полное понимание крестьян. Они не раз сами обращались к нему с просьбами открыть в селе школу. Вот одно из таких заявлений: «Мы, нижеподписавшиеся, депутаты сельского совета села Тюрканы, члены исполнительного комитета, собравшись в правлении, обсудили вопрос об открытии школы и приняли единогласное решение: поднять вопрос перед уездным начальником о назначении в ближайшее время учителя в с. Тюрканы Бакинской губернии, потому что сейчас есть 38 учащихся. Здание для школы и квартира для учителя готовы. Это решение подписано нами от имени как грамотных, так и от имени неграмотных». На этом заявлении стоит резолюция М. Азизбекова: «Народному комиссару просвещения тов. Колесниковой. Пишите отношение об открытии школы для 38 учащихся в с. Тюрканы». Вскоре в этом селении дети приступили к занятиям.

Азербайджанские большевики проводили немалую работу среди крестьян. Правда, велась она в основном в

селах, расположенных вблизи Баку и крупных городов губерний — Шемахи, Кубы, Ленкорани. Тем не менее опыт работы с крестьянами, накопленный в 1917—1918 годах, имел большое значение для борьбы за победу Советской власти в Азербайджане.

Многогранную деятельность комиссара М. Азизбеков совмещал с работой в организации «Гуммет». В марте 1918 года он был избран одним из почетных председателей этой организации. Сопратница М. Азизбекова Н. Н. Колесникова вспоминала о работе М. Азизбекова в «Гуммете», претворявшего в жизнь ленинскую политику упрочения союза между рабочим классом и крестьянством: «После мартовских событий организация «Гуммет» расширила работу среди трудящихся масс Азербайджана. М. Азизбеков, который был назначен партией на такую весьма важную должность, как губернский комиссар, со свойственной ему решительностью приступил и к работе по организации азербайджанских крестьян». Самоотверженный труд не пропал даром. В пятидесяти селах Азербайджана, лежащих вблизи Баку, была установлена Советская власть. Это было крупной победой.

Мероприятия Советской власти вызывали бешеную ярость как внутренней контрреволюции, так и внешней реакции. Повсеместно враги революции выступили против Советского социалистического государства. Войдя в сговор с внутренней оппозицией, международный империализм стремился свалить Советскую власть и в Баку, чтобы лишить Российскую республику нефти. Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Нужно готовить большие силы для использования их в Северном Иране и Кавказе. Возможно, что это направление является самым важным для союзников. Первостепенной задачей союзников является отторжение важнейших нефтяных районов Кавказа».

Весной 1918 года германо-турецкие и англо-американские оккупанты вторглись в Закавказье. Местные помещики, беки, ханы, боявшиеся революционных выступлений трудящихся, все свои надежды связывали с иностранными завоевателями. Интервенты нашли своих преданных слуг и в лице контрреволюционных буржуазно-националистических партий — мусаватистской, дашнакской, меньшевистской.

Большевики призвали трудящиеся массы Азербайджана к защите от врага. Выполняя указания Советского правительства, С. Шаумян, М. Азизбеков, А. Джапарид-

зе, Д. Буниатзаде, Г. Султанов, И. Фиолетов возглавили революционную оборону советского Баку. Была объявлена мобилизация боеспособного населения. Выступая перед красноармейцами, М. Азизбеков говорил: «Товарищи, не забывайте, что только Советская Россия может оказать помощь бакинским рабочим. Вы сами знаете, что молодая Советская Республика находится в крайней опасности. Но она посылает азербайджанским трудящимся оружие, продукты, деньги. В июне из Царицына в Баку было послано 380 тонн зерна, а с Северного Кавказа — 260 тонн. Для помощи Баку на днях из Москвы прибудет отряд бронемашин, и с Украины посланы войска».

Пользовавшийся большой популярностью среди крестьян, Мешади-бек призывал их объединиться с рабочими и единым фронтом выступить на защиту Советской власти. Он часто ездил в поселки Маштаги, Хурдалан, в деревни, вооружал сочувствующих большевикам крестьян и создавал отряды, получившие название «дружины партии».

Газета «Правда» 28 июня 1918 года писала: «Рабоче-крестьянская Россия с горячей любовью, самыми наилучшими пожеланиями следит за борьбой бакинцев и для облегчения их победы предпримет все возможные меры. Товарищи бакинцы, будьте бесстрашны. Советская Россия с вами!»

И все же несмотря на это, к лету 1918 года положение Баку осложнилось. Враги с двух сторон подступили к городу. Пользуясь продовольственными трудностями, контрреволюционеры усилили свою враждебную деятельность. Ведя антисоветскую пропаганду, мусаватисты, эсеры, дашнаки стремились к тому, чтобы интервенты быстрее вошли в Баку. На расширенном заседании Бакинского Совета 16 июля 1918 года контрреволюционный блок попытался протолкнуть резолюцию о пригашении англичан, якобы для защиты города от наступавших турок. М. Азизбеков, С. Шаумян, А. Джапаридзе и другие большевики отвергли это предложение как противоречащее интересам революции.

26 июля 1918 года организация «Гуммет» во многих местах города, в том числе в поселках Балаханы, Бюльбюля, Биби-Эйбат, Бинагады, Шубаны, провела митинги. Выступая на этих митингах, Мешади Азизбеков, Буниат Сардаров и другие большевики призывали рабочих к стойкости. Перед рабочими Балаханы с докладом

выступил М. Азизбеков. В резолюции, принятой по его докладу, говорилось: «Считая Бакинский район неотъемлемой частью Российской Федеративной Республики и принимая во внимание связанность нашей судьбы с судьбой российского пролетариата, мы, рабочие, отвергаем любое коалиционное правительство, желающее прервать нашу связь с Россией, и готовы защищать Бакинский Совет».

Но, несмотря на все меры большевиков, в результате давления германо-турецких и английских интервентов и предательской деятельности мусаватистов, эсеров, меньшевиков, дашнаков 31 июля 1918 года Бакинская коммуна пала, власть перешла в руки контрреволюционной «Диктатуры Центрокаспия» — организации, являющейся прямым агентом английского империализма.

Видные деятели Бакинского Совета Народных Комиссаров: С. Шаумян, М. Азизбеков, Я. Зевин, Г. Корганов, И. Фиолетов и другие — до самой последней минуты оставались верными знамени большевистской партии, категорически отказывались от всякого рода соглашений с врагами революции. В те опасные дни М. Азизбекову, а также другим комиссарам товарищи по партии предложили покинуть город. На что Мешади-бек ответил: «Рабочие мне вручили власть, и я не могу покинуть свой пост». О том, как М. Азизбеков мужественно вел себя, свидетельствуют записи ветерана партии Г. Мусабекова:

«Я помню, после падения Советской власти в Баку некоторые товарищи собрались у Алеши Джапаридзе. Здесь были Гамид Султанов, Дадаш Буннатзаде, Баба Алиев и другие товарищи.

Это было на пятый день после падения Советской власти. Во взглядах товарища Джапаридзе прочитал немой вопрос: «Как быть? Что делать?» И ответил:

— Я не могу уйти, оставить город. Вы уходите. Настанет время, вы все будете нужны.

Когда Азизбеков услышал эти слова, он ответил гневно, со слезами на глазах:

— Я преданный солдат революции! Я должен остаться здесь!»

Но все же положение было таково, что комиссарам пришлось оставить Баку. Вместе с женами и детьми они погрузились на пароход «Иван Колесников» и двинулись в Астрахань. Только успели дойти до острова Жилого, как военные корабли «Диктатуры Центрокаспия» настиг-

ли их и открыли огонь. Снаряды, попав в машинное отделение, пробили подводную часть парохода. Теперь он уже не мог дойти до Астрахани и потому вынужден был повернуть обратно. И как только пароход пришвартовался в Баку, «Диктатура Центрокаспия» арестовала 35 советских работников, в том числе М. Азизбекова, А. Джапаридзе, И. Фиолетова, Г. Корганова, И. Малыгина, М. Везирова и других руководителей Бакинского Совета Народных Комиссаров. Заключенных разместили в тюрьмах на Баилове и на Шемахинке.

Стремясь обезглавить бакинский пролетариат, «Диктатура Центрокаспия» стала вести подготовку убийства комиссаров. 11 сентября было объявлено официальное решение о предании их и арестованных с ними большевиков военно-полевому суду. Однако вторжение турецких интервентов в Баку 15 сентября помешало предателям из «Центрокаспия» устроить этот суд. Арестованные были освобождены.

На пароходе «Туркмен» комиссары вышли в море. Поначалу решили идти на Астрахань. Однако эсерово-дашнакские агенты добились изменения курса на Краснодарск, нашедшийся в руках английских оккупантов и эсеров.

16 сентября пароход бросил якорь в Краснодарском порту. Получив известие о его прибытии, эсеровское «правительство» Закаспия тотчас отдало приказ об аресте М. Азизбекова, С. Шаумяна, А. Джапаридзе, И. Фиолетова и других комиссаров. Бросив большевиков в красноводскую тюрьму, эсеры стали готовиться к зверской расправе с ними. Им активно помогал генерал Малессон — глава британской делегации в Средней Азии. Он говорил: «Правда, комиссары были безоружными, потому что у них было отобрано огнестрельное оружие. Но они обладали еще более внушительным оружием, чем огнестрельное, — опытной пропагандистской силой... Они обладали силой, которая могла рождать новые большевистские восстания. В условиях пребывания на местах, где население колебалось и в политическом отношении было нестойким, вполне было возможным, что они заново большевизируют страну... Тогда какой же была бы судьба наших планов?»

В чем заключались эти планы? Стать хозяевами бакинской нефти...

После тщательной подготовки англичане вместе с эсеровскими палачами привели в действие свой план уничтожения комиссаров. Ночью с 19 на 20 сентября специаль-

ным поездом комиссаров вывезли за 200 верст от Красноводска и между станциями Ахча-Куйма и Перевал расстреляли.

Никакие мучения не смогли сломить волю несгибаемых большевиков. «Мы умираем за коммунизм!» — последние слова 26-ти.

Это трагическое событие вызвало взрыв ярости и ненависти бакинского пролетариата. Когда рабочие услышали о трагической гибели своих комиссаров, они еще теснее сплотились вокруг большевистских организаций для героической борьбы против интервентов, их мусаватистских, дашнакских и эсеро-меньшевистских приспешников. В результате самоотверженности бакинских трудящихся, благодаря руководству большевистской партии, братской помощи русского народа 28 апреля 1920 года Советская власть в Азербайджане была восстановлена. Прах 26 бакинских комиссаров из Закаспия был перевезен в Баку и захоронен на площади Свободы, где они в свое время часто выступали. Погребение 26 бакинских комиссаров вылилось в торжественную демонстрацию сплоченности всех трудящихся Закавказья.

Жизнь Мешади Азизбекова и его соратников, полная героизма, стала символом стойкости и мужества в борьбе за свободу и независимость Родины, олицетворением безграничной преданности знамени марксизма...

Александра Михайловна КОЛЛОНТАЙ

1 апреля 1872 года в Санкт-Петербурге, на Средне-Подъяческой улице, в доме-особняке номер 5, в семье Михаила Алексеевича Домонтовича и его жены Александры Александровны Масалиной родилась дочь Шурочка. Пройдут годы. Оглядываясь в прошлое с высоты своего 55-летия, Александра Михайловна Коллонтай скажет:

«Была холеная девочка в благополучной семье, могла прожить как другие. Так нет же, смолоду, с детства рвалась куда-то, искала чего-то нового: не того благополучия, как у сестер. И ненавидела «несправедливость» и нетерпимость. Всегда-то я шагала через препятствия. Смолоду была «мятежной». Никогда не останавливалась перед тем, как на это посмотрят «другие», что скажут. Не боялась ни горя, ни трудностей. Как-то не считалась с этим. И опасности не пугали. Захочу — добыюсь. И все тут, и достигала.

Рвалась всегда куда-то в будущее. Не успокаивалась ни в работе, ни в любви. Все-то мне мало было... Но добиваться умела. И хотеть умею крепко. Сила «хотения» — великая сила».

Отец А. М. Коллонтай был сыном украинского помещика, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. Закончив Петровско-Полтавский кадетский корпус, а затем Императорскую военную академию, Михаил Алексеевич Домонтович в 1849 году начал военную службу в Петербурге прапорщиком в лейб-гвардии гренадерском полку. Успешно продвигаясь по служебной лестнице, он вскоре достиг генеральского чина.

Генеалогическое древо Домонтовичей имело древние корни. Род Домонтовичей ведет свою родословную от зна-

менитого князя Довмонта Псковского, княжившего в XIII столетии в Пскове, принявшего монашество и признанного православной церковью святым Тимофеем Псковским. У псковичей было много легенд, песен и сказаний, составленных в честь доблестных походов князя Довмонта на тевтонских рыцарей, народ высоко чтит святого Тимофея, его победоносный меч хранился в псковском монастыре. Отец рассказывал Шурочке, что если кто-либо из рода Домонтовичей приезжал в псковский монастырь, то монахи звонили в его честь во все колокола.

Александра Александровна Масалина, мать А. М. Коллонтай, была дочерью финского скупщика леса. В своих биографических набросках Александра Михайловна писала: «Моя мать — крепкая, здоровая, с пышным, гармоничным прекрасным телом. Сердечная, упрямая и волевая — не принадлежала к тому светскому кругу, в котором вращался отец».

Александра Михайловна с благодарностью вспоминала родителей, которые хотя и любили ее, но не баловали. Мать, как и воспитывавшая Шурочку англичанка-няня, были очень требовательны. Во всем существовал строгий порядок. Надо было убирать свои игрушки, складывать свое белье на ночь на маленьком стуле, с уважением относиться к прислуге... — этого требовала мама. Она говорила маленькой Шурочке: «Твой дедушка был простой крестьянин... Ты этого никогда не забывай».

Генерал Домонтович стремился к тому, чтобы дать детям хорошее образование. В доме была богатая библиотечка, много книг и журналов на иностранных языках. В семье говорили по-французски и по-английски, устраивали литературные и музыкальные вечера. Сестра Александры Евгения обладала прекрасным голосом. Впоследствии она стала известной оперной певицей, выступала на сцене Мариинского театра под именем Евгении Мравиной.

Шура росла девочкой впечатлительной, поэтому родители решили не отдавать ее в гимназию. Она получила домашнее образование. Постоянными воспитателями стали Мария Ивановна Страхова, а также англичанка мисс Годжон. Страхова была человеком прогрессивных, демократических убеждений, она помогала Шурочке критически осваивать окружающий ее мир, видеть в нем несправедливость и неравенство. «С детства, — писала Александра Михайловна в автобиографическом очерке, — я достав-

ляла матери много хлопот и горя моим стремлением «не жить как все».

Сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, шестнадцатилетняя Шура получила право быть учительницей.

В эти годы у Шуры Домонтович проявляется склонность к журналистике. Свои первые небольшие рассказы она публиковала в журнале «Русское богатство». Известный русский писатель В. Г. Короленко сказал о них, что они «возбуждают интерес». Уже в 90-е годы Александра печатает ряд статей политического характера в журнале «Научное обозрение»...

В 1891 году генерал Домонтович с дочерью приехал в Тифлис. Здесь Шура познакомилась со своим будущим мужем, Владимиром Коллонтаем. Он жил с матерью, Прасковьей Ильиничной, доводившейся двоюродной сестрой генералу Домонтовичу, в скромной квартире, вдали от изысканных особняков тифлисской знати. Учительница Прасковья Ильинична — человек высоких нравственных принципов — была женой ссыльного поселенца, участника польского восстания 1863 года.

Вскоре Владимир Коллонтай поступил в военное училище в Санкт-Петербурге, а затем стал учиться в Военно-инженерной академии. Встречи Шуры с Владимиром становились все более частыми. Родители Шуры противились этому.

— Если вы не позволите мне стать женой Коллонтая, — заявила Шура матери, — я убегу к нему.

В ходе долгих обсуждений в доме Домонтовичей было решено отправить Шурочку в Париж, чтобы новые встречи и впечатления отвлекли ее от этого увлечения. Девичья блажь, надеялась мать, пройдет, и Шура забудет бедного офицера.

В Париже революционные идеи, проникавшие в среду интеллигенции, действительно захватили Шуру. Здесь она познакомилась с сочинениями Фурье, Сен-Симона, с книгами о французской революции, с «Коммунистическим манифестом» К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако по возвращении весной 1893 года в Петербург (Владимир в это время окончил Военно-инженерную академию, стал офицером) Шура упорно отстаивает перед родителями свое решение выйти замуж. Наконец согласие было получено и она стала женой Владимира Коллонтая. Спустя год у них родился сын Михаил.

Владимир Коллонтай был хорошим мужем, заботливым отцом, внимательным другом. Шура не скрывала

своего счастья, светилась любовью, не могла себе представить жизнь без Владимира.

Вскоре тем не менее Александра почувствовала, что, замыкаясь только в круг семейных интересов, она не может быть счастливой. «Я люблю Владимира. И обожаю своего Мишутку, но я должна еще что-то делать в жизни. Жить для чего-то большего. Я должна быть полезной людям не только тем, что родила еще одного человека. Я должна...»

Это «я должна... должна что-то делать» не давало покоя. Год от года росло недовольство собой, ограниченностью своей жизни, назревал разрыв с мужем. Он, увлеченный делами на службе, далек был от политики. Становилось все очевиднее, что интересы и устремления молодых супругов разные. Они все меньше понимали друг друга. Владимир Коллонтай стремился дослужиться до генеральского чина, а Александра все больше утверждалась в своем призвании заниматься политической деятельностью. После долгих, мучительных сомнений и внутренней борьбы А. М. Коллонтай оставляет мужа. Не раз в своих воспоминаниях будет она мысленно возвращаться к этому нелегкому, предпринятому ею шагу. Через годы и десятилетия она вновь и вновь будет с грустью вспоминать о днях разлуки. «Мы разошлись, — писала она, — не потому, что разлюбили, а потому, что меня тяготила и связывала та среда, от которой брак с Коллонтаем меня не спасал.. Я продолжала горячо любить своего мужа и, уходя от него, страдала и болела душой. От Коллонтая я ушла не к другому. Меня увлекала за собой волна нараставших в России революционных волнений и событий».

В 1895 году создается первый зачаток марксистской пролетарской партии «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» под руководством В. И. Ленина.

Как раз в эти годы происходит серьезное знакомство Коллонтай с марксистской литературой в библиотеке Николая Рубакина, да и сам ее хозяин — высокообразованный библиограф и писатель, встреча с Еленой Стасовой оказывают на нее глубинное воздействие.

Александра любила бывать в семье Елены Дмитриевны Стасовой на Фурштатской. В этом доме ей дышалось легко. Дядя Елены, Владимир Васильевич Стасов, был крупнейшим критиком. Елена много рассказывала Шуре о встречах с художниками, скульпторами, композиторами на квартире у дяди. А однажды поведала, как

В. В. Стасов, хранитель императорской Публичной библиотеки, получив после смерти царя Александра медаль с изображением императора, принес ее домой и повесил в уборной. Домашние были в ужасе. Ведь если узнают об этом власти, не оберешься неприятностей. Дядя, рассказывала Стасова, нередко помогал получать из-за границы изданную там нелегальную литературу, которая адресовалась Публичной библиотеке на имя тайного советника В. В. Стасова, имевшего право получать решительно все, вплоть до запрещенной в России литературы.

Все эти впечатления, знакомства, а также посещение Кренгольмской мануфактуры, где Александра воочию, своими глазами увидела сущность чудовищной капиталистической эксплуатации, заставляли о многом задуматься. И главным встал вопрос: как изменить положение рабочего класса? Юная Коллонтай была готова сделать все, что она может, для решения этого вопроса. Но что? Каким путем идти? Этого она еще не знала, но поняла: нужно прежде всего учиться.

Елена Стасова, проводившая в то время занятия по марксизму в рабочих кружках, помогала Александре подыскать нужную литературу и даже посещать воскресные рабочие школы, в них они задерживались допоздна.

Однажды Стасова предложила Шуре книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Н. Бельтова. Это имя Коллонтай не было знакомо.

— Кто такой Бельтов?

— Бельтов — псевдоним Плеханова, — сказала Елена. — Это умная книга. Плеханов здесь выступает как великий учитель и пропагандист марксизма в России.

Возвращая книгу, Шура воскликнула:

— Теперь я просто влюблена в Плеханова!

Елена охладила ее пыл:

— Влюблена. Это уж совсем неподходящее слово для определения своего отношения к Плеханову. Надо быть не влюбленной, а убежденной им. — И тут Стасова со всей присущей ей прямоотой сказала: — Шура, дорогая, если ты хочешь бороться за то, чтобы помочь рабочим, надо еще многому учиться, читать, да, много читать! Читать и думать, оставив всю экзальтацию светской девушки.

Александра вновь засела за книги, проводила много времени в библиотеках, на собраниях, в воскресных школах, возвращалась домой поздно. 13 августа 1898 года, оставив сына («Хохлю», так она любила его называть) у своих родителей, Александра уехала в Швейцарию.

В Цюрихе поселилась в недорогом пансионе, начала посещать лекции на факультете экономики и статистики в университете. Там славился своими лекциями профессор Генрих Геркнер, и Александра стремилась под его руководством изучить законы экономики. Но по мере того, как Александра Михайловна углублялась в существо предмета, лекции профессора и его книги, в частности «Рабочий труд в Западной Европе», которыми она когда-то увлекалась, стали ее разочаровывать. Вскоре студентка из России вступила в идейный спор со своим учителем, утверждавшим, что К. Маркс устарел. Профессор пытался доказать ей (на опыте рабочего движения Англии и Германии) возможность через профсоюзы и кооперацию прийти к социализму и посоветовал своей ученице поехать в Лондон, чтобы ближе познакомиться с английским рабочим движением.

В 1899 году с рекомендательным письмом Геркнера Коллонтай отправилась в Англию к известным деятелям реформистского движения — супругам Сиднею и Беатрисе Вебб. Встретившись с ними, Александра вскоре поняла, как она далека от взглядов Вебб, проповедовавших мирный путь к социализму, доказывавших в своих трудах возможность разрешения рабочего вопроса путем реформ.

Осенью 1899 года Александра решила возвратиться в Петербург: соскучилась по маленькому сыну, родителям, друзьям. Здесь Александра с удвоенным рвением изучает марксизм. «Особенно, — писала она, — сильно повлияло на меня ленинское произведение «Кто такие друзья народа?»*. Для меня было ясно, что первым шагом должна быть революция в России и революционная тактика. Но как могла я в этом помочь? Мне казалось, что так мало подготовлена теоретически... Я поняла, что, только будучи основательно подкованной в марксизме, я смогу быть действительно полезна партии...» Поэтому она стремится пополнять свои социально-экономические познания. Ходит на лекции, изучает «Капитал» К. Маркса, его теорию прибавочной стоимости, использует каждую возможность прочесть статьи В. И. Ленина. «В руках у меня только что прочитанная книга Ленина, и я поняла, что передо мной открылась еще одна глубокая грань политики пролетарской партии. До меня голос Ленина

* Имеется в виду книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (1894 г.).

доходит через печать. Но есть ведь такие счастливые товарищи, которые знают его лично. Они могут рассказать мне об этом необыкновенном человеке, которого царизм беспощадно преследует, но который лучше всех видит и знает путь, ведущий к революции и освобождению рабочего класса. Удастся ли мне когда-нибудь увидеть Ленина?» В те дни Александра Михайловна еще не могла себе представить, какая яркая жизнь, насыщенная событиями, полная борьбы, ждет ее впереди.

После состоявшегося в 1903 году II съезда Российской социал-демократической рабочей партии в среде русских социал-демократов произошел раскол. Сторонников В. И. Ленина, получивших большинство при выборах руководящих органов партии, стали называть большевиками, что было равнозначно понятию «последовательные марксисты-революционеры, до конца преданные делу рабочего класса», а их противников — меньшевиками.

А. М. Коллонтай не примкнула ни к большевикам, ни к меньшевикам. Тогда ей еще было нелегко разобраться во всех сложностях политической борьбы. Влияние авторитетов давало о себе знать. Понадобилось время, чтобы ясно и четко определиться. «У меня были друзья в обоих лагерях, — писала она в своих воспоминаниях. — По душе ближе мне был большевизм с его бескомпромиссностью и революционностью настроения, но обаяние личности Плеханова удерживало от разрыва с меньшевиками. По возвращении из-за границы в 1903 году я не примкнула ни к одной из партийных группировок, предоставив обеим партийным фракциям использовать меня в качестве агитатора, по части прокламаций и других текущих заданий».

Однако по мере нарастания революционного шквала 1905 года связи А. М. Коллонтай с большевиками крепнут. Она встречается с рабочими, студентами, распространяет прокламации. Коллонтай понимает, что В. И. Ленин устремлен в будущее, за ним сила народных масс, в центре которых находится он. Особенно уверилась Коллонтай в этом после встречи с В. И. Лениным в 1905 году.

«...Впервые увидела я Ленина на подпольном собрании. Это было в том же знаменательном году. Владимир Ильич вернулся из-за границы, чтобы руководить революционным движением. Подпольное собрание происходило где-то на Загородном. Может быть, в помещении Технологического института. Человек двадцать — не меньше.

Стол, освещенный висячей керосиновой лампой. За столом Мартов — вождь меньшевиков.

Ленин не сидит. Он медленно ходит по комнате, останавливается возле Мартова и с удивительной простотой и логикой оспаривает положения меньшевизма. Спор-дискуссия идет острая. И серьезная. Главный вопрос: диктатура пролетариата. Оппортунисты-меньшевики не признают, что руководство революцией должно быть в руках партии, что рабочие — авангард революции и что бороться они должны и будут в союзе с крестьянством. Мартов не признает крестьянство союзником рабочих. Меньшевики надеются на содействие русской буржуазии. Меньшевики боятся диктатуры пролетариата.

Меня поразило, с какой внимательностью Владимир Ильич слушал возражения Мартова. Иногда про себя чуть усмехался. Иногда шевелились брови, на лице появлялась тень гнева и досады. Лицо Владимира Ильича тогда становилось жестким и беспощадным. И ответы его звучали, как четкие удары молота...

В тот вечер на Загородном, как это почти всегда было, где Ленин выступал, победа осталась за Владимиром Ильичем. Победа осталась и на практике за большевиками».

Встреча с В. И. Лениным заставила А. М. Коллонтай еще и еще раз задуматься о путях политической борьбы. Однако она еще многое не понимает в гибкой тактике большевиков. Когда большевики объявили бойкот I Государственной думы, А. М. Коллонтай рассматривает это как их отказ от парламентских форм борьбы, от использования легальных возможностей противостояния самодержавию. В этом была ее основная ошибка, которая тянула ее в лагерь меньшевиков. «...В 1906 году я отошла от большевиков по вопросу об отношении к Государственной думе, решительно стала на точку зрения «использования Думы», что сблизило меня с меньшевиками». Александра Коллонтай стояла на меньшевистских позициях также по вопросу о взаимоотношениях между социалистической партией и профсоюзами. Она, как и меньшевики, ратовала за «нейтральность» профсоюзов, то есть за устранение их от политической борьбы и за их самостоятельность, независимость от партии. Профсоюзы, по ее мнению, должны были заниматься только борьбой за улучшение экономических условий труда.

Но, находясь в стане меньшевиков с 1906 года, она все же выступала против ликвидаторов, то есть против тех,

кто хотел ликвидировать партию рабочего класса. Ценой отказа от программы и тактики партии, от ее революционных традиций ликвидаторы хотели «кушнуть» разрешение царской полиции на легальное существование. А. М. Коллонтай позднее писала: «...тактика моих союзников по партии — меньшевиков меня во многом не удовлетворяла. Я расходилась с оценкой роли буржуазного либерализма в России и считала всякого рода «соглашения» как «сотрудничество» ошибочным».

В эти годы А. М. Коллонтай принимает активное участие в женском движении. Особо большую работу она проделала в борьбе с «равноправками» — женскими организациями, связанными с реакционными партиями.

Многие социал-демократы разделяли реформистские лозунги буржуазных феминисток и устанавливали с ними сотрудничество на платформе «демократического избирательного права». А. М. Коллонтай, выступая на собраниях, призывала отмежеваться от идиллии сотрудничества революционных социалисток с буржуазными «равноправками».

В 1908 году феминистки решили созвать Всероссийский женский съезд. Коллонтай готовила к съезду группу из 45 человек, стоявших на пролетарских позициях. Когда съезд поставил вопрос об образовании в России «внеклассового» женского центра, группа работниц — сторонниц взглядов А. М. Коллонтай покинула съезд.

В один из дней его работы, 15 декабря, А. М. Коллонтай должна была сделать доклад на тему «Женщина-работница в современном обществе». Но... в ночь с 13 на 14 декабря 1908 года А. М. Коллонтай вынуждена была бежать от преследований полиции из России. Доклад, подготовленный ею, был прочитан делегатом Варварой Волковой.

«Помню, — писала Александра Михайловна, — зимнюю, снежную, морозную ночь на станции Вержболово в тот бесконечно долгий час, когда шла проверка документов. Закутавшись в воротник шубы, я ходила по запыленной платформе с одной неотвязной мыслью: удастся ли проскользнуть или задержат? Мучительно прислушивалась к звуку шпор, которые то спешно приближались, то удалялись вновь... И невольно возникал вопрос: когда и при каких условиях я буду возвращаться назад в Россию? Тогда не думалось, не верилось, что через 9 лет вернусь в бурлящий котел революции с другой границы, пе-

режив мировое событие — длительную войну в атмосфере назревшей социальной революции».

Александра Коллонтай пробыла в эмиграции более восьми лет — с декабря 1908 года по март 1917 года. За эти годы она изъездила почти всю Европу. Жила в Германии, Англии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Бельгии и дважды побывала за океаном — в Соединенных Штатах Америки. Это были годы, по признанию Александры Михайловны, «своего рода ученичества в области работы среди широких масс разных национальностей, применительно к ближайшим задачам, стоящим перед социал-демократической партией каждой страны, практическая школа работы, которая укрепила во мне убеждение в творческих свойствах пролетариата как класса».

...Первая мировая империалистическая война, начавшаяся 1 августа 1914 года, застала Александру Коллонтай вместе с сыном, студентом Петербургского технологического института, приехавшим к ней на каникулы, в Берлине. Спустя два дня после объявления войны в частный пансион в Грюнвальде под Берлином, где жила Коллонтай, прибыли полицейские и под конвоем доставили ее в одиночную камеру на Александерплац. Во всех русских эмигрантах немецкая полиция видела шпионов царя. 4 августа она, однако, неожиданно была освобождена. Помог мандат, выданный ЦК РСДРП Коллонтай как участнице Международной женской социалистической конференции. На мандате стояла печать Российской социал-демократической партии, и немецкие полицейские в участке решили, что «русская социалистка не может быть другом русского царя. И конечно, не станет его шпионом». А. М. Коллонтай отпустили при условии, что она будет ежедневно отмечаться в полиции. Выйдя из тюрьмы, Александра Михайловна принялась разыскивать сына. Он также был арестован. Помог Карл Либкнехт. Мишу нашли в лагере Дебериц.

Из Германии Александра Михайловна вместе с сыном вначале поехала в Копенгаген, а затем в Стокгольм. Здесь, поселившись в пансионе «Карлсон», А. М. Коллонтай принимает активное участие в политической деятельности — разоблачает империалистический характер войны, много пишет для социал-демократической прессы, входит в контакт с Фредериком Стреммом — секретарем шведской социал-демократической партии и редактором газеты «Стормклокан» Цетом Хеглудом. Политическая

активность А. М. Коллонтай вызывает недовольство консервативного правительства Хаммершельда. В итоге... «В середине ноября рано утром настоятельно постучали в дверь. Сразу мелькнуло: это полиция.

— Сейчас открою.

На пороге два упитанных полицейских, решительным шагом шмыгнули мимо меня в комнату и предъявили по распоряжению министра внутренних дел Сюдова ордер на обыск и арест. Не спрашивая, начали рыться в вещах, книгах, бумагах.

— На каком основании вы роетесь в моих вещах? Я русская революционерка. Эмигрантка. Мне разрешено проживать в нейтральной Швеции».

Полицейские, не обращая внимания на ее слова, продолжали свое дело.

— Мне надо в туалетную комнату.

Ей разрешили. Здесь она спрятала конфиденциальные документы под водяным резервуаром, который плотно касался потолка. По дороге в тюрьму, встретив одного русского товарища, она сказала ему об этом. Документы были спасены.

А. М. Коллонтай была посажена в известную в Стокгольме Кунгсхольмскую тюрьму. Условия там были тяжелые. В камере деревянный стол, табуретка и нары, привинченные к стене, опускавшиеся только на ночь. Из стокгольмской тюрьмы А. М. Коллонтай была переведена в старинную крепость Мальме. Этот акт вызвал волнение в прогрессивных кругах общественности. Появились статьи, призывавшие освободить А. М. Коллонтай.

В риксдаг был сделан запрос. Чтобы избавиться от лишних хлопот, шведское правительство в конце ноября 1914 года по указу короля Густава V навечно высылает А. М. Коллонтай за пределы своей страны. Забегая вперед, скажем, что через 16 лет, когда Коллонтай в 1930 году приехала в Швецию в качестве посла СССР, шведский король оказался в связи с этим указом в весьма щекотливом положении. Он вынужден был отменить его.

А. М. Коллонтай выбрала местом своего пребывания Данию. Местная социал-демократическая партия из предосторожности не позволяла ей ни выступать, ни писать. Власти установили гласный надзор, копенгагенская полиция наблюдала за каждым ее шагом, хозяев пансионов и квартир, где проживала Коллонтай, не раз беспокоили жандармы, и они после очередного вызова отказывали ей в жилье. Прожив в Дании два с половиной месяца, она

вынуждена была в феврале 1915 года переехать в Норвегию, где обосновалась в гостинице «Турист-отель» в Хольменколлене, расположенном в пригороде недалеко от Христиании.

Вступив в 1915 году в партию большевиков, Александра Коллонтай продолжает активную интернационалистскую работу в Международном женском социалистическом секретариате, руководимом Кларой Цеткин. Пишет брошюру «Кому нужна война?». Отредактированная В. И. Лениным, брошюра была переведена на многие языки. В августе 1915 года А. М. Коллонтай принимает участие в подготовке международной социалистической конференции, состоявшейся в Швейцарии в местечке Циммервальд.

Задачей конференции было выработать действительную программу против войны. С присущей Александре Михайловне энергией она взялась за то, чтобы привлечь к конференции левых скандинавов. С этой целью она перевела на норвежский и шведский языки важные партийные документы и проект декларации. А 13 августа Коллонтай сообщила В. И. Ленину, что шведы и норвежцы поддержат большевиков.

Делегацию России на Циммервальдской конференции возглавлял В. И. Ленин. Он считал необходимым максимально использовать конференцию для политического сплочения международных левых сил и организации отпора социал-шовинистам как изменникам социализма.

«...Наша программа, — писал он, — должна быть:

1) идти, коль позовут;
2) сплотить *заранее* «левых», т. е. сторонников *революционных действий*, против *своего* правительства;

3) преподнести каутскианским говнякам *наш* проект резолюции (голландцы + мы + левые немцы + 0, и то не беда, а будет *потом* не ноль, а все!);

4) выставить 2—3 оратора на конференции...»

В. И. Ленин стремился сплотить левых социалистов на основе общих революционных принципов, а также помочь зарубежным интернационалистам четко определить свою позицию против войны.

Хотя большинство лидеров социал-демократических партий не выразило принципиального отношения к войне, не осудили ее, все же принятый Циммервальдской конференцией Манифест, обращенный к пролетариям Ев-

ропы, охарактеризовал мировую войну как империалистическую и заклеил идею «защиты отечества». Циммервальдская конференция наглядно подтвердила правильность ленинской тактики на международной арене. Сплочение революционных марксистов в Циммервальдскую левую В. И. Ленин считал главным достижением Циммервальдской конференции.

Находясь в Норвегии, в Хольменколлене, Коллонтай жила, по ее выражению, жизнью «на пока». «...Дни тянулись медленно. Днем писала статьи для газет на норвежском, английском, немецком языках, вела дневниковые записи, вечерами ходила на концерты, много читала. По субботам надевала рюкзак за плечи и уходила сама или с друзьями в туристские походы. За что-либо большое браться не хотелось, так как предчувствовала нарастание больших событий, которые потребуют многих изменений». 12 февраля 1917 года она записала в дневнике: «...Часто бываю в кафе «Фелькетсхус» для встреч. Настроение у меня продолжает быть безотчетно подавленное. Вспоминаю маму. Она тоже в последние годы своей жизни безошибочно тосковала, металась, впадала в нервную меланхолию. Может быть, вступаю в «критический возраст»? Нет, не вижу признаков, все нормально. Вдруг тоскую о близких... Рассказы из России скорее бодрящие: в войсках большое недовольство, офицеры образуют кружки революционного типа».

На февраль—март 1917 года приходится обширная переписка А. М. Коллонтай с В. И. Лениным. В письмах от Владимира Ильича содержались ответы на многие вопросы, встававшие перед ней.

«Дорогая А. М.! — писал В. И. Ленин в письме от 8 (16) марта. — Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1 (14). III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону...»

Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистической бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К°.

Все наши лозунги те же».

В следующем своем письме к А. М. Коллонтай В. И. Ленин так определяет главные задачи дня:

«Сейчас на очереди — уширение работы, организация

масс, пробуждение новых слоев, отсталых, сельских, при-слуги, ячейки в войске для систематической, обстоятель-ной Eпtлarvunq нового правительства и подготовки за-воевания власти *Советами рабочих депутатов*. Только та-кая власть *может* дать хлеб, мир и свободу.

Сейчас — добывать реакцию, *ни тени* доверия и под-держки новому правительству (ни тени доверия Керен-скому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К°) и *вооружен-ное выжидание, вооруженная подготовка более широкой* базы для более *высокого* этапа».

Вслед за письмом прибыла и телеграмма от В. И. Ле-нина: «Посылаю сегодня статью и письмо». 9 (22) марта А. М. Коллонтай получила от В. И. Ленина две статьи. Это были первые два «Письма из далека». Владимир Ильич поручал ей передать их в Петроград, в редакцию газеты «Правда».

Собрав в дорогу самое необходимое, надежно спрятав бесценные ленинские страницы, Александра Михайловна двинулась на родину, но тут возникли непредвиденные сложности. Ей, высланной из Швеции, был запрещен транзит через эту страну. А. М. Коллонтай обратилась за помощью к социал-демократу, депутату риксдага Бран-тингу. Через несколько дней разрешение удалось полу-чить, правда с оговоркой. Александре Михайловне был предложен особый круговой маршрут, без заезда в Сток-гольм.

19 марта 1917 года в «Правде» появилось извещение: «Вчера из-за границы прибыла А. М. Коллонтай, извест-ная деятельница и писательница международного социал-демократического движения, вступившая в число сотрудни-ков «Правды».

На следующий же день после приезда Александра Михайловна направилась в редакцию «Правды» и пере-дала привезенные ею два «Письма из далека» В. И. Ле-нина. В это время в редакции находились И. В. Сталин, Е. Д. Стасова, М. И. Ульянова. Александра Михайловна рассказала им о плане возвращения В. И. Ленина через Германию. В ответ на опасения, высказанные М. И. Улья-новой, И. В. Сталин сказал, «что путь через Англию не менее опасен и займет целый месяц, а на такое промед-ление Владимир Ильич никогда не согласится». Первое «Письмо из далека» в сокращенном виде было напеча-тано 21 и 22 марта.

Вскоре А. М. Коллонтай была избрана в Петроград-ский Совет от Военной организации большевиков, а не-

много времени спустя в Исполком Совета, стала членом бюро большевистской фракции.

В те бурные весенние дни 1917 года дарование А. М. Коллонтай как трибуна развернулось во всю мощь. Всюду: на улицах Петрограда, в залах дворцов, в солдат-ских казармах, на кораблях Балтики — шли митинги, со-вещания, лекции, дискуссии. Александра Михайловна стремилась везде успеть, всей силой своего темперамента вела она пропаганду против войны, против соглашатель-ства, за укрепление Советов.

С нетерпением А. М. Коллонтай ожидала приезда В. И. Ленина из Швейцарии. Наконец этот день насту-пил. 3 апреля Александра Михайловна выехала со мно-гими членами Петербургского Комитета на станцию Бело-остров. Но как только В. И. Ленин вышел из вагона, все так тесно обступили его и Надежду Константиновну, что А. М. Коллонтай еле удалось протиснуться к нему и пожать руку.

Выступление В. И. Ленина с броневики во время встречи его на Финляндском вокзале дало ориентир всей партии большевиков: от буржуазно-демократической ре-волюции — к победе социалистической революции!

«На 4 апреля, — вспоминала А. М. Коллонтай, — на-значено было собрание большевистской фракции.

Тезисы Ленина были как удар грома. Они внесли смя-тение в ряды эсеров и меньшевиков и напугали минист-ров-капиталистов, желавших верить, что революция по-зади. Рабочие массы и солдаты поняли, восприняли мыс-ли Ленина и продолжали дальнейший путь в революцию под твердым водительством нашей партии».

...1917 год — год Великой Октябрьской социалистиче-ской революции — был, без преувеличения, выдающимся годом в жизни А. М. Коллонтай. «Если меня спросят, — писала она, — какой был самый великий, самый памят-ный час в моей жизни, я, не колеблясь, отвечаю: час, в ко-торый была провозглашена власть Советов... Не забыть Владимира Ильича Ленина в этот великий час! ...Прони-цательный, полный энергии и мысли взгляд Ленина был устремлен вперед — он видел то, что мы еще не виде-ли: провозглашаемые декреты в их живом воплощении, будущее, которое предстояло завоевать».

10 октября 1917 года она присутствовала на историче-ском заседании Центрального Комитета, где было приня-то решение о вооруженном восстании. На этом заседании В. И. Ленин сделал доклад о текущем моменте. Он обри-

совал обстановку четко и ясно. Рабочие и солдаты в своей массе за большевиков. А. М. Коллонтай была в числе тех десяти членов Центрального Комитета, которые голосовали за вооруженное восстание.

С этого дня А. М. Коллонтай в гуще рабочих, солдат. Она не жалела своих сил и энергии. Задача формулировалась так: разъяснить необходимость взятия власти Советами. Лозунг дня — призвать каждый район, каждое предприятие, каждую воинскую часть готовиться к вооруженному восстанию.

24 октября В. И. Ленин, находившийся тогда на нелегальном положении, направил письмо членам Центрального Комитета, в котором указывал, что положение «донецкая критическое», что «промедление в восстании смерти подобно». В ночь с 24 на 25 октября В. И. Ленин прибыл в Смольный и взял в свои руки непосредственное руководство вооруженным восстанием. Было срочно созвано совещание Центрального Комитета партии. Коллонтай как член ЦК принимала в нем участие.

«В Смольном заседает ЦК, — записывает она. — Приняты постановления: все члены ЦК обязуются находиться в Смольном безотлучно... Усилить караул в Смольном, установить пулеметы, командировать Дзержинского на почту и телеграф... Направить большевистский контроль на железные дороги. Организовать запасной штаб в Петропавловской крепости, на случай разгрома Смольного.

Таково положение дела. Оно ясно говорит о том, что вооруженное восстание за власть Советов — осязательный факт... Сомневаться в победе было просто нелепо и невозможно».

25 октября открылось заседание 2-го Всероссийского съезда Советов.

«Вопрос о мире, — заявил Владимир Ильич, — есть глупый вопрос, большой вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство...»

Съезд принял по докладам В. И. Ленина исторические Декреты о мире и о земле. На 2-м Всероссийском съезде Советов было сформировано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Александра Коллонтай, по предложению В. И. Ленина, была назначена народным комиссаром государственного призрения, так на-

зывалось тогда учреждение, ведавшее социальным обеспечением. На следующий день, после первого, срочно созванного с утра заседания Совнаркома, Наркомат государственного призрения, позднее — Соцобес, начал свою многогранную и неотложную работу.

А уже в январе 1918 года ВЦИК поручает А. М. Коллонтай возглавить делегацию для поездки в Стокгольм. Делегации предстояло связаться за границей с друзьями Советской России и раскрыть глаза трудящимся массам на происходящее в Советской России, рассказать правду о революции, донести до их сознания цели и задачи, которые ставило перед собой первое в мире государство рабочих и крестьян.

Во время пребывания в Гельсингфорсе делегация встречалась с членами рабочего правительства — Советом народных уполномоченных Финляндии. Александра Михайловна передала привет от Владимира Ильича. Куллерво Маннер, возглавлявший Совет, Юрьо Сирола, уполномоченный по иностранным делам, и Отто Куусинен, ведавший народным просвещением, были искренне рады приезду посланцев Республики Советов.

«18 февраля... — читаем мы в сохранившемся дневнике делегации, — в 11 часов 15 минут прибыли в Гельсингфорс. В 3 часа т. Коллонтай уже выступает на митинге в переполненном зале Мариинского дворца, громит по дороге анархистов, разъясняет недоразумения и сомнения...»

Из Гельсингфорса делегация на пароходе «Мариограф» выехала в Стокгольм. Но в районе Аландских островов между Або и Марисиханом пароход был затерт льдами. Один из членов делегации писал: «26 февраля. На наш затертый «Мариограф», как крысы, лезут льды. Мы «затерты». Темно, крепчает, поднимается ветер. Одиноко возвышается наша скорлупа среди поля минных заграждений. Крепчает ветер. Вправо приблизительно в полумиле взрывается первая мина. Высокий столб также беззвучно рассыпается и исчезает».

Шведская пресса, будучи в неведении, сообщила о гибели парохода «Мариограф» и советской делегации во главе с Коллонтай. В. В. Воровский, тогда советский представитель в Стокгольме, узнав о гибели парохода, 1 марта 1918 года посылает телеграмму на Аландские острова в Исполнительный комитет Марианхамна Павлову: «Телеграфируйте подробности гибели «Мариографа» тчк. Была ли Коллонтай товарищами тчк». Воровскому не было

известно, что, когда пароход терпел аварию, делегация выбралась на лед и попыталась по льду Финского залива пробраться в Швецию, но усилился буран и делегация вынуждена была прекратить свой путь и остановиться на одном из Аландских островов.

Вскоре делегация в полном составе возвратилась в Гельсингфорс, а затем уже, не добравшись до Швеции, претерпев многие мытарства, вернулась в Петроград. «В Смольном были очень рады, что мы остались живы».

Спустя некоторое время А. М. Коллонтай по поручению В. И. Ленина вновь направляется за границу — через Гельсингфорс в Копенгаген для установления связей с социалистическими партиями Западной Европы и разъяснения целей и задач Советской власти.

В это время Советское правительство готовилось к переезду из Петрограда в Москву. А. М. Коллонтай, будучи наркомом, получила распоряжение за подписью управляющего делами Совнаркома, что отъезд правительства в Москву состоится в воскресенье 10 марта ровно в 10 часов вечера с платформы у Цветочной площади. Нелегко было расставаться с Петроградом. Ведь здесь прошла молодость, здесь пережито много волнующих и дорогих минут. Однако прощай, Петроград! Здравствуй, Москва!

...Наступило лето 1918 года. Трудное лето. Республика Советов оказалась зажатой в огненном кольце фронтов. Свирипствовали тиф, голод. По стране то там, то здесь вспыхивали мятежи, диверсии, заговоры. Наступали враги. Сжималось кольцо блокады. Нередко вставал вопрос: «Выстоим ли?» В этой тревожной, сложной обстановке Центральный Комитет дает А. М. Коллонтай самые разные поручения. В 1918 году она едет на агитационном пароходе по Волге, чтобы помочь поднять трудящихся на борьбу против интервентов и белогвардейцев. Она читает лекции у самой линии фронта. В Ярославле в это время эсеры подняли мятеж. Колчак напирал на Самару. Пароход еле успел повернуть назад в Кострому. А. М. Коллонтай чуть было не попала в руки врагов, где ей грозила верная смерть.

В вихре сражений 1918 год сменил 1919-й. Легче не стало. Этот год был таким же трудным и бурным, путь к победам был тернист.

В марте 1919 года проходил VIII съезд партии. На нем А. М. Коллонтай выступила с докладом о работе среди женщин. Важно, подчеркивала А. М. Коллонтай, в

борьбу за коммунизм и строительство Советской Республики включить работниц и крестьянок. Но как подойти к работницам, как их привлечь к строительству новой жизни? И здесь Александра Михайловна со всей силой своего темперамента подчеркнула: «Не нужно забывать, что до сих пор, даже в нашей Советской России, хотя работница, женщина трудового класса, уравнена в правах с товарищами мужчинами, она закрепощена домашним бытом, она закабалена непроизводительным домашним хозяйством, которое до сих пор лежит на ее плечах. Домашнее хозяйство отнимает у нее время, отнимает силы, мешает ей отдаться непосредственному активному участию в борьбе за коммунизм и строительной работе». Александра Михайловна предложила план работы среди женщин. Он состоял в том, чтобы при каждом партийном комитете, городском, районном или уездном, создать комиссию по агитации и пропаганде среди работниц. Причем, отмечала А. М. Коллонтай, самый лучший подход к женщине — это агитация не только словами, но и делом. Мы должны, обращалась Александра Михайловна к участникам съезда, учить трудящихся женщин управлению, создавать ясли, детские садики, строить общественные столовые, прачечные и т. д., то есть сделать все для слияния сил пролетариата — мужского и женского, чтобы совместными усилиями добиться общей великой цели завоевания и построения коммунистического общества.

В 1919 году главным фронтом стал Южный фронт. Наступал Деникин. Особо острые бои развернулись в районе Донецкого бассейна, на Украине. В конце марта 1919 года Центральный Комитет посылает Александру Коллонтай на Украину, в Донбасс. Там она работает с Павлом Дыбенко, первая встреча с которым у нее произошла в предреволюционные дни 1917 года. Тогда он возглавлял Центробалт. Здесь он командовал Заднепровской дивизией на Украинском фронте. Александра Михайловна назначается в эту дивизию начальником политотдела.

В специальном вагоне, который прицеплялся к разным поездам, А. М. Коллонтай колесила по Донбассу. Макеевка, Голубовка, Варварополье, Ирмино, Кадневка, Максимовка — вот пункты ее маршрута. ЦК КП(б)У выдал А. М. Коллонтай мандат, предписывавший оказывать ей помощь и содействие.

В начале поездки все шло без особых осложнений, но чем дальше продвигались к югу, тем было труднее, здесь

уже встречалось сопротивление, в том числе и железнодорожного начальства. Влияние мандата становилось все менее и менее весомым. В Донбассе в самом разгаре бушевала гражданская война. Подъезжаешь к рабочему поселку, вспоминала Александра Михайловна, и не знаешь, как тебя встретят. В одном — Советская власть, в другом — анархистские банды, в третьем — кулаки захватили власть, угрожают бедноте, ждут Деникина.

Однажды во время выступления А. М. Коллонтай, когда она должна была ответить на заданные вопросы, к ней подошли и на ухо сказали: «Кончайте... Получены сведения, что белые приближаются. Ваш вагон прицеплен к воинскому составу. Медлить нельзя. Митинг надо распустить». Она быстро закончила свое выступление и направилась на станцию. Ей сообщили, что прямой путь закрыт, остался окружной, который вел в сторону фронта... Доносились выстрелы. Во время проверки документов на одной из станций командир воинской части сказал: «Если вам удастся благополучно проскочить первый участок и не попасть в руки деникинцев — все обойдется».

В начале июня ЦК направляет Александру Коллонтай в Крымскую республику для политической работы в Красной Армии. Она занимала должность председателя политуправления Крымской республики. В этот период Крым был сплошным фронтом. 4 июня 1919 года, проезжая Мелитополь, А. М. Коллонтай писала: «Едем с большими остановками и по разрушенной белыми местности. Никогда не знаем, что впереди. Там ли еще неприятель? Не взорвали ли мост? Успели ли проскочить? Неужели неприятель отрешет от Крыма? Но пока наши держатся крепко и не отступают».

Преодолевая трудности в пути, А. М. Коллонтай все же добралась до Симферополя. Это был фронтовой город. Обстановка была трудной. «На заседании Совнаркома республики обсуждают только военные вопросы, до других не доходим. На партийных собраниях — как обеспечить переход партийной работы на нелегальное положение, сохранить кадры, обеспечить их деньгами. Чего-либо практического налаживать не стоит. Вопрос весь в том, сколько продержимся...»

24 июня деникинские войска заняли Симферополь. «Позади Крым, наше отступление, — писала Александра Михайловна. — В пять часов утра крымское правительство собралось на совещание. Деникин высадился на наш берег. Отстоять Симферополь нет никакой возможности...

Настал час эвакуации, держались до последнего». В ночь перед эвакуацией Александра Михайловна сочиняла проект обращения Советского правительства к населению Крыма, убеждая его в том, что Крым вновь будет советским.

Вместе с П. Е. Дыбенко А. М. Коллонтай прибывает в Киев. Остановились в гостинице «Континенталь» на Николаевской улице. Украинское правительство назначило А. М. Коллонтай народным комиссаром агитации и пропаганды Украины. Работая в Киеве, Александра Михайловна нередко выезжала на фронт с докладами.

«...Было жаркое лето 1919 года, — вспоминала член Киевского губкома комсомола, впоследствии известная писательница Галина Серебрякова. — К столице Украины в обход двигались белые армии. Как-то в сумерках в укромном, пропахшем конским потом, навозом и плесенью здании цирка собрались перед отправкой на фронт красноармейцы, рабочие и киевские комсомольцы.

С речью, как мы знали, должен был выступать кто-то из членов украинского правительства. Внезапно на подмостки поднялась стройная, хрупкая женщина в изящном синем платье и огромной соломенной шляпе. Дымчатый прозрачный шарф обхватывал тулью и небрежно ниспадал вниз. Уверенным движением женщина вытащила длинную шпильку, сняла и положила на стул головной убор, тряхнула пепельно-русыми вьющимися волосами и начала говорить. Недоуменно и скорее неодобрительно смотрели на нее красные войны.

— Кто это, кто?

— Нарком агитации и пропаганды Украины, — услышала я чей-то шепот.

Не прошло и несколько минут, как зал затих и все присутствующие подались вперед, зачарованные необыкновенным трибуном. Сильный голос, напоминавший звук виолончели, артистическая дикция, умные и доходчивые слова, в которые обличались мысли, сила ораторского воздействия поражали...

Она говорила о неизбежной победе над врагом Советской власти, о земле, которую получили крестьяне, о борьбе за счастье трудящихся и будущем, таком прекрасном, какого еще никогда не было на земле. Я заглянула в глаза стоящих рядом воинов и увидела в них свет, идущий от души. Коллонтай нашла главное, что требуется от докладчика, — ключ к человеческим сердцам».

А вот свидетельство Александры Михайловны тех дней:

«Как я счастлива, что я в Киеве, что я на созидательной работе, что кругом идет укрепление, строительство Советской власти». Масштаб дел был громадным — выступления среди трудящихся и солдат, сплочение интеллектуальных и культурных сил для строительства новой жизни, работа среди работниц, написание лозунгов, листовок, статей, брошюр.

Однажды П. Е. Дыбенко пожаловался, что в армии участились случаи дезертирства, и бороться с дезертирством становится все трудней. Надо усиленно работать с солдатской массой. Но как? И он попросил А. М. Коллонтай сочинить листовку. Тут же Александра Михайловна взяла ручку и вывела заголовок: «Не будь дезертиром!» — и полились строчка за строчкой:

«Что заставляет тебя, красноармеец, становиться дезертиром? Почему ты покидаешь свой боевой пост и, будто вор, крадучись, озираясь, пробираешься поглубже в тыл? Один ответ на это: «Я неспокоен за судьбу моей семьи, жены, ребят, старухи матери. Я тут на фронте, а кто знает, не голодает ли моя семья?»

Другой скажет: время уборки хлеба, в селе нужны рабочие руки, если не вернусь домой, кто снимет жатву с моей полосы? Третий призадумается и молвит: не ясно мне, за что мы воюем. Кому от этого польза, что я вернусь с фронта раненый, искалеченный, а то и вовсе не вернусь?..»

Писалось легко. Фразы ложились на бумагу одна за другой. «Ты боишься, что без тебя некому снять урожай? Разве ты забыл, что мы живем в новом трудовом государстве? Совет твоей волости и уезда позаботится о том, чтобы полоса твоя была вовремя снята, и твои товарищи односельчане отдали семье твоей причитающийся урожай... Слушай, красноармеец, от кого ты бежишь? От смерти? А разве ты не знаешь, что если дрогнет фронт, то смерть погонится за бегущими? Сколько попадает в плен во время отступления!.. Сколько расстреливают! А тебя, вчерашнего красноармейца, в твоем селе? Ты думаешь, он тебя помилуется?.. Хочешь победы, хочешь свободной мирной жизни, красноармеец, — стой крепко в цепи, не дай позорной трусости овладеть тобой... Вечный позор дезертирам и трусам!»

Закончив писать листовку, Александра Михайловна передала ее Павлу Ефимовичу. Он остался очень доволен. Уж если эти слова не дойдут до сердца дезертира, тогда

ему ничто не поможет. Однако настроение было невеселым. С фронтов шли печальные вести. Банды Деникина приближались к Киеву с юга, с запада наступал Петлюра. Украинское правительство приняло решение об эвакуации. 31 августа А. М. Коллонтай одной из последних села на пароход, уходивший в Белоруссию до Гомеля. Дыбенко, проводив Александру Михайловну на пристань, тут же отправился в войска.

По дороге А. М. Коллонтай выступала в местах останков парохода и призывала к борьбе с Деникиным. Вот что вспоминала свидетельница одного из таких выступлений А. М. Коллонтай:

«Александра Михайловна Коллонтай прибыла к нам в Лоев на агитпароходе из Киева по пути в Гомель. Был базарный день, собралось много народу. Коллонтай прямо с парохода прошла на базарную площадь. Она попросила близстоящего крестьянина разрешить ей встать на телегу и оттуда она обратилась к собравшимся.

Было тревожное время, наступали поляки. Все мы с волнением слушали ее речь. Она нас успокаивала и просила не падать духом. «Отступление временное, надо держаться, — сказала она. — Ждите нас, мы вернемся!» Коллонтай очень ясно и понятно для всех нарисовала картину положения, говорила с такой уверенностью и так захватывающе, что у многих из нас появились слезы на глазах. Коллонтай со всех сторон обступили, старались пожать ей руку. Я находилась рядом с ней и как будто сейчас вижу ее перед собой оживленной, убежденной, убеждающей: «Ждите нас, мы вернемся!» Эти ее слова навсегда остались в памяти. Нас всех поразили ее красота и ее простота. С ней так легко было говорить. Крестьянин с телегой не дал вернуться на пристань пешком, а отвез ее на своей телеге. Лошадь шла шагом, а все мы, огромная толпа, провожали Коллонтай к пароходу. Простились мы с ней как с близким человеком».

Пересев на поезд, Александра Михайловна две недели ехала до Москвы. Во второй половине сентября прибыла в столицу в свою прежнюю комнату в гостинице «Националь». Ни Павла, ни сына Миши не было. Один на фронте, другой — в Петрограде. Душа рвалась хотя бы на денек съездить в Петроград к сыну. Но это позволить себе было нельзя. Разворачивалась подготовка к Первой международной конференции коммунистов. Нужно было «застегнуть себя на все пуговички», не поддаваться желаниям. Не то делай, что хочется. Пусть хочется делать

то, что должна! И она «застегивала себя на все пуговички».

...Александра Коллонтай и Павел Дыбенко. Эта тема привлекает внимание многих людей разных возрастов, разных профессий. И буржуазная пропаганда до сего дня проявляет интерес к этим двум ярким личностям, большой и нелегкой судьбы, со всей присущей им страстью отдавшим делу революции и социалистическому строительству всю без остатка свою жизнь. Именно буржуазная пресса, да и некоторые любители сенсаций создали здесь немало легенд и сплетен.

Как уже упоминалось, Александра Михайловна Коллонтай встретила с Павлом Ефимовичем Дыбенко в бурном потоке революционных дней 1917 года. Знакомство очень скоро превратилось в дружбу, а затем в опаленную страстью любовь. «Наши отношения, — вспоминала Александра Михайловна спустя годы, — всегда были радостью через край, наши расставания полны были мук, эмоций, разрывающих сердце. Вот эта сила чувств, умение пережить полно, горячо, сильно мощно влекли к Павлу». Когда однажды Александру Михайловну Коллонтай спросили: «Как вы решились на отношения с Павлом Дыбенко, ведь он был на семнадцать лет моложе вас?» — Александра Михайловна, не задумываясь, ответила: «Мы молоды, пока нас любят!»

Сама судьба свела этих двух друг другу необходимых людей: элегантную А. М. Коллонтай, аристократку по происхождению, и красивого, высокого, плечистого сына крестьянина Павла Дыбенко, портового грузчика, моряка, ставшего председателем Центрального комитета Балтийского флота. Павел Ефимович Дыбенко был воплощением мужества и бесстрашия. Он был романтиком революции. «Именно этот романтизм его нравился мне, привлекал меня», — неоднократно говорила и писала Александра Михайловна.

Их семейная жизнь продолжалась в общем счете шесть лет. Почти все время они были в разлуке. Александра Михайловна Коллонтай не относилась к числу женщин, способных принести в жертву чувству самое главное в своей жизни — общественную деятельность. В постоянных разъездах по фронтам, между митингами, конференциями, в кипучей жизни на людях и с людьми редко выдавались минуты, когда Коллонтай и Дыбенко оставались наедине.

«Ведь я же вижу, знаю, — писала она Павлу, — что

не умею, не могу дать тебе полного счастья. Тебе со мной, с одной стороны, хорошо, близко, а с другой — неудобно, а подчас и тяжело. Я не та жена, какая тебе нужна... Я все-таки больше человек, чем женщина. Этим все сказано».

В другом письме она вновь пишет: «Ты заброшен, и у тебя нет «дома», нет «хозяйки», нет и просто близкого человека, который всегда был бы при тебе. Я на это не гожусь, как сам понимаешь. Но зачем же обрекать себя на такую трудную жизнь?»

Конец их отношений был нелегким для обоих. Хотя оба знали, что разрыв назревает, сердце остается сердцем. Горечь разлуки, горечь расставания была сильна. Но выбор, сделанный Александрой Михайловной, был окончательным. «Все мучительное, связанное с П. Дыбенко, я сумею потопить в работе» — так решила она.

...Итак, побывав на фронтах гражданской войны, объездив Юг, Крым, Украину, Александра Коллонтай в сентябре 1919 года возвращается в Москву и окунается в работу среди женщин, принимает деятельное участие в организации Первой международной конференции коммунисток. В разгар этой работы она вдруг неожиданно заболела. Брюшной тиф и заражение крови после перенесенного острого нефрита на довольно продолжительное время, почти на год, отвлекли ее от кипучей деятельности. Лишь в сентябре 1920 года она возвращается в строй. Ее назначают заведующей женотделом ЦК партии.

Под руководством А. М. Коллонтай коллектив женотдела работал дружно и вдохновенно. Он был связан с женскими организациями по всей стране. В губерниях, уездах действовали отделы работниц и крестьянок, на фабриках сплачивали работниц так называемые организаторы, в селах — волостные организаторы. Почти во всех наркоматах женотдел ЦК имел своих представителей, которые делали все необходимое, чтобы больше внимания уделялось женщинам, учитывались их интересы. «Нас в шутку зовут «центро-баба», — с улыбкой вспоминала Александра Михайловна эти годы своей работы. — Мы, вернее, я и Голубева — активный работник женотдела ЦК РКП(б), — часто бываем в Оргбюро. Потом еще комиссия по борьбе с проституцией. Потом лекции на курсах у Лебедевой — заведующей отделом охраны материнства и младенчества Наркомздрава, — всего не перечтешь. Бывает, что так устаю, что приду домой, сяду на

диван — и тут же засну на 10—15 минут и дальше — за работу...»

В это время Александра Михайловна пишет ряд статей и брошюр. Среди них: «Семья и коммунистическое общество», «Работница за год революции». В Свердловском университете А. М. Коллонтай читала курс лекций на тему «Труд женщин и эволюция хозяйства». Смысл работы среди женщин, считала А. М. Коллонтай, состоит в том, чтобы пробудить женские массы трудовой России, научить их пользоваться своими правами, ликвидировать среди них неграмотность, вовлекать в общественное производство.

...Летом 1922 года Александра Коллонтай проводила отпуск в Одессе. Но не были эти дни отдыха безмятежными для Александры Михайловны. Много было передумано, осмыслено, перечувствовано. Мысленно она все время возвращалась к мартовским дням 1921 года, когда проходил X съезд партии. Этот съезд принял важнейшее решение о новой экономической политике (нэп), о продовольственной разверстке и замене ее продовольственным налогом. X съезд РКП(б) вошел в историю еще и тем, что на нем была разгромлена «рабочая оппозиция», одним из лидеров которой была А. М. Коллонтай. Почему же в трудный для страны и партии период А. М. Коллонтай не пошла вместе с В. И. Лениным, с партией, а очутилась в лагере ее противников? История социалистического и коммунистического движения имеет, к сожалению, примеры, когда на крутых поворотах не все ее творцы и даже видные деятели могли трезво оценить складывающуюся обстановку и разобраться в быстро несущемся потоке времени, понять крутые повороты событий, изменения в подходе к явлениям политической и социальной жизни.

«Рабочая оппозиция» требовала передачи управления народным хозяйством профсоюзам, «всероссийскому съезду производителей». Она хотела передать аппарат Всероссийского Совета Народного Хозяйства по частям соответствующим профсоюзам, противопоставляла профсоюзы Советскому государству и партии. «Рабочая оппозиция» предлагала «осоюзить» государство, подчинить его профсоюзам, свести его на нет. Это были, по сути дела, синдикалистские взгляды, отрицавшие необходимость пролетарского государства при переходе от капитализма к социализму.

В. И. Ленин, выступая на X съезде партии, резко об-

рушился на «оппозицию». Он сказал: «Не страшен был бы небольшой синдикалистский или полуанархистский уклон: партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправлять. Но если он связан с гигантским преобладанием в стране крестьянства, если недомогательство этого крестьянства пролетарской диктатурой растет, если кризис крестьянского хозяйства доходит до грани, если демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи разбитых, не находящих себе занятий людей, привыкших заниматься только войной, как ремеслом, и порождающих бандитизм, — тогда не время спорить о теоретических уклонах. И мы должны на съезде прямо сказать: споров об уклонах мы не допустим, мы должны поставить точку в этом отношении.»

Выступления лидеров «рабочей оппозиции» Шляникова и Коллонтай на съезде успеха не имели.

В заключительном слове по отчету ЦК РКП(б) В. И. Ленин сделал уничтожающий анализ брошюры А. М. Коллонтай «Что такое «рабочая оппозиция»: «Вы на партийный съезд пришли с брошюрой тов. Коллонтай, с брошюрой, на которой написано: «рабочая оппозиция». Вы сдавали последнюю корректуру, когда знали о кронштадтских событиях и поднимавшейся мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «рабочей оппозиции»! Вы не понимаете, какую ответственность вы на себя берете и как нарушаете единство!» Со всей прямотой В. И. Ленин подчеркнул: «Я утверждаю, что между идеями и лозунгами этой мелкобуржуазной, анархической контрреволюции и лозунгами «рабочей оппозиции» есть связь».

X съезд партии резко осудил взгляды «рабочей оппозиции». В специальной резолюции, написанной В. И. Лениным, съезд указал, что взгляды «рабочей оппозиции» полностью разрывают с марксизмом, представляют огромную политическую опасность. Съезд квалифицировал их как антипартийные, синдикалистские и анархистские, как выражение мелкобуржуазных патаний. Практически идеи «рабочей оппозиции», говорилось в резолюции, ослабляют руководящую линию партии и помогают классовым врагам. Признать, говорилось в резолюции, необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями... признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к Российской Коммунистической партии.

В том же 1921 году с 22 июня по 12 июля проходил

III конгресс Коминтерна. В. И. Ленин, выступая на конгрессе с докладом о тактике РКП(б), где обосновывал необходимость перехода к новой экономической политике, вновь подверг критике «рабочую оппозицию».

А. М. Коллонтай была делегатом конгресса, выступила на нем. Она продолжала защищать анархо-синдикалистские взгляды «рабочей оппозиции», тем самым нарушила решение X съезда РКП(б), признавшего пропаганду идей анархо-синдикалистского уклона несовместимой с принадлежностью к Коммунистической партии. Никто из делегатов конгресса ее не поддержал. «Выступления закончились. Я иду через зал к выходу. Никто меня не замечает. Я знала, что это будет. Но это бол.но. Очень бол.но... На душе у меня темно и тяжело. Ничего нет страшнее, чем разлад с партией. И зачем я выступила?»

Лето 1922 года для А. М. Коллонтай, по ее собственному признанию, было летом мучительных раздумий. Находясь в Одессе, А. М. Коллонтай написала большое письмо в ЦК Сталину, в котором рассказала обо всем пережитом, о том, что она поняла и глубоко прочувствовала свои ошибки и разорвала все нити, связывающие ее с «оппозицией». В заключение письма попросила назначить ее на новую работу: может быть, на Дальний Восток или в одно из полпредств Советской Республики за границей. Вскоре пришел телеграфный ответ. В телеграмме говорилось: «Партия решила назначить вас на ответственный дипломатический пост за границей. Немедленно возвращайтесь в Москву». Так Коллонтай стала дипломатом — первой в мире женщиной-дипломатом.

13 ноября 1922 года по Народному комиссариату иностранных дел был издан приказ за подписью члена коллегии Ганецкого и управляющего делами Канторовича, в его параграфе третьем говорилось: «По заграничным представительствам РСФСР. По полномочному представительству РСФСР в Норвегии назначается: Коллонтай Александра Михайловна — на должность советника с 4 октября с. г.». 9 октября 1922 года она выехала в Норвегию.

Перед отъездом А. М. Коллонтай побывала у наркома иностранных дел Г. В. Чечерина. Указания Георгия Васильевича были четкими и ясными: суть их сводилась к принципиальным установкам партии и лично В. И. Ленина: «Работать для того, чтобы установить нормальные дипломатические отношения между Советской Социалистической Республикой и королевством Норвегии.

У нас, — говорил Чичерин, — уже имеется с Норвегией очень неплохой торговый договор, заключенный в 1921 году. Но это лишь признание нас де-факто. Надо добиться обоюдного признания де-юре. Раз нам так скоро дали ответ на наш запрос об агремане для вас, значит, у вас имеются шансы наладить добрососедские с Норвегией отношения. Оставляя вопрос о том, что вы женщина, у вас имеются налицо многие преимущества, которых нет у наших молодых советских дипломатов, посылаемых за границу. Хотя бы ваше доскональное знание пяти иностранных языков. Правила этикета вам не чужды, да и обстановка буржуазных стран вам не новость. Вы сумеете использовать эти преимущества, чтобы выполнить задания Наркомаиндела с вашей обычной точностью». Напутствуя А. М. Коллонтай, Г. В. Чичерин в заключение сказал: «Чтобы быть хорошим дипломатом, надо не только в совершенстве знать язык, где вы аккредитованы, но и изучать досконально психологию данного народа, знакомиться с литературой, беседовать с обывателями. Это помогает».

Во всех странах, где бы она ни находилась в качестве дипломата — в Норвегии, Швеции, Мексике, — или на заседании Ассамблеи Лиги Наций А. М. Коллонтай проводила в жизнь ленинские идеи мира, укрепления дружбы между народами. «Советская дипломатия с самого начала своего существования ставила себе прямые, ясные цели, которых нечего было скрывать ни от своего народа, ни от трудящихся других стран. Поэтому для нас, полпредов, — писала она, — не было необходимости прибегать ко всякого рода буржуазным уловкам дипломатической практики, тайным договорам, секретному обмену обещаниями, идущими вразрез с принципиальной открытой политикой и, разумеется, в ущерб самому народу. Те атрибуты дипломатии, которыми прославились в свое время Меттернихи и Талейраны, чужды были нашей политике. В момент своего провозглашения Советская власть открыто обратилась к народам с предложением закончить мировую войну и заключить между народами справедливый мир. С тех пор неизменной основной задачей нашей политики явилось укрепление мира между народами».

В то нелегкое для Советской страны время огромное значение имела деятельность советских посланников мира по установлению торговых и экономических отношений СССР со страной пребывания, а также работа по разъяснению общественности за рубежом «что такое

СССР, каковы его задачи», по укреплению дружбы широких масс буржуазных стран с советскими трудящимися.

Появление А. М. Коллонтай в норвежской столице было сразу замечено буржуазной печатью. Поначалу она изображала ее как «кровожадную большевичку». Полосы газет посвящались ее туалетам, будто бы вывезенным из Парижа. Но прошло немного времени, и не имевшая почвы под ногами клевета постепенно рассеялась.

Свою работу в Норвегии А. М. Коллонтай начала с установления нормальных дипломатических отношений между Норвегией и СССР. Шаг за шагом преодолевая одно препятствие за другим, налаживались отношения, заключались договоры о закупке сельдей и других сортов рыбы, о продаже советской ржи, финансовые договоры.

13 февраля 1924 года были восстановлены дипломатические и консульские отношения между СССР и Норвегией. Вскоре, 9 августа 1924 года, А. М. Коллонтай получила извещение из Москвы о назначении ее посланником в Норвегии, а 8 сентября она вручила верительные грамоты королю Хокону VII.

Кроме признания Советского правительства Норвегией де-юре, был также урегулирован вопрос о признании со стороны СССР суверенитета над Шпицбергеном с сохранением прав СССР на каменноугольные залежи на этом острове.

...14 апреля 1926 года Коллонтай уехала из Норвегии. «Когда я уезжала из Осло весной 1926 года, — писала она, — я покидала Норвегию с чувством грусти и теплой благодарности за годы творческой работы, в ней проведенной. Я знала, видела, что основную задачу дипломата я выполнила, между нашими странами отношения установились более дружеские, а главное, нас стали лучше понимать и ценить нашу великую страну».

За укрепление дружественных отношений между СССР и Норвегией А. М. Коллонтай была награждена норвежским Большим крестом ордена святого Олафа 1-й степени с лентой.

17 сентября 1926 года Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР назначил А. М. Коллонтай полномочным представителем в Мексику. Предстоял далекий путь в Латинскую Америку. А. М. Коллонтай хотела ехать через Соединенные Штаты Америки, но, как и следовало ожидать, известной в Америке «большевистской

агитаторше» в визе было отказано. Оставался один путь — через океан и Карибское море, минуя США.

А. М. Коллонтай уезжала в Мексику в сложной международной обстановке. В условиях частичной и временной стабилизации капитализма империалистические державы во главе с США и Англией взяли курс на то, чтобы сорвать или хотя бы затормозить строительство социализма в СССР. Соединенные Штаты Америки проводили в отношении Советского Союза откровенно враждебную политику и отклоняли все советские предложения, цель которых была нормализовать отношения между обеими странами. США со всей активностью поддерживали сколачиваемый Англией антисоветский блок, пытались вбить клин в развитие советско-мексиканских отношений, обвиняя мексиканское правительство в том, что оно является «филиалом большевистского правительства».

Прибытие А. М. Коллонтай в Мексику сопровождалось большой газетной шумихой. «Некоторые думали, — писал журналист из мексиканской газеты «Эль Универсаль», — что госпожа Коллонтай будет похожа на суфражистку или на престарелую преподавательницу-протестантку. Но когда появилась эта элегантная культурная дама в красивой шляпке, прикрывающей ее от тропического солнца, мы увидели, что госпожа Коллонтай, к счастью, не похожа ни на суфражистку, ни на преподавательницу. Перед встречавшими предстала прекрасная женщина в полном расцвете своей жизни». А газета «Эксельстер» отмечала: «Мадам Коллонтай действительно незаурядная женщина, исключительно располагающая к себе. Несомненно, в скором времени она завоюет к себе в нашей стране расположение».

24 декабря 1926 года А. М. Коллонтай вручила верительные грамоты президенту Мексики Плутарко Элиас Кальесу в Национальном дворце в присутствии всех членов кабинета и многочисленных гостей. В своей речи она подчеркнула, что за время установления дипломатических отношений между Мексикой и Советским Союзом «не произошло ни одного серьезного события, которое нарушало бы искренние, братские и дружественные отношения, существующие между нашими народами». В заключение А. М. Коллонтай сказала, что одной из наиболее актуальных задач ее миссии в Мексике «является изыскание способов, которые способствовали бы развитию торговли между Соединенными Штатами Мексики и Советским Союзом. Народ Советской России нуждается в некоторых

мексиканских товарах, и я была бы счастлива, если бы мне удалось добиться установления непосредственных торговых связей между республикой Мексикой и Союзом, минуя страны-посредники». С особой силой Александра Михайловна подчеркнула внешнеполитические принципы Советского Союза, основанные на ленинских указаниях невмешательства во внутренние дела и уважении суверенитета других государств. «Союз Советских Социалистических Республик проявляет и всегда будет проявлять глубокое уважение к воле мексиканского народа защищать свою независимость. Моя страна — это страна, не имеющая империалистических устремлений, поэтому Советский Союз всегда питает глубокое уважение к неотъемлемому праву всякой другой страны самостоятельно выбирать и принимать решения по самым сложным проблемам в соответствии со специфическими условиями своей страны». Эти слова о ленинских принципах мирного сосуществования особенно весомо прозвучали в устах советского посла в стране, которая постоянно подвергалась самому глубокому нажиму со стороны северного соседа — американского империализма.

А. М. Коллонтай, находясь в Мексике, не только выполняла роль полпреда, одновременно она была и торгпредом. До приезда А. М. Коллонтай в Мексику советского торгпредства как организации не было. Она его создала. А с января 1927 года даже стал издаваться информационный бюллетень полпредства и торгпредства СССР в Мехико.

К сожалению, состояние здоровья не позволило А. М. Коллонтай пробыть в Мексике долго. Накануне своего отъезда Александра Михайловна с грустью записала в дневнике: «И вот я уезжаю из Мексики. А кусочек меня — остается там. Я уезжаю другая, чем я приехала. Уезжаю обогащенная их культурой, точно я заглянула в книгу истории и сама побывала за 4—5 тысяч лет тому назад... Мир стал шире и еще любопытнее».

К концу пребывания А. М. Коллонтай в Мексике стало ясно, что отношение в этой стране к СССР и к его полпреду улучшилось. Пройдет много лет, и в 1946 году мексиканский посол Нарциссо вручит в Москве Александре Михайловне в знак признания ее заслуг орден Агила Ацтека с лентой.

После возвращения из Мексики А. М. Коллонтай в октябре 1927 года вновь получила назначение в Норвегию. Узнав об этом, она с радостью писала 24 ноября

М. М. Литвинову: «Вы знаете, как я радовалась, что снова увижу эту симпатичную страну с ее живым жизнеутверждающим народом».

Важные задачи встали перед новым послом в Норвегии: надо было развивать торговые, расширять научные и культурные связи, предстояло договориться о возобновлении концессии на добычу тюленей, заключении пакта о взаимном ненападении между СССР и Норвегией.

24 июля 1930 года А. М. Коллонтай получила агреман в Швецию. Расставаться с Норвегией было нелегко. Перед отъездом она особенно почувствовала свою привязанность к Осло. «В нем, — писала она, — прожиты годы, легкие, творческие годы, отрываю с болью сердце от Норвегии». 26 октября 1930 года, передав отзвывные грамоты королю, А. М. Коллонтай выехала из Осло в Стокгольм. Здесь она следует своему золотому правилу — дипломатом может считаться только тот, кто приобретает друзей. В этом направлении она мобилизовала всю работу посольства и скоро добилась успехов. Торгпредство получило более выгодные условия для размещения заказов. С ним стали считаться руководители банков, промышленники-директора, мощная шведская кооперация.

В Швеции А. М. Коллонтай провела в качестве советского посланника пятнадцать лет. Обладая талантом дипломата, огромным кругозором, большой культурой и тактом, она снискала глубокое уважение к себе в политических и общественных кругах и сделала многое для развития советско-шведских отношений на принципах мирного сосуществования и дружбы между шведским и советским народами.

Деятельность А. М. Коллонтай в Скандинавии, ее борьба за проведение ленинской политики мирного сосуществования больших и малых государств разных социально-экономических систем показывают, что Советский Союз был и остается важным фактором, влияющим на укрепление мира на севере Европы, укрепление суверенитета малых стран. Вроде бы уже стали историей годы, проведенные А. М. Коллонтай в Норвегии и Швеции, но вплоть до сегодняшнего дня политические и государственные деятели СССР и Скандинавских стран обращаются к событиям тех лет, решая злободневные политические проблемы. Контакты между СССР и Скандинавскими странами плодотворны, развитие их желательно и необходимо. В Скандинавии все более заявляют о себе силы,

действующие в пользу укрепления мира и безопасности. Ширится и углубляется понимание того факта, что взаимное доверие между странами независимо от их социального строя служит и общеевропейским и национальным интересам.

В 1935—1937 годах А. М. Коллонтай в составе советской делегации участвовала в работе Ассамблеи Лиги Наций, где обсуждались конвенции о равноправии женщин, принятые в 1933 году в Монтевидео и подписанные 19 латиноамериканскими странами.

13 сентября 1935 года А. М. Коллонтай, выступая в Правовой комиссии Ассамблеи в защиту равноправия женщин, заявила, что она гордится тем, что Советский Союз первым провозгласил и провел законодательство о равноправии полов во всех отношениях. Она указала на советское законодательство как на образец, который мог бы послужить для других стран, и выразила готовность советской делегации поддержать всякие предложения, направленные к уравниванию женщин в правах.

На XVII Ассамблее Лиги Наций А. М. Коллонтай встретила с делегаткой от республиканской Испании Изабеллой Паленсия, которая спустя некоторое время была назначена послом Испании в Швеции. Они подружились. А. М. Коллонтай старалась урывать вечера, чтобы провести их с Паленсия, поддерживала ее в трудные дни борьбы испанского народа против фашизма.

29 марта 1939 года Франко занял Мадрид, и шведское правительство поспешило признать фашистское правительство. Получив это сообщение, Паленсия не захотела остаться ни часа лишнего в посольском доме, принадлежащем теперь Франко. Она затребовала чиновника МИДа и государственного нотариуса, чтобы произвести сдачу дома и инвентаря посольства, и, подписав протокол, выехала из здания, где она три года несла на своих плечах тяжелую ношу ответственности перед своим народом, отстаивала интересы Испании и побуждала правительство Швеции оказывать помощь Народному фронту.

В этот трудный для себя момент Изабелла срочно вызывает А. М. Коллонтай в испанское посольство. Вот что записала Александра Михайловна после этой встречи в своем дневнике: «...Раньше, чем покинуть здание посольства, Изабелла вручила мне флаг Республиканской Испании. Мы прошли с ней в белый зал. Передавая мне драгоценный флаг, она просила:

— Дорогой мой друг, Александра, прошу вас сохранить этот священный для испанских борцов за независимость стяг в советском посольстве. Вы вернете его мне, когда восставшие за свободу и независимость народы во главе с Красной Армией сметут с лица земли проклятое отродье фашистов и их хозяев, агрессоров-империалистов».

Пророчество Изабеллы Паленсия сбылось. Но путь к Победе был долог. Империализм развязал вторую мировую войну.

Поистине титанические усилия прикладывала А. М. Коллонтай как дипломат, чтобы удержать Скандинавские страны от вступления в войну. Но 9 апреля 1940 года фашистские войска вторглись в Данию и Норвегию. Гитлеровская Германия получила на севере стратегический плацдарм для подготовки войны против Советского Союза. Ситуация складывалась серьезная.

13 апреля 1940 года германский посол в СССР Шуленбург был приглашен в НКВД, и ему было заявлено, что «Советское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы нейтралитет Швеции был сохранен, что нарушение его было бы нежелательным для Советского правительства и что последнее надеется на то, что включение Швеции в германскую акцию не будет иметь места».

Вскоре Шуленбург уведомил правительство СССР о том, что Германия будет «уважать нейтралитет Швеции».

17 апреля А. М. Коллонтай поставила в известность министра иностранных дел Швеции Гюнтера о предпринятых СССР шагах против оккупации Швеции Германией. Сообщение произвело на Гюнтера большое впечатление. Он поблагодарил А. М. Коллонтай и заверил советского посла, что эта акция со стороны Советского Союза укрепит взаимоотношения СССР и Швеции. В тот же день шведский министр иностранных дел дал своему посланнику в Москве указание выразить признательность Советскому правительству за то, что оно «уведомило нас об этом столь важном для Швеции сообщении. В связи с этим, — указывал шведский министр, — вам надлежит сообщить, что здесь возрастает интерес к более оживленным торговым связям с СССР».

В отношениях между СССР и Швецией был сделан шаг вперед по пути сближения. 7 сентября 1940 года был подписан советско-шведский торговый договор.

Однако с началом войны Германии против СССР через Швецию стали перевозиться немецкие войска и снаряжение. Германия старалась втянуть Швецию в орбиту своих агрессивных замыслов. И в достижении этой цели не останавливалась ни перед чем, вплоть до провокаций.

А. М. Коллонтай приходилось многократно беседовать с представителями шведского правительства о принятии мер к прекращению провокационных выступлений против СССР. Дабы развеять фашистскую пропаганду в Швеции, А. М. Коллонтай, помимо других форм, приняла издание бюллетеня, в котором информировала шведскую общественность о действительном положении в Советском Союзе, о мужестве советских людей на фронте. Бюллетень быстро завоевал большую популярность среди населения. «Наш бюллетень имеет огромный успех, расходуется он в количестве 10 000 экземпляров в день, шлют запросы на него со всех концов Швеции, и даже попы просили прислать им бюллетень (на шведском языке), благословляя Красную Армию за то, что она спасает мир от фашизма». Так писала Александра Коллонтай в одном из своих писем. О росте симпатий шведской общественности к Советскому Союзу свидетельствовал тот факт, что в фонд обороны Советского Союза, имевшийся в посольстве, поступали от шведской общественности деньги, ценности и вещи.

В 1942 году Александре Михайловне исполнилось 70 лет. В этот год она стала главой дипломатического корпуса в Швеции. В знак признания ее заслуг в 1943 году она получила ранг чрезвычайного и полномочного посла. Действительно, будучи советским послом в Швеции, она проделала огромную работу, в том числе в период вывода Финляндии из состава гитлеровской коалиции.

Постоянная напряженная работа не прошла бесследно для ее здоровья. Тяжелый недуг сразил ее летом 1942 года. В те дни положение на советском фронте было особенно тяжелым. Немцы захватили Украину, Крым, рвались к Волге. И Александра Михайловна работала, не зная покоя ни днем, ни ночью, не обращая внимания на предупреждения врачей. Но напряжение сказалось. Ее разбил паралич. Тем не менее она продолжала оставаться на посту — исполняла обязанности посланника в Швеции до марта 1945 года. «Странно, — писала она, — пока я в Швеции несла свою трудную работу посланни-

ка, переговоры с финнами, удержания шведов от войны, я забывала о своей инвалидности. А ведь два года после поражения левой руки и ноги несла всю ответственность и тяжесть работы». 18 марта, в преддверии окончания войны, на специальном военном самолете Александра Михайловна была перевезена на родину.

Последние семь лет Александра Михайловна Коллонтай жила в Москве. Она занимала пост советника Министерства иностранных дел СССР. Работала со страстью. Нередко до поздней ночи не гас свет в окнах квартиры Александры Михайловны на Калужской улице. Ведь, прежде чем дать совет молодым дипломатам, о многом надо было вспомнить, подумать, что-то изучалось заново, и все взвешивалось самым тщательным образом. А. М. Коллонтай отстаивала идею сплочения усилий дипломатов и торговых представителей, с тем чтобы действовать сообща. Надо, подчеркивала она, чтобы советская дипломатия черпала силы из реальной действительности и не сходила с главной магистрали в сторону отвлеченных политических дискуссий.

В это время Александра Михайловна на основании дневников, которые вела почти всю жизнь, создает воспоминания-зарисовки, как бы подводит итог своей литературной деятельности и вместе со своим секретарем Эми Лоренсон занимается приведением в порядок многолетних записей и литературного архива.

...Пришел 1952 год. 80-й год жизни Александры Михайловны. Ничто не предвещало близкого конца. 25 февраля она писала своей приятельнице, заслуженной артистке РСФСР Вере Юреновой: «Сегодня я сижу в кресле и диктую письмо. Ночью не было болей в сердце и потому рискнула посидеть часок-другой... С сердцем довольно серьезно, но я еще далеко не закончила своих дел на этой планете, поэтому не собираюсь лететь в межпланетном пространстве в виде маленького атома, в котором собрана будет вся суть моего Я...»

Она готовилась встретить свое восьмидесятилетие, но 8 марта Александра Михайловна почувствовала сильные боли в области сердца, а 9 марта в четыре часа двадцать минут утра скончалась от инфаркта.

Александра Михайловна Коллонтай прожила многогранную, яркую жизнь гражданина, революционера, политика. В одной из записных книжек последних лет, размышляя о прожитом, она писала: «Собственно, я прожила

Андрей Сергеевич БУБНОВ

не одну, а много жизней, настолько отдельные периоды моей жизни отличались друг от друга. Это не была легкая жизнь, «не хождение по розам» — как говорят шведы. В моей жизни было все — и достижения, и огромный труд, признание, популярность среди широких масс, преследования, ненависть, тюрьмы, неудачи... много больших разрывов с товарищами, расхождений с ними, но и долгие годы дружной, созвучной работы в партии (под руководством Ленина).

...Во мне было много контрастов, и жизнь моя соткана из периодов, резко отличных друг от друга.

...Я обладала и до сих пор обладаю талантом «жить». Много достигла, много боролась, много работала, но и умела радоваться самой жизни во всех ее проявлениях».

Александра Коллонтай по праву зачислена в славную когорту большевистских комиссаров. Главное, за что они боролись, о чем мечтали и ради чего работали всю жизнь, — социалистическое общество стало реальностью.

...Сергей Ефремович, слегка склонив напомаженную голову и высунув кончик языка, с большим старанием и не без удовольствия поставил свою подпись, распрямился и еще раз, шевеля губами, прочитал написанное.

«Его Превосходительству действительному статскому советнику Директору Иваново-Вознесенского реального училища...

Прошу Ваше Превосходительство принять во вверенное Вам учебное заведение моего сына, Бубнова Андрея Сергеева, родившегося 23 марта 1884 года...

Почетный гражданин города Иваново-Вознесенска, член городской Управы, купец С. Е. Бубнов».

Вот и сподобил господь отдать в казенное учение Андриюшеньку. Пойдет по стопам старшего брата. Хотя... Тьфу! Прости, господи, прегрешения наши! О чем я? Ведь Владимир-то теперь... Реальное, впрочем, окончил он блестяще, послушным был, почтительным сыном, примером служил для младших братьев и сестер. А их, детей, Сергею Ефремовичу с Анной Николаевной ни много ни мало, а семерых бог послал: пять сыновей, да двух дочек... Ну а потом уже, как уехал Владимир поступать в петербургский Лесной институт, так и началось с ним... Политиканом стал, социалистом. И жалко, и обидно, и стыда ведь не оберешься. Сын члена городской управы — под надзором полиции, супротив царя-батюшки возгордился идти! Нет! Андрея Сергей Ефремович не упустит. Ему и дело передаст, когда время подойдет. Кто из сыновей лучше справится с текстильной фабрикой, с двумя домами, со всем немалым хозяйством Бубновых? Тут

и гадать не надо. Да и другие сыновья в обиде не будут, если основное дело родителя возьмет в свои руки Дедка, как сами они прозвали Андриюшу за мудрые не по годам рассуждения.

Сергей Ефремович встал, перекрестился, еще раз взглянул на прошение и положил бумагу в папку.

Опасения отца оказались ненапрасными. Старший сын Владимир, приехавший без приглашения Сергея Ефремовича в родительский дом с женой-«социалисткой» и малолетней дочерью, быстро сошелся с младшими братьями. Особенно тянулся к нему любознательный от природы и рано пристрастившийся к книгам Андрей.

Как-то Андрей стал невольным свидетелем очередной стычки отца со старшим братом. А дело было так. Они с Владимиром разбирали привезенные им книги, когда в комнату вошел Сергей Ефремович. Подойдя к столу и прочитав название лежавшей сверху книги, отец насмешливо произнес:

— «Капитал». Что же, капиталы — дело хорошее. Но без трудов праведных их не наживешь, сколь ни читай толстых книжек, а только в поте лица своего да в смиреннии приобретешь состояние.

— Это, папенька, именно о том, как рабочий человек трудится в поте и грязи, а состояние наживает хозяин. О том, как фабриканты обманывают труженика, как дерут с него три шкуры, чтобы получить побольше прибыли.

— Занятно. А для кого ж писана сия премудрость — для хозяев или для рабочих? Иль, как ни крути, для смуты писана?! Чтоб одних, значит, православных на других натравить, чтоб не по Христовой заповеди, а по какой-нибудь бусурманской жить, не возлюбить ближнего своего, а возненавидеть? Может, тут написано, что и я деру три шкуры с рабочих? Просвети, почитай!

Молчаливо державшему сторону брата Андрею показалось, что отец ударил без промаха. Все знают: папенька хоть и суров порой, но обращается с рабочим людом «по-божески», за большими прибылями по чужим костям не топает.

— Нет, папенька, тут не про вас пишут, и такого я вам сказать не могу, — пытался уйти от ссоры Владимир.

— А ты, сделай милость, скажи! Ведь вам, социалистам-политиканам, идеи дороже отца родного. Уж скажи,

чего меня эксплуататора-аспида жалеть! Говори, деру я три шкуры?

— Ну уж, если говорить по правде, папенька, трех шкур вы со своих рабочих, пожалуй, не дерете.

Андрей перевел дух: кажется гроза проходит стороной. В глазах отца заиграли торжествующие искорки, губы начали складываться в подобие улыбки. Но в этот момент Владимир неожиданно для Андрея и Сергея Ефремовича, а может, и для самого себя добавил жестко:

— Вы две с половиной дерете!

— К... как? Как ты смеешь! — взвизгнул отец. — Вычислил, значит?! Тогда уж считай, сколько этих шкур идет вам, мои детки. Сколько их уходит на ваше ученье, на музыку Катеньке, на живопись Мишеньке, на представительство ваше в столицах. Может, полторы? Или все две?! Нам ведь с маменькой и половины хватит.

И, круто повернувшись, Сергей Ефремович обиженно засеменил к двери.

Спор Владимира с отцом впервые заставил Андрея задуматься о происхождении семейного достатка. Кто же прав, папенька или Володя? Ведь отец хоть и строг, но все же любит их всех. Содержит такую большую семью, прислугу. Но и Володя любит отца, живет, можно сказать, за его счет со всей своей семьей, а так ведет себя, так огорчает родителей. Странно.

...Младшие сыновья Сергея Ефремовича, как и многие их сверстники, увлекались голубями. Андрей поднимался на голубятню всегда с книгой. Здесь под воркованье и гульканье птиц удивительно легко и приятно читалось. Салтыков-Щедрин и Чехов, Пушкин и Некрасов, Тургенев и Успенский, Писарев и Белинский заполняли досуг учащегося иваново-вознесенского реального училища Андрея Бубнова. Большинство произведений проглатывались залпом. Лишь привезенный Владимиром «Капитал» читался совсем по-иному. Приходилось часто откладывать книгу, чтобы мысленно сопоставить прочитанное с окружающей действительностью или обратиться за разъяснением к старшему брату.

Однажды Андрей увидел у Владимира небольшой газетный лист с крупным заголовком «Искра». Левее названия три строки более мелкого шрифта: «Российская социал-демократическая рабочая партия», а правее: «Из искры возгорится пламя!»

— Это та самая «Искра»?

— Да, брат. Это первый номер нелегальной газеты на-

шей партии. Печатается за границей, но пишет на злобу российского дня. Охранка уже пронюхала о ее распространении. Поэтому нужна особая осторожность. Если «Капитал» ты можешь читать почти открыто — его правительству пока не запретило, то тут смотри в оба.

Через несколько дней Владимир пояснял брату содержание искровской статьи «Насущные задачи нашего движения».

— Организатор «Искры» и автор этой статьи Владимир Ульянов — брат казненного Александра Ульянова. Ты уже читал его «Развитие капитализма в России». Обрати особое внимание вот на эти слова: «Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом». А дальше говорится, что самые насущные задачи сейчас — борьба против самодержавного правительства и завоевание политической свободы. Не за экономические уступки должны бороться рабочие, а за политическую свободу! А вот это прямо как про нас написано. На, читай и сам решай. От эпизодического изучения социализма пора переходить к систематической работе.

«Надо готовить людей, — вчитывался Андрей в ленинские слова, — посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо готовить организацию, настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда... При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством... восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию».

То, что революции надо отдавать себя целиком и на всю жизнь, Андрей уже понял. Перед ним был наглядный пример старшего брата и его товарищей по борьбе. Но о том, что искра революции может вспыхнуть и разгореться даже в его родном Иваново-Вознесенске, он до чтения этой статьи как-то не думал. Как само собой разумеющееся отложилось в сознании, что центром революции и ее застрельщиком будет столица, а тут: «...в отдельной местности...»

— Володя, значит, теоретически и наш Иваново-Вознесенск может стать инициатором революции?

— Не только теоретически, но и вполне практически. Ты же знаешь, наш город не случайно называют русским Манчестером. Ты посмотри, что пишет «Искра» в девятом номере об иваново-вознесенских рабочих. На, прочти...

Вскоре Владимира арестовали и в январе 1902 года

выслали на три года в Вятскую губернию. Перед отправкой в ссылку власти разрешили ему некоторое время пожить дома, надеясь установить его связи и знакомства. По поручению брата Андрей неоднократно отвозил революционерам города и окрестных поселков подпольную литературу и письма. Владимир познакомил брата с Федором Афанасевичем Афанасьевым — «Отцом», Семеном Ивановичем Балашовым — «Странником», Николаем Николаевичем Паниным — «Гаврилой Петровичем» и другими профессиональными революционерами. Встречи и беседы с ними оказали большое воздействие на формирование мировоззрения Андрея Бубнова, на рост его политической активности.

Вокруг Андрея постепенно образовалась небольшая группа учащейся молодежи, интересующейся идеями социализма. Сначала это были одноклассники по реальному училищу, потом появились единомышленники в других учебных заведениях. В женской гимназии при содействии Андрея организовала марксистский кружок гимназистка Маша Смирнова. Молодежь читала, обсуждала и передавала из кружка в кружок произведения К. Маркса, Г. В. Плеханова, В. И. Ленина.

Руководство ученическими кружками, распространение прокламаций и марксистской литературы, ставшие, по существу, первыми серьезными партийными поручениями, сделали Андрея Бубнова, несмотря на молодость, заметной фигурой среди социал-демократов Иваново-Вознесенска. Сразу же после II съезда РСДРП, в 1903 году, он становится членом партии и безоговорочно принимает большевистскую платформу. Учившийся с А. С. Бубновым в реальном училище П. А. Журов вспоминал: «Андрей увлекался химией... Но он рано встал на революционный путь, уже в последнем классе считал себя марксистом: приносит «Пролетарий», «Искру», очень убежденный человек был...»

В 1904 году, после окончания реального училища, Андрей поступает на инженерное отделение Московского сельскохозяйственного института. Знакомство с институтом новый студент начал с библиотеки. С радостным удивлением обнаружил там сочинения К. Маркса, А. Бебеля, К. Каутского, П. Лафарга. Андрей заметил, что студенты любят поговорить о революционных традициях своего учебного заведения. Однако дальше разговоров дело нешло.

— Институт, как ты заметил, все называют Петров-

кой, — разъяснял Бубнову его сосед по комнате Силантий Кожевников. — До 1894 года это была Петровская сельскохозяйственная академия, приносившая много хлопот властям по причине свободолюбивого духа как студентов, так и профессоров.

— Говорят, ее даже закрывали?

— Да. А потом, разогнав неудобных студентов и переродовых профессоров, переименовали Петровку в институт. Называя теперь институт Петровкой, мы как бы подчеркиваем свою причастность к прежним славным делам и гордимся ими. Хотя... если откровенно, дух свободы повеяло.

Однако после 9 января студенты заволновались. Приносимые в институт Андреем Бубновым и Силантием Кожевниковым большевистские листовки распространялись среди молодежи, вызвали дискуссии, перераставшие в митинги и сходки. Деятельностью Андрея стала интересоваться полиция.

А из дома приходили вести о растущем возмущении иваново-вознесенских ткачей, о произволе полиции и казачьих, беспокоестве фабрикантов. ...Нарастала революционная буря. Партия большевиков взяла этот важный пролетарский район под особый контроль. В конце апреля в Иваново-Вознесенск прибыл студент Андрей Бубнов, досрочно сдавший ради этого экзамены за первый курс института. 6 мая в Иваново-Вознесенск приехал другой студент — большевик Михаил Фрунзе.

— Главная задача, которую мы сейчас здесь решаем, — вводил А. Бубнов нового товарища в обстановку, — это организованное начало всеобщей стачки. Чтобы выработать план действий, 9 мая собирается большевистская партийная конференция. Членов партии у нас более четырехсот человек. Но опытных работников мало. Так что твой приезд очень кстати. Остальное тебе объяснит «Отец». Сейчас я тебя отведу к нему.

9 мая, как и намечалось, в лесу за городом состоялась партийная конференция. Стачку решили начать 12 мая. Первой забастовала фабрика Бакулина, где действовала наиболее сильная партийная организация. Забастовка на фабрике быстро переросла во всеобщую стачку. Поддерживая иваново-вознесенский пролетариат, забастовали рабочие Шуи, Кохмы, многих прилегающих фабричных сел. Число бастующих достигло 70 тысяч человек. Стачка ивановских текстильщиков, по оценке В. И. Ленина, по-

казала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих.

С первых дней стачки вместе с Афанасьевым и Фрунзе Бубнов является одним из ее руководителей. Он выступает перед рабочими, изготавливает оружие, составляет и распространяет листовки, призывавшие пролетариат города к активной всеобщей борьбе за лучшую жизнь, за свое освобождение. Листовки были острыми, хлесткими. Вот названия некоторых из них: «Новый закон, или волчьи зубы и лисий хвост», «Кто идет под красным и кто под белым знаменем», «Кровавые московские дни», «Социал-демократия и черная сотня».

После того как губернатор запретил проведение митингов в городе, рабочие стали собираться в местах отдыха иваново-вознесенцев — на реке Талке. Большевики превратили Талку в своеобразный социалистический университет, куда в отдельные дни собиралось до 30 тысяч человек. Молодые представители интеллигенции, объединившиеся вокруг А. Бубнова, выступали перед забастовщиками с теоретическими вопросами. Рабочим разъяснялись марксистские положения о роли пролетариата как могильщика буржуазии, о неизбежности гибели капитализма и победы трудящихся, рассказывалось о борьбе российского пролетариата и деятельности большевиков. Это способствовало росту классового самосознания рабочих, расширяло их кругозор.

Для ведения переговоров с предпринимателями стачечники выдвинули от каждой фабрики и завода по несколько уполномоченных депутатов. С 15 мая начал регулярную работу Совет уполномоченных депутатов, который не только руководил стачкой, но и проявил себя как новая форма власти в городе. Это был первый в России общегородской Совет рабочих депутатов.

В целях поддержания революционного порядка в городе, охраны фабрик и заводов была создана рабочая милиция, а после первых вооруженных столкновений с полицией и казаками были организованы и дружины. Руководил их действиями М. Фрунзе. Непосредственное участие в обучении и вооружении дружинников Иваново-Вознесенска и Кохмы принимал А. Бубнов. Он возглавил лабораторию, изготавливавшую ручные бомбы, и получил за это партийную кличку «Химик». Андрей не только готовил взрывчатую смесь, но и сам испытывал свою продукцию, учил дружинников метать бомбы и обращаться с огнестрельным оружием. Ему часто приходилось отправ-

ляться в соседние города и села, порой пешком за 20—30 верст, имея при себе опасный груз. Через А. Бубнова осуществлялась связь с Москвой и Петербургом.

Полицейские ищейки чувствовали, что приехавший на каникулы студент Андрей Бубнов не стоит в стороне от революционных событий. Полицмейстер Кожеловский прямо говорил Сергею Ефремовичу, что члену городской управы не мешает посмотреть, не завелась ли вновь крамола в собственном доме.

24 июля, на следующий день после прекращения стачки, Андрея арестовали. Но прямых улик и компрометирующих вещественных доказательств не было. Поддержали двое суток и отпустили под поручительство отца.

Родитель встретил сурово:

— Или за порог ни ногой, или чтоб духу твоего в доме не было. Выбирай!

Андрей вспыхнул и хотел уйти сразу, все равно придется рано или поздно уходить. Но, пожалев заголосившую мать, остался. Однако ненадолго...

Вскоре большевики Иваново-Вознесенска избрали его членом городского комитета партии и выдвинули в состав бюро Иваново-Вознесенского окружного комитета РСДРП. К этому времени численность партийной организации города достигла 600 человек. Кроме того, около 200 членов партии насчитывали социал-демократические группы Шуи, Кохмы, Тейкова, Середы, Вичуги. «Социал-демократическая организация имеет невиданный авторитет», — сообщали В. И. Ленину из Иваново-Вознесенска.

Власти предпринимали отчаянные усилия, чтобы ослабить большевистское влияние в городе. Кроме арестов, полицейских гонений и казачьего произвола широко использовался черносотенный террор. Были убиты руководитель иваново-вознесенских большевиков Ф. А. Афанасьев и юная революционерка О. М. Генкина. По городу покатила волна еврейских погромов. Попутно исправлялись со всеми «красными». Предпринималась попытка разгромить и дом члена городской управы С. Е. Бубнова.

...Поздно вечером 29 октября М. В. Фрунзе, А. С. Бубнов и рабочий П. И. Волков возвращались с партийного собрания. Неожиданно налетел казачий разъезд.

— Стой! Кто такие?

— Мы...

Выслушивать задержанных не входило в расчет казаков. Засвистели нагайки. Затем арестованным накинули

на шею веревки, привязанные к седлам, и хлестнули лошадей...

Окровавленных, полузадушенных, их притащили в ямскую арестантскую, где вновь подвергли зверскому истязанию: стегали нагайками, били кулаками и поленом, таскали за волосы, топтали ногами. На всю жизнь на их телах остались шрамы — память о той страшной осенней ночи.

Через две недели, не добившись признания, охранка вынуждена была их освободить. Выйдя на свободу, А. С. Бубнов и его соратники увидели, что разгул реакции нанес серьезный урон большевистской организации. Многие были арестованы, часть революционеров, скрываясь от преследований, покинула город. Надо было срочно восстанавливать деятельность партийной организации. Сохранившееся ядро городского комитета партии (А. С. Бубнов, М. В. Фрунзе, С. И. Балашов, Ф. Н. Самойлов, Н. Н. Колотилов), несмотря на трудности, сумело быстро сплотить партийные силы. Вновь были налажены и укреплены связи большевиков с рабочими массами.

Окончательно порвав с семьей, А. С. Бубнов переходит на нелегальное положение. Он не имеет постоянного места жительства, ночует у друзей, у товарищей по партии, у старых знакомых. Скрываясь от полиции, он часто меняет вид и одежду. Пытаясь изменить походку, начинает сутулиться, за что получает у шпиков кличку для наружного наблюдения «Гнутый». Оттачивая приемы конспирации, учится быстро уходить от слежки, избегать ненужной опасности, вводить в заблуждение полицию и жандармов.

...Вечером 2 марта 1906 года А. С. Бубнов назначил собрание пропагандистов. Надо было рассказать им об итогах Петербургской конференции РСДРП, состоявшейся 11 февраля. Конференция приняла решение об активном бойкоте Государственной думы. Пропагандисты должны были срочно разъяснить рабочим, что Дума — это уловка, попытка царизма сбить накал революции, залить пламя борьбы трудящихся демагогическими обещаниями.

Едва начали собрание — вбежал Егор Соловьев, охранявший дом со стороны улицы.

— Расходитесь! Полиция!

— Спокойнее, товарищи, — скомандовал Бубнов, — выходить по двое, а на улице расходиться в разные стороны.

Но уйти успели немногие. Арестовали почти всех. Однако прямых улик не оказалось. Постепенно всех освободили. А. С. Бубнова выпустили почти через месяц, 31 марта. ...И вновь водоворот событий.

В начале апреля большевики Иваново-Вознесенска делегировали А. С. Бубнова, М. В. Фрунзе, Е. А. Дунаева и Н. А. Жиделева в Стокгольм на IV (Объединительный) съезд РСДРП. Из Петербурга А. С. Бубнов выезжал в составе одной из последних групп делегатов, в которой оказались Н. К. Крупская, К. Т. Новгородцева, П. Л. Тучацкий и еще несколько человек. В работе съезда он участвовал под фамилией Ретортин, которая была ему дана как производная от партийного псевдонима «Химик».

В Иваново-Вознесенск вернулись в начале мая. Вскоре в лесу под надежной защитой дружинников состоялась партийная конференция, на которой делегаты рассказали об итогах съезда. Впечатлений было много. Ведь состоялось знакомство с такими замечательными революционерами, как Ф. Э. Дзержинский, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, С. Г. Шаумян, Е. М. Ярославский. Но самое главное впечатление — это В. И. Ленин.

О Владимире Ильиче «Химик» рассказывал рабочим с особым воодушевлением, которое неизменно передавалось слушателям. Он подчеркивал, что ленинские взгляды на вооруженную борьбу пролетариата резко расходятся с позицией Плеханова. Плеханов выступает фактически против революции, прячется за спину буржуазии, заявляя, что рабочим не надо было братья за оружие. Ленин же зовет пролетариат к усилению борьбы, к вовлечению в революцию всего трудящегося населения.

Участвовал А. С. Бубнов и в работе V съезда РСДРП. Он возглавлял иваново-вознесенскую делегацию, в которую входили М. В. Фрунзе, К. Д. Гандурин, И. И. Коротков, И. Е. Любимов, Д. Д. Скороходов и другие.

На съезд из Иваново-Вознесенска уезжали группами по два-три человека. Вместе собрались в Москве. Дальше опять группами. Через Петербург, Белоостров, Гельсингфорс добрались до Копенгагена. Разместились в гостинице, считая долгий путь законченным. Но датское правительство запретило проведение съезда в своей стране. Через Швецию перебрались в Лондон. Здесь 30 апреля в церкви, арендованной у христиан-социалистов, открылся V съезд РСДРП. Церковь эта мало походила на многочисленные иваново-вознесенские: электричество,

удобные сиденья для прихожан, высокая кафедра для священника, простота отделки. С радостью обратил А. С. Бубнов внимание товарищей на В. И. Ленина, присевшего на шаткий стул возле амвона.

— Андрей, — дернул за рукав Дмитрий Скороходов, — а этого, который рядом с Лениным, не знаешь? Высокий, в усах, ему еще аплодировали при входе.

— Это Максим Горький, — ответил за Бубнова стоявший рядом молодой человек, — а к кафедре сейчас направляется Георгий Валентинович Плеханов, ему поручено открыть съезд.

— А вы сами кто будете? — оглядев говорившего, спросил Бубнов.

— Кубяк Николай Афанасьевич, — протянул новый знакомый руку, — ваш сосед по номерам. Заходите вечером, познакомимся поближе.

Много раз потом встречались Бубнов и Кубяк на партийных съездах и конференциях, совместно выполняли ответственные и сложные поручения.

После съезда А. С. Бубнов много ездит по иваново-вознесенскому промышленному району: разъясняет принятые решения, занимается организацией всеобщей стачки пролетариата, укреплением партийных организаций Кохмы, Шуи, Родников, Тейкова. Осенью 1907 года подвергается очередному аресту.

После выхода из Владимирской тюрьмы переводится на нелегальную работу в Москву, где избирается членом Московского комитета партии. Ведет партийную работу в Рогожском и Сокольническом районах, одновременно являясь агентом ЦК РСДРП по Центральной промышленной области.

В годы реакции и в период нового революционного подъема А. С. Бубнов вместе с другими большевиками-ленинцами ведет борьбу против ликвидаторов и отзовистов, за восстановление разгромленных охранкой нелегальных партийных организаций и их укрепление, за максимальное использование легальных форм революционной работы. Он способствует налаживанию связи партийных комитетов России с заграничным ленинским Большевицким центром, участвует в подготовке материалов для социал-демократической фракции Государственной думы, деятельно сотрудничает в «Правде», является редактором газеты «Поволжская быль» в Самаре. В 1908 году А. С. Бубнова избирают делегатом на V Общероссийскую партийную конференцию, а на VI (Праж-

ской) конференции РСДРП выдвигают кандидатом для кооптации в состав Центрального Комитета партии на случай ареста кого-либо из членов ЦК.

С началом первой мировой войны Андрей Сергеевич активно разоблачает ее хищнический империалистический характер, клеймит предательскую позицию меньшевиков-оборонцев и эсеров.

Все эти годы царская охранка старается пресечь революционную деятельность А. С. Бубнова. Иногда ей это удавалось. Так, арест в 1908 году не позволил Андрею Сергеевичу выехать в Париж для участия в работе V Всероссийской партийной конференции. Потом был арест в 1910 году, опять годичное тюремное заключение, двухлетняя ссылка в Нижний Новгород, арест в Иваново-Вознесенске во время похорон матери, тюрьма, ссылка в Харьков, Полтаву, Самару... Но каждый раз, едва выйдя на свободу, А. С. Бубнов снова включался в активную революционную деятельность. Впрочем, он не прекращал ее и в тюрьме, и на этапе, и, уж конечно, в ссылке.

...1917 год он встречал в тюрьме. Позади тринадцать арестов. А что впереди? Что его ждет? Ну, на ближайшее будущее ясно — этап и четыре года ссылки в Туруханский край. Самое неприятное, конечно, — этап. Основную его часть они проделывают пешком, под усиленным конвоем, в кандалах. Не повезло им с Валерианом Куйбышевым: сговаривались бежать, да выдал провокатор, оказавшийся в камере. Теперь поведут в кандалах, сковав по двое.

25 февраля ссылки добрались до Красноярска. После кратковременного «отдыха» в местной тюрьме заснеженным Енисейским трактом погнало дальше. Весть о свержении царя настигла их 6 марта в селе Бобровка. Всеобщее возбуждение, крики, смех, слезы. Некоторые не верили:

- Не может быть, чтоб так сразу!
- Другие не ведали никаких сомнений:
- Да здравствует всеобщая свобода!

Несмотря на окрики конвоя, начали митинг. Недостатка в выступавших не было. Бубнов говорил минуты три. Его горячая, взволнованная речь усилила и без того непреодолимое стремление каждого к действию. Решили немедленно возвращаться в Красноярск. Но начальник конвоя рассудил по-своему:

- Республика республикой, а служба службой! По-

тому господам ссылкой надлежит следовать, как предписано, а там ждать распоряжений.

Освободились через двое суток в селе Казачинском. Здесь их встретила колонна демонстрантов с красными флагами и транспарантами. «Мы свободны, — писал об этом позднее В. В. Куйбышев. — Публика узнала, что среди нас есть Бубнов и Куйбышев, и собрала большой крестьянский митинг. Было тысячи три народу. Мы с Бубновым выступали, причем, что особенно поразило ссылки, мы выступали против войны. До этого никто там не репался об этом говорить». Уже через несколько дней они произносили антивоенные речи на митинге в Красноярске.

17 марта прибыли в Самару. Отсюда Андрея Сергеевича вскоре отозвали в Москву. С первых же дней пребывания в Москве А. С. Бубнов включается в пропаганду и разъяснение знаменитых ленинских Апрельских тезисов. Он становится членом Московского областного бюро ЦК РСДРП(б) — партийного центра, объединявшего большевистские организации 13 губерний Центрального промышленного района. Часто выступает на фабриках, заводах, в воинских частях.

С особым чувством приезжает он в родной Иваново-Вознесенск. В городе уже открыто работали вернувшиеся из тюрем и ссылок его друзья и соратники: бывший депутат IV Государственной думы Федор Самойлов, Павел Симонов, Василий Морозов, Вера Каравайкова и другие большевики. Здесь была могила матери, к которой ему в 1913 году не позволила подойти полиция...

Свою речь на заседании Иваново-Вознесенского Совета 10 апреля 1917 года А. С. Бубнов посвятил вопросу о власти, о возможности мирного перехода ее в руки пролетариата. Для жителей города он прочитал на следующий день лекцию «Мировая война и социалистическое развитие Европы».

— Победа пролетариата в России неизбежно ускорит выступление рабочих на Западе, — говорил лектор. — Взгляды же меньшевиков, считающих, что без революций на Западе российский пролетариат не победит, вредны и опасны.

Чтобы успешно бороться с меньшевистским влиянием, А. С. Бубнов предложил большевикам четко размежеваться с меньшевиками, создав для партийных организаций Иваново-Вознесенска, Шуи, Кохмы, Тейкова, Лежнева и других ближайших районов единый большевистский

центр. Бубнов разработал и представил в парторганизацию города проект такого центра РСДРП(б).

Меньшевики, почуяв опасность, сразу же яростно выступили против этой идеи. Первый бой разгорелся 14 апреля на партийной конференции. Председательствовали по очереди А. С. Бубнов и Г. И. Ломов-Оппоков. Меньшевики получили отпор. Через несколько дней большевистская «Правда» писала, что работа иваново-вознесенской партийной конференции, все ее постановления пронизаны революционной энергией.

Вскоре московские большевики делегировали А. С. Бубнова в Петроград на VII (Апрельскую) Всероссийскую партийную конференцию. С большим волнением он вновь вслушивался в голос Ильича. Возможность мирного развития революции, отмечал В. И. Ленин, во многом зависит от большевизации Советов.

Как член Моссовета, А. С. Бубнов по заданию его провинциального отдела оказывает помощь большевикам на местах в создании и укреплении Советов. По его инициативе в Иваново-Вознесенском Совете рабочих и солдатских депутатов создается самостоятельная большевистская фракция. Работа А. С. Бубнова, Г. И. Ломова-Оппокова, Г. А. Усиевича и других коммунистов в Моссовете значительно подняла авторитет большевиков.

Однако после июльских событий, показавших предательскую сущность эсеро-меньшевистских Советов, Бубнов в числе других ленинских сторонников выступает за немедленное снятие лозунга «Вся власть Советам!». В его докладе и выступлениях на VI съезде партии решительно и страстно звучал прямой призыв к подготовке вооруженного восстания:

— Советы не имеют теперь никакой власти, они гниют. На этот счет не должно быть никаких иллюзий. Контрреволюция развивается, и неизбежно произойдет столкновение двух сил. И если раньше мы говорили о переходе власти, то теперь этот термин устарел, надо накапливать силы для решительного боя, для захвата власти.

Съезд высоко оценил деятельность А. С. Бубнова. Его избирают членом Центрального Комитета РСДРП(б) и переводят для работы в Петроград. Начинается один из самых ярких периодов революционной деятельности А. С. Бубнова.

При подготовке вооруженного восстания партия поручает Андрею Сергеевичу самые различные и ответствен-

ные задания. В дни корниловского мятежа он по заданию В. И. Ленина координирует взаимоотношения Московского комитета РСДРП(б) с представителями мелкобуржуазных партий.

— Большевики должны сохранить свою самостоятельную линию, — разъяснял А. С. Бубнов ленинскую позицию, — а не сливаться с Временным правительством и эсеро-меньшевистскими Советами, не превращаться в подсобный аппарат Керенского.

Вместе с другими членами Центрального Комитета партии А. С. Бубнов участвует в мобилизации рабочих и солдат Москвы на отпор корниловщине.

А 27 августа Андрей Сергеевич на экстренном заседании Петербургского комитета большевиков по поручению ЦК РСДРП(б) делает доклад о текущем моменте. Проанализировав ход борьбы с корниловщиной, он подчеркнул особую опасность, нависшую над Питером. От имени ЦК докладчик предложил все партийные организации города привести в боевую готовность, установить постоянное дежурство в горкоме партии, усилить контакты с районными Советами. Для улучшения связей с предприятиями и воинскими частями туда были направлены большевистские представители и агитаторы. Началось вооружение рабочих.

Большевики сумели придать борьбе с корниловщиной всенародный размах, и это позволило буквально за несколько дней смести выступление контрреволюции. Решительность и дальновидность, проявленные партией в тот критический момент, подняли ее авторитет среди трудящихся, показали несостоятельность Временного правительства и эсеро-меньшевистских Советов. Созданное после разгрома корниловщины положение позволило В. И. Ленину сделать вывод, что вооруженное восстание назрело.

10 октября для политического руководства восстанием образуется большевистское Политбюро во главе с В. И. Лениным. В числе семи членов Политбюро был и А. С. Бубнов. Военно-организационная подготовка восстания возлагалась на Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, в который также вошел Андрей Сергеевич.

15 октября на экстренном заседании Петербургского Комитета РСДРП(б), обсуждавшем подготовку вооруженного восстания, А. С. Бубнов, выступивший с докладом, говорил:

— Общая оценка момента такова: мы приближаемся к развязке, кризис уже назрел, и события начинают разворачиваться. Мы втягиваемся в схватку, стоим накануне выступления.

Он предложил всю практическую работу партии направить на подготовку восстания, приспособить к условиям момента массовую агитацию и проводить через нее идею о необходимости вооруженного выступления и взятия власти пролетариатом, привести в боевую готовность Красную гвардию, создать при райкомах партии боевые центры для подготовки новых рабочих отрядов, включить в эти центры представителей Советов, районных дум, воинских частей.

Основываясь на ленинском указании, докладчик подчеркнул, что восстание в Петрограде нельзя считать локальным. Его надо немедленно распространять на другие города, а для этого заранее следует направить на работу в профсоюзах железнодорожников и почтово-телеграфных служащих побольше партийных сил, так как именно эти союзы наиболее тесно связаны со всей страной.

После обсуждения доклада Петербургский комитет единодушно принял тезисы, содержавшие все конкретные предложения докладчика.

На следующий день для практического руководства ходом восстания был избран Военно-революционный центр (ВРЦ) из пяти членов Центрального Комитета партии. В состав ВРЦ вошли: А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий. При распределении обязанностей между членами ВРЦ А. С. Бубнову поручили поддержание политической и оперативной связи с железнодорожниками, а также непосредственное руководство захватом столичных вокзалов и установление контроля над транспортом.

Дни накануне восстания были наполнены особенно напряженной работой. Андрей Сергеевич, как и большинство членов ЦК РСДРП(б), спал не более двух-трех часов в сутки, забывая о еде и отдыхе. 20 октября он участвовал в работе заседания Военно-революционного комитета. Побывал в казармах... Потом на заседании Центрального Комитета вместе с другими ленинцами гневно клеймил предательское поведение Каменева и Зиновьева, расклевывших в печати большевистский план вооруженного восстания. На следующий день он с представителями Военно-гарнизонного комитета Петрограда занимался уточнением соотношения вооруженных сил в столице. Оно

оказалось явно не в пользу Временного правительства. 22 октября проводился День Петроградского Совета, превратившийся в своеобразный смотр боевых сил революции. На заводах и фабриках, в учреждениях и солдатских казармах проходили собрания и митинги. Рабочие и солдаты с огромным вниманием слушали речи Бубнова, Володарского, Калининна, Коллонтай, Косиора, Луначарского, Свердлова и других большевистских ораторов.

Для непосредственного руководства боевыми действиями по взятию Зимнего был образован специальный боевой орган — полевой штаб. В него входили: В. А. Антонов-Овсеенко, Г. И. Благодеров, А. С. Бубнов, К. С. Еремеев, Н. И. Подвойский и Г. И. Чудновский. Андрей Сергеевич как член Центрального Комитета РСДРП(б) возглавлял общее руководство деятельностью штаба.

«...В Смольном Владимир Ильич появился в ночь на 25 октября, — вспоминал А. С. Бубнов позднее. — ...Владимир Ильич очень торопился со взятием Зимнего... твердо направлял дело к победе... был оживлен, весел, светился весь изнутри каким-то особенным светом, был непоколебим, уверен и тверд».

В ночь на 26 октября Зимний пал. Временное правительство было арестовано революционными солдатами и матросами под руководством членов полевого штаба.

Сразу после штурма Зимнего Андрей Сергеевич получает новое задание партии. В связи с тем что лидеры профсоюза железнодорожников (Викжеля) заняли антисоветскую позицию и призвали рядовых членов профсоюза к контрреволюционным действиям, А. С. Бубнову поручалось склонить железнодорожников к сотрудничеству с Советской властью. 26 октября Андрей Сергеевич выступил на пленуме Викжеля с разъяснением политики Советской власти и предложил участникам пленума признать решения 2-го съезда Советов. Однако руководство Викжеля отвергло это предложение и встало на путь открытой борьбы с властью трудящихся. Оно потребовало создания коалиционного правительства из представителей всех «советских партий» и смещения В. И. Ленина с поста Председателя Совета Народных Комиссаров. В случае отказа выполнить этот ультиматум Викжель угрожал всеобщей забастовкой на транспорте, что в условиях начавшегося мятежа Керенского — Краснова представляло серьезную опасность.

Капитулянтскую позицию по отношению к ультиматуму Викжеля заняли Каменев и его сторонники.

В. И. Ленину и большинству членов Центрального Комитета партии — Бубнову, Дзержинскому, Свердлову, Сталину, Урицкому пришлось вести с ними ожесточенную борьбу. Первый бой капитулянтам был дан 29 октября на заседании Центрального Комитета. В. И. Ленин, поглощенный организацией обороны Петрограда, на заседании не присутствовал. ЦК отверг предложения о вхождении в Совнарком меньшевиков, правых эсеров и других контрреволюционных партий. Вместе с Берзиным, Дзержинским, Иоффе, Коллонтай, Свердловым, Урицким Бубнов голосовал за линию ленинского ЦК.

Чтобы выбить почву из-под ног Викжеля и стоявших за ним партий эсеров и меньшевиков, а также остановить продвижение войск Краснова к Питеру, нужно было немедленно установить на железных дорогах власть советской администрации.

Утром 29 октября Андрей Сергеевич получил тревожную весть: Краснов занял Балтийский, Финляндский и Варшавский вокзалы. Однако, побывав на всех вокзалах, Бубнов установил, что слухи ложные. В Смольный он сообщил: «Сведения провокационные, но положение на вокзалах сложное. Служащие в основном настроены антисоветски, портят железнодорожные стрелки, не подчиняются советским комиссарам, ждут подхода Краснова».

Нужны были безотлагательные и решительные меры. На Балтийском и Финляндском вокзалах Андрей Сергеевич установил красногвардейскую охрану, отстранил саботажников-телеграфистов и назначил вместо них специалистов-солдат, заявив, что арестует любого, кто будет бойкотировать распоряжения новой власти. На Варшавском, где обстановка была спокойней, он избрал иную тактику. Собрав служащих, рассказал им о политике Советского правительства, об опасности со стороны Краснова и контрреволюционности лидеров Викжеля. Железнодорожники согласились сотрудничать с Советской властью и отказались от намерения начать забастовку. За попытки склонить железнодорожников к саботажу и забастовке А. С. Бубнов взял под стражу членов исполкома Викжеля Николаевской дороги, наложил домашний арест на бывшего товарища (заместителя) министра путей сообщения Тахтамышева. К 3 ноября все вокзалы столицы были в подчинении Советской власти. Это позволило своевременно отправить воинские эшелоны на отпор Краснову, на помощь революционной Москве, освободить вокзалы от лишних грузов и сомнительных элементов...

В середине ноября А. С. Бубнова по предложению В. И. Ленина направляют на Украину для оказания помощи украинским коммунистам в становлении и укреплении власти трудящихся. Перед отъездом состоялась беседа с Владимиром Ильичем. Украина, по словам В. И. Ленина, была тогда в числе наименее большевистских районов.

Несколько дней А. С. Бубнов работал в Харькове. Потом ЦК РСДРП(б) срочно посылает его на Дон. Положение там оказалось еще сложнее, чем на Украине. В Новочеркасске — ставке атамана Каледина — готовился «крестовый поход» на Москву и Петроград. Вокруг Каледина, как указывал В. И. Ленин, группировались собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии.

ЦК РСДРП(б) и Советское правительство разработали план разгрома Каледина. Прежде всего требовалось отстоять Ростов, чтобы не позволить противнику отрезать Центральную Россию от сырьевых ресурсов Юга. В Ростове А. С. Бубнов сразу же включился в руководство боевыми действиями наших войск. 28 ноября он телеграфировал В. И. Ленину: «Нападение юнкеров на Совет, организованное гетманом Потоцким, в ночь на 26-е явилось началом революционной борьбы в Ростове... В настоящее время идет борьба за станцию Ростов, где засели юнкера... Казаки в массе держатся нейтрально, заявляя, что с солдатами и рабочими драться не будут... Настроение наших частей твердое, бодрое. Бубнов».

Ожесточенные бои красногвардейских отрядов с войсками Каледина продолжались семь дней. Ростовский железнодорожный узел неоднократно переходил из рук в руки. Но революционным силам удалось отбить лишь первый натиск контрреволюции.

В марте 1918 года в составе большой группы партийных, советских и военных работников А. С. Бубнов вновь прибыл на Украину, оккупированную теперь немецкими войсками. Андрей Сергеевич был введен в состав правительства республики, а вскоре, после его преобразования в Повстанческий секретариат («Девятку»), возглавил военное секретарство «Девятки».

Основной задачей Повстанческого секретариата являлась подготовка вооруженного восстания против иностранных захватчиков и их пособников. Подготовку к восстанию начали с широкой пропаганды самой его идеи. При этом А. С. Бубнов подчеркивал, что большевики

должны нацеливать трудящихся не на общенациональное восстание против оккупантов, а на классовое выступление рабочих и крестьян против иноземных и «своих» поработителей.

Коммунисты понимали, что успех борьбы во многом зависит от единого и твердого партийного руководства. Многопартийность и разногласия среди руководителей повстанческой борьбы отрицательно сказывались на ее результатах. В апреле 1918 года для подготовки I съезда Коммунистической партии Украины было создано организационное бюро. В него вошли: А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский, С. В. Косиор, Н. А. Скрышник и др. Съезд решили проводить в Москве. Перед его началом руководителей повстанческого движения на Украине принял В. И. Ленин. Беседа с вождем пролетарской революции по-новому осветила для А. С. Бубнова многие вопросы, связанные с организацией компартии Украины и подготовкой вооруженного восстания.

Съезд признал первоочередной задачей подготовку восстания рабоче-крестьянских масс Украины для восстановления власти Советов. Вместо Повстанческого секретариата в связи с этим создавался Всеукраинский центральный военно-революционный комитет (ВЦВРК). Председателем ВЦВРК стал член ЦК КП(б)У А. С. Бубнов.

Свою работу новый руководящий орган начал с объединения всех военно-революционных комитетов Украины в единую систему и налаживания повседневного конкретного руководства растущим повстанческим движением.

С помощью В. Н. Боженко, Н. Г. Крапивянского и В. М. Примакова А. С. Бубнов сумел сформировать в «нейтральной зоне» Украины две дивизии и несколько отрядов регулярных войск. Этим формированием было заложено ядро будущей советской украинской армии.

Большое внимание уделялось забастовочной борьбе украинского пролетариата. В июле ВЦВРК взял под свой контроль забастовку железнодорожников Украины и Юга России. По предложению А. С. Бубнова для ее руководства была создана специальная комиссия при ЦК КП(б)У. Руководимая большевиками забастовка нанесла серьезный удар по планам немецких оккупантов. Она надолго задержала вывоз в Германию продовольствия и промышленного сырья, усилила рост политического сознания трудящихся Украины, оказала деморализующее воздействие на германскую армию. Весной 1919 года В. И. Ленин писал, что немецкие империалисты «хотели вывезти из

Украины 60 миллионов пудов хлеба, а вывезли всего только 9 миллионов и в придачу вывезли такую штуку, какую им не переварить, — вывезли большевизм».

ВЦВРК продолжил работу Повстанческого секретариата по созданию военно-революционных комитетов, партизанских штабов, органов разведки и снабжения, по сплочению революционных сил.

Гнев трудящихся Украины против оккупантов нарастал стремительно и грозил стать неуправляемым. ВЦВРК, стремясь придать организованный характер борьбе трудящихся, попытался оттянуть стихийный взрыв. Но 4 августа произошли столкновения между черниговскими партизанами и немецкими войсками. По принятому ранее решению в случае стихийного выступления на Черниговщине партизанам предписывалось начинать восстание по всей Украине. Поэтому ЦК КП(б)У и ВЦВРК, узнав о черниговских событиях, издали приказ № 1 о повсеместном начале вооруженного восстания. На помощь черниговцам устремились отряды из «нейтральной зоны». А. С. Бубнов, как и другие руководящие работники, надеялся, что к восставшим примкнут широкие массы трудящихся. Но вскоре стало ясно — восстание не удастся. Оно не переросло во всеобщее выступление даже на Черниговщине. 7 августа приказ № 1 пришлось отменить.

II съезд КП(б)У, состоявшийся в октябре 1918 года, оценив в целом положительно деятельность ВЦВРК, отметил слабость нелегальной работы на оккупированной части Украины. В связи с этим на ее усиление направлялся целый ряд ответственных работников партии. А. С. Бубнова послали в Киев. В городе сосредоточились сильные партийные кадры. Возглавлял Киевский подпольный обком партии С. В. Косиор. Андрея Сергеевича назначили начальником областного повстанческого штаба, председателем Киевского подпольного исполкома, членом подпольного обкома партии, ввели в состав редакции нелегальной газеты «Киевский коммунист».

В Киеве властвовал гетман Скоропадский. Ненавидящий народу гетманский режим держался на репрессиях и силе немецких войск. Но в ноябре 1918 года в Германии произошла революция, и штык иноземных захватчиков перестал быть опорой гетману.

По Украине катилась лавина выступлений против оккупантов и Скоропадского. На смену обанкротившемуся «гетману всея Украины» германские империалисты спешно направили Симона Петлюру, организовав под его руко-

водством «восстание» сечевых стрельцов против гетманщины.

Большевики решили взять антигетмановское движение на Киевщине под свой контроль. 18 ноября А. С. Бубнов направил в ЦК КП(б)У записку по этому поводу. Он докладывал, что продвижение петлюровских войск к Киеву и растущее крестьянское восстание вокруг города прямо ставят перед коммунистами задачу создания своих вооруженных сил и подготовку восстания.

Партийная организация Киева перешла на военное положение. Для руководства военной работой был создан ревком, рабочим органом которого стал областной штаб во главе с А. С. Бубновым. Штаб назначил во все районы города и области военных комендантов, поручив им ведение как чисто военной, так и пропагандистской работы.

Деятельность киевского подполья особенно активизировалась при подходе к городу Красной Армии. 19 января 1919 года состоялась нелегальная большевистская конференция. По докладу А. С. Бубнова «Гетманщина, Директория и наша тактика» была принята резолюция, определившая основную линию большевиков при организации восстания.

...4 февраля киевлян разбудил орудийный гул. Слышались пулеметные очереди и винтовочная стрельба. Войска Директории и ее учреждения в суматохе покидали город. В ночь на 5 февраля власть в городе взял Исполнительный комитет Киевского Совета рабочих депутатов во главе с А. С. Бубновым. Во всех районах были подняты красные флаги, начали открытую работу ревкомы и Советы. Утром в здании городской думы состоялось заседание Исполкома. В принятом на нем обращении говорилось, что в городе восстановлена власть Советов.

Вечером Андрею Сергеевичу доложили о вступлении в Киев первых частей Красной Армии. Ими оказались прославленные Богучанский и Таращанский полки, в формировании которых А. С. Бубнов в свое время принял активное участие. Командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеенко, телеграфируя В. И. Ленину о вступлении советских войск в Киев, подчеркнул, что власть в городе находится в руках Исполнительного комитета во главе с А. С. Бубновым.

После освобождения Киева Андрей Сергеевич некоторое время продолжает руководить Исполкомом Совета, а

в конце февраля избирается председателем Киевского губернского военного комитета и членом Киевского губкома партии большевиков. В качестве наркома продовольствия он, кроме того, входил в новый состав правительства Украины.

Во всей многообразной деятельности А. С. Бубнова в 1919 году превалировала военно-политическая работа. В этот самый сложный военный период он является членом реввоенсовета Украинского фронта и 14-й армии, входит в Совет Оборона и Президиум Совета Оборона Украины, в состав Всеукраинского ЦИК. Под его руководством было проведено большое количество заседаний реввоенсоветов фронта и 14-й армии. Доклады и выступления Андрея Сергеевича в высших государственных и военных органах республики отличались глубиной и объективностью оценки военно-политического положения, он всегда подчеркивал неразрывное единство целей трудящихся Украины и России.

А. С. Бубнов никогда не был кабинетным работником. Он часто выезжал на места боев, участвовал в разработке операций, руководил мобилизацией рабочих и коммунистов. Особую заботу проявлял он о пополнении коммунистами и политработниками так называемых ненадежных соединений. К их числу прежде всего относились 6-я дивизия под командованием Григорьева и бригада, возглавляемая Махно.

Бывший штабс-капитан Григорьев после свержения царизма служил буржуазной Центральной раде, затем переметнулся к гетману Скоропадскому, потом перешел на сторону Советской власти, но, по сути, всегда оставался буржуазным националистом. Не меньшие опасения вызывал анархизм Нестора Махно, также в тот период провозглашавшего себя сторонником Советской власти. Только исключительно трудное положение Красной Армии заставляло терпеть Григорьева и Махно в качестве союзников. «С войсками Махно, — требовал В. И. Ленин, — временно, пока не взят Ростов, надо быть дипломатичным...»

Усилившееся наступление денкинских войск создало очень тяжелую обстановку на Украине. По предложению А. С. Бубнова Политбюро ЦК КП(б)У принимает решение: «...мобилизовать и снять во всех партийных и советских учреждениях до 50 процентов коммунистов и... нужное количество некоммунистов, пригодных для армии как специалисты». Во исполнение этого реше-

ния А. С. Бубнов проводит мобилизацию коммунистов аппарата Наркомвоенмора Украины. Он лично отбирает для 14-й армии 70 опытных политработников, распределяет их по соединениям и частям.

Центральный Комитет РКП(б) неослабно следил за происходящими на Украине событиями. 28 мая В. И. Ленин в телеграмме Совнаркому Украины потребовал: «Сосредоточить все силы на Донбассе... послать Пятакова, Бубнова в Харьков, Екатеринослав для поголовнейшей, энергичнейшей мобилизации рабочих для Южфронта...»

29 мая В. И. Ленин напоминает Совету Оборона Украины о необходимости ускорить мобилизацию рабочих. Обращаясь к одному из членов Совета Оборона — А. А. Иоффе, Владимир Ильич пишет: «Прочтите эту телеграмму Раковскому, Межлауку, Ворошилову, Пятакову, Бубнову, Квириргу и другим виднейшим работникам». В. И. Ленин указывал на личную ответственность каждого работника за положение дел и обязанность всех «работать революционно».

Выполняя ленинские указания, А. С. Бубнов с 1 по 4 июня проводит мобилизацию рабочих в Харькове, а с 4-го по 17-е — в Екатеринославе. О ходе мобилизации он регулярно докладывает В. И. Ленину. 5 июня В. И. Ленин телеграфировал А. С. Бубнову: «Благодарю за подробные вести и за энергию, но надо довести дело до конца. Не полагайтесь ни на кого и оставайтесь лично, пока не будут подвезены до места назначения вполне готовые части или пока не будут влиты в фронтные части. Ленин».

А. С. Бубнов последовательно и настойчиво проводил в жизнь ленинские установки. Мобилизация, проведенная под его руководством в Екатеринославе в июне 1919 года, дала Красной Армии более 9 тысяч бойцов и командиров.

В конце 1919 года Андрея Сергеевича отзывают в Москву. Закончилась его деятельность на Украине, где он внес существенный вклад в победу и укрепление Советской власти.

В 1920-м — начале 1921 года А. С. Бубнов возглавляет текстильную промышленность, входит в состав руководящих партийных органов Москвы, работает в комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт).

В марте 1921 года А. С. Бубнов вновь в рядах вооруженных защитников Советской власти. По тающему

льду Финского залива в передовых цепях наступающих войск он в числе трехсот делегатов X съезда РКП(б) штурмует мощные кронштадтские форты. Отмечая этот подвиг А. С. Бубнова высшей наградой — орденом Красного Знамени, Реввоенсовет Республики писал в своем приказе: «...участвуя в штурме фортов и Кронштадтской крепости, личной храбростью и примером вдохновлял красных бойцов, чем способствовал окончательному очищению Кронштадта от контрреволюционных банд».

В апреле 1921 года было принято решение о создании Северо-Кавказского военного округа. Образовывался он на базе Первой Конной армии. ЦК РКП(б) выделил в распоряжение РВС округа 15 ответственных работников и 500 коммунистов. Командующим войсками военного округа назначался К. Е. Ворошилов, а членом реввоенсовета А. С. Бубнов.

Условия работы на Северном Кавказе оказались более чем трудными: сложная политическая обстановка, бытовые неудобства. Недоставало продовольствия, одежды, обуви, жилых помещений. В условиях голода 1921 года на Северном Кавказе активизировался бандитизм. Местное казачество и богатое крестьянство зачастую оказывало помощь бандитам, пытались влиять на войска создаваемого округа.

Коммунисты, политработники в этой сложной обстановке обращались к опыту гражданской войны, к указаниям В. И. Ленина о том, что «...где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед».

«Роль комиссара в Первой Конной армии была громадной, — говорил позднее А. С. Бубнов. — Комиссар был прежде всего носителем духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества».

Повседневной задачей войск являлась борьба с бандитизмом. По неполным данным, на территории округа насчитывалось до 7 тысяч бандитов. При ликвидации бандитизма А. С. Бубнов решительно выступал против карательных операций.

— Расправы, — говорил он, — могут вызвать недовольство и злобу даже у лояльно настроенных казаков и горцев.

При выборе форм и способов борьбы с мятежниками он требовал учитывать их классовую неоднородность, веками складывавшиеся особенности быта местного насе-

ления, националистические пережитки и религиозные предрассудки.

— Даже среди бандитов, — подчеркивал член реввоенсовета, — есть заблуждающиеся и обманутые люди, которых следует отделять от действительных врагов Советской власти и нейтрализовывать.

Как член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и Донецкого обкома партии, представитель военного округа в Экономическом совете Юго-Востока России, А. С. Бубнов внес определенный вклад в борьбу с голодом, в ликвидации холерной эпидемии, в решение многих народнохозяйственных и социальных вопросов данного региона.

В мае 1922 года А. С. Бубнов назначается на ответственную должность заведующего Агитационно-пропагандистским отделом Центрального Комитета РКП(б). Это назначение совпало с резким обострением идеологической борьбы внутри страны, вызванной условиями напа.

...В субботу с утра повалил мягкий густой снег, но затем поднялся злой ветер, и вскоре по всей Москве яростно заплескала и вызывающе завывала метель. Остановились трамваи. Дворники, бросив расчищать заносы, ибо дело это было безнадежное, разбрелись по домам. На службу Андрей Сергеевич пошел пешком. Он любил такую погоду. После нее всегда, как после боя, наступает ясность. Либо ты, либо тебя. Он верил в свои силы и испытывал почти удовольствие, ввергая себя в круговорот страстей и событий. Боялся он только за друзей и близких. Ведь именно сейчас, как никогда, осложнилась обстановка внутри партии. Ильич тяжело болен. Советское государство переживает большие экономические и политические трудности. Воспользовавшись этим, вновь подняли голову троцкисты. Считают: настало удобное время, чтобы изменить ленинский курс РКП(б), протолкнуть в руководящие партийные, советские и военные органы своих людей. Красную Армию пытаются вывести из-под влияния партии, хотя перетянуть на свою сторону как можно больше авторитетных, зарекомендовавших себя истинными революционерами людей. Даже Владимир Александрович Антонов-Овсеенко запутался в их сетях... Нет, отсиживаться преступно, надо идти непогоде наперекор, не отдавать ей друзей, крепить ряды единомышленников.

22 января 1924 года газета «Красная звезда» сообщила: «Приказом Союзного Реввоенсовета начальник ПУРа

тов. Антонов-Овсеенко освобожден от занимаемой должности. Вновь назначенный на эту должность тов. Бубнов вчера приступил к исполнению своих обязанностей».

Вместе с М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошиловым, М. Н. Тухачевским, П. И. Барановым и другими виднейшими военными деятелями А. С. Бубнов возглавил борьбу армейских коммунистов с фракционерами. «Для меня единство партии — это не пустой звук, — заявлял он в письме XIII съезду РКП(б), — для меня всякая оппозиция представляется делом вредным, а всякие попытки организованной оппозиции делом, безусловно, антипартийным, то есть преступным».

С большим вниманием в партийных кругах встретили это письмо А. С. Бубнова, а также его статьи «Как тов. Преображенский опровергает тов. Преображенского» и «Фракционная перепутаница», опубликованные в «Правде». В них автор резко отмежевывался от всевозможных фракций, выступал за единство партии, показывал несостоятельность взглядов лидеров оппозиции.

А. С. Бубнов активно боролся против попыток троцкистов исказить и принизить роль В. И. Ленина в создании Коммунистической партии, Советского государства и Вооруженных Сил. Большое значение для пропаганды ленинизма, отпора троцкистским выпадам имела работа комиссии Реввоенсовета СССР по увековечению памяти В. И. Ленина под председательством А. С. Бубнова.

Разоблачению троцкизма способствовали также многочисленные доклады, научные труды Андрея Сергеевича, написанные им в 1924—1925 годах. 27 марта 1924 года он выступил против фракционности на собрании партийных ячеек Военной академии РККА, в мае подверг резкой критике сторонников Троцкого в докладе на IX Всекремской областной партийной конференции, в августе разоблачал троцкизм в докладе на партконференции Ленинградского военного округа...

Решительный бой троцкизму в свете требований XIII съезда РКП(б) армейские коммунисты дали на совещании начальников политорганов, проходившем 17—22 ноября 1924 года под председательством А. С. Бубнова. Заслушав и обсудив доклад Андрея Сергеевича, совещание определило, что троцкисты стремятся свести на нет роль партии в военном строительстве. Троцкизм был квалифицирован как разновидность меньшевизма. Совещание обратилось в Центральный Комитет партии с просьбой рассмотреть на ближайшем пленуме ЦК вопрос

о троцкизме и пребывании Троцкого на высших военных должностях. Предложения совещания совпали с мнением Московского комитета партии, их поддержали парторганизации Киева, Минска, Баку, Тифлиса и многих других городов.

Учитывая мнение армейских коммунистов и крупнейших партийных организаций страны, январский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) освободил Троцкого от должности председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора СССР, назначив на эти посты М. В. Фрунзе. В соответствии с указаниями пленума Политуправление Красной Армии специальным циркуляром предложило политорганам продолжать работу по разоблачению троцкизма.

Андрей Сергеевич считал, что усиление партийного влияния на все стороны жизни и деятельности войск должно стать самой существенной чертой начавшейся в 1924 году военной реформы. В связи с этим он требовал укреплять и повышать роль политорганов и партийных организаций в Вооруженных Силах. Называя партию вождем Красной Армии, А. С. Бубнов подчеркивал: «Наша армия крепка именно потому, что крепка наша партия и наша военная партийная организация. Заслуги партии и всех партийно-политических органов в армии в деле политического воспитания командного состава громады. Именно в силу этого мы должны и можем инициативу дальнейшего проведения единоначалия взять на себя и осуществлять ее таким образом, чтобы укреплять руководящее значение Коммунистической партии в Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Противники усиления партийного влияния в армии и на флоте выступали за передачу отдельных функций политорганов местным комитетам партии, а порой требовали даже полной их ликвидации, вывода коммунистов из состава армии и флота. Протестуя против этого, А. С. Бубнов говорил, что система руководства Вооруженными Силами со стороны Коммунистической партии не может быть ликвидирована. «Внутри этой системы могут происходить различные изменения (например, упразднение института комиссаров, повышение роли комсостава и пр.), но сама она, ее предназначение, цель, основа, содержание сохранится неизбежно. Если «Советы без коммунистов!» — это контрреволюция, то и Красная Армия без коммунистов — это тоже контрреволюция».

Предложения А. С. Бубнова вошли в разработанный под его руководством проект постановления Оргбюро

ЦК РКП(б) «О взаимоотношении политаппарата Красной Армии и Флота и парторганизаций», имевшего большое значение для укрепления армейских партийных организаций и политорганов.

На дальнейшее повышение роли партии в Вооруженных Силах влияли и такие мероприятия: введение в сентябре 1925 года в действие Положения о Политуправлении РККА, согласно которому ПУР получил права отдела ЦК РКП(б); включение на XIV съезде ВКП(б) в Устав партии специального раздела «О парторганизациях Красной Армии»; избрание начальника ПУРа А. С. Бубнова секретарем Центрального Комитета партии и другие.

Укреплению партийных организаций Красной Армии и Флота способствовали I и II Всеармейские совещания секретарей партийных ячеек, проведенные в 1925 и 1928 годах под непосредственным руководством А. С. Бубнова, при участии М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилова. Отныне эти форумы армейских коммунистов стали традиционными.

В период нахождения А. С. Бубнова на посту начальника Политуправления РККА много нового было внесено в теорию и практику партийно-политической работы в войсках. Так, своеобразным итогом деятельности политорганов под руководством А. С. Бубнова по совершенствованию партийно-политической работы можно считать введение в 1927 году (впервые в истории) в «Боевой устав пехоты РККА (часть II)» специальной главы «Политическая работа в боевой обстановке». В 1929 году глава «О политическом обеспечении боевой деятельности войск» вводится в «Полевой устав РККА».

Важное место в системе партийно-политической работы среди личного состава стали занимать возникшие вскоре после гражданской войны Дома Красной Армии и Флота. Широкое, повсеместное создание окружных и гарнизонных Домов Красной Армии приходится на 1924—1928 годы. В марте 1924 года А. С. Бубнов возглавил комиссию по созданию Центрального Дома Красной Армии (ЦДКА) в Москве, а с апреля 1927 по сентябрь 1929 года он руководил Советом ЦДКА имени М. В. Фрунзе. Один из сотрудников ЦДКА вспоминал: «Андрей Сергеевич был основным и главным инициатором по созданию и организации ЦДКА и сил с энергией Андрей Сергеевич положил гораздо больше на ЦДКА, чем кто-либо...»

Большой вклад внес А. С. Бубнов в осуществление партийных решений о введении единоначалия в Вооруженных Силах, что являлось одним из основных мероприятий военной реформы. По поручению Центрального Комитета партии он в феврале 1924 года глубоко изучает этот важнейший вопрос военного строительства, приходит к выводу, что к введению единоначалия Красная Армия вполне готова, что вводить единоначалие надо постепенно, по мере подготовки командиров и политработников в каждой части.

Эти адресованные Центральному Комитету партии предложения были разосланы для ознакомления многим видным военным и политическим деятелям, а в дальнейшем послужили основой для ряда руководящих документов. В июне 1924 года А. С. Бубнов назначается председателем комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по военным вопросам, на которую в числе других важнейших задач военной реформы возлагалось введение единоначалия.

2 марта 1925 года пленум Реввоенсовета СССР заслушал его доклад о подготовке к намечаемой реорганизации. Обсудив сообщение, Реввоенсовет издал приказ о введении единоначалия, в который вошли основные положения разработанной при участии Бубнова в декабре 1924 года инструкции по этому вопросу. Введение единоначалия продолжалось до конца 1928 года. Одним из завершающих его моментов стало утверждение Реввоенсоветом СССР подписанного А. С. Бубновым «Положения о военных комиссарах, командирах-единоначальниках и помполитчасти».

Единоначалие значительно укрепило Вооруженные Силы, повысило авторитет, активизировало инициативу командиров и политработников в обучении и воспитании советских воинов.

Под непосредственным руководством А. С. Бубнова Политуправление РККА ставило и решало многие другие вопросы военной реформы. Только за полтора года между XIII и XIV съездами партии по просьбе и предложению Политуправления Центральный Комитет РКП(б) рассмотрел более 90 принципиальных вопросов советского военного строительства.

Большое внимание Андрей Сергеевич уделял армейскому комсомолу.

— Вопрос о молодежи, о партийном обучении и политическом воспитании ее в духе большевизма, — подчеркивал он, — должен быть поставлен партией в сотни

раз резче, серьезнее и шире, чем это было до сих пор. Для этого потребуются и силы, и средства, и люди.

А. С. Бубнов считал, что комсомол в середине 20-х годов начинает в жизни армии новую историю и что его роль будет постоянно возрастать.

Бывая в войсках, начальник Политуправления РККА всегда интересовался, чем живут комсомольцы, какие трудности испытывают, какое влияние оказывают на несоюзную молодежь. Он не мог не видеть, что в некоторых частях и соединениях комсомольцев приравнивают к членам партии, в других, наоборот, к беспартийной массе, что уровень политической подготовки комсомольцев зачастую еще низок и часть членов РЛКСМ по причине малого стажа и отсутствия серьезной воспитательной работы практически не отличается от красноармейцев, не состоящих в комсомоле. Политорганы, не имея четких руководящих установок, порой упускали из виду особенности работы с комсомольцами. Нужно было срочно организовывать и налаживать систематическую и планомерную работу с воинамп-комсомольцами.

В октябре 1925 года при участии А. С. Бубнова было подготовлено «Положение о работе среди членов РЛКСМ в Красной Армии и Красном Флоте». Политуправление в этом Положении называло работу среди комсомольцев неотъемлемой частью партийной работы и требовало проводить ее под непосредственным руководством политорганов и партийных организаций воинских частей. Андрей Сергеевич подчеркивал особую важность крепкого организационного «привязывания» армейского комсомола к партии. Он считал, что руководящая роль партии по отношению к военному комсомолу должна проявляться уже в воспитательной работе с комсомольцами-допризывниками. Еще летом 1924 года Бубнов и секретарь ЦК комсомола Васютин направили комитетам РЛКСМ циркуляр о работе с допризывной молодежью. Циркуляр закладывал организационное начало комсомольской работы с допризывниками, укреплял связи местных комсомольских организаций с армейскими политорганами.

Начавшаяся планомерная работа способствовала как количественному, так и качественному росту военного комсомола. Отмечая большие воспитательные возможности армейского комсомола, Андрей Сергеевич подчеркивал, что по численности комсомольцев в армии в два раза больше, чем коммунистов, и рост их рядов будет

продолжаться. В связи с этим он требовал шире использовать комсомол как проводника, как форму связи и влияния партии на беспартийную массу. «Комсомольцев ни в коем случае не надо смешивать с беспартийной массой, — подчеркивал Андрей Сергеевич. — В отношении членов РЛКСМ надо руководствоваться лозунгом: «Не политграмота, а ленинская большевистская учеба и выучка».

Еще в 1922—1923 годах, будучи заведующим Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), А. С. Бубнов много сил отдал совершенствованию партийной и военной печати в стране. В конце 1923 года Центральный Комитет партии поручил А. С. Бубнову подготовить проект постановления ЦК РКП(б) о главных очередных задачах партии в области печати. В феврале 1924 года было принято соответствующее постановление. На основе указаний партии началась реорганизация всего литературно-издательского дела и в Красной Армии. По указанию А. С. Бубнова Политуправление подготовило подробный план проведения реформы военной печати.

Параллельно с проблемами военной печати в целом Андрею Сергеевичу пришлось особо заниматься становлением центральной военной газеты «Красная звезда». В декабре 1923 года он был назначен одним из редакторов этой газеты и принял активное участие в ее создании. Первый номер газеты вышел 1 января 1924 года. А спустя три месяца А. С. Бубнов, уже являвшийся начальником Политуправления РВС СССР, стал ответственным редактором «Красной звезды». Одновременно его назначили заместителем председателя Высшего военно-редакционного совета (председателем был М. В. Фрунзе). Этими назначениями, произведенными в период острой борьбы с троцкизмом, партия признавала высокий авторитет А. С. Бубнова в военных вопросах, надеялась на его политическую зрелость и богатый журналистский опыт. Ответственный редактор регулярно лично подводил итоги работы «Красной звезды», проводил совещания и заседания редакции, особо останавливаясь при этом на нерешенных вопросах и недостатках. Критикуя работников за малейшие упущения, Андрей Сергеевич в то же время не забывал об их нуждах и запросах, заботился об их быте.

«Красная звезда» испытывала большие трудности в финансировании, обеспечении кадрами, в привлечении подписчиков, в распространении тиража. Чтобы поддержать

А. М. Коллонтай. 1889 г

Слева направо: Шура Коллонтай пяти лет, генерал М. А. Домонтович — отец А. М. Коллонтай, А. А. Домонтович — мать А. М. Коллонтай.

А. М. Коллонтай с мужем и сыном. 1897 г.

А. М. Коллонтай.
1915 г.

А. М. Коллонтай
с беспризорными.
1918 г.

А. М. Коллонтай
(в верхнем
ряду,
в центре) среди
детей детского
сада ее имени
во время
эвакуации
из Киева. 1919 г.

А. М. Коллонтай
на трибуне
II Международной
конференции
коммунисток.
1921 г.

А. М. Коллонтай. 1952 г.

В. И. Ленин с делегатами IX съезда РКП(б).
А. С. Бубнов — первый справа во втором
ряду. 1920 г.

А. С. Бубнов,
К. Е. Ворошилов,
С. М. Буденный
в годы
гражданской
войны. 1919 г.

А. С. Бубнов,
К. Е. Ворошилов,
С. М. Буденный
среди бойцов
Первой Конной
армии. 1919 г.

А. С. Бубнов — начальник ПУРа в рабочем кабинете. 1924 г.

М. В. Фрунзе, А. С. Бубнов, С. М. Буденный во время военного парада на Красной площади в Москве. 1924 г.

А. С. Бубнов на встрече А. М. Горького, приехавшего из Италии. 1928 г.

Нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов с пионерами. 1934 г.

Семья Я. Я. и Г. Л. Лепсе.
В первом ряду
в центре стоит
Ян Лепсе. 1894 г.

Штаб Южной группы войск
7-й армии при подавлении
Кронштадтского мятежа. Слева
направо: И. И. Лепсе
(комиссар), А. И. Седакин
(командир группы),
Ю. Л. Милейковский
(начальник политотдела).
1921 г. ▶

И. И. Лепсе (во втором ряду четвертый справа)
и Я. Ф. Фабрициус (в третьем ряду четвертый справа)
с членами реввоенсовета, комиссарами и командирами 7-й армии.
Псков, 1919 г.

В. И. Ленин в колонне делегатов II конгресса Коминтерна, направляющихся на площадь Жертв Революции (Марсово поле) на церемонию возложения венков на могилы. 1920 г.

И. И. Лепсе среди красноармейцев и рабочих на Каменном острове в Петрограде у памятника Освобожденному труду. 1920 г.

И. И. Лепсе вручает
знамя ЦК союза
металлистов воинам
Отдельной учебной
автотанковой
броневой бригады.
1922 г.

И. И. Лепсе. 1926 г.

газету материально, А. С. Бубнов попросил через Оргбюро ЦК РКП(б) предоставить ей единовременную субсидию. От имени Реввоенсовета СССР он вступил с ходатайством перед Совнаркомом СССР об уравнивании «Красной звезды» в финансовом отношении с «Правдой» и «Известиями». В результате газета была подчинена специально созданному издательству «Красная звезда».

Качество газеты, а вместе с ним и ее авторитет у воинов Красной Армии быстро росли. А. С. Бубнова очень интересовали оценки «Красной звезды», даваемые армейскими работниками. «Газету высоко ценят по двум причинам, — говорил командующий войсками Украины и Крыма А. И. Егоров, — за богатое содержание, за ценный военно-научный материал, за статьи по учебе, технике, партполитпросветработе. «Красная звезда» проникла в толщу комполитсостава Украинского военного округа. По подписке на нее УВО стоит на первом месте». А М. В. Фрунзе в конце 1924 года отмечал: «Несмотря на столь краткий срок своего существования, газета стала очень заметным и влиятельным фактором в жизни и деятельности Красной Армии и Флота. Этим она обязана прежде всего тому вдумчивому и серьезно отношению к своему делу, которое отличало работу редакции за истекший год».

Политуправление РККА проводило также большую работу по подготовке редакторов красноармейских газет и начальников издательств. Значительное внимание уделялось стенной печати и подготовке военкоров. А. С. Бубнов подчеркивал, что как военная печать в целом, так и стенные газеты должны находиться под постоянным партийным влиянием: стенгазеты надо создавать только в тех частях и подразделениях, где имеются крепкие партийные организации, их редакторов следует не выбирать, а назначать.

С 1925 года начался мощный подъем военкоровского движения. В некоторых округах число военкоров только за год увеличилось почти втрое. В апреле 1925 года во всех Вооруженных Силах насчитывалось 15 864 военкора, а через два с небольшим года их стало 73 744 человека. В военкоровском движении участвовало до тринадцати процентов личного состава Красной Армии.

Политуправление РККА поддерживало тесные связи с журналистскими кадрами страны, рассматривая их как резерв для пополнения отряда военных журналистов. В письме выпускникам-журналистам 1929 го-

да Андрей Сергеевич писал: «Политуправление Красной Армии шлет братский красноармейский привет новому отряду журналистов-ленинцев... Помните, что на вас лежит обязанность постоянно укреплять обороноспособность Советского Союза, а в случае войны — мобилизовать трудящиеся массы для отпора врагу. Повышайте неустанно свою военную подготовку, будьте готовы по первому зову партии перейти в ряды журналистов Красной Армии».

По инициативе А. С. Бубнова в военной печати сотрудничали многие известные писатели и поэты. Сохранилась его переписка с М. Горьким, Д. Бедным, А. Seraфимовичем, с другими литераторами о вовлечении их в работу военных газет и журналов.

Усилия Коммунистической партии, Политуправления РККА по реорганизации и укреплению армейской и флотской печати в годы военной реформы дали хорошие результаты. В апреле 1926 года А. С. Бубнов докладывал отделу печати ЦК ВКП(б), что военная печать значительно улучшила свою работу. В Вооруженных Силах имелось 11 ежедневных газет (9 окружных и 2 флотских) общим тиражом 65 тысяч экземпляров. Кроме того, издавались пять еженедельных территориальных газет общим тиражом 100 тысяч экземпляров. В центре выходила газета «Красная звезда» и значительное количество военных журналов.

В начале 1926 года Центральный Комитет ВКП(б) направляет Андрея Сергеевича для выполнения ответственного задания в Китай. Там второй год бушевало широкое антиимпериалистическое движение, вошедшее в историю под названием китайской национальной революции 1925—1927 годов. Борьба китайского народа находила искреннее, горячее сочувствие у советских трудящихся. В адрес правительства поступали многочисленные письма и телеграммы, где люди разных возрастов, профессий и национальностей просили, а иногда и требовали направить их добровольцами на оказание помощи борющемуся Китаю. Получал такие просьбы и А. С. Бубнов. Обычно он отвечал, что специальной кампании по набору и отправке добровольцев Советское правительство не организует.

Однако СССР не мог быть безучастным к судьбе трудящихся соседнего государства, страдающих от империалистических угнетателей, господства милитаристов и феодалов-помещиков. Советский Союз оказывал Китаю мо-

ральную и политическую поддержку, помогал в подготовке руководящих кадров.

В начале 20-х годов в Москве открылся Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), в котором обучалось и сравнительно небольшое количество китайских революционеров-политэмигрантов. В числе других деятелей партии Андрей Сергеевич преподавал там курс истории РКП(б).

Стремительное развитие национально-освободительной борьбы китайского народа вскоре потребовало создания учебного заведения специально для трудящихся Китая. Организовать его в самом Китае было практически невозможно. На помощь опять пришли советские люди. Поскольку в период китайской революции осуществлялось тесное сотрудничество двух партий: коммунистической и гоминьдана, то идею создания в Москве университета для китайских трудящихся поддержали и ЦК Компартии Китая и ЦИК гоминьдана. Для ведения всей подготовительной работы в 1924 году образовалось общество содействия университету. Руководителем совета общества содействия университету трудящихся Китая имени Сунь Ятсена избрали А. С. Бубнова, членами были: Л. М. Карахан, С. Катаяма, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский и другие.

По просьбе руководителей революционного движения Китая туда в качестве военных советников стали направляться командиры Красной Армии, имевшие большой опыт боевой и политической работы. Готовили их, как правило, на восточном отделении Военной академии РККА. А. С. Бубнов, являясь одним из преподавателей этого отделения, принимал самое непосредственное участие в их подготовке.

Так что партия не случайно направляла Андрея Сергеевича в Китай. Высокая компетентность позволила ему возглавить авторитетную комиссию ЦК ВКП(б), которая прибыла в Пекин для изучения вопросов, связанных с помощью Советского Союза китайской революции.

В комиссию ЦК ВКП(б), кроме Андрея Сергеевича, входили: И. И. Лепсе, Н. А. Кубяк — секретарь Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), Р. В. Лонгва — командир РККА.

Комиссия в полном составе собралась лишь во Владивостоке. О поездке в Китай не знали ни родные, ни близкие, ни сослуживцы. Комиссии предписывалось ознако-

миться с работой советских военных специалистов, изучить перспективы китайской революции и выработать предложения по оказанию помощи Гуанчжоускому правительству в организации Северного похода Национально-революционной армии (НРА) Китая. План похода, вылившегося позднее в революционную войну против северных милитаристов, разрабатывался на месте при активном участии советских военных специалистов во главе с В. К. Блюхером.

Прибыв в конце февраля в Пекин и подробно ознакомившись с положением дел, комиссия пришла к выводу, что вопрос о Северном походе практически уже решен. В армии только о нем и говорили: и рядовой и командный состав — все были убеждены в его необходимости. Некоторые разногласия возникли лишь при определении сроков похода.

Комиссия предложила начать организацию похода с обучения Национально-революционной армии Китая действиям в полевых условиях, так как без этого на просторах Среднего Китая она не могла рассчитывать на успех. Интенсивно проведенная подготовка позволила начать знаменитый Северный поход НРА уже в июле 1926 года.

Важным вопросом было изучение перспектив всего национально-революционного движения в Китае. Хотя революция, по его мнению, вступила в фазу относительного затишья, А. С. Бубнов предположил скорую возможность следующего подъема. А потому, считал он, надо начать заблаговременную подготовку к нему. Для этого необходимо глубже проанализировать поведение купечества, буржуазной верхушки, учитывать объективную возможность классового расслоения национального движения. Кроме того, подчеркивал он, очередной революционный подъем может привести к прямому военному вмешательству международного империализма во внутренние дела Китая, и пособниками интервентов при этом могут выступить замаскировавшиеся силы китайской реакции.

Элементы расслоения национально-революционного движения, наличие которых предположил А. С. Бубнов, начали проявляться уже во время работы комиссии. 20 марта 1926 года командир 1-го армейского корпуса НРА Чан Кайши предпринял попытку военного переворота в Гуанчжоу (Кантон), выступив против Коммунистической партии Китая и левой части гоминьдана. Он изгнал коммунистов из частей 1-го корпуса и из воен-

ной школы в Вампу (Хампу), которая также находилась под его командованием. Чанкайшисты блокировали помещение, где жили русские советники и комиссия А. С. Бубнова, фактически взяв представителей СССР под домашний арест. Выступление контрреволюции хотя и предполагалось советскими специалистами, но все же было неожиданным. Тем более что накануне комиссия посетила школу в Вампу, осмотрела ее учебную базу, побывала на запятиях, Андрей Сергеевич беседовал с курсантами, командованием, с работавшими в школе советскими военными специалистами.

Попытка переворота, однако, не получила широкой поддержки у армейского руководства, и уже вечером 20 марта Чан Кайши начал отступление. Встретившись с А. С. Бубновым, он лицемерно заявил, что события произошли против его воли, принес свои извинения Андрею Сергеевичу и обещал на следующий день извиниться перед всеми советниками. Блокада с помещений советских специалистов была снята, но Чан Кайши высказал пожелание, чтобы комиссия во главе с А. С. Бубновым и ряд советников покинули Кантон.

24 марта 1926 года комиссия ЦК ВКП(б) на пароходе «Память Ленина» отбыла на Родину.

А. С. Бубнов буквально по горячим следам вскрыл социальные корни событий 20 марта. Назвав их маленьким полувосстанием, он увидел в них отражение противоречий между централизованной государственной властью и милитаризмом, между мелкой городской буржуазией и пролетариатом, между левым и правым крылом гоминьдана. А. С. Бубнов считал, что левое крыло гоминьдана выражает интересы мелкой городской буржуазии и очень условно — крестьянства, а правое — интересы буржуазных верхов, которые являются политическими компрадорами Гонконга. Реакционно выступлению Чан Кайши, отмечал А. С. Бубнов, способствовали крупные ошибки в военной работе и политическом руководстве. Возникший внутри национального правительства кризис нашел отражение и в армии. Высший и старший офицерский состав НРА был недоволен централизацией военного руководства, проводимой к тому же очень быстро, без учета психологии и навыков китайского генералитета, привыкшего больше повелевать, чем подчиняться. Централизация власти поставила генералов под чрезмерный контроль, из-под которого они стремились вырваться. По образному выражению А. С. Бубнова, на китайского генерала было

надето пять ошейников: Главный штаб, Управление снабжения, Политуправление НРА, комиссар и советник. Это совершенно не соответствовало бытовавшим в китайской армии традициям и нравам.

Андрей Сергеевич считал, что сдерживающим фактором для подобных контрреволюционных выступлений может стать Северный поход Национально-революционной армии.

— Национальная революция, — говорил он, — не может окопаться на Юге Китая. Северный поход нельзя рассматривать как чисто военное мероприятие. Поход неизбежно затронет крестьянские массы и самые широкие слои китайского населения.

А. С. Бубнов рекомендовал китайским коммунистам в связи с этим выработать четкие и вполне определенные политические лозунги, отметив, что КПК за последние четыре-шесть месяцев сделала большой шаг вперед в этом направлении и значительно пополнила свои ряды рабочими.

Вообще комиссия использовала максимум возможностей для ознакомления с деятельностью Коммунистической партии Китая. 2 марта в Шанхае состоялась встреча А. С. Бубнова с Генеральным секретарем ЦК КПК Чэнь Дусю, который подробно изложил взгляды китайских коммунистов на важнейшие проблемы национальной революции.

Опираясь на огромный опыт партии большевиков, Андрей Сергеевич дружески советовал китайским коммунистам усилить связь с пролетариатом, не допускать сектантских тенденций и чрезмерного увлечения военной работой, глубже анализировать соотношение классовых сил в национальной революции, избегать навязывания боевым отрядам пролетариата — рабочей гвардии не свойственных им полицейских функций.

Вернувшись на Родину, А. С. Бубнов провел специальное заседание редакционной коллегии газеты «Красная звезда», на котором обсуждался вопрос об освещении в военной печати китайской революции. По предложению Андрея Сергеевича иностранный отдел «Красной звезды» стал регулярно рассказывать читателям не только о военно-политической обстановке в Китае, но и об организации, структуре, техническом оснащении и тактике Национально-революционной армии. От начальников политуправлений военных округов и флотов Андрей Сергеевич потребовал, чтобы систематическое разъяснение хода ки-

тайской революции, ее значения для мирового революционного процесса стало важнейшим элементом интернационального воспитания красноармейских масс. Опыт китайской революции, считал А. С. Бубнов, имеет также немалую значимость для многих стран, борющихся за свое освобождение. Он призвал изучать, сравнивать и обобщать результаты революционных войн других колониальных и полуколониальных народов (Марокко, Сири) против империализма.

ЦК ВКП(б) придавал большое значение китайской революции 1925—1927 годов и развернувшемуся среди советских людей движению по оказанию ей всесторонней помощи. Обсудив мероприятия партии по укреплению солидарности с пролетариатом Китая, XV съезд ВКП(б) записал в своей резолюции: «Съезд признает совершенно правильным лозунг защиты Советского Союза и китайской революции... как центральный лозунг текущего момента». В решении этой интернациональной задачи партии принимали участие многие видные политические и военные деятели Советского государства, в числе которых заслуженное место принадлежит Андрею Сергеевичу Бубнову. Он один из тех, кто стоял у истоков советско-китайской дружбы, зародившейся в ходе совместной борьбы с империализмом.

Являясь активным участником многих исторических событий, А. С. Бубнов вместе с тем был одним из первых советских историков и организаторов советской исторической науки. Когда в 1920 году по указанию В. И. Ленина была создана комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), в числе девяти ее членов закономерно оказался А. С. Бубнов. Его историко-партийные произведения, начавшие выходить в свет уже в 1920 году, встречались широкими партийными кругами с большим интересом. Некоторые из них стали первыми учебниками по истории Коммунистической партии. «Ваша брошюра «Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России», — писали Андрею Сергеевичу из Одесского губкома РКП(б) в сентябре 1924 года, — стала необходимым пособием при изучении истории партии и ленинизма в кружках и партшколах... брошюра выдержала за короткий срок три издания в издательстве Одесского губкома «Коммунист» и разошлась полностью». Губком просил автора дополнить или снабдить предисловием готовящееся четвертое издание и разрешить печатание работы на украинском языке

ке. Всего же эта брошюра издавалась более 20 раз в различных городах страны. В 1924 году по заданию ЦК партии Андрей Сергеевич существенно ее переработал и выпустил в свет под названием «Основные вопросы истории РКП(б)». Книга быстро завоевала популярность и выдержала четыре издания. Всего перу Андрея Сергеевича принадлежит более 200 печатных работ.

А. С. Бубнов входил в состав руководящих органов таких важнейших научно-исследовательских центров страны, как Институт Маркса — Энгельса, Институт В. И. Ленина, Коммунистическая академия, Истпарт, Военно-научное общество и других.

...В апреле 1933 года широко отмечалось 50-летие народного комиссара просвещения РСФСР А. С. Бубнова. Газета «Правда» посвятила ему всю третью страницу под общим заголовком «Путь старого большевика». Через центральную печать и лично юбиляра поздравляли К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, С. В. Косиор, П. П. Постышев, Я. Б. Гамарник, Д. Я. Мануильский, Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский и многие другие соратники и друзья. Поздравляли организации и учреждения, пионеры и воины, учителя и деятели культуры.

К тому времени уже четвертый год возглавлял Андрей Сергеевич Наркомат просвещения. Чего голько не было за это время! И критика была, и споры с корифеями педагогики, и нападки недоброжелателей. Введение всеобщего обязательного начального образования, например, — это целая полоса сражений с победами и неудачами. В ходу была «левацкая» теория «отмирания школы». Он же, Бубнов, считал наоборот: в стране надо создавать единую и четкую систему народного образования. Как подчеркнул состоявшийся летом 1930 года XVI съезд ВКП(б), боевой задачей в тот период было проведение всеобщего обязательного начального обучения и ликвидация неграмотности.

Со свойственной ему страстностью и основательностью приступил А. С. Бубнов к решению этой огромной по масштабам и исключительной по важности проблемы. Выступая на XVI съезде партии, он отметил, что только в течение одного учебного года предстояло обучить грамоте 17 миллионов детей, переподготовить 50 тысяч учителей, разработать и издать огромное количество новых учебников и пособий.

Андрею Сергеевичу удалось привлечь к проблемам на-

родного образования внимание виднейших специалистов самого различного профиля. Среди них были: А. М. Горький, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, академики А. Д. Архангельский, Э. В. Брицке, педагоги-новаторы С. Т. Шацкий, И. И. Барсуков, Н. И. Стривская, В. Н. Шульгин и многие другие.

«Дорогой Алексей Максимович, — писал Андрей Сергеевич А. М. Горькому, — посылаю Вам предварительный проект о преподавании литературы в средней школе, это для ребят 5—10-х классов, с 12 до 17 лет. Надеюсь, Вы не забыли о выставке детского рисунка. Обязательно надо посмотреть».

А. С. Бубнов старался постоянно расширять и как-то «узаконить» участие общественности в делах школы. По его предложению Совнарком РСФСР утвердил Совет при народном комиссаре просвещения для рассмотрения наиболее важных, принципиальных вопросов.

В результате проведенных мероприятий уже в 1930/31 учебном году школы сумели принять всех ребят, нуждавшихся в начальном обучении. Со следующего года дети, окончившие начальную школу, в обязательном порядке стали зачисляться в пятые классы. С большим удовлетворением А. С. Бубнов заявил в 1934 году с трибуны XVII съезда ВКП(б), что задача введения всеобщего начального обучения, поставленная XVI партийным съездом, выполнена.

— Нам пришлось, — отметил он также, — по директиве Центрального Комитета искоренить «левацкую» теорию «отмирания школы», которая имела большое хождение в наркомпросовских кругах.

В те же годы Наркомпрос столкнулся и с другим чуждым пролетарскому государству явлением — уменьшением количества детей рабочих среди старшеклассников семилетки.

— На наших глазах, — с негодованием говорил делегатам XVII съезда ВКП(б) нарком просвещения, — происходит, можно сказать, «вымывание» детей рабочих из школы!

Благодаря своевременно принятым мерам положение вскоре выправили.

А. С. Бубнов требовал от работников комиссариата просвещения и органов народного образования постоянного совершенствования стиля работы. Особенно нетерпим был он к любым проявлениям бюрократизма, кос-

ности, неорганизованности. Нарком был очень требователен к себе и сотрудникам, взыскивал за каждое упущение в работе. За своей спиной он порой слышал упреки в излишней придирчивости, педантизме и администрировании. Но люди, знавшие его ближе и заботившиеся об улучшении дела, думали иначе. «Новый нарком, — писала о нем Н. К. Крупская, — весьма вникает во все политпросветские дела, здорово нас поддерживает, вызывает к себе работников — чувствуется организатор».

С первых дней работы в новой должности Андрей Сергеевич взял себе за правило часто бывать в школах, техникумах и институтах, посещать занятия, оказывать на месте практическую помощь работникам народного образования и культуры. Наркома знали в лицо во многих учебных заведениях страны. В нем покорила искренность и отзывчивость, чувствовалось, что он горячо переживает за состояние дел. Увидев недостатки, он говорил о них прямо, без лишней дипломатии, порой резковато.

... — Сколько вам лет? — неожиданно спросил он преподавателя института, у которого только что был на лекции.

— Тридцать два, а что?

— Можно подумать, что все восемьдесят два, настолько сухо и бесстрастно вы излагаете материал.

Жгучая заинтересованность в улучшении народного образования, прямота суждений наркома вызывали доверие собеседников. Поделиться своими проблемами к Андрею Сергеевичу шли даже школьники.

«Уже стемнело, — вспоминала Н. К. Крупская. — В Наркомпросе идет важное совещание. Выходит из подъезда работник Наркомпроса. Видит — у подъезда стоят трое ребят, жмутся от дуящего ветра.

— Вы что, ребята, тут стоите?

— Бубнова ждем, у нас до него дело».

В 1933 году по инициативе Андрея Сергеевича в аппарате Наркомпроса была проведена широкая реорганизация. Были введены новые структурные подразделения, более четко определены направление их деятельности и обязанности сотрудников.

Нарком просвещения решительно выступал с критикой таких ошибочных направлений педагогики, как «дальтон-план» и «метод проектов», которые принижали воспитательную и организующую роль школы и учителя, недооценивали систематические знания. Он требовал всемерно развивать и совершенствовать содержание и струк-

туру учебно-воспитательного процесса, укреплять связь школы с жизнью, с потребностями строительства социализма.

Одним из важнейших путей укрепления этой связи он считал политехнизацию школы. Основываясь на ленинском учении о политехнической школе, А. С. Бубнов разъяснял, что политехническое обучение должно базироваться на высоком уровне общеобразовательной подготовки учащихся, и поэтому требовал, чтобы в курсе школьного обучения правильно, гармонично сочетались образование, производительный труд и общественно полезная работа. Политехнизация школы способствовала, по глубокому убеждению Андрея Сергеевича, своевременному решению больших и сложных социально-политических и экономических задач.

— Но политехницизм мешает специализации, — возражали А. С. Бубнову, — нам нужен рабочий-специалист, а не всезнайка, нахватавшийся вершухек.

— Вот мы и хотим иметь такого рабочего, который не был бы всезнайкой, но который обладал бы специальными знаниями, будучи металлистом, слесарем и т. д., и в то же время имел бы такую сумму общеполитических и культурных знаний, которые позволяли бы ему решать на предприятии целый ряд важнейших задач производственно-технического порядка. Это даст только политехническая подготовка.

— А сумеем ли мы совместить несовместимое?

— Почему же несовместимое? — недоумевал Андрей Сергеевич. — Нужно точно очертить круг систематических знаний, так построить программы политехнической школы, чтобы они давали возможность соединять обучение с производительным трудом, теорию с практикой, чтобы они делали наших школьников участниками социалистического строительства.

— Надо идти дальше, не останавливаться на полпути. Никакая политехнизация не сможет подготовить нам квалифицированного рабочего. Школа должна стать цехом завода. Только такой, истинно революционный, подход позволит решить задачи культурной революции!

— Так это у вас получается опять же «отмирание школы», только наизнанку — школа растворяется в производстве. Мы в Наркомпросе считаем, что лозунг «Школа — цех завода» — это прожектерство. Учить труду можно не только на заводах.

А. С. Бубнов настаивал, что наиболее эффективными

формами общественно полезного труда школьников является их участие в культурно-массовой работе среди населения и прикреплении школ к предприятиям для вовлечения ребят в совместную трудовую деятельность с рабочими. Он искренне радовался каждому известию об успехах школьников в трудовом обучении. Однажды в 1932 году Надежда Константиновна Крупская получила от ребят из Магнитогорска вместе с письмом модель экскаватора, выполненную десятилетним мальчиком. Андрей Сергеевич так восторгался поделкой и способностями мальчика, что Надежда Константиновна решила оставить модель в кабинете наркома. А. С. Бубнов видел в этом маленьком экскаваторе глубокий смысл, своего рода символ.

Качество всей учебно-воспитательной работы А. С. Бубнов ставил в прямую зависимость от личности учителя, которого считал центральной фигурой в школе. При этом Андрей Сергеевич подчеркивал, что дети не должны чувствовать, что их учит учитель. Педагог должен действовать так, чтобы ребенок считал, что учится сам. Хороший учитель обязан лишь тактично руководить учебным процессом. Нарком просвещения побуждал учителей добиваться наглядности и занимательности преподавания, расширять общий кругозор ребенка, закладывать у него основы нового, социалистического мировоззрения. А для этого, считал Андрей Сергеевич, сам учитель должен неустанно заботиться о своем профессиональном росте и идейно-политическом просвещении. Последнее было особенно важно еще и потому, что перестройка работы советской школы проходила в условиях обострения классово-борьбы. «Мы имеем, — подчеркивал А. С. Бубнов, — культурный фронт как фронт ожесточенной классово-борьбы. Школа и учитель принимают на этом фронте... самое активное участие».

Особое внимание уделял нарком просвещения строительству национальной школы: обучению детей на родных языках, созданию учебников и пособий, подготовке педагогических кадров из числа лиц нерусской национальности, подъему общей грамотности нерусских народов страны, развитию их культуры.

Андрей Сергеевич постоянно подчеркивал, что без дальнейшего совершенствования педагогической науки провести коренную перестройку общеобразовательной школы невозможно. «Без революционной, пролетарской, неустанно разрабатываемой педагогической теории, —

говорил он, — нам не суметь возглавить того огромного педагогического движения, которое развертывается в нашей стране...» При непосредственном участии А. С. Бубнова в 1930 году была создана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов марксистской педагогики и психологии (РАНИМП) под председательством Н. К. Крупской, образована целая сеть новых научно-исследовательских центров.

Работа научно-педагогических учреждений велась в тесной связи с практикой общеобразовательной школы. Нарком просвещения привлекал внимание теоретиков и практиков к изучению и обобщению передового педагогического опыта. Он требовал тщательно взвешивать на «точных весах марксистского метода» каждую кроху массового педагогического опыта для того, чтобы по-настоящему обогащать учителя.

Деятельность А. С. Бубнова на посту народного комиссара просвещения не ограничивалась вопросами образования. Она охватывала широкий круг проблем культурного строительства. При его непосредственном участии решались многие принципиальные вопросы развития советской литературы и искусства. Направляя и координируя по заданию партии деятельность творческой интеллигенции, Андрей Сергеевич широко использовал опыт своего предшественника на посту наркома А. В. Луначарского, часто советовался с А. М. Горьким, Н. К. Крупской, многими деятелями советской культуры.

— Собираю недавно у себя живописцев, — делился А. С. Бубнов с А. М. Горьким, — вот каша-то в головах у людей — прямо-таки поразительная для нашего времени! А желание работать есть, да и умение (в своей области) тоже имеется. Это о «стариках». А молодежи живописной надо прежде всего изучать приемы своего ремесла.

— Да, на молодежь нам не надо жалеть ни сил, ни денег. Взять хотя бы братьев Кориных — очень талантливы. Послать бы им в Италию долларов триста, пусть еще поучатся, — говорил Алексей Максимович.

Согласившись, что таким художникам, как братья Корины и Федор Богородский, надо продлить срок пребывания в Италии, А. С. Бубнов отметил, что этим все-таки проблеме обучения молодых художников не решить.

— Надо создавать нам Художественную академию. Без этого не поднимется наша живопись. Нужна и стан-

ковая картина, и стенная живопись, и фрески, и рисунок, и виньетка, и плакат, и прочее, и тому подобное.

В 1932 году увенчались успехом старания А. С. Бубнова по созданию Всероссийской академии художеств, преобразованной позднее в Академию художеств СССР. А на XVII съезде ВКП(б) нарком просвещения докладывал партии о создании в 1934 году Академии художеств в Ленинграде и Архитектурной академии в Москве.

Глубокой партийной убежденностью были проникнуты мысли и слова А. С. Бубнова о том, что искусство является мощным средством социалистического воспитания советских людей. Он выступал за то, чтобы открыть широкий доступ трудящимся к сокровищам отечественного и мирового искусства, за пополнение музеев и картинных галерей современными произведениями, отражающими социалистическую действительность. С большевистской непримиримостью критиковал он работников центральных и местных музеев за оторванность от современных проблем и отсутствие в экспозициях связи с задачами социалистического строительства.

Так, однажды при посещении Третьяковской картинной галереи он обратил внимание администрации на то, что в экспозиции нет картин советского периода.

— Товарищ Кристи, — говорил он директору галереи, — я считаю громадным пробелом то, что у вас не отражено ничего из достижений советского искусства за все годы пролетарской диктатуры.

— Да, мы сами уже начали чувствовать этот пробел, Андрей Сергеевич.

— Надо срочно ликвидировать это упущение, уже в этом году представьте все основные этапы развития советской живописи и скульптуры.

— Уже сделаны некоторые заказы на госпокупку ряда современных полотен...

— Добейтесь также, чтобы и политическая карикатура от периода гражданской войны до наших дней была представлена в Третьяковке, при этом обязательно в лучших оригиналах.

А. С. Бубнов неустанно добивался, чтобы в произведениях каждого вида советского искусства в полной мере отражалась правда жизни. Он внимательно следил за репертуаром ведущих театров страны, за политическим содержанием и художественным уровнем готовящихся спектаклей.

— Театр нашей эпохи, — говорил он, — должен

убеждать и вдохновлять, клеймить и осмеивать, заражать бодрым смехом победы и удесятерять силы миллионов искрящимся весельем. При этом театр должен не зарываться в мелочах, не быть копировальщиком и регистратором фактов текущей злобы дня, а, не отрываясь ни на секунду от этих «мелочей», живя жизнью сегодняшнего момента, сливаясь с его боевым потоком, подниматься на высоту больших художественных обобщений, углубляющих понимание жизни и ее задач, облегчающих ее познание и помогающих великому строительству социализма.

Особое внимание работников культуры Андрей Сергеевич обращал на эстетическое воспитание детей и юношества. При его участии в Москве был создан Центральный дом художественного воспитания детей. При помощи творческой интеллигенции дом проводил большую работу по организации детских театров и кинозалов, музыкальных школ, художественных выставок, руководил их деятельностью, внося существенный вклад в дело эстетического воспитания молодежи. Летом 1934 года дом организовал Международную выставку детского рисунка, имевшую большую популярность как в СССР, так и за рубежом.

Вместе с А. М. Горьким, Н. А. Семашко, А. И. Ульяновой-Елизаровой, Г. М. Кржижановским А. С. Бубнов стоял у истоков специализированного государственного издательства для детей — Детгиза. 9 сентября 1933 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об издательстве детской литературы». В составленном при участии А. С. Бубнова проекте этого постановления были определены основные цели, задачи и особенности детского издательства. Уже в первый год своего существования Детгиз выпустил 168 книг общим тиражом 7 миллионов экземпляров. Трудно переоценить роль Детгиза в развитии литературы для детей.

Активное участие принял народный комиссар просвещения в подготовке и проведении Первого съезда писателей. Так, один из номеров редактируемого им журнала «Книга и пролетарская революция» в середине 1933 года был специально посвящен предстоящему съезду писателей. На съезде А. С. Бубнов единодушно был избран в состав президиума.

Деловые и товарищеские отношения связывали А. С. Бубнова со многими советскими писателями — М. Горьким, Д. Бедным, А. Серафимовичем, А. Толстым,

М. Кольцовым... Перу Андрея Сергеевича принадлежат работы о творчестве А. С. Пушкина, А. М. Горького, Н. А. Добролюбова, Гёте, Фирдоуси. В своих статьях и выступлениях А. С. Бубнов подчеркивал, что советские писатели, создавая и развивая литературу социалистического реализма, не должны игнорировать художественные ценности и прогрессивные идеи предшествующей отечественной и зарубежной литературы.

С 1934 года по инициативе А. М. Горького начинается широкая подготовка к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина. Председателем Всесоюзного пушкинского комитета ВЦИК СССР назначил А. М. Горького, а заместителями А. С. Бубнова и А. С. Щербакова. В 1936 году, после смерти А. М. Горького, председателем Пушкинского юбилейного комитета стал А. С. Бубнов.

При подготовке к юбилею великого русского поэта Андрей Сергеевич проделал большую и разностороннюю работу. «Алексей Максимович, — писал он в январе 1936 года, — пушкинские дела накануне утверждения. На днях будут подписаны все наши планы и заявки. Сюда входят план издательства на 1936 г., выставка, реставрации (в ограниченном размере, т. е. самое важное — Пушкинские горы, Болдино, Москва, Ленинград) и памятники (в Ленинграде и Москве). Памятники, конечно, придется только заложить».

Способствуя широчайшей популяризации имени А. С. Пушкина и его литературного наследия, Горький и Бубнов были непримиримы к любому проявлению пошлости и безвкусицы в этом деле. По предложению Алексея Максимовича газета «Правда» опубликовала заметку Демьяна Бедного «О пошлости», где автор едко высмеивал красующуюся на углу улицы Горького надпись: «Кафе Пушкин».

В отличие от подобных необдуманных способов популяризации имени поэта Наркомпрос РСФСР находил простые и порой очень оригинальные решения. Так, он сумел издать многомиллионным тиражом и дать в руки буквально каждому школьнику гениальные пушкинские строки, не затратив на это ни одного дополнительного листа бумаги. Напечатаны они были... на обложках учебных тетрадей, там, где ребята привыкли видеть таблицу умножения.

В середине февраля 1937 года во всех советских республиках и во многих зарубежных странах торжественно

прошли пушкинские дни. 10 февраля Бубнов присутствовал на 25-тысячном митинге у памятника А. С. Пушкину в Москве. Вечером того же дня под его председательством в Большом театре состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею великого поэта. В числе участников вечера находились руководители Коммунистической партии и Советского правительства, представители дипломатического корпуса, внуки, правнуки А. С. Пушкина.

При участии Андрея Сергеевича готовились и проводились также мероприятия, посвященные 75-летию со дня рождения А. П. Чехова, создавался Государственный литературный музей.

Более восьми лет народный комиссар просвещения Андрей Сергеевич Бубнов возглавлял по заданию партии культурный фронт борьбы за социализм. Марксистско-ленинский подход к разрешению всех стоящих проблем обеспечил жизнестойкость тех преобразований, которые были начаты при его жизни. Многие его слова, мысли и идеи, касающиеся идеологической, военно-политической, воспитательной работы, актуальны и по сей день.

В самом расцвете творческих сил и способностей трагически оборвалась жизнь этого замечательного человека, неслышимого большевика-ленинца, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства. Имя его, навсегда оставшись в памяти народа, продолжает верно служить делу коммунистического воспитания советских людей.

В 60—80-е годы по ходатайству партийных и советских органов, представителей общественности и трудовых коллективов имя А. С. Бубнова было присвоено улицам городов Киева и Иванова, теплоходу Черноморского пароходства, Ивановскому медицинскому институту, пионерским отрядам в Москве и Кинешме.

Интерес и глубокое уважение к личности А. С. Бубнова, равно как и к другим представителям славной когорты большевиков-ленинцев, понятен и закономерен. На их примере советские люди учатся бороться и побеждать, решать крупнейшие созидательные задачи, укреплять экономическое и оборонное могущество социалистической Родины.

Иван Иванович ЛЕПСЕ

...Первым, кого встретил И. И. Лепсе во Дворце труда, был А. К. Гастев. Алексей Капитонович знал о вызове Лепсе В. И. Лениным, но не предполагал, что именно сейчас, в самый нервный момент, Иван Иванович появится здесь, на Солянке.

В помещении ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов заканчивалась подготовка к пленуму, на котором необходимо было четче определиться отраслевому профсоюзу после X съезда РКП(б). Шляпников делал в те дни все, чтобы восстановить и отстоять свою линию, отвергнутую делегатами партийного съезда. Он ульгимативно, несмотря на критику и сопротивление со стороны металлистов, поддержавших ленинскую платформу, собирал силы для конфронтации, объединял вокруг себя приверженцев «рабочей оппозиции».

— Ты к Шляпникову? — настороженно спросил Лепсе протягивающий ему руку Гастев.

— Не приглашал. Просили почему-то зайти в тарифный... — ответил дружеским пожатием Лепсе. — А ты куда, в свой ЦИТ? Ох, хочу поздравить тебя: молодец таки, добился, организовал Институт труда. Давно пора. Ну а как насчет стихов? Не забросил?

— Вот недавно вторая книжка вышла... «Пачка ордеров».

— Подарил бы!

— Едем ко мне. Когда работали вместе в Петрограде, то заходил.

— Ну, ты тогда был моим начальником, — радушно улыбнулся Лепсе. — К секретарю ЦК рабочих-металлистов все шли.

— Теперь, видишь, наукой занялся... Слушай, Иван, — чуть убавил голос Гастев, — тут поговаривают, что якобы твою кандидатуру выставляют на пост председателя. Шляпников просто в шоке.

Лепсе промолчал. Гастев понял: задал вопрос преждевременно — и тут же решил поделиться с ним доверительно всем, что было на душе:

— Дела пока не в нашу пользу, Ваня. Схватка ожидается смертельная. Как думаешь, выдержим в драке?

— Если уж военных комиссаров рекомендуют в наш президиум товарищи Калинин и Дзержинский, то чего бояться: револьвер — и все притихли! Не так ли, Иван Иванович? — словно подслушав разговор, выпалил Шляпников, вдруг появившийся в дверях кабинета, куда входили Лепсе и Гастев. Его крепкая фигура заслонила им проход.

— Сила комиссаров прежде всего в слове, Александр Гаврилович. А сделала нас военными революция, — спокойно ответил Лепсе, вежливо уступая Шляпникову дорогу к выходу.

...На пленуме ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов победу одержали те, кто отстаивал ленинскую платформу о профсоюзах. Лепсе становится во главе руководства союзом. На состоявшемся вскоре, спустя несколько месяцев, V съезде ВСРМ его единогласно избирают председателем ЦК. И. И. Лепсе было тогда всего лишь тридцать два года, семнадцать из прожитых лет прошли в партийном подполье, на баррикадах, в боях за Советскую власть.

И. И. Лепсе, настоящее его имя Ян Эдуард Янович Лепсе, родился 2 июля 1889 года в городе Риге. По канону Рижской евангелической лютеранской церкви Иисуса, где он был крещен, вначале имя дал ему отец, Ян Якабович, затем восприемники: содержатель извоза Криш Ян Драудзинь, его жена Лавизе и дочь Эмилия. Хотя имя Ян значилось в церковном свидетельстве первым, все равно все в доме — мама, Грета Лабренцевна, братья Карл и Альфред, сестры Анна и Эмилия — обращались к нему только Эди.

Карл и Анна были от первого брака отца. Ян Якабович сам из батраков. Он пришел в Ригу из местечка Вецсаулэ пешком, без денег и нанялся на пробковую фабрику к барону Брандбург. Скопив потихоньку денег,

он покупает лошадь и становится извозчиком на пристани. Чуть позже, когда у него появилась возможность заплатить за небольшой одноэтажный домик, который ему удалось по дешевке снять на улице Ревелес, решил покататься к Грете Тылтынь. Приглянулась ему эта кареглазая худенькая латышка из Лэдурги. Но получает от нее отказ. Тогда Ян женится на Фрайберг Дорэтэе. Однако она вскоре умерла, оставив ему сына и дочь.

Узнав о горе Яна, Грета Тылтынь сама пришла к нему в дом: «Не хотела идти за тебя, Ян, когда ты был парнем, а теперь придется... Детям нужна мать».

Грета Лабренцевна оказалась заботливой матерью. Она с любовью относилась к Карлу и Анне. Вскоре и у нее родились дети от Яна — Альфред, через три года Эмилия; а еще через три года Ян.

Как и Альфред, Ян после окончания начальной школы стал ходить на курсы, организованные известным тогда в Риге музыкальным деятелем Е. Дубуром. В семье мечтали, чтобы Альфред и Эди стали артистами, особенно этого хотела Грета Лабренцевна. Дубур отмечал незаурядные музыкальные способности Яна, его сильный красивый баритон. На курсах, где обучались дети разных сословий, ребята ставили небольшие сценки из музыкальных и драматических спектаклей на латышском языке. А по праздникам Яна приглашали в хор при соборе. Туда его водила Грета Лабренцевна. Она очень любила слушать детские голоса, сливавшиеся с органом. Настоятель собора, так же как и Дубур, советовал Грете Лабренцевне больше уделять внимания музыкальному образованию мальчика, не упустить талант, развивать его.

Все шло хорошо до тех пор, пока не пропала у отца упряжка лошадей. Семья осталась без надежного заработка. Альфред и Ян вынуждены были прекратить занятия: Альфред — по классу фортепиано, Ян — вокального искусства. Дубур был очень раздосадован, когда узнал, что самый младший из семьи Лепсе покидает класс: «Передай маме, что я разрешаю тебе ходить бесплатно. В будущем, возможно, и у нас в Латвии появится свой Шаляпин». Однако в семье Лепсе было заведено по-другому. Ян Якабавич считал непристойным быть должным кому-либо, зависеть от кого-нибудь. «Заработай сам и будь сам себе хозяин», — всегда повторял он.

Вначале Альфред, а потом и Ян пошли на завод.

Альфреда приняли сразу, поскольку он был старше. Яну же только исполнилось четырнадцать лет. Его с трудом удалось устроить на принадлежавший акционерному обществу Рижский чугунолитейный и машиностроительный завод, в прошлом Фельзер и К°, учеником формовщика литья. Уж больно бледным и хрупким казался Ян с виду.

Работая на «Фельзере», Ян не расставался со сценическим искусством. Вместе с Альфредом по рекомендации Е. Дубура он посещал «Улей». Там, при Доме купеческого общества, под руководством Константина Неэлобина, других режиссеров молодежь, а среди нее были и студенты Политехнического института, ставила Чехова, Горького, Островского, а также модных тогда зарубежных драматургов и композиторов. Лепсе лучше всего удавались смешные водевильные роли. Нередко к участию в спектаклях постановщики и импресарио привлекали профессиональных актеров, и тогда спектакли шли при полном аншлаге.

«Улей» очень обогащал жизнь юного Яна Лепсе. Там он познакомился со студентами Политехнического института Арвидом и Петерисом, их подругой Илзой. Студенты иногда приглашали Яна на открытые лекции в институт, звали на свои капустники. В институте и Доме купеческого общества Лепсе встречался и с революционерами — членами рижского партийного подполья, которые вели пропагандистскую работу среди молодежи.

...Лепсе еще многого не знает и не ведает. Он старается лишь осмысливать все происходящее вокруг, горит желанием познать хоть то небольшое, чем живут Арвид, Петерис, их сокурсники.

На «Фельзере» Ян знакомится с членом заводской партийной организации Андрисом Недритом. Поначалу их свела любовь к стихам Райниса, которые Ян почитывал в обеденный перерыв, на что и обратил внимание Андрис. А Недрит стал обмениваться с Я. Лепсе книжками, среди которых были работы Ленина, Фейербаха, Данишевского, прогрессивных писателей Латвии, обращается к Яну с просьбой распространить в кругу подростков статьи и книги на политические темы. Позже Недрит вводит Яна Лепсе в партийную организацию, действовавшую на заводе подпольно. Это произошло в декабре 1904 года, спустя полгода после того, как Яна взяли в ученики.

Вскоре Я. Лепсе вместе с Г. Розенбергом, А. Апени-
том, Я. Пратнеком, подростками из литейного, составля-
ющими актив партийной организации, участвует в первой
своей демонстрации, проходившей тогда в Риге против
царского самодержавия, его антинародной военной поли-
тики. А 13 января 1905 года, откликаясь на события 9 ян-
варя в Петербурге, они шли в колонне рабочих Александр-
овского района, направлявшейся вместе с колоннами
других районов к дворцу губернатора, чтобы выразить
свой гневный протест. Демонстранты не знали, что жан-
дармам был отдан приказ встретить безоружный народ
огнем. Для Лепсе и других молодых партийцев 13 января
1905 года стало датой их боевого, революционного кре-
щения.

Лепсе оказался впереди своей колонны в тот момент,
когда жандармы начали палить из винтовок. До Даугавы
было каких-то полста метров, и он, не задумываясь, что
было сил бросился к покрытой льдом реке, несмотря на
устроенную войсками засаду, прямые выстрелы. И лед
спас его. Урок того «прорыва» запомнился ему на всю
жизнь. «Не убегайте в испуге от пули, — говорил Лепсе
потом, будучи комиссаром, солдатам, красноармейцам, —
пули быстро догонят. Рвитесь с ходу вперед. Встречный
бросок — плохая мишень!»

В том же году по инициативе Яна Лепсе на «Фельзе-
ре» проходит забастовка учеников, требовавших от вла-
дельцев завода сократить сроки обучения или хотя бы
платить сдельно за ненормированную формовку и литье.
Предприниматели решили выставить подростков на ули-
цу: «Хотите получить профессию — учитесь положенные
три года. Нет — вам нечего делать на заводе!» Но по
призыву большевиков подростков поддержали все рабо-
чие. Они остановили свои станки, несмотря на то, что
срывался военный заказ. Восемнадцать дней продолжался
пикет у заводских ворот. В конце концов распорядители
акционерного общества, в чьем ведении был завод, под
давлением военного ведомства пошли на уступки: дали
согласие платить за сверхурочные работы подросткам, а
также за дополнительные заказы, которые выполняли ра-
бочие.

С арестом А. Недрита Ян Лепсе в 1907 году стано-
вится во главе партячейки завода. Через Теснека Чига-
но, который приносил на «Фельзер» партийную литерату-
ру и листовки, Ян знакомится с руководством районного
партийного комитета, принимает участие в организации

боевых дружин, сам становится бойцом боевого отряда ре-
волюционеров. Он делает стальные трости, кует пики, по-
могает в охране собиравшихся на заседания членов рай-
кома, несет караул во время подпольных маевок. В пар-
тийных заводских списках Лепсе значится Ритой Звайгз-
не — Утренней Звездой.

В 1910 году его призывают в армию и направляют в
школу подпрапорщиков. Однако в связи со смертью отца
Лепсе освобождают от дальнейшей службы. По совету
райкома партии он идет работать на машиностроитель-
ный завод «Пирвиц». Здесь он также становится партий-
ным вожаком.

Арест многих членов организации Социал-демократии
Латышского края, вошедшей в РСДРП, тщательное изуче-
ние изъятых при обысках документов все чаще наводило
охранку на след Риты Звайгзне. За Лепсе устанавливает-
ся прямая слежка. И уже, казалось, не избежать было
Яну ареста и ссылки, но война... все круто изменила.
«Смутянов» и «неблагополучных» в первую очередь от-
правляли на фронт. Получил повестку и Лепсе.

Осенью 1914 года перед отправкой на фронт товарищи
по партии передают ему откатанные на гектографе ли-
стовки. В них разъяснялся антинародный характер импе-
риалистической войны. Убедительно доказывалось, что
война ведется помещиками, капиталистами, царизмом.
«Интересы германского и русского правительства, — пи-
салось в листовках, — одни и те же: гнать миллионы ра-
бочих на смерть для защиты своих богатств». Большеви-
ки призывали к борьбе против войны, за превращение
войны империалистической в гражданскую, в войну про-
тив своего правительства, против всей буржуазии.

Полк, в котором служил Лепсе, поначалу был резерв-
ным и стоял под Могилевом. Вскоре «резерв» перебрасы-
вают на Западный фронт в распоряжение 3-й армии. Ее
задачей было прикрывать пути, ведущие на Москву.
Фронт удерживал натиск немецкой армии, пытавшейся
прорваться через боевые порядки русских в тыл и окру-
жить Вильно.

Ян, командовавший взводом, был в полку запевалой.
В часы затишья однополчане часто просили его спеть что-
нибудь задушевное. Ян знал много народных русских и
латышских песен, а если он видел, что кому-то очень гру-
стно, то неожиданно для всех исполнял короткие арии из

оперетт или песенки из водевилей. Песня стала ключом к сердцу солдат. На привале или в казарме после песни всегда завязывался разговор. Часто беседы на житейские темы переходили в споры, разговоры о политике. Лепсе рассказывал солдатам о деятельности партии большевиков, об ее отношении к войне и миру, говорил о книгах, которые читал.

Ян подружился со многими солдатами, особенно с Иваном Крынкиным, который помогал ему распространять листовки, добывать трофейное оружие и тайно переправлять его через раненых солдат в Ригу подпольщикам.

Вскоре в одной из атак Крынкина ранило в живот. На поле боя стоял сплошной огненный смерч, и Ян обнаружил раненого друга метрах в четырех от себя только тогда, когда смертельный шквал переместился в сторону. Лепсе подполз к Крынкину и увидел разорванную в клочья гимнастерку, кровь. Ян вытащил из кармана марлю, приложил ее к ране и аккуратно опоясал Ивана ремнем.

— Зачем, Ян Янович, — еле произнес Крынкин, скорчившийся от боли. — Я уже не жилец на этом свете.

— Раз говоришь — значит жив! Теперь держись, браток. — И Лепсе, взяв Ивана на руки, повес его к окнам. Он шел в полный рост, прижимая к груди своего друга. Взрывы раздавались справа и слева. Ян старался идти по «воронкам». Оставалось каких-то двести метров, и вдруг вблизи разорвалась граната, ударила пулеметная очередь. Лепсе почувствовал резкую боль. Его полоснуло по ногам, словно нагайкой. Не осознавая, что ранен, Ян попытался приподняться, но не смог. Тогда ползком, вгрызаясь пальцами руки в землю, он медленно стал подтягиваться вперед, другой рукой он придерживал волочившегося сбоку, потерявшего сознание Крынкина. Земля гудела и содрогалась от взрывов. Как дополз к своим, Лепсе не помнил. Он очнулся в палаточном лазарете, куда его и Ивана принесли солдаты.

Хирурги сделали Ивану Крынкину операцию прямо на месте. Вынули осколки и у Лепсе. Очередным санитарным обозом их и других тяжелораненых отправили в Минск.

... — Ну куда этих? Ну куда, голубчик? — говорил в Минске сопровождавшему раненых поручику врач госпиталя. — Все переполнено...

— Хотя бы из командного состава возьмите! — настаивал офицер.

Поручик передал дежурному по госпиталю список, и тот стал делать переключку, давая распоряжения санитарам:

— ...Лепсе. Где?

Ян привстал и показал рукой на Крынкина: «Вот он, рядом. В очень тяжелом состоянии наш взводный».

— Ты кто будешь?

— Я солдат.

— Солдат пока в барак. Сегодня попробуем переправить в другой госпиталь.

Так расстались Лепсе и Крынкин. Яна снова ждала дорога. Лишь через две недели он оказался в стационарном госпитале в Кашире. Отсюда и направил письмо сестре Эмилии в Ригу: «...Все расскажу, как я попал сюда, когда вылечусь...»

Спустя месяц в Каширу добралась Эмилия. Получив от брата письмо, она оставила выгодную работу на табачной фабрике и тут же стала хлопотать о выезде из Риги.

Ян уже ходил на костылях. Его выписывали из госпиталя. Перед самым Новым годом он вместе с сестрой возвращается в Ригу. В доме по улице Эрглю их ждала мама.

Семья Лепсе жила на первом этаже. Два небольших окна квартиры, которую удалось еще снять отцу, выходили на улицу. В большой комнате все оставалось без изменения: три кровати, отгороженные занавесками, обеденный стол из ясеня, комод, табуретки и ходики с поржавевшими гириями. На столе дымились пшенная каша и бледный чай из старых плодов шиповника, с трудом добытых Гретой Лабренцевной.

Ян тут же выложил из вещмешка буханку хлеба и консервы — щи с кашею и мясом. Все это ему выдали в госпитале. Консервы решили не трогать, а хлеб в тот рождественский вечер поели вдоволь. Самую мякушку Грета Лабренцевна завернула в платок — будет Мирдзоньке на утро. Племянница Яна, Мирдзиня, ждала своего дядю и свою маму Эмилию целый день и, не дождавшись, полуголодной заснула. Отца Мирдзы — Фрица Павара расстреляли немцы, дядю Альфреда взяли в плен.

Ян увидел на комодке отцову гармошку:

— Мама, разреши я сыграю?

В комнате снова, как в былые времена, зазвучала мелодия.

...Жизнь в доме Лепсе, скрашенная в первые дни приездом Эди, шла своим обычным порядком. Эмми вставала чуть свет и ходила за горячим супом, выстаивая огромную очередь. После она шла работать на товарную станцию, куда ей удалось устроиться, а мать смотрела за внучкой. Ян, отметившись в госпитале, долечивался дома. Он изредка выходил на улицу, все надеялся встретить товарищей по подполью. Однако ему так и не удалось кого-либо из них увидеть. Многие заводы были уже эвакуированы.

В январе 1916 года Ян простудил легкие. Вызванный Эмилией врач приказал немедленно доставить больного в госпиталь. Вскоре госпиталь был эвакуирован в столицу России. Немецкие войска приблизились к Риге.

Лепсе попал в Петропавловскую больницу, которая располагалась на Петроградской стороне. Там и разыскал его в апреле Карл Заринь — друг детства Эмили и Яна. Он переехал в Питер, как только началась первая мировая война.

«Милые, дорогие мои мамочка, Эмми и Мирдзиня! — писал из Петрограда Ян. — Жив я. Доктор нашел во мне семь болезней и спасибо ему — вылечил. Он мне так сказал, что родился я под счастливой звездой...»

Вскоре Яна демобилизовали. Он остается жить в Петрограде на квартире Карла Зариня и по его совету устраивается на рояльную фабрику Шредера, где столярничал Карл.

На фабрике работало около трехсот рабочих. Кроме роялей и пианино, здесь с началом войны стали выпускаться дистанционные трубки к ручным гранатам, мины.

Лепсе зарегистрировался в полицейском управлении, где получил новый паспорт. Так как на фабрике его рабочие чаще называли Иваном Ивановичем, он и решил оставить официально это имя и отчество. «Раз меня приняла Россия, то пусть будет по-русски. Имя моей пролетарской сути не меняет: что Ян Янович, что Иван Иванович. У нас в семье к русским относились, как и к латышам, — одинаково», — говорил он Карлу Зариню.

После работы и по воскресеньям Карл знакомил Яна с Петроградом. Яна особенно интересовали места, связанные с первой русской революцией. Они подолгу стояли на Троицком, Биржевом, Дворцовом мостах, когда Карл рассказывал Яну о событиях 9 января.

Ян все подвергал сравнению: как работалось рабочим в Риге и здесь, какие и как происходили события на берегах Невы и Даугавы. Он с жадностью читает, ищет встреч с революционно настроенными рабочими.

...Наступил 1917 год. В столице закрывались многие предприятия. Выживали только те, где выполнялись преимущественно военные заказы. У всех на устах были слова: «кризис», «безработица», «голод», «эвакуация», «банкротство»... Стачки и забастовки лихорадили промышленность. Вот что писалось в одной из записок охранки: «...Идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой была и в 1905 году... Должно отметить, что если массы пришли к сознанию необходимости всеобщей забастовки и последующей революции, а круги интеллигенции — к вере в спасительность политических убийств и террора, то это в достаточной мере определенно показывает оппозиционность настроения общества и жажду найти тот или иной выход из создавшегося политически ненормального положения».

На «Шредере» также готовились к всеобщей стачке. В рабочем бараке, куда пришел Лепсе, долго обсуждали план действий. Шредеровцы должны были подключиться к трамвайщикам и лангензиппеновцам, агитаторы которых находились здесь же. О том, когда начнется забастовка, куда направятся колонны, с какими лозунгами они выйдут, какую петицию предъявят фабрикантам, — вроде бы договорились быстро. Не совсем ясным оставался только вопрос, что делать, если казацкие части или солдаты откроют огонь.

Товарищи из «Лангензиппена» сообщили, что на стачке солдаты Гренадерского полка, которые не допустят расправы над демонстрантами. «Однако все может случиться, — задумались рабочие. — И нам нужно оружие».

— Оружие действительно нужно, — согласился Лепсе, — но в неумелых руках — тут бывалые солдаты подтвердят — оно хороший провокатор. Чуть сдали нервы

или испугался — жди выстрела вслепую, а полиции этого только и нужно.

И Лепсе предложил иметь свою боевую дружину, которая в случае нападения на колонну возьмет огонь на себя. Следует не забывать, говорил Лепсе, что тактика окопных боев и тактика уличных оборонительных боев — разные тактики. Последней нужно также учиться, ее необходимо осваивать. Иван Иванович поделился с товарищами опытом латышских боевых дружин, тактикой рукопашной самообороны в случае столкновений с полицейскими частями. Он стал рассказывать о стальных тростях, тростях-пиках, которыми можно защищаться и наносить удары, если возникнет необходимость. Еще, продолжал Лепсе, обязательно нужно связаться с товарищами, которые, наверное, уже обдумали весь ход всеобщей забастовки. Без общего плана действий — никакой инициативы! Будут ли с нами солдаты из резервного полка или нет, мы должны надеяться на себя. Именно тогда партийное руководство будет видеть в нас надежную опору и помощь. Хватит стихийно приносить в жертву человеческие жизни.

Лепсе согласился возглавить фабричный отряд и обучить тактике обороны и нападения, приемам защиты в случае возможных схваток с полицией не только дружинников — всех активистов забастовочного движения. Вместе с рабочими Михайловым и Гавриловым Лепсе связался с представителями стачечного комитета.

В январские дни 1917 года шредеровцы приняли участие во всеобщей политической стачке. Вместе с рабочими Петроградской стороны они продемонстрировали сплоченность и боевитость.

За январскими событиями последовали новые. И в них Лепсе показал себя зрелым тактиком в руководстве массами. В полной мере проявились его организаторские качества, умение действенно вести пропаганду и агитацию, собранность и инициативность, преданность пролетарскому делу.

23 февраля (8 марта по новому стилю) — в Международный женский день — состоялась грандиозная демонстрация. Как вспоминал бывший рабочий завода «Лоренц» М. И. Тылочкин, вошедший позже с И. И. Лепсе в состав Петроградского РК РСДРП(б), по призыву Петербургского комитета, о котором дали знать товарищи с Выборгской стороны (на Петроградской из-за повальных аре-

стов большевиков партийной организации практически не существовало), было решено ознаменовать пролетарский праздник забастовками. Первыми забастовали женщины «Лоренца». К ним присоединились работницы и рабочие других заводов, солдаты. Шествие двинулось по Б. Монетной, Каменноостровскому и Кронверкскому проспектам. В нем участвовало около четырех тысяч человек.

Народное волнение перерастало в восстание: громились полицейские участки, штурмом брались тюрьмы, откуда освобождались политические заключенные, уничтожались царские гербы. На улицах и площадях, пестревших красными полотнищами и транспарантами, проходили митинги, звучали пролетарские песни...

Сразу же после Февральской революции на Петроградской стороне при непосредственном участии Петербургского комитета РСДРП был создан первый легальный районный партийный комитет. В его состав вошли представители почти всех заводов, а также военные из Петропавловской крепости. 30 марта в читальном зале Женского медицинского института состоялось заседание райкома, на котором был избран президиум. Председателем его стал Николай Иванович Иванов, товарищем председателя — Иван Иванович Лепсе. В дальнейшем почти на каждом заседании райкома присутствовал и помогал в работе представитель ПК Иван (Юкка) Абрамович Рахья.

С апреля 1917 года партийную организацию Петроградской стороны возглавляет И. И. Лепсе. Среди членов РК были: А. К. Скороходов, П. Ф. Лаврентьев, А. Е. Минкин, Г. К. Карманов, М. И. Тылочкин. Постоянный контакт И. И. Лепсе поддерживал с И. А. Рахья и членом ЦК Н. М. Анцеловичем, который активно сотрудничал с партийцами Петроградской стороны. Это деловое общение вскоре переросло в крепкую дружбу.

Лепсе практически всегда можно было разыскать в райкоме. Вместе с членами РК он сводил и перепроверял списки партийцев, в число которых попадали иногда случайные люди, а подчас и агенты охраны (это следовало уточнять и, если нужно, выслеживать); приводил в порядок документацию и архив; принимал от представителей заводских партийных комитетов партийные взносы;

готовил заседания райкома, постоянно консультируясь по этому поводу с П.К. Ну а если его не заставляли на месте, в райкоме, то знали, что он в рабочих коллективах, воинских казармах. Там он вел пропагандистскую работу, помогал создавать партячейки, беседовал с молодежью. На Петроградской стороне при райкоме партии был создан Социалистический союз рабочей молодежи, который большевики поручили организовать и возглавить П. Смодину.

После посещения предприятий Лепсе снова возвращался в райком партии, где засиживался допоздна. Часто можно было его застать за чтением книг, которые он брал в библиотеке бронированного дивизиона, расквартированного в бывшем особняке Кшесинской, свежих номеров газеты «Правда», доставляемых в РК из типографии для дальнейшей рассылки.

...3 апреля, несмотря на воскресный день, в райкоме проводилось совещание. Решили работать без перерыва, чтобы успеть обсудить все накопившиеся за неделю вопросы. Когда начали говорить о необходимости политехбы, которую требовалось организовать на местах, в комнату, где шло заседание, влетел солдат:

— Я от Елина. Сегодня вечером в Питер прибывает Ленин. Просили собрать всех наших и встретить.

Солдата не успели толком расспросить, ибо он тут же подался назад, сказав на ходу:

— Ну подойдите в комитет, вам тут близко. Мне нужно успеть еще оповестить других товарищей...

Собравшимся в РК рабочим было уже не до совещания. Такая новость! Лепсе обратился ко всем, чтобы не расходились, а сам поспешил с еще несколькими членами райкома к особняку Кшесинской, где помещались ЦК и П.К.

Узнав все до мельчайших подробностей от Н. И. Подвойского о предстоящей встрече Владимира Ильича, райкомовцы договорились собрать колонну трудящихся района у здания ЦК к 9 вечера и выставить свой отряд для поддержания порядка на площади у Финляндского вокзала.

Вечером, к десяти часам, к вокзалу пришел трудовой Петроград, прибыли большевистски настроенные солдаты и матросы. Здесь уже стояли два броневика, несколько

грузовых и легковых машин. В зале вокзала ожидали прибытия Владимира Ильича члены ЦК и П.К., Петроградского Совета, руководители районных партийных организаций.

Когда В. И. Ленин сошел с поезда и с группой встречавших его близких товарищей и соратников по подполью вошел в здание вокзала, то его сразу же окружили члены ЦК и П.К., Петроградского Совета... Несмотря на огромное желание подойти поближе и взглянуть В. И. Ленина, которого он увидел впервые, Лепсе оставался на месте в группе приглашенных. Выглядело бы неэтично и несолидно, считал Лепсе, нарушать порядок встречи, тем более при таком собрании членов партийного руководства.

В те радостные и волнующие минуты Лепсе, может быть, впервые по-настоящему осознал себя профессиональным партийцем и еще раз задумался о той ответственности, которую возлагала на него и таких, как он, рядовых большевиков ленинская партия. Эх, как бы обрадовался сейчас Арвид, как обрадовались бы Андрис, Теснек, думал Лепсе, узнав, что он, их ученик, находится теперь рядом с Лениным! Ведь от них он впервые узнал о Ленине и Стучке. Они ему давали брошюры и размноженные на гектографе статьи, идеи которых стали программой его жизни...

Дальнейшее развитие революции требовало всестороннего усиления партийного руководства массами. В районах создавались профессиональные союзы, и партия направляла туда самых авторитетных среди рабочих партийцев. Большевики Петроградской стороны избирают Лепсе, Веселова, Лебедева, Иванова на делегатское собрание членов профессионального союза металлистов Петрограда, которое состоялось в мае в зале Капеллы на Мейке. Их выдвигают там в правление организуемого союза.

С 21 июня И. И. Лепсе возглавляет Петроградское отделение союза. Районный штаб металлистов размещался в доме № 15-а по Гейслеровскому переулку. С 10 до 11 утра, с 6 и до 8 вечера ежедневно Лепсе вел здесь прием рабочих, обращавшихся к нему по самым разным вопросам. В комнате установили телефон. Набрал номер 46-04, любой заводской комитет мог связаться с председателем. Но большую часть своего рабочего дня Лепсе про-

водил на предприятиях Петроградской стороны, где размещались такие крупные заводы и фабрики, как «Вулкан», выпускавший двигатели, газовый, электромеханический, Щетинина, производивший аэропланы, Русского общества беспроволочного телеграфа и телефона, военно-врачебных заготовлений, а также бумагопрядильная фабрика, артиллерийский склад, трамвайный парк, на которых числилось около 25 тысяч рабочих. На большинстве из них постоянно возникали конфликты между рабочими и предпринимателями. Решать эти споры в пользу рабочих было задачей И. И. Лепсе. Ему также приходилось разрабатывать новые типы договоров и трудовых соглашений, бороться за улучшение быта и труда металлистов, вмешиваться в тарифную политику, навязываемую хозяевами предприятий, вести переговоры от лица рабочих, если те объявляли забастовку верным Временному правительству фабрикантам. Одновременно, выполняя указания Петербургского комитета, И. И. Лепсе старался спланировать вокруг большевистской партии широкие слои беспартийных рабочих, инженеров, мастеров и подмастерьев, в среду которых внедрялись и проводили свою политику меньшевики и эсеры.

Нагрузка казалась иногда просто непосильной. Лепсе появлялся в доме Зарина к полуночи, а уходил в шесть утра. Но при этом он всегда старался быть подтянутым. Ночью простирывал сорочки и выглаживал брюки, начищал до блеска обувь.

— И в таком джентльменском наряде ты идешь сейчас в душливые цеха? — с удивлением спросил как-то Карл, пока его супруга заворачивала уходившему на работу Лепсе бутерброд и вставляла в карман Янова пиджака накрахмаленный платочек.

— Представитель рабочих всегда должен быть аккуратным, Карл. Появляться среди рабочих в замасленной робе — это не по мне, тем более что я уже не стою за станком, а осуществляю их миссию, — ответил Ян.

Лепсе понимал: чтобы успешно осуществлять эту миссию, надо многое знать. Прежде всего — право и экономику. Он обращается к ленинским статьям, работам Плеханова, выступлениям Кони, берет за «Капитал» К. Маркса, чтобы досконально разобраться в законе прибавочной стоимости.

Когда у Лепсе не получалось что-то и складывалась острая ситуация не в пользу большевиков, он советовал-

ся с Н. М. Анцеловичем, председателем союза рабочих-электриков, М. И. Калинин и И. А. Рахьей.

...Однажды в поисках М. И. Калинина Лепсе пришел в ЦК. Нужен был дельный совет в решении одного трудового спора в филиале Трубочного завода на Петроградской стороне. Лепсе поднялся на верхний этаж и тут совершенно неожиданно для себя столкнулся в анфиладе комнат с Владимиром Ильичем.

— Товарищ Лепсе! Как ваши дела? Мне рассказывал товарищ Рахья, что вы теперь возглавляете у нас в районе отделение металлистов...

И. И. Лепсе познакомился с В. И. Лениным здесь, в ЦК, после одного из совещаний. Его представили Владимиру Ильичу товарищи, которые поддерживали от ЦК связь с Петроградской стороной.

... — Да, Владимир Ильич, избрали меня.

— Вот и хорошо. Как рабочие? Все ли они правильно понимают наши задачи? Поддержат ли нас в решающий момент?

— Боюсь сказать неправду, Владимир Ильич...

— Неправду говорить не надо. Это самое худшее, что может навредить партии.

— Рабочие рабочим рознь, — Лепсе решил воспользоваться таким удобным случаем, как встреча с Лениным, и сверить свою позицию с ленинской. — Если все они убеждены, что их социальные нужды и запросы решимы только при нашем политическом руководстве, что настоящей поддержки им ждать только с нашей стороны, то они, в свою очередь, всегда и повсеместно поддержат нас. В конце концов все они поймут, что только РСДРП(б) — это их партия.

В. И. Ленин выглядел утомленно. Усталость прорезала на его лице морщинки.

— Хорошо, если бы все поняли именно сейчас, — четко, не выдавая усталости, с присущей ему энергией, которая, казалось, концентрировалась в ударах, подчеркивавших значение слов, произнес Владимир Ильич. — Помните, товарищ Лепсе, это важно... Это архиважно!

Лепсе не решился тогда посвящать Владимира Ильича, который со свойственной ему тактичностью заинтересовался, что привело товарища Лепсе в Центральный Комитет, в конфликт в филиале Трубочного, считая, что си-

туация, из-за которой он оказался в тот момент в здании ЦК, не столь «архиважна» и носила текущий характер.

Когда Иван Иванович рассказал о своей встрече с В. И. Лениным Карлу Зарину, то тот удивился, как это Ян не расспросил Владимира Ильича о сложившейся в стране обстановке, о возможности смены Временного правительства большевистским...

— Ты читаешь ленинские работы? Читаешь! Ты так же, как и я, слушал Владимира Ильича! — воскликнул Лепсе, словно его задела за живое. — Зачем было мне говорить об этом с Лениным? Если бы я затеял этот разговор, то он меня просто посчитал бы политически необразованным руководителем. Ведь все, чем ты, Карл, интересуешься, написано в его работах, сказано многократно им в его же выступлениях. Не сердись на меня, Карл, я не считаю, что нужно задавать человеку вопросы, которые им прекрасно разъяснены в печати... Это уже выглядело бы заискивающе, а попросту — подхалимажем.

— Не прав ты, Ян.

— Это твоё мнение, — впервые разгорячился Иван Иванович. — Если, будучи в подполье, я, недопонимая слов Ленина, Стучки, которых я никогда до Петрограда не видел, искал бы только возможность с ними встретиться, чтобы уяснить, как ты говоришь, моменты, то мне как революционеру грош цена... Партия тем и сильна, что в ней есть дисциплина, исполнительность, культура в отношениях, доверие, самостоятельность...

— Не надо пропаганды, Ян. Я тоже большевик...

— Если большевик, то будь образованным и не задавай ерундовых вопросов...

В канун Октябрьского вооруженного восстания И. И. Лепсе усиленно ведет пропагандистскую работу, находясь постоянно среди металлистов, солдат и юнкеров, обучавшихся в Петропавловском и Владимирском училищах здесь, на Петроградской стороне. Выступая на митингах, он всегда приводил высказывания Владимира Ильича о революции, об участии в ней пролетарских масс, о роли Советов.

25 октября 1917 года в печати появилось обращение петроградских металлистов: «Товарищи! Небывало грозный час переживает революционная Россия. Браги трудящихся, единые в своей ненависти к освобожденному на-

роду, перешли от словесной травли рабочих и солдат к вооруженному нападению на организации революционной демократии. Рукой контрреволюционеров разогнан Калужский Совет. Во главе этой контрреволюционной деятельности стало Временное правительство во главе с Керенским. Революция в опасности. Спасти ее и страну может единение революционной демократии. Перед лицом этой опасности Центральное правление Союза металлистов призывает всех своих членов сомкнуть ряды под флагом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и быть готовым в каждый момент поддержать его». Под этим воззванием стояла и подпись И. И. Лепсе.

На Петроградской стороне был создан районный революционный штаб, руководивший военизированными отрядами рабочих, перешедших на сторону большевиков солдат. Красная гвардия Петроградской стороны была одной из самых многочисленных в те дни. Только рабочих насчитывалась в ней около трех тысяч. Во главе штаба стояли К. Н. Блохин, М. К. Тер-Арутюнянц, И. И. Лепсе.

Красногвардейцы Петроградской стороны вели охрану Троицкого моста, участвовали в штурме Зимнего.

И. И. Лепсе обеспечивал на своем участке выполнение разработанной Военно-революционным комитетом операции взятия главной цитадели Временного правительства, готовил и отвечал за резерв, вводя все новые и новые силы при ликвидации юнкерских засад у дворца.

В первые дни после Октябрьского вооруженного восстания металлисты Петроградской стороны вместе с другими рабочими Петрограда и латышскими стрелками несли охрану кабинета В. И. Ленина в Смольном. И. И. Лепсе часто встречался с Ф. Э. Дзержинским, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным, П. И. Стучкой, выполнял их конкретные задания и поручения.

Лепсе считал себя военнообязанным революции. Если, идя по Петрограду даже с женой, он оказывался свидетелем перестрелки, а они часто возникали между рабочим патрулем, чекистами и бандитами или анархистами, устраивавшими нападения на продовольственные склады, учреждения Советской власти, он тут же бросался на помощь товарищам. «Он приказывал мне тогда его не ждать на улице, а немедленно идти домой, — вспоминала позже жена И. И. Лепсе Мария Лаврентьевна. — И за него я не боялась — стрелял он метко, с ходу, помогая чекистам в оцеплении кварталов и аресте погромщиков».

...Они поженились в 1917-м, а познакомились значительно раньше, когда И. И. Лепсе лежал в госпитале. Мария Лаврентьевна, до замужества Григорьева, приходила в госпиталь от Красного Креста и ухаживала за ранеными. Она окончила Бестужевские курсы. Когда после Февральской революции не могла найти работу, зашла на биржу труда. В тот день там находился Лепсе, к которому ей и посоветовали обратиться. И. И. Лепсе представлял на бирже городской союз рабочих-металлистов, заведовал отделом по найму и распределению рабочих.

Когда Мария зашла в кабинет, то даже воскликнула от неожиданности — перед ней был тот самый Лепсе, которого она выходила! Иван Иванович также узнал свою «нянюшку». Выслушав ее, он стал думать, где бы ей найти подходящее место. Но именно тогда у него ничего не было на примете, а отказать Марии, казалось ему, было бы бесчеловечно. Вот и решил он, скрыв от нее правду, взять ее якобы своим помощником по учету на полставки, выплачивая ей зарплату из своего личного бюджета, пока не освободится где-нибудь место. Только потом Мария узнала об этом, когда стала его женой.

С началом гражданской войны И. И. Лепсе формирует вооруженные отряды металлистов для защиты Петрограда, ведет напряженную работу в городском комитете профсоюза рабочих-металлистов, секретарем которого был избран. Тогда, в условиях саботажа и голода, он заостряет внимание профессионального союза на проведении учета всех петроградских рабочих.

— Мы должны провести грань между трудящимися и эксплуататорами. Всех буржуев заставить работать, — говорил он на заседании городского комитета. — Что касается учета металлистов, то необходимо в ближайшие дни разрешить вопросы: квартирный, продовольственный и освобождения квалифицированных рабочих от призыва, также воспретить переход с завода на завод без ведома учетного отдела союза и выезд из Петрограда.

Спустя несколько дней на заводах Петрограда были распространены и расклеены на тумбах, установленных на улицах города, листовки с обращением Петроградского комитета союза рабочих-металлистов:

«Товарищи металлисты! — говорилось в обращении. — В грозу и бурю мы строим свою новую, социалистическую

жизнь... Наша судьба теперь в наших руках... Но мало нас, металлистов, стало в Петрограде.

Одни погибли в боях за свободу, другие ушли на фронт, третьи оставили красную столицу во время эвакуации, четвертые разбрелись по всей стране за хлебом...

Вспомните, что железо лежит в основе хозяйственной и боевой жизни. Вспомните, что помочь нашим братьям, отражающим с гневным ужасом атаки империалистов на всех фронтах, что помочь им мы можем только сталью и железом — пушками, ружьями и снарядами.

Вспомните, что отправить военные снаряды на фронт можно только по стальным рельсам на железных паровозах.

Нам нужно узнать, сколько нас и что мы можем сделать своими питерскими руками.

Но если борьба с империализмом потребует, мы крикнем вам: к станкам и сверлам, к молоту и подпилку, товарищи, отечество в опасности, на помощь!

Все, как один, на учет!

Все, как один, на защиту Социалистической России!»

В январе 1919 года И. И. Лепсе вместе с рабочими-металлистами отправляется на оборону Петрограда. Он комиссар, член революционного совета 7-й армии. И. И. Лепсе умело проводит политическую работу среди солдат, показывает им пример личного героизма и отваги в борьбе с интервентами и контрреволюцией. В рукопашных схватках с белогвардейцами он бесстрашен. Это видят красные бойцы — они смело идут за Лепсе, за своим комиссаром, в бой...

С 14 июля 1919 года И. И. Лепсе переводят в 10-ю дивизию, под Псков. Он сменяет военкома Я. Ф. Фабрициуса, которого срочно перебрасывают на разгром кавалерийского корпуса генерала Мамонтова, прорвавшегося в тыл Красной Армии. Ян Фрицевич передает своему земляку карту с коррективами намечавшихся операций против войск Юденича. И. И. Лепсе и Я. Ф. Фабрициус обменялись при встрече приветствиями по-латышски. Им очень хотелось поговорить друг с другом на родном языке, который не забыли и в котором для стоявших с ними рядом боевых товарищей было так много знакомых слов: «революция», «Ленин», «Смольный», «Питер»... Ян Фабрициус подарил Лепсе новенькую красную звездочку: «Пусть будет от меня тебе память». Для Лепсе это было

вроде именной награды. Это было признание его авторитета в глазах легендарного военкома, который фактически оставлял его вместо себя в 10-й прославленной дивизии.

Вскоре реввоенсовету стало известно, что в войсках Юденича, стоявших под Псковом, начало шириться недовольство действиями Антанты. Командование Красной Армии решило воспользоваться этим и поручает И. И. Лепсе отправиться в качестве парламентаря к представителям ставки генерала Юденича.

...И. И. Лепсе выходит на позиции противника с парламентарским флажком. Его держат под прицелом белогвардейцы, засевающие в окопах, но он проявляет выдержку, самообладание, бесстрашие и хладнокровие, переходя установившуюся между армиями линию. Белогвардейцы не сразу свели его со своим командованием. Они завязали ему глаза, усадили в автомобиль, который «долго петлял по ухабам», и только потом доставили в штаб. Там со стороны «юденичей» разговор был жестким и коротким: никакой сдачи позиций, пусть это даже и будет стоить больших жертв. Но Лепсе все-таки удалось, несмотря на ультиматум, добиться кое-чего. В частности, был решен вопрос об обмене военнопленными.

В июне 1920 года И. И. Лепсе срочно отзывают в Петроград. В Питере готовились к встрече делегатов II конгресса Коммунистического Интернационала. Город расцвел кумачом флагов и транспарантов. Почти на всех площадях возводились помосты для выступлений, устанавливались стенды, наглядно отображавшие трудовые успехи петроградцев. Огромные полотна с изображением рабочих, державших в руках фанфары, украсили фасад Дворца имени М. С. Урицкого. Все это и увидел Лепсе, вернувшийся только что с Польского фронта в полном армейском обмундировании. Лепсе медленно шагал по пустынным улицам, не горбясь, хотя на него давила усталость, в полный рост, словно вел за собой вверенный ему стрелковый полк, успевший уже отмерить за день с десяток пыльных верст. Находясь еще в поезде, барабанившем по стыкам рельсов своими многопудовыми башмаками, отчего и сейчас в ушах не стихал гул (шумит, будто к ним прижаты морские рапаны), он мечтал только об одном — быстрее добраться домой, выпить настоящего горячего чая и сразу же прилечь отдохнуть в тиши-

не. Ведь к трем часам дня он должен быть при всем параде у Н. М. Анцеловича, вызвавшего его с фронта по линии ЦК.

Вот и Красная улица, дом, в который он вселился два года назад, но так еще и не обился в нем — сразу на фронт. Лепсе взбежал по лестнице на свой этаж. Мария уже проснулась. Он услышал у двери ее шаги. Иван Иванович постучал в дверь привычной ему морзянкой: «Этот я». Он не виделся с Марией с января 1919-го. Только переписывался с нею. Из писем он знал, что она помогала фронту — выезжала с продотрядом в Бузулук.

...Ровно в три часа дня Лепсе был во Дворце труда. Он вошел в комнату председателя Петроградского губернского совета профессиональных союзов Н. М. Анцеловича, с нетерпением ожидавшего его и не принимавшегося посему ни за какие другие дела, хотя их, судя по карандашным записям на сером листке бумаги, лежавшем на столе, на что Лепсе сразу обратил внимание, было больше чем достаточно. Анцелович, как и вошедший к нему Лепсе, был в армейской форме.

— Ну, Иван... Просто молодцом выглядишь. Как ты вытянулся. Батюшка мой, да ты же здорово успел полысеть...

— Ума, значит, прибавилось, — пошутил Лепсе.

Анцелович и Лепсе по-приятельски обнялись. Они так долго не виделись! Наум Маркович вернулся с Южного фронта, где был заместителем начальника политотдела реввоенсовета. От Н. М. Анцеловича военком Лепсе узнал о трагической гибели Александра Касторовича Скороходова, их друга по Петроградской стороне. Александра Касторовича расстреляли петлюровцы год назад под Жмеринкой, на Украине, где он был в составе продовольственного отряда.

— Печально, Иван, что мы потеряли Скороходова. Его очень любил Владимир Ильич... — продолжал Анцелович. — Теперь, раз мы живы, будем продолжать и дело Александра... Не догадываешься, зачем тебя так срочно вызвали с фронта?

— Время тревожное. Контры еще достаточно...

— Ты прав. Тебе придется срочно возглавить один отряд. Правда, другого характера. Будучи в Москве, я разговаривал с Дзержинским, который, кстати, спрашивал о тебе. Феликс Эдмундович очень просил усилить охрану Ленина и делегатов конгресса. Возможны провокации, и допустить подобное, что произошло здесь, в Пи-

тере, первого января в восемнадцатом, ты знаешь, о чем идет речь, о попытке убить Владимира Ильича, будет непроспительным для нас и партии. Конгресс должен пройти без срывов и жертв. Сейчас в Петрограде уже работают чекисты, и им нужно надежное подкрепление. На тебя возлагается руководство отрядом металлистов, который собран и проинструктирован. Посмотри еще раз фамилии, проверь людей. Лично ты будешь на отдельных участках сопровождать Владимира Ильича. В случае опасности стрелять без промедления. Вот план маршрутов и порядок работы конгресса. Запоминай...

Лепсе прошелся в тот же день примерным маршрутом, по которому ему поручено было сопровождать В. И. Ленина. Еще раз продумал, где выставить часовых, где надо быть наготове. Вечером он выгладил свой костюм, надел его и, пока Мария спустилась к подружке, несколько раз потренировался быстро вынуть из бокового кармана брюк, прикрываемого пиджаком, револьвер. Решил, что руки, чтобы не приковывать к себе внимания, лучше держать сзади, свободно и непринужденно.

— Ты завтра с утра уходишь? — спросила, вернувшись, Мария.

— Да! Иду встречать делегатов конгресса.

— Ленин тоже приезжает?

— Не знаю, Марусенька...

Настал день открытия конгресса. Площадь Восстания, прилегающая к Октябрьскому вокзалу, куда к девяти часам утра стекались колонны демонстрантов, ожила и наполнилась песнями. В ожидании московского поезда Лепсе в небольшой группе металлистов стоял на перроне.

Показался состав. Как только паровоз стал на парах замедлять ход, оркестр заиграл «Интернационал». Все бросились к головному вагону. Лепсе немедленно направил сопровождавших его райкомовцев к голове поезда, где уже успела образоваться довольно большая толпа. Сам же продолжал оставаться на месте. Благодаря своему росту он свободно просматривал перрон. Еще мгновение, и он сам чуть не подался вслед за толпой, но тут вдруг услышал знакомый голос:

— Товарищ Лепсе! Куда это вы?

Иван Иванович повернулся и увидел, что из тамбура вагона в середине поезда машет ему рукой Владимир Ильич Ленин. Поезд остановился. Из вагона вышли В. И. Ленин, М. И. Калинин...

— А почему это все побежали вперед? — поинтересовался Владимир Ильич.

— Подумали, что вы в первом вагоне, — смущенно пожал плечами Лепсе.

В. И. Ленин засмеялся, по ернул к членам ЦК и товарищам из Исполкома Коминтерна:

— Видите, думают, что раз Ленин, то, значит, впереди должен ехать. Вот логика!

Тем временем Владимира Ильича уже окружили встречавшие его товарищи из Петроградского горкома партии, представители общественности.

К 12 часам дня рабочие-питерцы и делегаты ждали Владимира Ильича у Дворца имени М. С. Урицкого. И как только Владимир Ильич подошел к центральному входу, ему вручили пышный букет роз. Ильичу стало неловко, и он, это ощущалось, не знал, что делать с букетом. Будь рядом Мария Ильинична или Надежда Константиновна — все бы решилось просто: передал бы им цветы. Но их не было. Владимир Ильич, неуклюже прижав к себе розы, застенчиво улыбнулся и от всей души поблагодарил товарищей.

На заседании, а оно проходило в Большом зале, В. И. Ленин выступил с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала.

В тот же день Владимир Ильич побывал на Петроградской стороне и посетил там дом отдыха рабочих. Вместе с делегатами конгресса он участвовал в шествии на площадь Жертв Революции (Марсово поле), где были возложены венки на могилы павших борцов, выступил с речью на митинге, посвященном закладке памятника К. Либкнехту и Р. Люксембург на Дворцовой площади.

Иван Иванович пришел домой только под утро. Сразу же после проводов Владимира Ильича, отбывшего в Москву вечерним поездом, и торжество, устроенных в честь делегатов, Лепсе и другие профсоюзные работники, выполнявшие задание ЦК, собрались во Дворце труда, чтобы подвести итоги.

Самыми напряженными для них были часы, когда Ильич находился в тесном людском потоке, заполнявшем мостовую, ведущую к Гаврическому. Лепсе был от Ильича в каких-то полутора метрах. Он шел руки за спину, в черном костюме и белой рубашке, при галстукке. Кистью правой руки он ощущал револьвер, спрятанный в боковом кармане брюк. Прикрывая В. И. Ленина справа, он

одновременно старался просматривать по ходу шестивая левую сторону улицы, где толпой стояли горожане.

Еще не дожидаясь окончания церемонии на площади Жертв Революции, Иван Иванович поспешил на Петроградскую сторону, чтобы проверить рабочий пагрудь на Большом и Кронверкском проспектах и примыкающих к ним переулках. Его беспокоило: все ли на месте, нужна ли помощь?

На углу Кронверкского, в тени бывшего особняка Кшесинской, Лепсе приметил довольно неуклюже прохаживающегося молодого человека. Он шел скованным шагом, держа, как и Лепсе, руки за спиной. Парень вызвал подозрение у Лепсе:

— Не меня ли вы ожидаете, товарищ?

— Вас, товарищ Лепсе! — не растерялся парень. — Я Семенов. Со «Шредера». Не узнаете?!

Лепсе лукаво улыбнулся, чувствуя, что попал впросак. И тут же, не подавая виду, все-таки решил навести справки — ведь он его и не помнит:

— А откуда вы знаете, что я буду именно здесь?

— Да я так вам ответил, Иван Иванович... Поручили мне. Сказали: приказ Лепсе — не упускать из виду прохожих. Вот я и держу под «прицелом» каждого. Вас я давно заметил. Думаю, подойдете ли вы?

— Как видите, подошел. — Лепсе ничего не оставалось делать, только схитрить. И, поблагодарив парня за службу, он спросил его: — А где еще наши товарищи? Или вы один?

— Вот они. — Семенов показал рукой на противоположную сторону, где Лепсе увидел своих старых друзей с «Лангеншпенна», «Деки» и газового завода, с «Лоренца».

Лепсе не выдержал и рассмеялся: «Вот что значит перестраховаться. Но это к лучшему».

С переездом в Москву президиума Всероссийского союза рабочих-металлистов и руководства Всероссийского совета профессиональных союзов во главе с В. В. Шмидтом, наркомом труда, Наум Маркович Анцелович и Иван Иванович Лепсе оставались в Петрограде практически самыми авторитетными лидерами профессионального рабочего движения. Лепсе являлся председателем Петроград-

ского комитета союза рабочих-металлистов. Он сменил на этом посту А. Г. Шляпникова.

Н. М. Анцелович и И. И. Лепсе стремились поддерживать в партийных и беспартийных массах тот революционный дух, тот напряженный трудовой ритм и ту атмосферу, которые сложились с первых дней победы Октября и сделали Питер форпостом пролетариата. Но осуществлять это в трудном, тяжелом, голодном 1920 году было, откровенно говоря, нелегко. Старые формы и методы профсоюзной работы не устраивали рабочих, вернувшихся к растерзаным станкам и потухшим мартемам. В Петрограде и Москве, в других промышленных городах на собраниях в фабрично-заводских коллективах начались разногласия по поводу роли и задач профсоюзных комитетов. Поводом служили статьи и выступления в печати и на собраниях Троцкого, Шляпникова, Бухарина. В профсоюзах образовались мешавшие делу группировки: сапроновская — «демократического централизма», шляпниковская — «рабочая оппозиция» и бухаринская — «буферная, нейтральная». Общим для них было неверие в успех строительства социализма.

Троцкисты, навязывавшие партии дискуссию о профсоюзах, ратовали за огосударствление профессиональных союзов, превращение их в придаток государственного аппарата, что вело бы к подрыву пролетарской диктатуры. Особую опасность среди группировок представляла «рабочая оппозиция». Она требовала передачи управления народным хозяйством так называемому «всероссийскому съезду производителей», противопоставляя профсоюзы Советскому государству и РКП(б) — ленинской партии, которая повела рабочих, крестьян, солдат, интеллигенцию на свержение царизма, осуществила революцию, сформулировала программу создания нового общества без эксплуатации и эксплуататоров.

Все это и пытался растолковать Лепсе в пылу жарких споров на ряде предприятий Петрограда, куда проникли приверженцы Шляпникова. Именно тогда родилась у Лепсе идея вывешивать в цехах, фабрично-заводских комитетах написанные краской от руки плакаты с ленинскими высказываниями о профсоюзах. Он снова, в который раз, перечитал лежавшие у него на столе «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме», выступление Владимира Ильича на II съезде профсоюзов, выписывал яркие, по его мнению, цитаты. Размноженные им на машинке тексты цитат он передавал в рабочие коллективы. Они служили лозун-

гами в организованной им борьбе против шляпниковской «оппозиции». Несколько плакатов Лепсе подготовил сам и отнес на те заводы, в те мастерские, где, по словам председателей профкомов, якобы «не было ни бумаги, ни красок и некому было писать...». Терять время было нельзя. Если не появится сегодня на дверях завкома ленинский лозунг, то завтра на его месте будет висеть призыв оппозиционеров.

Буквально за считанные дни по призыву Лепсе металлисты, поддерживавшие платформу В. И. Ленина, оформили у себя красные уголки. Ленинские обращения можно было увидеть повсюду в заводских районах — на щитах, рекламных тумбах, стенах в цехах и в нарядных, на заборах... «...Если мы не превратим профессиональные союзы в органы воспитания вдесятеро более широких масс, чем теперь, для непосредственного участия в управлении государством, — тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца» — было, например, написано яркой красной краской на одном из плакатов. Под каждой цитатой крупными буквами было выведено: ЛЕНИН.

В период подготовки к X съезду РКП(б), где одним из вопросов намечено было обсудить задачи и роль профессиональных союзов, большевики-металлисты Питера избирают И. И. Лепсе своим делегатом. Он готовится выступить на съезде и дать там в конце концов, как он часто повторял, открытый бой Шляпникову. Лепсе вооружался фактами. Иван Иванович проводил обстоятельный сравнительный анализ того, насколько сильнее и действеннее сработали за два последних года профсоюзные организации Путиловского, Металлического, Трубочного заводов, «Лоренца», «Вулкана», «Феникса» и других, где руководство профсоюзов следовало ленинским принципам, и как слабы и дезорганизованы на их фоне те фабрично-заводские комитеты, чье руководство пыталось самоуправно командовать производством. Уже был исписан блокнот, подготовлен конспект выступления... и вдруг в Петроград поступает тревожный сигнал: на собрании командующего состава линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» с участием эсеров и анархистов принята резолюция с требованием не подчиняться больше правительству большевиков: «Вся власть Советам, а не партиям!» «Советы без коммунистов!»

События в Кронштадте разворачивались молниеносно. Более десяти тысяч матросов и солдат на острове Котлин, подогретенные провокаторами, перешли на сторону «Временного революционного комитета» во главе с эсером Петриченко. Комиссара Н. Н. Кузьмина, председателя Кронштадтского Совета П. Д. Васильева и защищавших их матросов-большевиков арестовали и бросили в тюрьму. В открытых водах Финского залива, где не было льда, сосредоточивались английские корабли, которые готовились оказать помощь мятежникам.

В партийных и военных организациях Питера срочно началось формирование отрядов. Город и губерния были объявлены постановлением Совета Труда и Оборона РСФСР на осадном положении. Восстанавливалась 7-я армия. В этих условиях Лепсе как военный комиссар считает своим прямым долгом быть мобилизованным. Он рвется к М. Н. Тухачевскому, которому была поручена ликвидация контрреволюционных выступлений, спровоцированных и поддерживаемых белой эмиграцией.

... — Нет, Мария, не могу я поехать в Москву... Не уговаривай, — спешно надевая армейскую форму, отвечал он жене, которая со слезами на глазах стояла перед ним. — Мне Юкка * не простил бы. Посчитал бы меня отныне не своим другом.

— Ваня, но тебя же впервые избрали делегатом на партийный съезд... И пойми меня, я скоро должна стать матерью, а ты — отцом. Ванюша, родненький, тебя же не призывают. Без тебя обойдутся, Ванечка. Ты же сам говоришь, что наша армия теперь сильна, что в Петроград срочно перебрасывают войска из Сибири...

— Мария, ну пойми теперь ты меня. — Лепсе тронули слезы жены, которая никогда так не плакала, он старался говорить ласково, чтобы успокоить ее. — Ведь гибель Юкки, которого мы так любили с тобой, и на моей совести. Если мы не уберегли его, то обязаны искупить кровью — спасти его дело. Подумай сама, моя милая, родная Марусенька: он поднимал кронштадтцев против самодержавия, теперь какая-то сволочь поднимает их против нас. Там арестовано около полутысячи большевиков, у которых и семьи и дети... Ты понимаешь? Их могут расстрелять в любую минуту.

С Н. М. Анцеловичем, которому обязательно нужно

---

* Речь о И. А. Рахье, который был убит белогвардейцами в финском клубе Петрограда в конце августа 1920 года.

было ехать в Москву, Лепсе передает записку. Он пишет ее наскоро в квартире Наума Марковича, с которым пришел попрощаться. Через двадцать минут Лепсе отбывает в Ораниенбаум. Что сказать в записке? Может, то самое главное, о чем он все эти дни думал? Именно так и нужно — коротко и ясно, решает Лепсе: «В Бюро фракции РКП(б) ЦК союза металлистов. Прошу при голосовании по вопросу о роли и задачах профсоюзов считать меня за платформу Ленина. Высказываюсь за платформу, поддерживаемую т. Лениным, так как считаю эту платформу единственно правильно выражающей задачи профсоюзов».

8 марта 1921 года, когда открылся съезд и В. И. Ленин выступал с докладом, член реввоенсовета 7-й армии, комиссар штаба Южной группы войск И. И. Лепсе участвует в первом штурме фортов на Котлине.

У мятежников было до 140 орудий, свыше 100 пулеметов, которые они установили вдоль всего берега, заняв этим выгодную позицию. Они контролировали ледовое поле залива и рассчитывали на хрупкость мартовского льда, по которому трудно будет пройти красноармейцам. Действительно, солдаты и курсанты армии М. Н. Тухачевского при любой неточно предпринятой атаке могли оказаться под водой. Тем не менее командованию 7-й армии пришлось принять решение о начале штурма. Торопил наркомвоенмор Троцкий. Он считал: внезапность и большая масса красноармейцев, которая сосредоточилась по обе стороны Котлина, должны дать положительный результат. К съезду мятеж должен быть подавлен!

Когда бойцам была дана команда подготовить снаряжение — подбить ботинки и сапоги подковками «на шипах», взять ведущим веревки и доски, облачиться всем в халаты, которые пошили из белых простыней петроградские девчата, М. Н. Тухачевский обратил внимание комиссара на важность моральной подготовки вновь прибывших солдат. Лепсе отправляется на встречу с вверенным ему отрядом. Но что это? Неужели померещилось? Нет! Да и вправду: в строю он видит Ивана Крынкина!

После того как была дана команда разойтись, Лепсе и Крынкин поспешили друг другу навстречу.

— Спасибо вам, Ян Янович, что спасли мне жизнь. Если бы вы не вытащили меня тогда с поля боя и не

поместили в госпиталь под своей фамилией, помер бы от раны...

— Вот видишь, Иван, говорил тебе, что жить будешь. Так оно и есть! — Лепсе крепко обнял Крынкина.

— А я думаю, вы или не вы? Вроде бы вы — Лепсе, но почему-то представил вас нам товарищ Седакин не Яном Яновичем, а Иваном Ивановичем.

И Лепсе рассказал Крынкину, как он очутился в Петрограде, как с получением нового паспорта решил изменить свое имя и отчество.

...Сигнал к наступлению дали под утро. Расчет был на крепкий сон оборонявших форты матросов, бодрствовавших весь день. К отряду красноармейцев подключились кронштадтцы-большевики, которым в начале мятежа удалось по льду уйти в Ораниенбаум. Они и повели группы десантников. Ослепительный нож прожектора заставил отряды прижаться к жгучему от мороза льду залива, под утро напоминавшему заиндевевое озимое поле, ровное, притрушенное слегка снежком.

— Ползком! — скомандовал Лепсе. — Смелее, товарищи! Всем за мной... — И комиссар, когда прожектор удалялся в сторону, буквально скользил, вшиваясь для опоры пальцами рук в снежную корку льда, подавая пример следовавшим за ним бойцам.

Оставалось всего лишь несколько метров до острова. Только бы ступить на берег, а там хватит сил... Однако мятежники, подпустив полки поближе, стали взламывать своей артиллерией лед.

Один из снарядов разорвался в метрах десяти от Лепсе. Раскололся лед, и Лепсе оказался в воде, как и многие из его отряда.

— Ян, держи... — Крынкин бросил ему тут же доску, которую он успел привязать к себе веревкой.

Лепсе тянуло в глубь мутной бездны. Он пытался выкарабкаться на крепкий лед, обхватив доску, которая была ему спасательным кругом. Комиссар понимал, если он не выберется из воды и не окажет помощь другим товарищам, разбредется отряд. Потом его будет трудно собрать и подготовить психологически к новой атаке. Пока отряд мобилизован, считал Лепсе, он полон решимости. Лепсе что было сил обхватил снова доску, злостно ругаясь по-латышски, сетуя на неудачный штурм, и пытался держаться теперь только на плаву...

— Крепче держась! — кричал ему Крынкин, который

с помощью оказавшегося рядом красноармейца наконец вытянул полуокоченевшего комиссара.

Артострел продолжался. С берега раздавался треск пулемета. Видя безнадежность в продолжении наступления, комиссар, чтобы сохранить отряд, приказывает всем повернуть на юго-запад и, обвязавшись веревками, как альпинисты, идти в «одной связке».

Провал штурма рассматривался в штабах Северной и Южной групп. Причин было несколько. Спешность операции, недооценка сил мятежников, недостаточная выучка красноармейцев в условиях ночного ведения ледового боя.

С прибытием в Южную группу делегатов X съезда партии, а это были в основном бывалые фронтовики, обстановка в полках значительно улучшилась. Из Москвы пришла депеша о перестановках в армии, формировании новых отрядов. Со дня на день ждали подкрепления.

К 16 марта, когда начался вторично штурм Котлина, в 7-й армии насчитывалось уже до 45 тысяч солдат и матросов, достаточно подготовленных к ледовым сражениям, более 150 орудий и 400 пулеметов. С участием таких талантливых красных командиров, как А. И. Седякин, П. Е. Дыбенко, Я. Ф. Фабрициус, И. В. Тюленев, И. С. Конев, комиссаров К. Е. Ворошилова, И. И. Лепсе, А. С. Бубнова, Ю. Л. Милейковского, армия М. Н. Тухачевского подавила контрреволюционный мятеж.

За проявленный героизм многие участники штурма были удостоены самой высокой награды — ордена Красного Знамени. Среди награжденных был и Иван Иванович Лепсе.

По возвращении в Петроград И. И. Лепсе продолжает работать в Петроградском комитете союза металлистов, а в октябре решением Политбюро ЦК РКП(б) его вызывают в Москву. Работая на посту председателя ЦК ВСРМ, И. И. Лепсе настойчиво вводил ленинский стиль руководства. Он давал конкретные деловые рекомендации профсоюзным активистам, обращавшимся к нему за советом. «Приказать, отдать распоряжение, подтянуть — это не мудрено, — говорил им И. И. Лепсе, — но вы постарайтесь разъяснить сегодня людям, а главное — суметь их убедить...» Профсоюз еще лихорадило. На местах, в глубинке, еще действовали сторонники Шляцникова. Борьба за воспитание нового рабочего должна выражаться в идейной силе профсоюзных комитетов.

часто повторял Лепсе. Это было его кредо. Он выезжает на Урал, в Донбасс, Екатеринослав, Нижний Новгород... Встречается с рабочими у станков, мартепов, в шахтах, на строительстве электростанций. По его предложению многие ремонтные мастерские реконструируют в заводы по выпуску деталей к тракторам и автомашинам. Его идеей было и создание в городах Домов техники. При нем стал выпускаться журнал «Техника и металлист», на страницах которого популяризировался опыт лучших мастеров, пропагандировались новые знания в области технологии, прогрессивные методы труда, рассказывалось о достижениях науки и техники в стране и за рубежом.

В 1922 году И. И. Лепсе выезжает в составе советской делегации в Гаагу на Конгресс мира, участвует в заседаниях Англо-русского комитета единства, а в 1925 году возглавляет делегацию ВЦСПС в Китай и Японию. Как представитель СССР И. И. Лепсе участвует в экономической конференции, созванной Лигой Наций.

На XI и XII съездах партии И. И. Лепсе избирается кандидатом в члены ЦК, а на XIII, XIV, XV — членом Центрального Комитета ВКП(б).

Лепсе ушел из жизни неожиданно. Он скончался после операции 6 октября 1929 года. Его похоронили у Кремлевской стены. «Товарищ Лепсе, — писал Михаил Иванович Калинин в газете «Труд», — сделал очень много для подведения металлургической базы под социалистическое здание. Память о нем будет... долго жить среди строителей нового коммунистического общества».

...Именем И. И. Лепсе названы производственное объединение, заводы, улицы, ледакол...

Василий Георгиевич КЛОЧКОВ

...Зима 1941 года.

Берлин. Сюда спешат реляции, что армии группы «Центр» всего в 90 километрах от советской столицы.

Москва. Телефонный разговор Сталина с Жуковым: «Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист».

Разъезд Дубосеково. Здесь один из миллионов тех, кому надлежало дать ответ, — политрук-панфиловец Василий Георгиевич Ключков. И он дал его вместе со своими 27 соратниками по бою. Двадцать восемь советских людей против 50 танков и десятков автоматчиков. Против бронированной армады — винтовки, несколько ПТР и гранаты. Но в боевой арсенал надежно вошли Слово и Пример Коммуниста. На всю страну прозвучало тогда: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва».

Всего 30 лет прожил легендарный политрук.

Что же помогло ему обрести себя для бессмертного подвига? И как он шел к нему?..

22 июня 1941 года. 3 часа 30 минут утра. Это уже война...

Но сколько же тысяч человек в Алма-Ате и во Фрунзе, в пригородах и в неподалеку лежащих областях или на Алтае и думать не думают, что с этого часа каждый из них и все они вместе — панфиловцы. Кто где в это воскресное утро солдаты, командиры и политработники еще не существующей 316-й стрелковой дивизии. Будущий комдив — в Москве. Но он срочно вызван в Нарко-

мат обороны. Будущий ротный политрук безмятежно дышает.

Из воспоминаний его жены Нины Георгиевны Ключковой:

— Утро мы с Васей провели в горах. Хорошо было... Но когда возвращались, увидели толпы людей у столбов с репродукторами. Они слушали передачу. Вася не вытерпел, побежал вперед. Когда я подошла, он сказал: «Нинок, вот гад Гитлер, все же напал на нашу страну». Как вздрогнуло мое сердце! Я ведь понимала: Василий молод, к тому же коммунист, он пойдет одним из первых.

Так было везде. Толпы у уличных радиорепродукторов, очереди в военкоматах, переполненные партийные и комсомольские райкомы...

Огромная страна, разве забыть слова из песни-гимна самых первых дней войны, вставала на смертный бой...

— Он несколько раз ходил в военкомат, все просил о призыве, — продолжает свои воспоминания Н. Г. Ключкова.

Но почти полмесяца продолжал оставаться гражданским человеком. Все в сердце раскалывалось надвое: он рвется в армию, на фронт, а приходится, как и раньше, заниматься будничными делами. Он по-прежнему первый заместитель управляющего трестом столовых и ресторанов в столице Казахстана. Обидно — тыловик...

4 июля 1941 года наконец-то получает повестку.

В тот день сводка Советского информационного бюро сообщала: «В течение всего дня ... шли ожесточенные бои на Двинском, Бобруйском и Тернопольском направлениях». Эти направления тянулись в глубь страны... Накануне Ключков слушал по радио речь И. В. Сталина. В выступлении слышались отзвуки знаменитого ленинского воззвания «Социалистическое отечество в опасности!». Призыв партии «Все для фронта! Все для победы!» стал отныне главным.

Рекомендация горкома партии была немногословна: «Политически подготовлен. Использовать политруком стрелковой роты». Что же дальше? Четко жизнь Ключкова определилась, по всей вероятности, лишь 12 июля, в этот день был отдан приказ военного совета Средне-Азиатского военного округа о формировании в Алма-Ате 316-й стрелковой дивизии. 14 июля комдив И. В. Панфилов подписал первый приказ.

Дивизия комплектовалась двумя соседними республиками — Киргизией и Казахстаном. Ее костяк — тысяча

коммунистов. В ряды дивизии влились представители 30 национальностей. «Такую полнокровную дивизию — и по численности, и по обеспечению — мы давно не видели. Командиры подобрались крепкие, а политработники выдвинуты из партийного и советского актива Казахской ССР», — вспоминал К. К. Рокоссовский.

Еще свидетельства, помогающие увидеть Ключкова в эту пору начала его армейской жизни.

Из воспоминаний матери Анастасии Михайловны: «А когда фашистские разбойники на нашу страну напали, он сразу вступил в дивизию к генералу Панфилову. Он написал нам: «Обещаю вам, дорогие мои, что в боях не посрамлю рода Ключковых».

15 июля. В. Г. Ключков в группе других мобилизованных прибывает в расположение своей дивизии.

16 июля. Состоялось назначение политрука 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка. В. Г. Ключков утвержден в этой должности приказом 00269 штаба округа.

Некоторые события, связанные с этим приказом, хорошо запомнились Малику Габдуллину, будущему Герою Советского Союза, а тогда такому же, как и Ключков, повоиспеченному политработнику: «В этот день ряд коммунистов — Василий Ключков, Манап Мусин, Балтабек Джетпыспаев, Алексей Кириллов, Касым Шарипов, Хайрулла Кадыров и другие были назначены политруками подразделений. Перед нами выступил командир полка полковник Капров и комиссар полка старший политрук Мухамедьяров. Они говорили о конкретных задачах полка, подчеркивали, что мы должны в короткий срок добиться отличных результатов в боевой и политической подготовке личного состава».

Волнуясь, ждал Ключков первой встречи с командиром роты. Комроты на десять лет старше политрука, коммунист, родом из Белоруссии и по национальности белорус. Есть основания считать, что они были знакомы или по крайней мере слышаны друг о друге. Павел Гундилович был призван в армию с поста директора пригородного виноградно-винодельческого совхоза, составлявшего свою продукцию в трест столовых и ресторанов, где работал Ключков.

Приятный неожиданностью оказалось и то обстоятельство, что в батальоне и роте было много земляков. Как много тогда значило землячество! Недаром почти любая солдатская встреча в годы войны начиналась с вопроса:

«Не земляк ли?» Землячество сближало, радовало, согревало. Комбат Иван Иванович Райкин был даже дважды земляк: родился в Пензе, где когда-то довелось работать Ключкову, а командирское училище окончил в Саратове, на земле, где родился политрук. Было, наверное, о чем повспоминать... Командир дивизии И. В. Панфилов и командир полка И. В. Капров тоже земляки, саратовские. Гавриил Степанович Митин и Петр Кузьмич Емцов — уроженцы Локтевского района, того самого, где прожил отроческие годы Ключков.

Кто есть и, выражаясь старинным штилем, откуда пошел герой нашего очерка.

Время и место рождения — 8 марта 1911 года, село Синодское Вольского уезда Саратовской губернии.

Социальное происхождение — из крестьян.

Отец Георгий Петрович Ключков, 1879 года рождения, умер от голода в 1921 году. Мать, Анастасия Михайловна, 1879 года рождения, — колхозница. Сестра Таисия — колхозница в Синодском. Брат Иван — инженер-химик в Ленинграде. Сестра Аня и ее муж строили Комсомольск-на-Амуре.

Образование — начальная школа, затем школа крестьянской молодежи, два курса вечернего Саратовского строительного техникума, неполных два курса заочного института на отделении литературы и русского языка и Всесоюзный заочный институт Наркомата торговли СССР.

Стаж работы — с 1921 года. Батрачонок, ученик счетовода, счетовод сельпо, заведующий избой-читальней (в 15 лет), продавец книжного магазина, бухгалтер, старший бухгалтер райберкасса и почты. Затем заводской финансист, торговый работник, управляющий городским общественным питанием, руководящий работник Наркомата торговли Казахстана и городского треста столовых и ресторанов.

Семейное положение — женат с 1934 года. Жена, Нина Георгиевна Ключкова, родилась в 1913 году в Пермской области, выросла на Алтае, закончила Омское медицинское училище, медсестра. Поженились в Пензе. Сын родился — умер тут же. Дочь родилась в 1938 году.

«Вот уже 4-й день нахожусь в части в должности политрука роты (3 кубика)», — не без гордости писал Ва-

силий Ключков в Комсомольск-на-Амуре своей сестре и ее мужу.

Дивизия создавалась и одновременно училась, готовилась к скорейшей отправке на фронт. С утра и до ночи — ни отдохнуть, ни перевести дух: прием новобранцев, обмундировка, выдача оружия, политзанятия... Почти каждое утро марш-броски в степные предгорья. Строевые занятия, учебные бои, походы, стрельбы, рытье окопов, бег в противогазах под палящим алма-атинским солнцем. До третьего пота, до изнеможения трудился каждый боец, а с ними и ничуть не меньше командиры и политруки. Генерал И. В. Панфилов был прав, часто повторяя старую солдатскую поговорку: «Тяжело в учении, легко в бою».

Однажды комдив заглянул туда, где занималась 4-я рота, отработавшая приемы штыкового боя. Комиссару Ахмеджану Латыповичу Мухамедьярову тот случай запомнился в подробностях:

«Генералу Панфилову не понравилось то обстоятельство, что бойцы и младшие командиры исполняли все приемы вяло, не стремительно и не очень точно. Тогда он подошел ближе и, выслушав рапорт командира взвода Джуры Ширматова, приказал подать команду бойцам «вольно», взял у правофлангового солдата винтовку и сам перед строем принял положение «смирно».

— Жду команды, товарищ командир взвода, — сказал он.

Ширматов вначале растерялся, но быстро пришел в себя и стал командовать.

Генерал Панфилов четко и очень красиво исполнил несколько приемов с винтовкой, энергично и стремительно действовал штыком».

Это был хороший урок и командиру роты, и политруку.

Когда воинская часть формируется, тут только мечтать приходится о свободном времени. Но была у Ключкова такая прекрасная особенность — добрая, участливая, сердечная забота о семье, о родных. Сейчас он мог выразить это только письмами. И он пишет их из армии часто и много. Письма чрезвычайно интересны и спустя вот уже столько десятилетий — они наполнены и подробностями воинской службы, и помогают проникнуть в его внутренний мир.

Из письма сестре Анне на Дальний Восток 19 июля: «Дома у нас остались одни женщины... Два остальных

своьяка призваны в один день вместе со мной, т. е. из одного (вероятно, пропуск слова «дома». — В. О.) — сразу 3-х... Дома теперь не тесно. Нина работает, зарабатывает 350 руб., да плюс я дал разрешение отчислять ей 300 руб. в месяц, которые она будет получать в райвоенкомате. Зарплата моя в армии будет 750 руб. в месяц».

Не забыла и мама. Он уже больше не свидится с ней: «Уговорились с Ниной, что ежемесячно она будет посылать в Синодское деньги. Матери мы помогаем».

Упомянул о брате, что жил в Ленинграде: «От Вани получил письмо, что собирается на фронт».

Здесь же о своей дальнейшей жизни: «На фронт предполагали недели через две-три, если не понадобится раньше». В самом конце письма приписка: «Алма-Ата живет спокойно».

Первое письмо жене и дочери. Нежностью и любовью пронизано оно: «Здравствуй, моя Нинуся и дорогая доченька Эличка! Уж больно я за вами соскучился... Пришли фото... Соскучился здорово... Подъемные еще не получил. Получу — вышлю... Целую вас с дочкой очень и очень крепко. Ваш папа».

Он очень скучает и, воспользовавшись тем, что учения проходят совсем рядом от города, просит жену: «Нина, желательнее, чтобы ты 23 июля в субботу на ночь приехала сюда. Пассажирская машина ходит несколько раз в день. 24 июля я тебя провожу... Можно приехать с Эличкой».

О своих политрукских делах, нетрудно заметить, в письмах почти ни слова. Но он и политрук всего-то пять дней. А все равно — забот и хлопот неопишемое множество. И. В. Панфилов, как вспоминал А. Л. Мухамедьяров, постоянно требовал улучшать работу партийно-политического аппарата, партийных и комсомольских организаций. И не только требовал. Сам много помогал. Любил бывать среди красноармейцев, находил для них доброе и откровенное слово, часто встречался с секретарями партийных и комсомольских организаций, с агитаторами, не говоря уже о комиссарах и политруках, приходил на собрания. Многому учил.

Политическая работа политических руководителей... Архивы, воспоминания помогли уяснить, как слаженно шел в те дни процесс рождения дивизии. Не все, правда, случалось гладко. Один из бойцов, к примеру, так рвался в бой, что взял и заявил: «Нечего тут зря время терять, учиться будем в бою. Война без нас кончится...»

Кое-кто не сразу привыкал к суровой дисциплине. Случилось и ЧП: один из новобранцев, баптист, отказался взять в руки оружие.

Из воспоминаний А. Л. Мухамедьярова: «Главным направлением воспитательной работы являлось: поднимать дух солдат, готовить их к защите Отечества от ненавистного врага, закалять в них чувство советского патриотизма, укреплять ненависть к фашизму. Объясняли бойцам характер войны, раскрывали причины успеха врага в первое время, помогали глубже понимать источники мощи социалистического общества».

События на фронтах подстегивали. Времени на формирование отпущено мало. Даже знакомство происходило на ходу. Комиссар полка откровенен в воспоминаниях, ничуть не приукрашивая первые свои впечатления о политруке 4-й роты: «Он показался мне сначала чересчур спокойным и нерешительным. Дивизия вот-вот должна была отправиться на фронт, а в его роте еще не избрали комсорга. Спрашиваю: «В чем дело?» Отвечает: «Людей изучаю, товарищ комиссар». Второй раз прихожу — точно такой же ответ. Не скрою, подумал тогда: «Может, Ключкова заменить другим политруком?» В то время я был еще молод, и житейского опыта у меня было мало-мало».

«Людей изучаю», — честно ответил ротный политрук полковому комиссару, вполне понимая, что такой ответ может оказаться и не в его пользу. А как их изучить? В руках у него списочный состав роты — почти двести человек. В лицо запомнить каждого — и то непросто. Утром и вечером производится поверка. Когда выкликают фамилию, следует ответ: «Я». А как заглянуть в это самое «я», в человеческую душу?

С каждым бойцом и командиром обязан побеседовать политрук. С коммунистами и комсомольцами — особо. Он должен посоветовать командиру роты, в какой взвод целесообразней определить их, взять на заметку тех, кого можно рекомендовать секретарями партийной и комсомольской организации, кого назначить агитаторами, беседами, редакторами взводных боевых листов, политбойцами.

Распорядок дня был жесткий — утром политзанятия со всем личным составом роты, вечером — совещания у комиссара полка. Здесь проходил разбор деятельности политруков, обсуждались их отчеты, вырабатывалась

стратегия, если так можно выразиться, всей политической работы.

У каждого политрука роты был недельный план политико-воспитательной работы. Все расписано по часам и дням: выпуск газет, боевых листов, собрания, беседы, читка газет...

Июль подходил к концу. Состоялся общедивизионный митинг, на который прибыли руководители Казахстана и Киргизии. 27 июля дивизия, выстроившись в городском парке, торжественно приняла военную присягу. Каждый из бойцов берет текст присяги и, повернувшись к строю, к товарищам, громко читает:

— Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Сводки Совинформбюро продолжали нести вести одна хуже другой. Все отчетливо понимали, что дивизия теперь уже скоро отправится на фронт. И вот наступил день, когда эшелоны двинулись на запад.

Из письма В. Г. Ключкова сестре: «Из Алма-Аты я выехал 18. VIII. Нина с Эличкой провожали меня до вокзала... Нина вам вышлет мое фото в военной форме вместе с Элей».

...Девочка так доверчиво прижалась к человеку в военной форме, к отцу... Эта фотография была дорога ему. Недаром он сообщает именно о ней. Прямо на лицевой стороне рукой Ключкова выведено: «И за будущее дочки ухажу я на войну».

19 августа. Первая совсем небольшая остановка в 550 километрах от Алма-Аты в Джамбуле. Оттуда открытка. Торопливый почерк: «Нина! Едем на Запад. Настроение превосходное. Целую крепко вас с доченькой».

В тот же день Ключков пишет сестре Нюре: «Достаточно уступать нашей территории. Уж больно мне хочется побывать там, где Гитлеру напишут эпитафию «Собаке — собачья смерть».

...Два месяца войны. 22 августа. Эшелоны подходили к Оренбургу. Еще одна открытка В. Г. Ключкова домой: «Здравствуйте, любимые Ниночка и дочка Эличка... Едем

ближе к цели. Настроение у всех прекрасное, бодрое... Сегодня, Нина, дважды видел тебя во сне. Хотелось бы увидеть и дочку. Крепко, крепко целую. Ваш папа».

Из сообщений Совинформбюро: «После ожесточенных боев наши войска 22 августа оставили город Гомель...»

316-я рвется в бой. В письмах Ключкова отзвуки этого порыва: «Настроение у меня и моих бойцов прекрасное, с таким настроением воевать можно».

Сызрань. Поезд гулко прогромыхал по мосту... Волга! Родная река! Жена вспоминала: «Любил он Волгу. Зайдет, бывало, разговор о ней, он весь оживится, глаза блещут...»

«Только что проводили глазами красавицу Волгу... Через 15 минут едем дальше. Завтра встретимся с стервятниками... Послал в Синодское открытку. Ваш папа». Это строчки из его открытки, написанной 23 августа на сызранском вокзале.

Когда-то Александр Блок сказал, что только влюбленные имеют право на звание человека.

Любовью к жене и дочери выверял В. Г. Ключков свою любовь к Родине.

«Здравствуйте, мои любимые Ниночка и Эличка!

24/VIII приехали в Рязань, сегодня вечером будем в Москве. Враг совсем близко. Заметно, как по-военному летают наши «ястребки». Завтра в бой. Хочется — чертовски — побить паразитов. Писал эти строки в Рыбном, около Рязани, паровоз тронулся, поехали дальше.

25/VIII ночь провели в Москве, чертовская ночь, воровская ночь, дождь шел всю ночь. Пока что неизвестно — был в Москве или около Москвы германский вор, но целую ночь ревели моторы самолетов.

Много мы проехали городов, деревень, сел, аулов и станиц, и везде от мала до велика от души приветствовали нас, махали руками, желали победы и возвращения. А беженцы просили отомстить фашистам за то, что они издевались над ними. Я больше всего смотрел на детей, которые что-то лепетали и махали своими ручонками. Дети возраста Элички и даже меньше тоже кричали и махали ручонками и желали нам победы.

Из Украины в Азию, к вам туда через каждые 3—5 минут едут беженцы, с собой везут исключительно все: и станки с фабрик и заводов, железо... (неразборчиво. — В. О.), трамваи, старые тракторы... Словом, врагу ничего не остается... Гитлеру будет та же участь, какая постигла Бонапарта Наполеона в 1812 году.

Наш паровоз повернулся на север, едем защищать город Ленина — колыбель пролетарской революции...»

С детства входили в жизнь Ключкова идеи честного и верного служения людям, народу.

1917 год. Из воспоминаний старшей сестры: «У нас дома проводились сходбища бедноты: собирались соседи и беседовали о революции и о том, как жить дальше...»

Из публикации в уездной газете: «Синодская ячейка насчитывает в настоящее время 12 членов. Кроме того, пять человек взяты по партийной мобилизации на фронт. Пять других товарищей организовали коммуну (артель) в с. Чернавке.

При ячейке открыт в память погибшего борца за свободу т. Сепотова культурно-просветительный кружок его имени, в котором устраиваются митинги, собеседования на разные темы и ставятся спектакли. При просветительном кружке имеются секции: лекционная, драматическая, музыкальная, хоровая и библиотечная.

Нужно сказать, сделано было бы неизмеримо больше, если бы не ощущалась нужда в керосине».

1921 год. Из воспоминаний брата: «Помню, как в Николаевке ставили пьесу. Кто ее написал, забыл. А называлась она так: «Первая девушка и последний барин». Вася участвовал в представлении и читал со сцены есенинские стихи «Как скромный мальчик из Симбирска стал рулевым своей страны...».

1923 год. Из воспоминаний матери: «Вася вступил в пионеры и все читал, и не только сам себе, книжки про новую жизнь, про Ленина...»

Из воспоминаний друзей детства: «Мы, первые николаевские пионеры, были страшно охочи на дела необычные... Устраивали у нас в селе в пику нашему попу комсомольские пасти. В клубе, а то и прямо на улице во все горло распевали: «Не надо нам монахов, не надо нам попов. Мы в небе нашем синем разгоним всех богов».

1926 год. Василий Ключков принят в комсомол.

Эшелоны 316-й устремились на северо-запад. Дивизии предстояло влиться в состав 52-й армии, которая имела приказ защищать восточный берег Волхова.

Неповторимо красивы эти исконно русские земли. Южанам-панфиловцам они в особенности должны были

показаться чарующими — изумрудные луга, невесомый бездонный купол нежно-голубого неба в белесой дымке облаков...

Обильно полита эта земля русской кровью. Конечно же, политрук по дороге рассказывал своим бойцам о Новгороде и Пскове. Тевтонцы — подвиги русских дружин... Немцы — в 1918-м, рождение Красной Армии...

И вновь на этой земле бессмертные деяния.

В боях под Новгородом политрук А. И. Панкратов бросился грудью на вражеский пулемет. Именно здесь был совершен первый в войне великий подвиг самопожертвования. Политрук стал Героем Советского Союза.

Политрук. Первый в атаке, последний при отходе. Фашисты с особой ненавистью охотились за человеком, на рукаве гимнастерки которого алела красная звездочка. Традиции комиссаров революционного времени живы. Они проявлялись в верности политруков делу В. И. Ленина и партии, в умении зажечь сердца, в стойкости, в готовности отдать жизнь за свободу своего народа. Более 200 политработников в годы войны были удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе и панфиловцы — Ключков и его боевые товарищи Петр Вихрев и Малик Габдуллин...

25 августа. Эшелоны подошли к станции Боровичи. Станция была почти безлюдна. Кругом следы пожаров, бомбежек... Стали выгружаться. Был прекрасный — редкость для этих мест — тихий и солнечный день. Но скоро поняли, что это плохо. Появилась «рама» — вражеский самолет-разведчик.

27 августа. В три часа утра И. В. Панфилов отдал приказ: «1) Противник занял 25.8 Новгород. 2) 316. с. д. к 12-00 30.8 сосредоточиться для последующего занятия участка обороны...» Здесь же были определены задачи полку.

... Изнурительным был 100-километровый марш. Лил дождь. Раскисли дороги. Не везде через реки и речушки успевали навести переправы. Полк переправился через реку Мсту и с ходу принялся организовывать оборону. Новый приказ Панфилова определил ему боевую задачу: «Используя условия местности, прочно прикрывать танкоопасные направления и железную дорогу на участке полка». Дивизия заняла второй эшелон обороны. Так уж сложились условия, о чем пишет в своих воспоминаниях командующий Северо-Западным фронтом П. А. Курочкин, принявший этот пост за два дня до прибытия ка-

захстанцев: «Положение на фронте постепенно начало стабилизироваться. Наступило временное затишье».

Затишье, разумеется, было относительным. Таким оно выглядело, пожалуй, только на картах стратегического назначения. Случались бомбежки и артналеты, ходили в разведку. Выпадало и хоронить боевых товарищей. Покоя не было. Работали, работали: устрелили позиции — окопы полного профиля, стрелковые ячейки, противотанковые заграждения. И, конечно же, воинская учеба в обстановке столь непосредственной близости к врагу. А ко всему прочему — мерзкая погода. Осень началась рано — дожди, слякоть, тяжелая грязь. Везде — в землянках ли, в окопах, ходах сообщения — стылая вода.

Ключков быстро привыкал к армейскому повседневию. Когда выпадали свободные минуты, все чаще садился за письмо — в сентябре почти каждый день.

«...Идет дождь, сейчас собираемся оборудовать окопы, а пока сижу под палаткой в лесу и пишу. Самолеты сегодня еще не бомбили, между прочим, наших самолетов летает больше. В день 10—15 раз бывает воздушная тревога. Наше подразделение потерь еще не имеет. Да и в целом дивизия имеет только 8 человек убитыми и человек 10 раненых. Сам я и все бойцы моего подразделения чувствую себя хорошо.

Немцы-фашисты застыли на одном месте... Дожди здесь ежедневно не дают покоя немцам, оно и нам неприятно, но для немцев убийственное дело».

6 сентября. Снова письмо: «...Соскучился страшно за вами. Сижу в комнате и за столом пишу это письмо. Между прочим, Нина, я 3-й день в деревне, две ночи подряд спал в тепле. Здесь ведь не Алма-Ата, осень настоящая. Хозяйка квартиры — старушка, живет одна, хорошо за нами ухаживает, а пас 3-е. Она (старушка) 3 сына проводила на войну и вот жалеет нас, как своих сыновей. Народу здесь осталось мало, все выехали, но вряд ли немцу удастся дальше продвинуться. Наши крепко удерживаются, скоро запоет Гитлер: «Зачем я шел к тебе, Россия...»

10 сентября рано утром полк меняет дислокацию. Вроде бы по-прежнему второй эшелон, но что-то и изменилось. С этого времени стали вести разведку, произошло несколько стычек с пытавшимися прорваться группами противника.

1929 год. Один из алтайских ветеранов комсомола вспоминал: «Когда вспыхнул конфликт на КВЖД, несколько комсомольцев из нашей ячейки вместе с В. Г. Ключковым пошли в военкомат записываться добровольцами в Красную Армию. Правда, никого из нас тогда в армию все-таки не взяли».

1934 год. Пенза. Ключков призван в ряды РККА, где заканчивает полковую школу младшего комсостава.

С того времени в его личном деле значится: «Военно-обязанный, политсостав, мл. политрук, сухопутный род войск».

1936 год. Ключков становится на общественных началах политруком Вольского горкома Осоавиахима, предшественника нашего ДОСААФ. В числе воспитанников В. Г. Ключкова — погибшая под Сталинградом медсестра Зинаида Маресьева, Герой Советского Союза.

«Здравствуйте, дочка Эличка и жиночка Нина! Конечно, вы не прочь читать мои почти ежедневные письма. Я очень много пишу Вам. Пока есть время, пишу. Досадно становится, когда наши товарищи воюют, а ты сидишь резервистом... Но дойдет скоро очередь и до нас, и мы повоеем.

Здесь становится холодновато, по ночам заморозки. Мы живем в лесу, педалеко от деревни П. Старшина устроил для нас 3-х неплхую избушку-землянку, сделал печь, на ночь натапливаем ее, и спать становится теплее. Бойцы сделали точно так же.

Идет напряженная учеба, изредка ловим диверсантов и разведчиков...»

Подробно описал борьбу с диверсантами и вражескими разведчиками писатель Л. Макеев, служивший в дивизионной газете.

...Деревня Вершина. Ранним утром выпало политруку идти проверять посты. Вот тут-то и обнаружил он разрыв в стыке с соседями. Вроде бы ничего страшного — фронт далек. И все же забеспокоился: соблюдая устав, вызвал дежурный взвод, выставил секретные сторожевые посты. Не зря, оказалось, проявил бдительность. За три-четыре дня бойцы его роты выловили нескольких гитлеровских лазутчиков. Одного из них, переодетого в нашу воинскую форму и даже с оружием, задержал Ключков. Диверсант возвращался к своим, не подозревая, что дорожка уже перекрыта. Разведчика распознали быстро, как только

Ключков догадался тщательно его обыскать. В сапоге под стелькой он обнаружил сведения об огневых точках и о тех частях, что дислоцировались у деревни Боженка.

Но пришло испытание покруче — прямое столкновение с врагом.

4 октября полку была поручена разведка боем — надо было выйти за линию фронта, обнаружить себя, вызвать огонь на себя, засечь огневые точки... Выделены были для этой рискованной операции 4-я рота и полковая пешая разведка. Командир группы — Гундилович, политрук — Ключков.

Получив приказ, комиссар и политрук разобрали с каждым бойцом, как вести себя в разведке, соответственным образом экипировались, проверили оружие... И пошли навстречу бою сквозь дремучие леса, через болота со сказочными и таинственно звучащими названиями Русская Болотица, Невий Мох.

Разведчики немало покружили по лесам. Захватили пленных, трофеи: оружие и важные документы. Возвращались как на крыльях. Успех! Дерзкой, но во всем удачной была первая в их жизни боевая разведка, первая схватка с врагом.

«...В боях в районе Русская Болотица 4.10.41 г. тов. Ключков показал себя волевым и ответственным руководителем. Своим примером увлекал в бой бойцов и командиров, в результате чего рота успешно выполнила данное ей задание». Под этим документом подписи — Панфилов и Рокоссовский. Он написан в конце ноября 1941 года и послан в штаб командующего фронтом Г. К. Жукову.

«Хорош был политрук Ключков! Бойцам очень правился, их подкупало, что он, в общем-то молодой парень, был хороший семьянин. Очень любил дочь и жену, уважительно вспоминал своих родных, интересовался семейными делами подчиненных. И всегда готов был оказать им помощь. А когда представлялась возможность, любил веселиться, петь песни, рассказывал всякие приключения из своей жизни. Но он был человеком твердого характера», — вспоминал А. Л. Мухамедьяров.

Грохочет четвертый месяц войны. Получен приказ командования о срочной переброске дивизии к Москве. Наступали грозные дни обороны столицы.

Враг разработал операцию «Тайфун». «Решающее

сражение года» — так крикливо заявляли гитлеровцы. Во всех ротах противника зачитывался приказ фюрера: «Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага...»

В начале второй недели октября 316-я дивизия после недолгого марша погружается в эшелоны.

Казалось, еще совсем недавно панфиловцы мчались по этой дороге, но в другую, противоположную сторону. Напомним несколько строчек из тогдашнего дорожного письма Клочкова: «...Сегодня вечером будем в Москве. Враг совсем близко... Хочется — чертовски — побить паразитов...»

Спустя месяц с небольшим также на погромыхающих на стыках путей рождается другое письмо. Тоже жене и тоже о чувствах солдата, преисполненного сознанием высокой ответственности за судьбу Родины: «Двинулись на Москву. Идет осенний дождь. Погода неважная... Настроение у каждого боевое... Нам выпала почетная задача — не допустить врага к сердцу нашей Родины — Москве. «Смерть Гитлеру!» — у каждого на устах...»

Сколь же много общего, похожего, совпадающего в этих двух письмах. Автор последнего — И. В. Панфилов.

10 октября. Полк прибыл под Москву. Панфиловская дивизия передается 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского.

С 15-ти лет приобщился Клочков к пропагандистской деятельности — стал заведующим сельской избой-читальней. «Изда-читальня, — как гласила одна из рекомендаций ЦК комсомола, — это то горлышко, через которое надо раскупоривать темноту, невежество, пролить свет знаний. Комсомол — тот штопор, который призван для этого ответственного дела».

Чуть позже Клочков — участник и руководитель си-неблужников. Они, разъезжая по деревням, агитировали за хлебосдачу, помогали коллективизации, разоблачали кулаков.

Из воспоминаний друга Клочкова: «Я как секретарь базовой комсомольской организации районного центра был включен в бригаду по созданию колхоза «III Интернационал». С собой я взял и Клочкова. Он участвовал в работе по агитированию крестьян. За два месяца — январь и февраль 1930 года — колхоз был создан».

В. Г. Клочков. 1941 г.

Василий
Клочков —
рабочий
корреспондент.

Женский кружок
по изучению
Конституции СССР
в г. Вольске.
Руководитель —
В. Клочков. 1937 г.
Фото В. Клочкова.

Однополчане В. Г. Клочкова.
В центре — комиссар
полка А. Л. Мухамедьяров.
1941 г.

Танфиловцы в бою.
1941 г.

За Родину

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

7
Н О Я Б Р Я
1941 года
ПЯТНИЦА

Да здравствует 24-ая годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции

ВПЕРЕД НА РАЗГРОМ ВРАГА!

— И. ПАНФИЛОВ

В ожесточенной борьбе с фашистскими ордами встретил 24-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Великий враг истощает, бросил последние свои ресурсы. Страна русская жила в гигантские потери заслуживает отплатить в страхе перед лицом победившим и обманчивым германским народом.

Героическая борьба советского народа и его доблестной Красной Армии гарантирует окончание полчища гитлеровских злодеев.

С каждым днем увеличивается наша сила, наша мощь. Не-

печерный социализм страны социализма, приносящими ее резервы. Победа близка, она несет окончательное уничтожение вражеского фашизма.

Простоит решающие смертельные бои за столицу, за свободу Москвы. Еще болевшие сплоченные своих рядов вооруженная Ленин-Сталина — великая дисциплина и организованность, доблестная партизанская работа — вышедшая в ряды фронта № 651. Окончательная победа над фашистскими злодеями — это счастливый день нашей истории. Да здравствует 24-я годовщина

24-летия великого Октября! Да здравствует непобедимая Красная Армия и ее вождь — великий Сталин! Вперед на разгром врага!

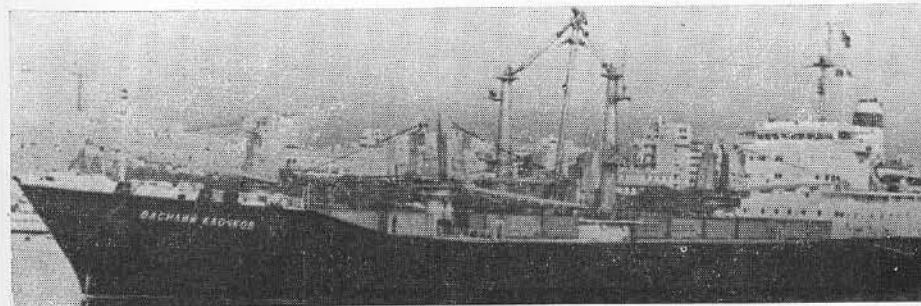
СЛАВА ГЕРОИМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ — БОЙЦАМ, КОМАНДИРАМ И ПОЛИТРАБОТНИКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, МУЖЕСТВЕННО ЗАЩИЩАЮЩИМ ЧЕСТЬ, СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ.

(На знамени — не выжить).

Герой боя у Дубосекова И. Шадрин на Красной площади в День Победы. 1945 г.

...Память о герое жива...

А. И. Шахурин. 1925 г.

Парторг ЦК ВКП(б)
А. И. Шахурин (первый
справа) и Герой
Советского Союза
Э. Т. Кренкель (третий
справа) среди работников
завода № 1 имени
Авиахима. 1937 г.

А. И. Шахурин. 1937 г.

А. И. Шахурин
(крайний слева),
А. В. Беляков и
Г. Ф. Байдуков в гостях
у родных В. П. Чкалова.
1939 г.

А. И. Шахурин в годы
Великой Отечественной
войны.

А. И. Шахурин и главный инженер
Военно-Воздушных Сил А. К. Репин на летном поле,
1943 г.

Москва, Красная площадь.
Парад Победы, 1945 г. ►

А. И. Шахурин среди делегатов
XV съезда ВЛКСМ. 1966 г.

А. И. Шахурин в последние годы
жизни.

А. С. Щербаков.
1918 г.

А. М. Горький,
А. А. Жданов
(сидит —
второй
справа),
А. С. Щербаков
(сидит —
второй
слева)
во время поездки
по Волге. 1928 г.

А. С. Щербаков с сыновьями Александром
и Константином. 1943 г.

1934 год. Клочков учится в Пензенском комвузе, предшественнике нынешних университетов марксизма-ленинизма.

С той поры везде, где бы ни работал Клочков, он является руководителем политкружков или агитатором.

1936 год. Василий Клочков — активный рабкор городской газеты. Разыскано около 30 его статей...

С комсомольских лет учился Клочков общению с людьми. Вот как вспоминали о нем товарищи.

«Озорной был. Однако смелый, в дружбе на него полагаться можно было спокойно».

«Веселый Василий-то был. С комсомольским задором жил. Петь любил. Любимыми его песнями были «Вихри враждебные...», «Дубинушка», «Мы кузнецы...».

«Парень был страшно увлеченный. Его за это все уважали и любили. Клочков у нас был вроде поэта, сочинял частушки на местные темы. Читал много, больше политическую литературу, но и художественную...»

«Он часто выступал на собраниях молодежи».

«Был требователен. Но не обходил без внимания ни одной жалобы или просьбы своих сотрудников и других».

«Рабочие Клочкова уважали».

«Мы его как-то всегда ждали. С ним было приятно. Находчив очень и весел».

Из характеристики 1941 года, подписанной наркомом и секретарем парткома Наркомата торговли: «Серьезный, добросовестный работник. Уделяет много внимания улучшению работы отдела... Принимает активное участие в партийной и общественной работе... политически развит, дисциплинирован».

...Москве было трудно. Москва ждала подкреплений...

Прямо со станции, без каких-либо передышек дивизии был уготован марш-бросок к местам предстоящих сражений.

1075-й полк, в котором служил политрук Клочков, получил предписание выдвинуться на линию Лазарево — совхоз Больчево. Рота Гундиловича заняла место поближе к совхозу.

Комдив проехал по переднему краю обороны, чтобы лично осмотреть позиции полков. Сорок с лишним километров!.. Никакими уставами не предусматривалось такое для одной дивизии. Только не было тогда иного выхода. Не утешала и местность. Она была явно в пользу противника.

4-я рота, как и все остальные, зарывалась в землю.

Несладко было южанам. Непрестанно моросил дождь, пронизывал сквозь набухшие влагой шинели холодный осенний ветер, едва открытые окопы сочились водой, солома, брошенная под ноги, не спасала...

Вскоре боевое охранение батальона, в который вошла 4-я рота, соприкоснулось с немцами, с их разведкой. Случилось это у деревни Старая Тяга. Были уничтожены один немецкий офицер и несколько солдат.

И генерал, и солдаты, прослышавшие о появлении противника, задалась вопросом: сколько же времени отпущено на подготовку рубежа обороны?

Все выяснилось на следующий день. В 18 часов завязался бой. И снова он выпал на 4-ю роту. Правда, недолгим был он. В донесении из полка в штаб дивизии кратко сообщалось, что, натолкнувшись на огонь 4-й роты 2-го батальона, противник прекратил бой и отошел в неизвестном направлении.

— Ну вот, кажется, и пошла настоящая для нас война, политрук!.. — сказал командир Гундилович.

16 октября. «Тайфун»!.. Он обрушился на Волоколамское направление четырьмя дивизиями. Их удар, как и предчувствовал К. К. Рокоссовский, пришелся прежде всего по панфиловцам.

Как нашлись силы выстоять! На каждый батальон приходилось 5—6 километров оборовы. Артиллерии — надежной помощницы — всего-то два, да и то не всегда, орудия на километр. Как же ничтожно мало! О том, что творилось на этом участке обороны Москвы, дают представление заголовки дивизионной газеты. Они до сих пор пышут огнем яростных схваток: «Не пройдут, гады!», «Слава бесстрашным воинам», «Смертью храбрых», «Не умоляли орудия», «17 фашистских танков подбили наши бойцы».

...2-й батальон 1075-го полка, в составе которого и рота Клочкова, обороняет совхоз Болычево. К этому важному опорному пункту обороны не только полка, но и, пожалуй, всей дивизии, приковано было внимание и командива, и командарма Рокоссовского, который вместе с Панфиловым находился на его командном пункте.

«Главный удар, — сказал тогда комдив вызванным командирам и комиссарам полков, — противник нанесет в районе совхоза Болычево — Федосьино — Княжево.

Здесь он попытается протаранить нашу оборону, чтобы оседлать Волоколамское шоссе и устремиться на Москву. — Тебе, Илья Васильевич, — обратился он к Капорову, — отражать первый удар».

Четыре часа. Врагу удалось ворваться в Болычево. Панфилов тотчас отдает приказ — идти в контратаку. Гундилович поднимает роту. Рванулся вперед, увлекая своим примером солдат, и политрук Клочков.

Вскоре было подбито несколько танков гитлеровцев. Комдив, узнав об этом, воскликнул:

— Пусть берут пример! А Гундиловича и его отличившихся солдат — к награде!

Из записей журнала боевых действий группы фашистских армий «Центр»:

«16.10 — усиление контратак против 4-й армии.

17.10 — упорное сопротивление... По донесениям командиров, здесь идут бои, превосходящие по своему ожесточению все, что до сих пор пришлось перенести войскам».

Позиции у совхоза были столь важны, что К. К. Рокоссовский отправляет особое донесение командующему фронтом Г. К. Жукову. Вот этот документ — тревожная память о том, что было пережито героями:

«В течение 16—17.10.41 г. шли упорные бои за Болычево. В 17.00 17.10.41 г. противник, удерживая за собой Болычево, перенес удар севернее и окружил 2-й батальон 1075-го стрелкового полка 35 танками в Федосьино и 5 танками в Княжево...»

...Еще сутки. Положение обостряется. Судьба полка в немалой степени зависит от того, будет ли удержано расположенное неподалеку Федосьино. Холодным, промозглым утром 18 октября на оборону этой деревни перебрасывается 4-я рота. Стойко, мужественно дрались ее бойцы. Об этом сообщают не только архивы.

Из воспоминаний К. К. Рокоссовского: «Обойдя деревню с юга, гитлеровцы наткнулись на высоту, обороняемую 4-й стрелковой ротой, политруком которой был Василий Клочков».

Политруки... Как же много зависело тогда от них, от их убежденности и смелости, от умения отдавать своим солдатам эту убежденность и смелость.

О накале боев и о том, каким оружием стало тогда слово, свидетельствует дивизионная газета. В те дни из номера в номер вспыхивали на ее страницах призывы: «Смерть или победа!», «Не отступим!», «В бой за родную

Москву! Не бывать у ее порога гитлеровской нечисти!», «Большевики презирают смерть». «Кто честен перед народом, перед своей семьей, — писала дивизионка, — кто стремится задержать фашистов, положив этим начало их разгрому, тот скорее погибнет, но без приказа командира не отойдет ни на шаг».

...Наступало четвертое утро непрерывающихся боев. На панфиловцев двинулось до полутораста танков. Семьдесят из них обрушилось на 1075-й полк. Пришлось отдать Федосьино. Потери громадные... Но панфиловцев упрекнуть не в чем. В одном из архивных документов говорится: «В районе Федосьино в ожесточенных боях с германским фашизмом 14—18 октября 1941 года рота тов. Гундиловича первой из всех рот вела бой с противником. Рота потеряла значительную часть своего личного состава, но свои боевые рубежи героически удерживала». А Л. Макеев вспоминает: «Порой трудно понять: дерется ли четвертая рота в окружении или она уже преодолела его. Рота потеряла половину своего состава, но продолжала сражаться».

Рота, вернее часть роты во главе со своим политруком, и в самом деле попала в окружение. Что предпринять, какой приказ отдать? Политрук сумел превратить свою группу в настоящую боевую единицу.

«Василий Георгиевич в эти дни вел себя очень мужественно. Не знаю, как это ему удавалось, но он был очень бодрым и даже веселым. Все время подбадривал нашего брата. Очень следил за собой, старался быть аккуратным даже в одежде. То ли привычка такая у него была, то ли для нас старался, чтобы мы видели, как надо устав соблюдать», — вспоминал рядовой 4-й роты Я. Е. Тумайкин.

Из воспоминаний старшины роты Ф. Т. Дживаги: «Днем вели наблюдения, а ночью шли. Каждый солдат нес гранаты, бутылки с горючей смесью, сколько мог поднять. Налетали на деревни, где были на ночном отдыхе немцы. Мы им давали такого «отдыха»!.. Довелось уничтожить не только живую силу, но и танки и бронемашинны».

Шли, воюя, жадно прислушиваясь к гулу — все ближе и ближе свои. Вышли...

Как же велика была радость в батальоне и в полку, когда увидели Клочкова с бойцами — что сохранили оружие и не потеряли воли к новым сражениям, что старались помочь своим, как только удавалось.

...Бои, бои, бои. Но вот с 28 октября в сводках и в допесениях наконец-то появляется: «Дивизия прочно удерживает занимаемый рубеж обороны».

Немцы выдохлись. Советский солдат оказался сильнее. Панфиловцы вышли из октябрьских боев обогащенные новым для себя боевым опытом. С танками, в частности, научились воевать.

Первое крещение танками для 4-й роты произошло в бою под Дерменцевом. Здесь Гундилович и Клочков рискнули приказать пропустить вражеские машины через окопы — над головами, а потом забрасывать гранатами.

«Панфилов, — вспоминал И. В. Капров, — довольный исходом этого боя, обращаясь к командующему, взволнованно сказал:

— Определили, какой род войск дерется? Если одним словом сказать — непобедимый! Гвардия!

— Да, отлично проведен бой. Славно дрались солдаты, — одобрил командующий армией и добавил: — Такие солдаты достойны звания советской гвардии».

Ждать гвардейского звания пришлось недолго — меньше месяца.

А пока... дивизия приводит себя в порядок. Составляют различные отчеты. Пишут наградные листы. Подсчитывают, как это и положено, потери. Скорбный документ. Полк, где воюет В. Г. Клочков, потерял более двух с половиной тысяч бойцов...

Отзвuki пережитого в наконец-то полученном дома письме Клочкова: «Нахожусь в районе обороны подступов к родной Москве (120 км от Москвы). Не писал давно потому, что несколько дней идут жаркие бои. Враг бросил все и прет, как бешеная свинья, не жалея ничего. Сейчас пока сдерживаем его яростные атаки...»

О том, что пережил, о том, что был ранен, но не оставил поле боя, — ни слова.

Мужество и отвага, умелое выполнение политруком командирских обязанностей не остались незамеченными. Еще более возрос его авторитет у солдат, товарищей по полку. Отмечает Клочкова и командование: он представлен к ордену Красного Знамени. В наградном листе, который подписывает И. В. Панфилов, а затем по инстанции командарм-16, сказано: «В ожесточенных боях с германским фашизмом политрук Клочков остается храбрым воином и верным сыном партии, своему социалистическому Отечеству».

Вспоминалось ли ему на фронте то, что осталось в детстве, в комсомольской юности?

Из воспоминаний тех, кто знал Ключкова пионером: «Возвращаемся мы с Василием вечером с подворного обхода — заем распространяли, а нам наперерез 5—6 ребят из зажиточных... Я, не скрою, растерялся. А Вася в один миг вытащил из кармана осколок зеркала и как закричит: «Разойдись! Стрелять буду!» Вот ведь какая фантазия... Те разбежались, может, и вправду подумали, что это пистолет сверкнул. После пошел слух, что Ключков вооружен, что связываться с ним не следует».

1 ноября, 3 часа утра. В одном из документов, подписанном комдивом в этот ночной час, отмечено: «1075 с. п. с 2 взводами ПТР и 2 75-мм орудиями упорно обороняет рубежи: высота 251,0 — разъезд Дубосеково».

Фашисты, хотя и были остановлены, но, перегруппировываясь и подтягивая резервы с других фронтов, даже из Франции, продолжали испытывать прочность оборонительных линий наших войск, не давали передышки.

2 ноября. 4-я рота принимает очередной бой.

Как показал себя Ключков в этом бою? Пока Гундилович управлялся на другом участке внезапно начавшегося наступления немцев, политрук успел прихватить два отделения и ринулся к боевому охранению. Л. Макеев вспоминает: «Он оказался не только организатором и душой боя, но и сам вел огонь по фашистам из винтовки...»

Его дополняет один из тех, кто тоже был участником боя — Г. М. Шемякин: «Ключков лично уничтожил десять фашистов».

Но это только начало. Мгновенно сообразив, как складывалась обстановка, — вот он, приобретенный опыт боевого командира! — политрук устремился к флангу и отсек наступающих немцев. Не ожидали они такой дерзости. Отступали в панике. Наши захватили двух пленных. (Их потом Мухамедьяров допрашивал: «Вели себя надменно. Были уверены, что скоро возьмут Москву».) И трофеи — две целехонькие автомашины, ручной пулемет и несколько десятков винтовок и автоматов.

3 ноября. Пыл немцев значительно поослаб. Передышка позволила дивизии укрепить рубежи обороны, усилить разведку, обучить пополнение.

Прибавилось дел политработникам. Можно было наконец-то осмотреться, узнать новости, рассказать бойцам,

что происходит в стране, за рубежом. В те дни многие воины подали заявления о приеме в партию, комсомол. Выпускали листовки, газеты-«молнии», где рассказывалось о тех, кто совершил в октябре подвиги, храбро и умело сражался.

Было решено провести партийный актив дивизии. Появилась возможность собрать лучших из лучших — бойцов и командиров, парторгов и комсоргов, агитаторов, газетчиков, политруков, комиссаров.

О том, как проходил актив, вспоминал в своих мемуарах член военсовета 16-й армии А. А. Лобачев:

«Мы отправились туда с писателем Владимиром Ставским. Партийный актив собрался в здании шипковской школы. В классе полутемно. Коптилки еле освещают лица...»

Генерал снял полушубок, на груди — два ордена Красного Знамени. Говорил коротко: подвел итоги октябрьских боев. За 12 суток дивизия под сильным нажимом врага отошла на 25—26 километров. Главный урок — пехота выдержала натиск вражеских танков.

— Коммунисты, — заявил комдив, — были всегда впереди, коммунистам не надо напоминать об их обязанностях. Будем, товарищи, держаться этой большевистской традиции!

В прениях выступило 16 человек. Среди них — политрук роты Ключков».

Успел ли Лобачев записать хоть что-то из речи Ключкова? Да, успел: «Четвертая рота вместе с артиллеристами дважды отбрасывала врага. Но немцы прорвались справа. Роту отвели на высоту 233,6. Здесь сумели подбить шесть танков. Я, например, скажу о Якове Бондаренко. Чудесный парень, храбро дерется, не боится опасности. Почему не боится? Потому, что научились презирать врага. Фашисты собрались завтракать в Волоколамске, а ужинать в Москве. Мы их решили накормить раньше. Ни один взвод не дрогнул! Когда пошли танки, встретили бутылками и гранатами. Слева поддержала пушка. Они пошли второй раз. Мы пропустили танки через траншею и начали бой с фашистской пехотой. Я считаю, что в роте у нас все большевики!»

Лобачев отмечает: «Зал встретил эти слова аплодисментами».

После актива прошли партийные собрания в полках. В 1075-м повестку дня обозначили так: «Итоги проведенных боев и задачи на новом рубеже».

А. Л. Мухамедьяров вспоминал, что перед собранием его и комполка вызвал И. В. Панфилов. Поинтересовавшись, как подготовлено оно, генерал посоветовал:

— Чтобы другие воспользовались боевым опытом в будущем, расскажите об умелых действиях в прошедших боях командиров — Маслова, Веткова, Семибаламута, и политработников — Габдуллина, Джетпысбаева, Ключкова. Врага побеждают не количеством, а смелостью и умением — такова должна быть главная мысль при характеристике героев.

...Продолжим складывающуюся день за днем фронтую хронику ротного политрука. 4 ноября. Еще встреча с Панфиловым. В тот день после учебных стрельб с новым для полка оружием — противотанковыми ружьями — генерал побывал в 4-й роте. В окопах среди солдат И. В. Панфилов заговорил о танках, о преодолении чувства «танкобоязни»:

— Вам придется отражать не только пехоту, но и танковые атаки. С пехотой вы хорошо управляетесь, а вот с танками не все умеют драться. У многих нервы не выдерживают.

Неожиданно обернулся к одному из солдат и спросил:

— А вы боитесь танков? Как вас зовут?

Боец вытянулся и отрапортовал:

— Есбулатов Нарсутбай.

— Так как, Нарсутбай, танка боитесь?

Откровенным был ответ:

— Боюсь, товарищ генерал. Меня под Княжевом чуть не задавил фашист. Земля посыпалась, окоп оседает, когда он вертелся над нами туда-сюда. Товарища моего совсем раздавило. Боюсь.

— Да, — раздумчиво заговорил Панфилов, — не успели мы там глубоко зарыться в землю. И почва была рыхлая. А тут вон какие окопы вы отрыли, и почва твердая, зимняя. В таких окопах даже самый тяжелый танк не раздавит. Не забудьте, что на близком расстоянии танк не страшен. Гранатой его по гусеницам или пропусти, да в хвост гранатой или жги бутылкой с горючей жидкостью...

Две недели продолжалось относительное затишье — стороны скрытно готовились к решительному сражению. Комдив предупреждал: «Мы должны следить за каждым шагом немцев. Потому для нас первая задача — разведка, вторая — разведка и третья задача — разведка. Разведка всеми путями и средствами. Сильные и смелые, от важные — в разведку!»

Из воспоминаний комсорга полка Б. Джетпысбаева, прикомандированного к разведгруппе:

«Был уже час ночи. Кружила метель. Мы шли в белых маскхалатах, и нас трудно было различить в снежной пурге. Вот и Жданово. Постучали в крайнюю избу. В темноте, не зажигая света, отозвалась старушка. Она сообщила: в третьем от ее хаты доме квартируют немцы.

Нам удалось разглядеть танки, занесенные снегом. Тогда направилась наша группа во главе с Ключковым. Шли гуськом, друг за другом, присматривались настороженно к танкам и не заметили часового во дворе.

— Хальт! — выкрикнул он. Тут уж не обошлось без выстрела. Немцы всполошились, выскочили из домов с автоматами. Завязалась жаркая схватка. Мы пустили в ход гранаты, танки забросали бутылками с горючей смесью.

К рассвету мы доставили в штаб дивизии трех пленных».

Многое в предвоенной жизни В. Г. Ключкова способствовало становлению, формированию его, если можно так выразиться, таланта политрука.

...30-е годы. Вольск. Из статьи заместителя главного бухгалтера завода «Металлист» В. Г. Ключкова: «Однажды я написал статью в газету «Цемент», в которой покритиковал Рожкова и бывшего технорука Полуботько.

На второй день Рожков вызвал меня к себе в кабинет и заявил, что такой критики не простит.

...Он попытался уволить меня, но не подобрал для этого веского материала, пытался снизить зарплату, но также не нашел оснований. Сейчас он со мной не разговаривает...»

...1941 год. Алма-Ата. Из протокола партийного собрания Наркомата: «Тов. Ключков. — Не все надо заниматься критикой, нужна и самокритика. Надо прямо сказать, что предприятия общественного питания мы не знаем, даже не знаем хорошо работы Алма-Атинского треста столовых и ресторанов, там развита канцелярско-бюрократическая волокита (для примера зачитывает несколько приказов), нужно предприятия изучать всесторонне путем выезда на места. Нет в аппарате Наркомторга увязки в работе между отделом треста столовых и ресторанов и отделами прод. и пром. товаров.

Многие работники ходят вечером в Наркомат не работать, а показать, что «работают»,

Говорит о несерьезном подходе к подбору кадров как в аппарате Наркомторга, так и в предприятиях общественного питания».

Клочков любил и ценил своих солдат, гордился ротой. «Мое подразделение считается лучшим в части», — пишет он как-то домой.

В роте к ноябрьским дням — около ста человек. Семь членов партии и пятьдесят шесть комсомольцев. Русские, казахи, украинцы, киргизы, узбеки. Молодые и пожилые, неженатые и семейные. К каждому, понятно, свой подход...

Война до предела обострила характеры, чувства. И в этих условиях именно на коммунистов, на политического руководителя — политрука были устремлены десятки глаз. С коммунистов был особый спрос. Но на них была великая надежда. Им доверяли. В них видели совесть Партии, голос Партии, волю Партии.

Знали бойцы и другое: политрук должен ничуть не хуже командира овладеть искусством воевать, лучше всех знать любое ротное оружие. С таким политруком — надежно и спокойно.

Политрук... Он с солдатами день и ночь. Это их друг. Он и поговорит по душам, и поможет написать письмо домой, первым затянет песню, кинет добрую шутку... Политрук организует митинги и политинформации, читает вслух газеты, сообщения Совинформбюро, приказы Верховного Главнокомандующего, знакомит бойцов с различными воззваниями и листовками, помогает парторгу, он первый друг комсомольцев. А какой наукой убеждать становились для политруков пламенные статьи М. Шолохова, А. Толстого, И. Эренбурга, В. Вишневского, присылаемые в дивизионную газету стихи земляка Джамбула!..

Любил В. Г. Клочков политическую работу, видел ее высокий смысл и знал, что самый главный результат всех усилий политрука — как воюют солдаты. Все подчинял этому, был инициативен и остроумен, ломал шаблоны. Интереснейший на этот счет эпизод содержится в книге первооткрывателя подвига героев-панфиловцев Александра Кривицкого «Подмосковный караул».

Однажды А. Л. Мухамедьяров и секретарь партбюро полка увидели, что Клочков собрал группу бойцов и что-то говорит им. Оказалось, он читает вслух фашистскую листовку. Когда прочел; побеседовал с бойцами, спросил:

«Что мы с этими листовками делать будем?» В ответ раздалось: «Память их да в дело пустить — по назначению!»

Когда бойцы разошлись, Клочкову сказали:

— Ты что же делаешь, политрук?.. Ты же знаешь приказ: немецкие листовки собирать и, не читая, отправлять в политотдел дивизии. Там эту пакость не мнут, а сжигают.

— Так я знаю приказ. Но ведь кто найдет листовку, то ее прочтет, хоть краем глаза, но заглянет же, а уж потом принесет. Я и рассудил — прочесть ее тем, кто подобрал, и потолковать по душам.

Однако приказ есть приказ. Собрали партбюро. Но не успели еще вынести решение, как позвонил Гундилович и попросил срочно отпустить Клочкова — немцы начинают атаку. Пришлось заседание прервать. А на следующий день явился политрук с пленным немцем да с поюзкой трофеев. «Вещественные доказательства» в пользу Клочкова были наглядны...

После своей неудачи в октябре фашисты готовились к новому наступлению на столицу.

Из приказа Гитлера: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

7 ноября. Вся страна слушала выступление Верховного Главнокомандующего. Он не скрывал — враг у стен Москвы, но вселял уверенность, звал к отпору, к подвигам: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, попавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте достойными этой миссии! Война, которую мы ведем, есть война освободительная, война справедливая... Под знаменем Ленина — вперед к победе!»

Прекрасно оснащенной гитлеровской машине в трудно, казалось бы, останавливаемом ее движении к столице было противопоставлено при всех страшных трудностях многое. И войска, обретшие немалый с 22 июня опыт.

И вовремя стянутые резервы. И умело найденный полководческий маневр. И стратегически великолепно определенный час и день решительного контрнаступления.

И еще одно грозное оружие — то, чего фашизм в расчет не принял. В душах советских людей страшным для врага взрывом накопилось понимание своей особой ответственности за судьбы Родины.

Такой нравственной стойкостью и силою убежденности обладали миллионы.

Из писем тех, кто погиб, но не дал склониться Москве.

И. В. Панфилов — жене Марии Ивановне: «Ты, Мурочка, себе представить не можешь, какие у меня хорошие бойцы, командиры, — это истинные патриоты, бьются, как львы, в сердце каждого одно — не допустить врага к родной столице, беспощадно уничтожать гадов. Смерть фашизму!

Мура, сегодня приказом фронта сотни бойцов, командиров дивизии награждены орденами Союза. Два дня тому я награжден третьим орденом Красного Знамени...

Мура, пока. Следи за газетами, ты увидишь о делах большевиков».

Политрук В. Г. Ключков — жене и дочери. Он пишет домой 7 ноября большое и подробное письмо. Говорят, что оно не сразу было передано связистам, не сразу было отправлено. Светом уже потухшей звезды пришло это письмо жене и дочери. Читая письмо, они еще не знали, что их отец и муж героически погиб, что он тайком от фашистов погребен местными жителями за домиком железнодорожного обходчика, что панфиловцы, когда отбросят врага, произнесут здесь поистине вечные слова: «Вечная память и слава героям!»

Итак, последнее письмо в Алма-Ату, в котором голос живого Василия Георгиевича Ключкова:

«Милая жена и любимая дочь! Ваш папа жив, здоров, неплохо воюет с немецкими извергами.

Нинуля, я вчера вкратце написал вам о награде и поздравлял вас с праздником. Сегодня можно описать подробно.

Представили меня к правительственной награде за боевые действия — к боевому ордену Красного Знамени. Это почти самая высшая военная награда. Мне кажется, уж не так много я воевал и проявлял героизма, ну я только был бесстрашным и требовательным к бойцам и командирам. Наше подразделение побило немцев в три

раза больше своих потерь. Притом, когда идет бой, очень скоро проходит день. Иногда сражение идет по 6 часов в день.

Нина, ты знаешь, какой я энергичный был на работе, а в бою тем более. Мне кажется, командир части и комиссар переоценили меня, но они также славные командиры, всегда на передовых позициях, они тоже представлены к награде. Словом, наша часть действует хорошо. Иногда натиск противника превосходит в 5—6 раз больше наших, и мы сдерживаем его атаки.

Наши самолеты не дают немцам покоя. Особенно, Нина, наши «гитары» наводят страшный ужас на фашистов. «Гитара» — это такое мощное оружие, что ты и представить не можешь*. Черт знает, что за русские изобретатели. Когда бьет «гитара», немцы рвут на себе волосы, а пленные немцы говорят: «Покажите мне вашу «гитару». ...Мы близко наблюдаем, где разрываются снаряды «гитары». Все уничтожалось к черту, и мокрого места не остается...

Сегодня, Нинок, мы провели праздник в землянках и окопах, но провели неплохо, даже и выпили, конечно, вспомнил тебя и дочку. Жив вернусь, расскажу обо всем, а рассказать есть о чем...»

Чем еще был заполнен этот праздничный день? В. Г. Ключков выступил на полковом митинге. Но не только. Неподдалеку у соседей произошло несколько небольших стычек с разведотрядами врага. Возможно, что это побудило и Гундиловича и Ключкова пройтись с обходами по окопам. Прибыла пополнением в полк команда бронебойщиков с четырьмя ПТР. Наверное, и об этом услышал политрук, порадовавшись, что сил прибавилось.

Панфиловцы предчувствовали, что сражение за Москву вот-вот разгорится с новой силой. В середине ноября все роты знакомятся с приказом комдива — взволнованным, страстным, вызывающим не только к разуму, но и к сердцам:

«Мы вступили в полосу самых серьезных и напряженных боев за Москву. Враг будет пытаться прорвать нашу оборону, для этого он бросает новые силы. Перед нами — бойцами, командирами и политработниками Волоколам-

* Так первое время называли панфиловцы реактивные минометы, которые станут впоследствии знаменитыми под именем «катюши».

ского направления, перед всеми войнами, обороняющими подступы к Москве, стоит теперь великая историческая задача — выдержать и этот новый напор гитлеровских полчищ, встретить его стойкостью, мужеством, самоотверженностью.

Враг подбирается к нашему сердцу — Москве. Не щадя своих сил, выйти на борьбу с решимостью — победить или умереть.

Ни шагу назад! Таков приказ Родины нам, защитникам Москвы».

...И вот наступило это самое утро. Решающая битва за Москву...

Из боевого донесения 1075-го полка в штаб дивизии с пометкой — 8.00: «В 7-00 противник открыл минометный огонь из района Жданово по Б. Никольское, Нелидово, Петелино». Нелидово, заметим, — это один из участков обороны, укрепленный за ротой П. Гундиловича и В. Ключкова. Дубосеково — рядом, в девятистах метрах.

Началось!.. Ротный политрук Ключков спешит ко второму взводу, в передовые траншеи. Как все здесь еще вчера было таким покойным и мирным! Небольшой, позимнему тихий лесок охватывает полукольцом домик путевого обходчика. За ним тускло поблескивают уходящие рельсы, кое-где тронутые пятнами ржавчины — давно не проходили поезда. Впереди окопов — поле, под снегом чувствуется комкастая пахота. Придет весна, и подобреет, зазеленеет оно, выбьются к солнышку веселые стрелки побегов. Ветра нет, но взбивается и взвихривается снег: еще издали видно, как вспарывают наст разрывы и прошивают его автоматные и пулеметные очереди.

Не стоит, по всей вероятности, подробно рассказывать, как проходил, как сложился и как закончился этот бой. Он хорошо известен благодаря знаменитому очерку А. Кривицкого. Напомню лишь главное.

Политрук пришел в Дубосеково, когда бой был уже в разгаре. Накатилась первая волна гитлеровских автоматчиков. Половина из них осталась у окопов.

Вторая волна — танки. Пока только двадцать. Политрук пошутил: «Меньше чем по одному на брата». Танки шли напролом. Четырнадцать из них подбито...

И снова атакующий вал — тридцать машин. Вот тут и раздался воодушевляющий призыв политрука, известный сейчас всему миру: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва».

Горят стальные громадины... Обороняющихся все меньше. Кончаются боеприпасы. Молчат противотанковые ружья.

«Ребята, не тушеваться! — подбадривает бойцов политрук. — Ведь мы с вами — красноармейцы!..»

Отбиваются гранатами. Вот и Ключков бросает на лязгающие траки свою последнюю связку гранат. Перебил гусеницу. Но и сам пронзен пулями. Ранение. Смертельное...

Он до конца остался примером для своих однополчан. Назовем имена тех, кто вместе с ним не оставил позиций:

Николай Ананьев, Григорий Безродный, Николай Болотов, Яков Бондаренко, Илларион Васильев, Петр Дутов, Петр Емцов, Нарсутбай Есибулатов, Дмитрий Калейников, Аликбай Касаев, Аскар Кожебергенев, Григорий Конкин, Абрам Крюков, Николай Максимов, Гавриил Митин, Николай Митиенко, Николай Москаленко, Иван Натаров, Григорий Петренко, Мустафа Сенгирбаев, Дмитрий Тимофеев, Николай Трофимов, Иван Шадрин, Душанкул Шапоков, Григорий Шемякин и Иван Шенетков.

Дубосеково, 16 ноября. Несколько десятков шагов обороны у никому еще тогда не известного разъезда.

Мы гордимся солдатским подвигом 28 героев. Они не дрогнули перед 50 танками врага.

Но не только в этом смысл боя, который приняли они. Солдаты не просто проявили стойкость и бесстрашие.

Четыре-пять часов, выигранных у врага... Однако по истине драгоценными оказались они для Москвы. Война — это сложный механизм, где все переплетено и туго связано. Эти часы дали другим ротам и батальонам полка возможность для маневра. И результат — Волюколамское шоссе осталось для танков врага недостижимым. Прорыв не удался. Путь к столице был надежно перекрыт ротой и ротами, полком и полками, дивизией, всей 16-й армией, всеми, кто стоял тогда насмерть у ее стен.

«Правда» через два дня писала: «Восьмая дивизия заслужила награду в ожесточенных боях с врагом на подступах к Москве, в суровых и напряженных боях. Отстаивая Москву от немецких захватчиков, 8-я гвардейская дивизия проявила мужество и стойкость, ту великую преданность советскому народу, нашему Отечеству, которые рождают героев...»

Алексей Иванович ШАХУРИН

Нарком авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин сидел за столом усталый, измученный, с посеревшим лицом и красными, воспаленными после бессонных ночей глазами. Когда он задавал очередной вопрос своему заместителю, конструктору А. С. Яковлеву, голос его, раньше глубокий и сильный, звучал хрипло. Разговор шел о результатах эвакуации из Москвы ученых и конструкторов. Правительство считало необходимым оградить их от всех случайностей и удалить от линии фронта. Однако и С. В. Ильюшин, и Н. Н. Поликарпов, и А. А. Архангельский находили, на их взгляд, веские причины, мешавшие скорому выезду. Только категорический приказ заставил их подчиниться. К полуночи 14 октября все выехали из столицы.

Раздался звонок кремлевского телефона. Звонил Анастас Иванович Микоян — его также интересовала судьба конструкторов. Нарком — память никогда не подводила его — перечислил персонально каждого. Положив трубку телефона, приказал срочно, в эту же ночь, оставить город и Яковлеву.

Шли кризисные для Москвы, для всей страны дни. Отступление наших войск, жестокие бои под Москвой, эвакуация — все это с трудом укладывалось в сознание. Однако всем своим видом, поведением нарком подчеркивал — как бы ни были тяжелы наши военные неудачи, а неоспоримое преимущество на нашей стороне и победа будет за нами.

И все-таки печеловеческое напряжение последних месяцев сказывалось — А. И. Шахурин стал резок, беспощадно обрывал посторонние, «не по делу» разговоры. Сам

же работал в бешеном, на пределе возможностей, ритме.

Вопросы, требующие немедленного решения, большие и малые, возникали ежеминутно. Поездки по заводам и аэродромам, важнейшие заседания в Кремле, бесчисленные телефонные звонки... Суток не хватало. Пропадал сон, но мысль работала четко. Мгновенные, нередко рискованные решения оказывались единственно правильными.

В одиннадцатый утра того же дня всех находившихся в Москве наркомов вызвали к Сталину, в Кремль. Молотов встретил их стоя. И так же, стоя, объявил решение правительства — оги должны немедленно выехать в места перебазирования наркоматов. Лишь небольшие, по 20—30 человек, оперативные группы наркоматов оставались в столице.

По притихшему, неузнаваемому городу Алексей Иванович возвращался в Уланский переулок, в наркомат. По-военному строгая, суровая, как никогда, дорогой и близкой стала Москва. Мешки с песком в витринах магазинов. Твердая поступь ополченцев, еще не успевших расстаться с гражданской одеждой. Тревожные слова из репродукторов: «После упорных, тяжелых боев наши войска оставили город...»

Война!

Хотелось, нет, настоятельно требовалось осмыслить многие неожиданности, что принесла она с собой. Он ее предвидел. Готовился к ней сам, готовил к ней всех, с кем работал. Но даже ему пришлось пережить болезненную ломку многих довоенных представлений.

Едва войдя в кабинет, не раздеваясь, А. И. Шахурин позвонил Сталину. Нарком считал своим долгом лично закончить эвакуацию всех предприятий авиационной промышленности и потому просил разрешения задержаться в Москве. Верховный Главнокомандующий, обычно не любивший корректировать, тем более отменять свои приказы, коротко ответил:

— Хорошо, оставайтесь.

А. И. Шахурин давно научился по интонации различать настроение Сталина. Сейчас он понял, что за этим скорым, без колебаний согласием сделать именно для него, единственного из всех наркомов, исключение стояло многое — и скрытая тревога, и требовательное ожидание.

Нужны самолеты! Они нужны были как хлеб, как воздух! Ему, народному комиссару авиационной промышленности, объяснить это было не надо. Самолетов в ту

первую военную осень у нас было гораздо меньше, чем у врага. Немцы практически безраздельно хозяйничали в воздухе. В газетах чуть не ежедневно публиковались очерки о воздушных схватках: «Трое против восемнадцати», «Семеро против двадцати пяти». А. И. Шахурин остро чувствовал свою ответственность за положение на фронтах, которые требовали, молили самолеты.

...За Волгу, на Урал, в Сибирь — в эвакуацию двинулись тысячи эшелонов. Составы с людьми, станками, заделом готовых деталей и заготовок, технической документацией. Работы по демонтажу заводов не могли приостановить даже палеты вражеской авиации. Каждый станок снимался буквально на ходу, еще сохранившим тепло рабочих рук. Цехи сборки сдавали боевые машины на заводских аэродромах прямо военным летчикам.

Нарком появлялся всюду, где возникали трудности. Глубокой ночью докладывал в Совет по эвакуации, сколько эшелонов погрузили за день и сколько нужно на завтра. А под утро, в те короткие часы, в которые он забывался сном на диванчике своего кабинета, А. И. Шахурин снова, уже во сне, видел эти составы, что двигались в невероятной тесноте, пропуская на запад воинские эшелоны, а на восток — санитарные поезда.

Если бы до войны его спросили о сроках переброски завода на новое место, ответ был бы один — не меньше года. Трудовое мужество советских людей опрокинуло все здравые расчеты. Практически за десять дней октября было отправлено более восьмидесяти процентов оборудования. А в январе — феврале А. И. Шахурин докладывал в Политбюро ЦК ВКП(б) об окончании эвакуации.

...Он видел эти составы, добравшиеся до места назначения. Вагоны, почерневшие от копоти. Со следами пулевого обстрела. С пробитыми осколками снарядов крышами. Голодными, замерзшими, падающими от усталости прибывали на новые места люди. И эти люди, которым нигде было жить, многие из которых не успели захватить из дома теплую одежду, но которые взяли с собой все необходимое для работы, сразу же начинали строить заводы, выпускать боевые самолеты. Сначала из заделов. Потом полностью производя их на месте.

В результате к марту 1942 года выпуск самолетов увеличился по сравнению с довоенным. Весной 1943 года советские летчики, одержав в небе Кубани крупную победу, положили начало завоеванию господства в воздухе. К середине 1943 года наши ВВС по количеству самолето-

тов превосходили немецко-фашистские в два раза. В битве на Курской дуге в полной мере проявилось наше господство в воздухе. Войска противника несли огромный урон от ударов краснозвездной авиации. А в мае 1945 года советские самолеты, вопреки всем правилам военного времени, летали штурмовать подступы к вражеской столице с включенными огнями на крыльях и хвостовом оперении, чтобы не столкнуться со своими же самолетами. Так их было много.

И в этом была немалая заслуга коммуниста ленинско-го призыва, Героя Социалистического Труда, наркома авиационной промышленности, генерал-полковника Алексея Ивановича Шахурина, его ума, воли, энергии, сердца...

Через тридцать лет после войны А. И. Шахурин напишет книгу воспоминаний «Крылья победы». Это станет последним делом из многих, что осуществил он за свою жизнь. Алексей Иванович расскажет о событиях предвоенной и военной поры, о товарищах, с кем пришлось работать, о взлете нашей конструкторской авиационной мысли...

Люди, дела, факты... А. И. Шахурин будет писать о них так, будто все происходило вчера. А вот впечатления детских лет проявятся в памяти с трудом, урывками. Слишком редко доводилось обращаться назад, не было у него времени для неспешных воспоминаний, неторопливых рассказов о детстве. Лишь родное село Михайловское, что стояло недалеко от Москвы, на шоссе Москва — Серпухов, да образ родителей навсегда остались в сердце.

Отец его, Иван Матвеевич, родом был из крестьян, но работал на окраине Москвы, на арматурном заводе, принадлежавшем промышленнику Гакенталю, — он так тогда и назывался: «Арматурный завод и фабрика манометров Гакенталь». К 25 февраля 1904 года, когда у Шахуриных родился первый сын, Алексей, Иван Матвеевич уже имел репутацию первоклассного медника.

Жили Шахурины, как все трудовые, рабочие люди. Отец работал, мать, Татьяна Михайловна, растила детей. Те, в свою очередь, помогали ей в бесконечных домашних делах и заботах. С деньгами было трудно. Концы с концами едва сводили — лишнего не оставалось. Первая мировая война лишила семью и этого, пусть небольшого, но верного дохода — в январе 1915 года Ивана

Матвеевича призвали в армию. Все заботы о пятерых детях легли на мать.

Алексею, старшему, надо было устраиваться на работу. Найти что-то подходящее оказалось непросто. Все же при помощи знакомых удалось определить его учеником в электротехническую контору. Это было в мае 1917 года.

...Революционный вал катился по всей стране. Бурлила страна, бурлила Москва. Ораторы и агитаторы, газеты и листовки, митинги и собрания. Кадеты, эсеры, меньшевики, большевики... Как разобраться во всем этом деревенскому парнишке? Каким словам верить? Какая дорога правильная?

Открыв рот, слушает Алексей споры двух продавцов электротехнической конторы. Один из них — Константин Большаков, молодой, обаятельный. Другой — Цыганков, лет пятидесяти, полный, с пышными усами.

— Нет уже царя. Скоро и господ прогоним! — звенит голос первого.

— Это мы вас, большевиков, на фонарных столбах перевешаем! — хрипит бывший полицейский Цыганков.

— Не выйдет! Не придется больше монархистам да полицейским глумиться над народом. Скоро придет иная жизнь! — В голосе Большакова ясно слышна угроза, и Алексей весь подбирается: если дело дойдет до драки, Константин найдет в нем хотя и неокрепшего еще физически, но верного товарища.

И пусть еще трудно привыкнуть к мысли, что царя уже нет, пусть почти невероятной представляется жизнь без помещиков и капиталистов, он, Алексей, все равно верит этому первому в его жизни большевику, верит в то, что время, о котором он говорит, придет. Умом и сердцем Алексей Шахурин понял: большевики за народ, за его счастливую жизнь. А он вышел из народа, из трудовых его недр. Значит, и он за большевиков. Было ему тогда 13 лет.

В тяжелое, сложное время проходило его возмужание. Гражданская война, трудные 20-е годы. Хозяйство развалено войной. Фабрики и заводы стоят. Не хватает продуктов, топлива, одежды... Безработица.

Алексей работал где придется, там, где удавалось найти место. Только весной 1922 года из уважения к отцу взяли его молотобойцем на завод, что раньше принадлежал Гакенталю, а теперь назывался «Манометр» (здесь и сегодня выпускают сложные приборы для контроля и

регулирования теплотехнических процессов). Вскоре его перевели в инструментальный цех, на фрезерный станок.

...По утрам старый, истертый, дрожащий вагон пригородного поезда переполнен: жители окрестных деревень едут в Москву — на заводы и фабрики, на толкучки и барахолки... Крик, грязь, махра, песни. Шахурин не замечает этого. С трудом балансируя на одной ноге — другую негде поставить, — он читает. Но вот в дальнем конце вагона возникает спор. Ничего удивительного в том не было. Ведь тогда формировалось мировоззрение целого поколения, и спорили по любому поводу — о смысле жизни и ценах на «черном рынке», о будущем, о заграничном фильме, что шел на экранах считанных московских кинематографов. Ничего странного не было и в том, что в спор, яростный, до хрипоты, до хватания за грудки, включался подчас весь вагон. ...Алексей, закрыв книгу, слушает внимательно. Наконец — он знает, так бывало уже не раз, что этот момент придет, — кто-то говорит:

— Ну а ты, комсомол, что скажешь?

Люди замолкают, на него обращены все взгляды: подбадривающие: «Не подкачай, парень!» Злобные: «Чтобы опростоволосился, комсомольский выродок...»

Шахурин уверен в себе, он в курсе политических новостей, знает их партийную оценку. И со свойственной ему решимостью он обычно вносит ясность. Логикой он умеет остудить самые горячие головы. Манера разговора — спокойная, выдержанная — всегда будет ему свойственна.

Энергичный, увлеченный работой, общительный, Алексей Шахурин быстро завоевал на заводе любовь товарищей, сразу стал для них «своим парнем». Он был неутомим, находил время для всего. Учился на вечерних электротехнических курсах. Выполнял общественные поручения. Любил песни. Любил входивший тогда в моду кинематограф. Через полгода после прихода на завод Алексея избрали секретарем комсомольской ячейки, которая тогда только начинала складываться и насчитывала на первых порах 10—15 человек.

...Жизнь брала стремительный разбег. Любое дело казалось по плечу — только начни. Не хватало одного — знаний. Ведь Алексей не имел даже законченного среднего образования. Правда, отсутствие образования в ту пору было скорее правилом, чем исключением. Поэтому в Москве был создан Центральный дом коммунисти-

ческого воспитания рабочей молодежи, туда и поступил Шахурин по путевке райкома комсомола. Сдал экзамены, получил место в общежитии, перевез туда свои вещи, явился на завод, чтобы сдать дела, и... по решению партбюро с «Манометра» его не отпустили:

— Учиться еще успеешь, — сказали ему. — Пока ты нужен здесь.

...Шахурин вышел из здания райкома, закурил, обдумывая только что закончившийся разговор. Мимо, раскидывая грязные комья снега, промчался лихач. Мелькнуло сытое лицо нэпмана, грузная, в мехах, фигура... Алексей проводил его взглядом, зло сплюнул: «Ну, гады, догодите!» — и, подняв воротник легкого, не по сезону пальто, зашагал к трамвайной остановке. На заводе его ждало множество дел. «Правы, тысячу раз правы товарищи из партбюро, не отпустив меня с завода, — думал он по дороге. — Сегодня не до личных желаний и планов, не до устройства своих дел. Нужно отложить их до тех пор, пока не уничтожим нэпмановскую сволочь, пока не наберет силу наше народное хозяйство...»

Еще год проработал А. Шахурин на «Манометре». Потом его вызвали в райком:

— Рекомендуем тебя в райком комсомола.

Не без сожаления покидал он знакомые цеха завода. Всю жизнь Алексей Иванович будет считать его родным. Здесь сорок лет трудился его отец. Здесь начинали свой трудовой путь и два его брата. Здесь Алексей вступил в партию, создал пионерский отряд. Где бы потом ни работал А. И. Шахурин, он всегда считал, что коллектив «Манометра» имеет право спросить его, что и как он делает, а если нужно, если он не справляется со своими обязанностями, то и отозвать обратно.

В декабре 1924 года началась работа Алексея Шахурина в Бауманском райкоме комсомола, в отделе политпросветработы. День за днем накапливал он опыт организаторской работы, так пригодившийся впоследствии. Работал Шахурин, не жалея сил. В марте 1926 года на VII съезде комсомола, делегатом которого он был, его избрали членом ЦК ВЛКСМ.

Работа именно в Бауманском, крупнейшем из шести в то время районов столицы, имела для Алексея Шахурина большое значение. Здесь было много крупных предприятий, более 15 учебных заведений, несколько ведущих научно-исследовательских институтов страны, и прежде всего ЦАГИ. Пропагандисты райкома, руководители

политшкол и кружков были по преимуществу хорошо образованными людьми, общение с которыми многое значило для начинающего комсомольского работника. С другой стороны, часть бывшей буржуазной технической интеллигенции, «спецов», относилась тогда к Советской власти скептически. С такими людьми Шахурину тоже нередко приходилось сталкиваться. Что мог он тогда противопоставить этим людям, уверенным в своей незаменимости, высокомерно высмеивающим его незнание тех или иных «элементарных», как им казалось, вещей, кроме своей партийной убежденности? Алексей до скрипа сжимал зубы, борясь, с собой, с естественным человеческим желанием ответить грубостью на грубость, хамством на хамство.

«Незаменимы? Черта с два! — думал он. — Можно сопротивляться, злиться, но мы вырвем из ваших рук науку, чего бы это нам ни стоило».

Вечерами до глубокой ночи просиживал он над учебниками. А осенью 1927 года успешно сдал вступительные экзамены в Промышленно-экономический институт, который потом стал называться Инженерно-экономическим институтом имени Серго Орджоникидзе.

Начинался новый этап его жизни.

Впоследствии, став наркомом авиационной промышленности страны, он сразу же возьмет твердый курс на выдвижение молодых кадров. Стремление поручать самые ответственные и сложные задания молодым инженерам, конструкторам, готовность поощрять творческие дерзания, смелые новаторские решения всегда было характернейшей его чертой. Не память ли о комсомоле была тому причиной?

Учиться Алексей Иванович стал на машиностроительном факультете. Почему он выбрал именно машиностроительный? Ведь до сих пор его специальностью была электротехника. Для Шахурина это решение было более чем естественным — оно диктовалось логикой времени.

В декабре 1925 года состоялся XIV съезд партии, вошедший в историю как съезд индустриализации. В его решениях было записано: «...вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование: чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического хозяйства, а представлял собой

самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически».

Значимость резолюций съезда для будущего страны была огромна — это было понятно каждому партийцу. Убежденный коммунист, Алексей Иванович Шахурин принадлежал к людям, которых по праву называли солдатами партии. Человек долга, беззаветно преданный своему народу, он всегда находился там, где был нужнее всего.

— Большевики должны овладеть техникой! Нам самим пора стать специалистами! — Шахурин, студент и секретарь партийной организации Промышленно-экономического института, не уставал повторять эти слова и на собраниях, и в разговорах с товарищами. Сам же учился яростно, стремился стать зрелым, грамотным инженером.

В те годы создавался наш легендарный Красный Воздушный Флот. В июле 1929 года Центральный Комитет партии в постановлении «О состоянии обороны СССР» отмечал: «Считать, что важнейшей задачей на ближайшие годы в строительстве красной авиации является скорейшее доведение ее качества до уровня передовых буржуазных стран, и всеми силами следует насаждать, культивировать и развивать свои, советские научно-конструкторские силы, особенно в моторостроении».

На работу в авиацию партия посылала лучших. Среди «парттысячников» был и выпускник Промышленно-экономического института коммунист Алексей Шахурин. Он получил направление на один из заводов Гражданского воздушного флота и стал там начальником отдела организации производства.

...А. И. Шахурин уставал в первые недели работы на заводе необыкновенно. Его хвалили, отмечали деловую направленность, способность улавливать суть задачи. Однако сам Алексей Иванович был собой недоволен.

Да, он получил в институте хорошие знания. Литейное дело изучал на «Красном пролетарии», мареновское — на заводе «Серп и молот», технологическую практику проходил на АМО и на 1-м Государственном подшипниковом заводе. Но этого было мало. Авиационная промышленность стремительно росла, впитывая в себя наивысшие достижения науки и техники.

Вечерами, прикрывая настольную лампу газетами,

чтобы не мешать спать домашним, А. И. Шахурин сидел за книгами. Когда буквы начинали сливаться в одну сплошную черную полосу, он выходил на кухню, закуривал. Мысли были невеселые.

Ему скоро тридцать. У него семья, сын. Разве имеет он право еще на несколько лет оторваться от активной деятельности, снова сесть на учебную скамью?

— Нет, я еще раз нет! — говорил себе А. И. Шахурин. И тут же задавал другой вопрос: — А работать в авиации без серьезных, фундаментальных знаний самолета? Руководитель, который не может считать себя первоклассным специалистом в своей области, — это недоумение...

Как известно, судьба всегда благосклонна к тем, кто твердо знает, чего хочет добиться в жизни. В начале 1933 года А. И. Шахурин по ходатайству П. С. Дубенского, заместителя начальника Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, был переведен в эту академию на должность инженера по вольному найму.

П. С. Дубенский был человеком в высшей степени незаурядным. Один из организаторов Красного Воздушного Флота, крупный ученый, он был страстным пропагандистом достижений авиационной науки, а потому руководил авиационной секцией в обществе техников-марксистов (были в те годы и такие!), активным участником которого был студент пятого курса Промышленно-экономического института Шахурин. На встречу с Дубенским, который произвел в свое время на него огромное впечатление, Алексей Иванович решился в трудное время неуверенности в себе и мучительных раздумий. Она-то во многом и предопределила его дальнейшую судьбу.

П. С. Дубенский, возглавлявший научно-исследовательский отдел, который направлял, организовывал и координировал научные работы всех факультетов и кафедр, всех ученых и преподавателей академии, сумел найти оптимальный для молодого инженера выход из положения: предложил ему работать в его отделе и одновременно посещать интересующие Шахурина лекции и семинары.

Военно-воздушная академия имени Н. Е. Жуковского была первым и тогда единственным в стране высшим военным авиационным учебным заведением. Здесь преподавали выдающиеся представители молодой авиационной науки. Многие из них стали впоследствии академиками, всемирно известными учеными. А. И. Шахурин с огром-

ным интересом посещал лекции И. И. Артоболевского, аэродинамику изучал под руководством Б. Н. Юрьева, знакомился с двигателями у Б. С. Стечкина, летными характеристиками самолетов — у В. П. Ветчинкина... Как заместитель председателя общества изобретателей в академии был тесно связан с Н. Г. Бруевичем, В. С. Пыльниковым, В. Ф. Болховитиновым, В. В. Уваровым. Все эти имена навечно вписаны в самые яркие страницы истории отечественной авиации.

В академии царили атмосфера высокой требовательности, дух практической целесообразности, все было направлено на развитие инженерной интуиции. Здесь учили думать, обобщать, развивали самостоятельность суждений. Здесь решались многие проблемы отечественной авиации, ранее казавшиеся неразрешимыми.

На смену биплану, считавшемуся идеальной формой самолета, приходил моноплан. Погоня за скоростью породила убирающееся шасси, обрамление двигателей и винтов обтекаемыми капотами, применение винтов с изменяющимся в полете шагом. Переход к новым конструкциям происходил благодаря достижениям аэродинамики, строительной техники, внедрению высокопрочных материалов.

За всеми этими новшествами А. И. Шахурин постоянно следил, жадно восполняя недостаток знаний по авиации. Он был инженером особого склада: прекрасно понимал значение науки для экономической и оборонной мощи страны, для него наука была образом действия, путеводным маяком в решении проблем, которые сейчас называют научно-техническим прогрессом. Узнав о том или ином открытии, А. И. Шахурин прежде всего думал, что даст стране практическое его применение. Он был инженером-политиком, его уже тогда отличал государственный подход к науке и технике.

В один из августовских дней 1937 года А. И. Шахурин вызвали в Московский комитет партии. Разговор оказался неожиданным — ему предложили стать парторгом ЦК на авиационном заводе. Уходить из академии было страшно обидно, но...

— Сейчас есть установка посылать на партийную работу в промышленность инженеров.

Он заметил, что не хочется расставаться с армией —

у него было уже звание военного инженера второго ранга.

— А вы останетесь в кадрах армии.

Больше возразить было нечего.

— Ну что ж, если надо, я готов.

На авиационном заводе, где Алексей Иванович стал работать парторгом Центрального Комитета ВКП(б), был прекрасный рабочий коллектив. Это он оценил очень скоро. Работники были в основном кадровые, многие трудились целыми семьями — отцы и сыновья.

Вот мастер медницкого цеха Курсков... На сцене заводского клуба перед тысячами внимательных глаз продемонстрировал он свое искусство рабочего. Как основательно знали и Курсков, и другие мастера технологию, как понимали значение «мелочей», микронной точности в изготовлении сложнейших элементов самолета! Это они воспитали у А. И. Шахурина привычку: если тебе трудно, если ты столкнулся с трудностями, которые не под силу преодолеть одному, — иди к рабочему классу, обращай к его уму, опыту, совести. Интуиция, классовое чутье народа всегда подскажут, правилен ли твой путь.

— Наш народ удивительно талантлив, поймет и оценит твоё решение лучше тебя самого, — будет не раз повторять А. И. Шахурин разным людям. — Неискренность, желание обойти острые углы сразу почувствует и прореагирует.

На всю жизнь Алексей Иванович сохранил чувство признательности этому заводу, его прекрасным мастерам, которые могли воплотить в металл любую конструкцию.

Однако и испытаний новому парторгу ЦК на первых порах выпало немало. Прежде всего на заводе не было твердого руководства. Директор завода Сидора прекрасно знал производство, был до этого директором Харьковского тракторного завода, но самолеты раньше не строил и поэтому чувствовал себя в авиационной промышленности неуверенно. Главный инженер Шекунов, наоборот, был опытным самолетостроителем. Но не было в нем необходимой решительности, смелости в освоении нового, прогрессивного, что так ценил в людях Шахурин и что в огромной степени было присуще ему самому.

А. И. Шахурин решительно восставал против успокоенности, которая в то время наблюдалась у некоторых руководителей авиационной промышленности. Остро чувствовал опасность, что таилась в бытовавшей тогда уве-

ренности: мы «летаем дальше всех и выше всех». Тщательно изучая всевозможные источники, откуда можно было почерпнуть сведения о состоянии дел в мире техники промышленно развитых стран, — официальные документы, сводки, газетные статьи, рассказы очевидцев, — он приходил к выводу: в период гонки научной и технической мысли надо очень и очень быстро поспевать, чтобы тебя не обошли другие.

К сожалению, время довольно скоро подтвердило его правоту. Уже в конце 1938 года в небе Испании появились новые, модернизированные в ходе военных действий «мессершмитты». Их преимущество перед нашими истребителями И-15 и И-16 было очевидным.

— Мы должны использовать любую возможность, любую мелочь, если эта мелочь способствует подъему производства, — говорил А. И. Шахурин на одном из первых собраний перед тысячной аудиторией коммунистов завода. — Нет сейчас большей опасности, чем удовлетвориться достигнутым, замедлить движение.

И сам прилагал огромные усилия для того, чтобы московский авиационный завод двигался вперед с максимальным ускорением.

Едва прийдя на завод, А. И. Шахурин сразу включился в его реконструкцию, которая там начиналась, модернизацию оборудования и технологического процесса: необходимо было внедрить автоматическую обработку капотов и коков винтов на падающих молотах, перевести изготовление ряда важнейших деталей на пресс, дюралевые профили — на зиг-машины, начать переход на сварку.

Смелое решение им многих вопросов создало на заводе истинную атмосферу поиска. Наделенный столь необходимым для руководителя даром организовывать, сплачивать вокруг себя людей, он сумел увлечь в борьбу за новое весь коллектив. В его кабинет шли инженеры, конструкторы, рабочие, забывая порой, что он не директор, а партийный работник.

Тогда-то он и сблизился с заместителем начальника цеха Петром Васильевичем Дементьевым, который впоследствии станет его заместителем на посту наркома, а потом и возглавит авиационную промышленность страны, будет руководить ею почти четверть века. А. И. Шахурин сразу выделил молодого инженера, отметил его решительность, дар мгновенно ориентироваться в любой ситуации, деловую хватку.

Работая на заводе, А. И. Шахурин по-новому ощутил

ответственность каждого за каждый самолет. Безусловно, умозрительно он представлял все и раньше, но теперь при мысли о конкретном летчике, получавшем новую машину, многое приобретало иной смысл. Конечно, при испытании только что вышедшего из цеха сборки самолета всякое может случиться — мельчайшие, невидимые взгляду недоделки могут вызвать аварийную ситуацию в воздухе. Для того чтобы устранить все производственные дефекты, на каждом авиационном заводе и существует штат летчиков-испытателей, которые производят облеты. Риск в профессии этих людей был неизбежен.

— Все ли мы делаем для того, чтобы уменьшить степень риска? — спрашивал А. И. Шахурин. — Подготовка самолета к облету должна проводиться с предельной тщательностью.

Любой испытательный полет он стремился окружить исключительным вниманием. Благодаря ему значительно улучшилась организация работ по подготовке самолетов к облетам, их проведение.

В то время на московском авиазаводе работали блестящие летчики, которыми до сих пор гордятся авиапромышленность, — Владимир и Константин Коккинаки, А. И. Жуков, братья Давыдовы, В. А. Степанченко...

Стиль работы А. И. Шахурин, его большие организаторские способности не остались незамеченными. Однажды в конце апреля, в субботу, много позже окончания рабочего дня, ему позвонили из ЦК.

— Центральный Комитет рекомендует вас первым секретарем Ярославского обкома партии. Сегодня вам нужно собрать партком и сдать дела, а завтра выехать в Ярославль. В понедельник утром там созывается пленум обкома.

Сначала А. И. Шахурин — зачем скрывать? — даже испугался. Начинать партийную работу такого масштаба, о которой он раньше не мог подумать!

— А как же авиация? Неужели придется навсегда расстаться с самолетами?

Однако время было неподходящим для лирических переживаний. Внешне, правда, все было в порядке. Торжественно шествовала весна. Мир был на всей советской земле. Газеты писали о последователях Алексея Стаханова, Паши Ангелиной и Марии Демченко. Но Европа была охвачена пожаром. Огонь мог перекинуться и к нам. Каждый час отсрочки войны — это возможность усилить экономический потенциал страны, а значит, и

возможность скорее победить в предстоящей войне. Такова была атмосфера того предгрозового времени.

Ярославская область включала в 30-е годы и нынешнюю Костромскую, всего 52 района. Здесь были машиностроительный, автомобильный и шинный заводы, завод строительного каучука и лакокрасок, текстильная фабрика «Красный Перекоп», льнокомбинат. Многоотраслевым было сельское хозяйство. Гордостью его были знаменитые костромские породы крупного рогатого скота и тутаяевские овцы. Таково было «хозяйство» А. И. Шахурина, до этого знавшего лишь один завод. Он всегда был деятельным, энергичным. Теперь же, чувствуя неизмеримо возросшую ответственность, работал с утроенной энергией, с увлеченностью, мобилизуя весь свой опыт, организаторские способности. Тогда он сформулировал и принял для себя ряд правил, определяющих основные направления деятельности руководителя.

Первое правило: хорошо изучить свой фронт работы. Руководитель должен все видеть, все знать. Никакие рассказы, доклады и отчеты не заменят личного знакомства с краем, личного общения с людьми, личного изучения дел на каждом заводе и фабрике. Его трудно было застать в кабинете. В нем А. И. Шахурин бывал обычно лишь по вечерам, когда, вернувшись из поездки, подводил итоги дня. Днем же его невысокую, коренастую фигуру можно было увидеть на торфоразработках, на лесоповале, в колхозах.

Второе правило: забота о кадрах. А. И. Шахурин много размышлял о характере людей, которые должны находиться на партийной работе, о том, как надо работать с людьми. «Самое важное — узнать людей, — напишет он позже. — Прежде всего руководителей... Понять, на что можно рассчитывать, каковы реальные и потенциальные возможности того или иного партийца. Судить нужно не только по беседе, не только по первому впечатлению о человеке, хотя это и важно, но и по тому, как делается дело, каков человек в работе. Не всегда можно сказать с уверенностью, узнав, как идут дела в районе или городе, плох или хорош тот или иной руководитель. В руководителя нужно вглядываться пристально, видеть его целиком как личность, помогать расти».

Взвешивая и обдумывая все, что приносил каждый день, Алексей Иванович убеждался: от человека нельзя

только требовать. Внимание, забота о его нуждах, доверие могут сделать подчас больше грозных приказов и циркуляров. «Правда, — не раз задумывался А. И. Шахурин, — мы еще многого не можем дать человеку, не всегда в наших силах облегчить его жизнь. Но ведь и люди это понимают. Взять, к примеру, женщин, с которыми встречался на торфоразработках. Тяжелый, изнурительный у них труд. А они все делают с шуткой, с песней. Спецобувь для работы в болоте, горячее питание поближе да хорошее отношение — единственные их просьбы».

С этими работающими русскими женщинами он отдохнул душой. Их соленые шутки, лирические песни вернули А. И. Шахурина в дни юности. Он был своим среди этих людей, к ним уходили его корни. Демократизм, органический присущий ему, не имел ничего общего с той внешней простотой общения, которой щеголяют иные чиновники: «Смотрите, как я разговариваю с простыми людьми, как с равными!» Требовательность А. И. Шахурина, категорическое неприятие любой недобросовестности в выполнении возложенных обязанностей всегда сочетались у него с уважением к труду каждого рабочего, каждого инженера, каждого ученого.

...Правильно сказано: жизнь полна неожиданностей. В середине зимы раздался телефонный звонок из Москвы:

— Приезжайте завтра докладывать на Оргбюро ЦК ВКП(б) о работе обкома.

— Как завтра? Надо же подготовиться!

Голос в трубке:

— А разве вы не знаете, что делаете?

— Знаю.

— Ну вот об этом и доложите. А кроме того, у вас уже около месяца находится инспектор ЦК. Так что завтра ждем вас к десяти утра.

...Шахурин заметно волновался, поднимаясь на трибуну. Первые слова произнес быстро, торопливо — шутка ли, доклад в ЦК, да еще первый! К тому же, пока шел от входной двери удлиненного зала до трибуны, понял, что подготовленные в обкоме тезисы доклада ни к чему: по ним нужно говорить не меньше часа, а ему дали всего пятнадцать минут. Однако постепенно его речь стала спокойнее, приученный еще со времени работы в

академии к военной дисциплине, уложился в отведенный срок.

Работу обкома признали удовлетворительной. Когда после доклада шел к рядам, где сидели ярославцы, его остановила Надежда Константиновна Крупская:

— Товарищ Шахурин, большое спасибо вам за доклад.

Алексей Иванович был ошеломлен этой благодарностью:

— За что же?

— Видите ли, — сказала Н. К. Крупская, — обычно секретари обкомов говорят цифрами и процентами о работе промышленности и сельского хозяйства, а вы говорили о людях. Это очень хорошо и интересно. И партийно.

Он отошел от Надежды Константиновны с ощущением, будто получил очень высокую награду.

В тот же день, едва успев пообедать, новый вызов в ЦК.

— Вас решили рекомендовать первым секретарем Горьковского обкома партии.

— Как же так, я еще так мало сделал в Ярославле, столько планов...

— Горький — еще более сложная область.

...Шел январь 1939 года. В марте предстоял XVIII съезд партии. Нужно было разобраться с делами, познакомиться с людьми, провести районные, городские, областную партийные конференции. Оставаясь ночами в своем обкомовском кабинете, откуда была видна стрелка — место слияния Волги и Оки, — А. И. Шахурин успел до съезда изучить, переработать колоссальное количество информации. Заседания обкома, проходившие под его председательством, были прекрасной школой целеустремленного партийного руководства. Он умел точно ставить задачи, имел талант видеть «за далью даль» и в эту даль увлекать за собой. Не призывом только, но готовностью решать самые сложные проблемы, активно вмешиваться в жизнь.

XVIII съезд партии открылся 10 марта 1939 года в Кремле. Обстановка, несмотря на торжественность, была строгая. Сталин выступал с докладом о работе ЦК ВКП(б). Начинался доклад с анализа международной обстановки. Сталин не смягчал ситуацию. Война, провоцируемая по-

литикой невмешательства, бушует в Европе и Азии. Надеяться на пакт о ненападении, на то, что война минует, обойдет нас стороной, — это преступная иллюзия. Вывод, следовавший из доклада, был один — защита от фашизма в могуществе социалистического Отечества. А это значит, что ждать легкой жизни не приходится — ни один день третьей пятилетки не должен быть потерян для народного хозяйства, каждый час соревнования с капиталистическим миром должен быть прожит с максимальным напряжением.

А. И. Шахурин выступил на съезде с обсуждением Отчетного доклада, был избран членом ЦК ВКП(б).

Вернувшись в Горький, он еще сильнее уплотнил свой рабочий день, который и так был насыщен, казалось, до предела. Перерыв на обед — единственная за день возможность передохнуть — сократил до 15 — 20 минут.

Огромное хозяйство города, Дзержинск с химической промышленностью, Муром, Павлов, Выкса, где были сосредоточены металлургия и машиностроение, — все требовало постоянного внимания. Непрерывно приходилось что-то выправлять, кого-то вытаскивать из прорыва, налаживать работу смежников. А тут еще засушливая, без единого дождя, весна, перебои в торговле...

Когда становилось совсем трудно, А. И. Шахурин ехал на какой-нибудь завод. Там, в разговорах с рабочими, среди привычного запаха нагретого металла, в грохоте и скрежете восстанавливалось душевное равновесие, возвращалось настроение. Он как бы впитывал в себя частицу мощи завода, вбирал в себя его силу, чтобы снова с головой окунуться в нескончаемую лавину дел и нерешенных проблем.

...Вызов в Москву, в Кремль, на этот раз застал А. И. Шахурин в обкоме, где он проводил сессию областного Совета. Прямо с сессии, до окончания ее работы, он поехал на вокзал — поезд отходил через несколько минут. Знакомая дорога показалась особенно долгой: «Чем можно объяснить столь срочный вызов? Что могло случиться?» Ответа не находилось — дела шли неплохо, проблем, требующих экстренного решения, не было.

Слова Сталина: «Мы хотим назначить вас наркомом авиационной промышленности. Нужны свежие люди, хорошие организаторы и знающие к тому же авиационное дело», — не сразу дошли до сознания.

— Я на этот пост не готов, — еще не понимая до конца случившееся, не отыскав других слов, ответил Шахурин.

Ситуацию разрядил Ворошилов:

— Вон какой областью руководили, и тут справитесь.

Шахурину даже не дали возможность съездить в Горький и сдать дела.

— Дела нужно передать в Москве. Работа, которая вас ждет, не терпит отлагательства. Всех, кого нужно, пригласим сюда. А в Горький мы пошлем представителя ЦК, который доложит обкому о принятом решении. Вам же нельзя терять ни одного дня и ни одного часа, — сказал Сталин.

Утром следующего дня Алексей Иванович поднимался в свой кабинет в здании Наркомата авиационной промышленности в Уланском переулке. В тот год ему исполнилось 36 лет.

Было ли назначение на пост наркома 36-летнего человека из ряда вон выходящим событием? Конечно, нет. В те годы на ключевые посты нашей индустрии вышло новое поколение молодых руководителей, таких, как Б. А. Ванников, Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, В. А. Малышев, И. Ф. Тевосян, Д. Ф. Устинов, М. В. Хруничев... В то напряженнейшее, сложное время это было само собой разумеющимся.

Впрочем, при первом знакомстве с А. И. Шахуриным вряд ли кто назвал бы его молодым человеком. Постоянное напряжение всех сил, рано познанное бремя ответственности, привычка жить заботами государства, а уж потом личными делами его на вид старше.

...Много тревожных мыслей бродило в голове только что назначенного наркома, когда он входил в свой новый кабинет. «Как отнесутся к его назначению люди, одно имя которых вызывало у него трепетное уважение еще со времен работы в Военно-воздушной академии? Станут ли считаться с его мнением, указаниями? А главное — с чего начать?»

Но тут принесли срочные бумаги с резолюцией Сталина. Зазвонил телефон. Все сомнения вытеснили не терпящие отлагательства дела. Раздумывать о том, что делать и с чего начать, было некогда.

Чем глубже вникал А. И. Шахурин в дела авиационной промышленности, тем яснее понимал, почему столь

решительно и срочно Центральный Комитет начал проводить целый комплекс мероприятий, направленных на резкое изменение положения в авиации.

Что же происходило в те годы в авиационной промышленности?

Производственные мощности наших авиазаводов, созданных за две первые пятилетки, обеспечивали массовый выпуск самолетов, моторов, приборов. Уровень авиационной промышленности в целом был высок. Необходимое количество боевых машин она армии давала. Но надвигавшаяся война требовала коренной модификации самолетов.

Авиационная промышленность — один из ярких показателей экономической мощи государства. На нее работает вся страна, она подгоняет, дает толчок к развитию многих отраслей индустрии. Радиотехники изобретают невиданные еще приборы; металлурги учатся выпускать сверхпрочные и одновременно легкие металлы; химики создают новые лакокраски и специальную резину... А. И. Шахурин с глубоким вниманием относился к нуждам смежников. Заслушивая ежедневно в присутствии работников аппарата и представителей заводов доклады руководителей главков, тут же обсуждая их и внося предложения, направленные на улучшение дела, он стремительно постигал особенности отрасли, в процессе работы изучал ее экономическую структуру, умел мгновенно отделять главное от второстепенного, формулировал требования, которые можно и должно было предъявлять заводам, конструкторским бюро. Дотошно, скрупулезно, доводя порой работников аппарата до «белого казенка», вникал в суть каждой задачи и проблемы, стоявшей перед самолетостроением. И, досконально разобравшись во всех нюансах, во всех деталях вопроса, действовал четко, расчетливо, деловито. В его решениях все было продумано, поэтому, приняв решение, он не отступал от взятого курса и проводил его с железной непреклонностью. Спокойная, несуетливая уверенность А. И. Шахурин вызывала доверие подчиненных. Коллектив наркомата рождался в деловой обстановке.

Первым заместителем наркома стал Петр Васильевич Дементьев, старый знакомый А. И. Шахурин. Он отвечал за серийное производство самолетов всех типов. Мудрый, вдумчивый лидер промышленности, он с огромным уважением относился к науке, держал под постоянным контролем исследовательские институты и выработал

тщательно продуманную, принципиальную техническую политику отрасли.

Самым строгим требованиям А. И. Шахурина отвечали и другие его заместители. Начальником Главного управления истребительной авиации был назначен Павел Андреевич Воронин. За бомбардировочную авиацию отвечал Александр Иванович Кузнецов. Заместителем по опытному самолетостроению стал Александр Сергеевич Яковлев, а по опытному моторостроению — Василий Петрович Кузнецов. Все они обладали высокой, если так можно выразиться, авиационной культурой, прекрасно знали заводы, умели разобратся в сложнейших вопросах, были преданы своему делу, целеустремленны и настойчивы.

Что касается следующих звеньев аппарата, то А. И. Шахурин оставил большинство начальников и главных инженеров главных управлений в своих местах. Это были опытные, знающие свое дело специалисты.

...За заботами о формировании аппарата наркомата, знакомством с отраслью, текучкой А. И. Шахурин никогда не забывал о главном. Новая техника. Какой она должна быть? По каким путям надо направлять авиацию? Ясно было одно: нужны самолеты-солдаты — надежные, сильные, хорошо вооруженные, достаточно простые, чтобы выпускать их в огромном количестве, обладающие резервами для дальнейших усовершенствований. Все конструкторские силы страны были мобилизованы на достижение этой цели.

А. И. Шахурин стремился как можно чаще бывать в конструкторских бюро. И с радостью и надеждой убеждался: перемены, произошедшие за время его отсутствия в авиации, огромны. На его глазах происходило становление целого ряда молодых конструкторских коллективов. В корне изменился сам процесс их деятельности. В стране не жалели ни сил, ни средств на то, чтобы конструкторы в своей работе опирались на новейшие научные достижения. Форсированными темпами строились новые аэродинамические трубы с высокими скоростями потоков, гигантские лаборатории статических и динамических испытаний, где проверялась прочность самолетов... Была пересмотрена проблематика НИИ — их нацеливали на решение самых актуальных вопросов. Ученые давали рекомендации, благодаря которым повышались технические характеристики и боевые качества проектируемых машин, помогали создавать новые профили крыльев, улучшать аэродинамику винтов, бороться с флаттером.

А. И. Шахурин моментально оценил значение сближения дистанции между НИИ, КБ и заводами. Оценил он и усилия, направленные на создание «Руководства для конструкторов» (РДК), и всячески способствовал его разработке. Чем было вызвано появление в начале 1941 года первого издания РДК?

В то время, пока в стране насчитывалось всего два-три конструкторских бюро, да еще таких квалифицированных, как КБ Туполева и Поликарпова, потребность в едином методическом руководстве, регламентирующем процесс проектирования, постройки и испытания самолетов еще не назрела. Однако когда конструкторских бюро стало много, без единой методики работать стало невыносимо. Ее отсутствие приводило к кустарщине, катастрофам при испытательных полетах. А. И. Шахурин точно уловил требование времени — конструирование самолетов должно не только иметь под собой прочный фундамент теоретических знаний, но и планироваться, прогнозироваться. Оно должно стать составной частью единого производственного процесса.

Первоклассные боевые машины создавались в невыносимо короткие сроки. В 1940 году уже заканчивались испытания штурмовика Ил-2, истребителя Як-1 (для его производства в 1940 году был выделен даже целый комбайновый завод), пикирующего бомбардировщика Пе-2... За каждым из этих самолетов — А. И. Шахурин прекрасно это понимал — стояли судьбы людей, накал напряженнейшей работы.

Вхождение наркома в сложный мир авиационной промышленности было стремительным. Очень скоро конструкторы, отдав дань его инженерной и научной подготовке, оценив корректность, постоянную готовность учиться, «приняли» его. Не как с начальством, официальным лицом, но как со своим, равным стали обсуждать свои замыслы, идеи, способы их реализации. Самолюбию А. И. Шахурина — что греха таить? — это льстило.

Авиационный конструктор... Его фигура стоит особняком среди длинного списка специалистов, принимающих участие в создании самолета. И не всегда общение с ним бывает простым. А. И. Шахурину нередко приходилось «нажимать» на конструкторов, требовать ускорения доводочных работ. Стремление любого создателя к максимальному совершенствованию своего детища наталкивалось подчас на невозможность его осуществления. Это и вызывало немало острых ситуаций.

Особенно трудно рождался ЛаГГ — истребитель конструкции С. А. Лавочкина, В. П. Горбунова и М. И. Гудкова.

— В схватку с противником предстоит вступить не идеям, как бы хороши они ни были, а боевым самолетам, — говорил А. И. Шахурин. — И нужны эти самолеты сегодня, сейчас!

С. А. Лавочкин сутулился — на него чуть ли не физически давил груз недоделок, что были в его самолете. Совесть конструктора не позволяла пускать в серийное производство машину с врожденными пороками. Он мог «вылизывать» свой ЛаГГ бесконечно. Это чувствовалось даже по облику самолета — он получился изящный, отполированный, как рояль. Авиаторы так и прозвали его — «рояль».

И все же ЛаГГ начали выпускать недоработанным — другой возможности перевооружить нашу истребительную авиацию тогда не было. С. А. Лавочкин продолжал совершенствовать свою машину уже в ходе боевых действий. Самолеты, созданные конструктором на базе ЛаГГов, — прославленные Ла-5 и Ла-7 — благодаря своим великолепным боевым качествам составили половину самолетного парка истребительной авиации в годы войны.

Правильность генеральной стратегии советской авиационной промышленности, состоявшей в том, чтобы не ставить в годы войны на серийное производство самолеты новых типов, а непрерывно модифицировать, совершенствовать уже выпускаемые машины, была доказана временем. Нам удалось, не останавливая конвейеров заводов, не сокращая, но, наоборот, наращивая выпуск боевой техники, одновременно улучшать ее характеристики, и улучшать существенно.

С какой теплотой всегда вспоминал А. И. Шахурин свои встречи с А. И. Микояном, С. А. Лавочкиным, А. Н. Туполевым, В. М. Мясищевым, Н. Н. Поликарповым, С. В. Ильюшиным, В. М. Петляковым! Их имена известны всем — они слились с названиями великолепных самолетов. Их слава заслуженна — она обеспечивалась большим талантом и колоссальным трудом. Но если об авиаконструкторах написаны десятки книг, то значительно меньше повезло в этом плане конструкторам авиационных моторов. А. И. Шахурин считал это огромной несправедливостью.

В кругу мотористов широко распространена шутка:

«Если двигатель поставить на ворота, то и они полетят». Доля истины в ней есть. Жизнь самолету дает мотор. Причем цикл его создания примерно в два раза длительнее, чем процесс создания нового самолета. Настолько он сложнее. И если самолет рождается за два-три года, то двигатель примерно за шесть.

...Когда А. И. Шахурин приехал на моторостроительный завод, испытания двигателя водяного охлаждения М-105П конструкции В. Я. Климова заканчивались. Мотор на различных режимах гоняли на испытательном стенде уже более 90 часов.

Конструктор Владимир Яковлевич Климов ни на миг не отходил от своего детища. Обстановка была напряженнейшей. Нервы у всех и в первую очередь у Климова были напряжены до предела — мотор, как не раз бывало на первых испытаниях, мог «полететь» в любую секунду. Правда, хотя официальный его ресурс — 100 часов — был на исходе, двигатель продолжал работать ровно, показатели всех приборов соответствовали номинальным значениям.

А. И. Шахурин сразу оценил достоинства нового мотора. Не сдержав своего восхищения, воскликнул:

— Да это же не просто мотор. Это солдат!

Дело было не только в таких необходимых для любого авиационного двигателя качествах, как мощность, надежность, большой запас прочности и ресурс работы, которыми в полной мере обладал мотор М-105П. У него была только ему присущая особенность — он имел полый вал редуктора, в который устанавливалась пушка. Обычно же стрельба с самолета велась через винт с помощью специального устройства.

Переоценить заслуги В. Я. Климова перед отечественной авиацией невозможно. Богатство творческого воображения, оригинальность мышления, высочайший уровень теоретических знаний позволили ему создать двигатель, на котором через всю войну прошли легендарные самолеты Яковлева и Петлякова.

Владимир Яковлевич был до фанатизма увлечен своей работой. А. И. Шахурину не раз рассказывали, что он мог проводить в своем КБ, у чертежных досок и в цехах завода дни и ночи. И поэтому, когда во время разговора Климов спешил свернуть беседу, чтобы поскорее вернуться к своим моторам, нарком не обижался. Алексей Иванович был начисто лишен чиновного чванства, а преданность делу ценил в людях превыше всего.

Параллельно с Климовым работу над созданием авиадвигателей вели и другие конструкторы — А. Д. Швецов, А. А. Микулин, Е. В. Урмин.

Аркадий Дмитриевич Швецов был потомственным инженером. Начав учебу в техническом вузе еще до Октябрьской революции, он вынужден был прервать ее из-за отсутствия денег. Окончил институт уже при Советской власти. Швецов стоял у истоков советского двигателестроения. Первый же сконструированный им мотор не только принес ему известность, но и побил все рекорды «долгожительств», продолжая служить учебной и легкомоторной авиации вплоть до 70-х годов.

Не менее одаренными инженерами были и Александр Александрович Микулин и Евгений Васильевич Урмин.

И все-таки особенно сблизился Шахурин со Швецовым. Нет, он не делал из него эдакого любимчика начальства, который, как это часто, к сожалению, бывает, в первую очередь получает помощь и поддержку руководства. Но истинная интеллигентность Аркадия Дмитриевича, его любовь к музыке и живописи, незаурядные способности художника нашли в лице Шахурина-человека своего искреннего поклонника.

А. Д. Швецов не просто закладывал в мотор необходимо высокую прочность и мощность. Он задумался о главном, по его мнению, качестве двигателя, предназначенного для военного самолета, — как обеспечить его максимальную надежность в боевых условиях. Конструктору удалось добиться желаемого. Летчики особо выделяли его мотор воздушного охлаждения за исключительную «живучесть». У него мог выйти из строя один, два, три цилиндра, а ЛаГГ, на котором стоял двигатель, продолжал лететь, вызывая изумление фашистских асов.

Довольно распространенным стало мнение, что наша авиационная промышленность к началу войны пришла неподготовленной, а новые самолеты стали выпускать только во второй ее половине. Это далеко не соответствует действительности. Еще за полгода до начала военных действий нарком убежденно планировал резкое, до 50 новых самолетов в сутки, увеличение их выпуска (в 1939 и 1940 годах в среднем выпускалось 20 машин в сутки).

...Успеть, скорее начать массовый выпуск боевых ма-

шин, пойти на риск ради выигрыша во времени — тогда это решало все. А. И. Шахурин непрерывно искал пути, позволяющие ускорить темпы подготовки техники к серийному выпуску. Иногда решение приходило быстро, иногда долго не давалось в руки. Но непрерывная работа мысли, постоянный анализ ситуации в конце концов давали свои плоды.

По приказу А. И. Шахурина испытания самолетов заводские и военные летчики стали проводить совместно. После заводского летчика этот же самолет облетывал военный испытатель. Тут же начинался консилиум — обсуждения, оценки, выводы.

— Но ведь это же риск, Алексей Иванович! — говорили ему. — Нарушается устоявшаяся за годы схема испытаний. Мало ли что...

А. И. Шахурин не хуже других знал: случись что, а это, когда имеешь дело с новой техникой, более чем возможно, его по головке не погладят.

— Иного выхода у нас нет! — невзирая на предупреждения, говорил он: — Выигрыш во времени огромен.

Ночные бдения в то время были нормой. Нарком авиационной промышленности делил тяжесть работы вместе со всеми. Ежедневно требовал результаты обсуждений облетов, вникал во все подробности. Мелочей для него не существовало.

Ход испытаний, хотя и резко ускорившийся, тем не менее продолжал не удовлетворять А. И. Шахурина. Но теперь уже по другой причине. Он пришел к выводу, что проходили они кустарно, каждое конструкторское бюро проводило их по своему усмотрению. К тому же конструкторы занимались только своими машинами, надеясь, что именно их самолет пойдет в серию. А наркомату нужно было сравнивать самолеты, отбирать лучшие — объективно и беспристрастно. Мнение А. И. Шахурина совпало с мнением других работников авиационной промышленности.

...В июне 1940 года в кабинете у Сталина, как обычно, обсуждались очередные авиационные вопросы. В конце совещания было внесено предложение об упорядочении летных испытаний новых образцов самолетов, для чего в системе наркомата требовалось создать летно-испытательный институт.

13 июня 1940 года вышло постановление СНК СССР и Центрального Комитета ВКП(б) об организации Летно-исследовательского института.

Для авиационной промышленности не жалели ничего. Только за 1940 год «хозяйство» А. И. Шахурин пополнилось несколькими десятками действующих заводов, которые передали ему из других отраслей индустрии, — самолеты тогда были важнее многого и многого другого. Вместе с ускоренной реконструкцией старых предприятий авиапрома шло форсированное строительство новых заводов.

Но новые предприятия означали для наркома не только резкое возрастание производственных мощностей, пополнение станочного парка. Завод для него начинался с людей, которые на нем работали. В те дни он часто вспоминал мастеров московского авиационного завода, на котором работал нарторгом ЦК. И вспоминал не без грусти. «Эх, были бы рабочие на моих заводах хотя бы наполовину так же квалифицированы, как они! — не раз с сожалением думал Шахурин. — Какими темпами рванули бы мы тогда вперед...» Беря в руки сводки, отражавшие состав рабочего класса на заводах, А. И. Шахурин с тревогой размышлял о том, как тысячи вчерашних комбайнеров, мебельщиков, автомобилистов, крестьян сумеют в кратчайшие сроки освоить новое и сложное дело — выпуск самолетов.

Авиационный завод — это десятки цехов, где заняты рабочие самых разных специальностей — слесари, токари, фрезеровщики, литейщики, столяры, мотористы, механики, кузнецы, шлифовальщики. И все они должны обладать самой высокой квалификацией. Ведь боевой самолет — это сложнейшая машина, высокоточное, трудоемкое производство, требующее культуры труда, строжайшей технологической дисциплины.

Надо было произвести целую революцию в психологии, сознании новоиспеченных авиационистов, многие из которых до того знали лишь кирки, лопаты, топоры. Сегодня, оглядываясь назад, изучая историю нашей Родины, мы с восторгом и изумлением читаем о тех, кто, практически не имея техники, с теми же кирками да топорами строили Днепрогэс, возводили Харьковский тракторный и магнитогорские доменные. Но какой мерой измерить подвиг, например, саратовских комбайнстроителей, за три месяца освоивших выпуск Як-1? Для того чтобы далекий от авиации читатель хотя бы частично мог его оценить, расскажем лишь о некоторых трудностях, с которыми пришлось столкнуться саратовцам.

Крыло Як-1 — цельнодеревянное, с двумя лонжеро-

нами и фанерной обшивкой, обтянутой перкалем. Лонжероны склеивались шпоном в 10—12 слоев. Все эти 10—12 слоев накладывались на плоскость крыла. Попадала пыль в клей — брак. Чуть понизилась температура в цехе — клей свернулся.

А сколько сил затратили директор саратовского завода И. С. Левин и главный инженер А. М. Тер-Маркарян, чтобы наладить четкую, ритмичную работу сборочного цеха? Сюда, на громадный конвейер сборки, стекались из других цехов крылья, фюзеляж, хвостовое оперение... Сюда же со склада готовых изделий подавались моторы, винты, колеса, вооружение, которые изготавливали специализированные предприятия. Сборка самолета была разбита на несколько десятков стендов, на каждом из которых производилась определенная операция. На первом стенде крыло стыковали с фюзеляжем, на втором — устанавливали мотор и соединяли всю проводку, на третьем — ставили капоты и винт... И каждая операция должна была занимать строго зафиксированное время — через определенные интервалы, успел ты или нет, по сигналу сирены происходила передвижка конвейера.

Перестройка авиационной промышленности коснулась всего производства, до последней заклепки. Инженеры, конструкторы, технологи, мастера боролись за точность изготовления деталей, слаженную работу всех производственных участков. Это был настоящий фронт, где противником были низкая квалификация, кустарщина, привычка работать на глазок.

А. И. Шахурин добился значительного расширения ремесленных училищ. Техучеба на заводах стала обязательной для всех. На новые предприятия или те, где самолеты раньше не производились, направляли инструкторов-авиационщиков.

Ни для кого не секрет: воспитание культуры производства — процесс длительный. На одном энтузиазме, в авральном порядке ее не привьешь. А. И. Шахурин ясно видел — усложнение авиационного производства, вовлечение неквалифицированных рабочих рук требует мер, соответствующих характеру ситуации.

— Нужна технология, которая позволит «рассыпать» самолет на сотни деталей, упростить наиболее сложные операции, — говорил он, ставя задачу перед инженерами, технологами.

И она была решена. Были созданы операционные кар-

ты, в которых детально излагалось содержание каждого процесса, указывались необходимая оснастка, инструмент, режим работы и способы контроля. По приказу наркома эти карты, размноженные в виде светокопий, были установлены на каждом рабочем месте.

— При таком размахе работ, таком новаторстве, при новых требованиях к точности нужно гораздо строже, чем раньше, подходить к технологии изготовления авиационной продукции, — нарком не уставал повторять эту мысль на всех уровнях.

Вскоре он добился принятия специального постановления о технологической дисциплине на заводах авиационной промышленности. Этот знаменитый приказ № 518 помнят все старые самолетостроители. В нем говорилось, что если самолет прошел государственные испытания и принят в серийное производство, то изменения в его технологию могут быть внесены только с разрешения народного комиссара. Но, в сущности, вносить изменения в конструкцию самолета не мог даже нарком. Это делалось исключительно с разрешения правительства. Во время войны, когда появилось немало соблазнов отойти от технологии из-за нехватки многих материалов, на страже всегда стоял приказ № 518.

А. И. Шахурину удалось решить еще одну задачу, которая имела для отрасли революционное значение, — авиационная промышленность стала работать по суточному графику.

...Нарком заступил на пост в январе 1940 года, но еще в феврале заводы сдавали продукцию, принятую декабром 1939 года. Это значило, что первые две недели каждого месяца уходили на «подчистку» того, что было недоделано в предыдущем, а в последней декаде начинался штурм, чтобы как-то выполнить план. А. И. Шахурин сразу определил задачу, одна постановка которой требовала большого мужества, — перейти на суточный график работы. В реальность скорого ее осуществления многие верили с трудом — только руководитель с железной волей, с негибкой неуклонностью проводящий свою политику, мог добиться ее реализации. «Что значит сдавать самолеты не за месяц в целом, а каждый день? Самолетный завод — огромный и сложный организм: цехи, склады, конструкторский отдел, подготовка производства, технология, снабжение и т. п. Работу перестраивали так, чтобы все как бы слилось воедино, чтобы все и вся подчинялись одному — сдавать самолеты

по графику. Организацию производства пришлось буквально «ломать». Но даже не это оказалось самым сложным. Люди не привыкли к такой работе. Требовалось перестроить умы людей, приучить их не вообще выпускать самолеты, моторы и все остальное, а выпускать точное количество ежедневно. Перестраиваться на суточный график приходилось всем — и кладовщику, и директору... Если учесть, что и сами заводы в то время расширялись, что осваивались новые машины, что на многих заводах только познавали авиационное производство, можно представить, какая это была огромная работа, какой это был подвиг, совершенный авиастроителями», — вспоминал А. И. Шахурин позже.

...Слово свое авиастроители сдержали. В июне 1941 года они стали выпускать более 50 самолетов в сутки. Шли последние дни мирного времени...

Фашистская Германия точно рассчитала, умело выбрала момент для разбойничьего нападения на Советский Союз. По свидетельству фельдмаршала Кейтеля, «планируя нападение на СССР, Гитлер исходил из того, что Россия находится на стадии создания собственной военной промышленности и этот процесс еще не закончен».

Что ж, здесь гитлеровские генералы действительно угадали верно — наша армия переживала в то время период перевооружения боевой техникой. Так было во всех родах войск. Так было и в авиации.

...Раннее утро 22 июня 1941 года. Повинуясь приказу, тысячи германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза. И прежде чем пограничники, охранявшие западные рубежи нашей Родины, успели осознать значение происходящего, предрассветная полумгла озарилась на западе мгновенно вспыхнувшей зарницей, и все потонуло в оглушительном грохоте разрывов — тысячи немецких орудий и минометов, скрыто сосредоточенных в последние дни у границы, открыли огонь по советской земле...

А. И. Шахурин не переоценивал мощь фашистской авиации, не разделял, разумеется, мнения западных специалистов о «непобедимости» немецких люфтваффе. Но, трезво оценивая обстановку, понимал — война предстоит кровопролитная. Из всех армий мира германские

военные силы были в то время самыми высокооснащенными и самыми опытными.

— Необходимо любыми силами наращивать выпуск боевых самолетов! — закончил он первое совещание военного времени.

Любыми силами... Нарком еще раз обвел испытывающим взглядом собравшихся в его кабинете руководителей авиационной промышленности. Только вчера у этих людей были разные планы, мечты, надежды. Теперь они отступили назад, остались в прошлом, за чертой, которая в один миг разделила жизнь надвое: на мир и войну. Теперь их всех объединяло одно стремление, одно желание — дать фронту боевую технику. Как можно больше, скорее.

— Что можно сделать, чтобы сократить цикл производства самолетов и моторов? — спрашивал, нет, требовал А. И. Шахурин у директоров заводов. И тут же задавал очередной вопрос: — Нельзя ли заменить остродефицитные материалы обычными? Испытайте изделия с применением заменителей.

Изменить технологический процесс создания самолета! А. И. Шахурин прекрасно понимал всю тяжесть задания, что ставил перед заводами. Но понимал и то, как опасна может быть инерция мирного времени. Нельзя давать людям время на раскачку — перестройка должна быть мгновенной! И эта перестройка означает не только переход заводов на круглосуточную работу, перевод инженерного и руководящего состава на казарменное положение.

— Вы должны вычеркнуть из своего словаря слово «невозможно». Во время войны есть только одно слово — «надо».

Он сознательно ставил перед директорами заводов новые задачи, предъявляя жесткие требования. «Исчезнут цветные металлы — ищите пути для замены чугуном. Будет не хватать чугуна — готовьтесь использовать дерево. Но знайте: выпуск самолетов вы должны увеличивать во что бы то ни стало!»

И это — в первую же неделю войны.

Не круто ли брал нарком? Нет, только так можно было научить директоров решать задачи, которые в мирное время казались невыполнимыми. Только так можно было научить людей искать и находить выходы из любых, даже безвыходных на первый взгляд ситуаций.

Когда в первую военную зиму у эвакуированных на восток заводов не стало хватать различного сырья, мате-

риалов, запасных частей, инженеры, рабочие сделали немало интересных открытий, находок и изобретений. Исчез металлы на баки для бензина — начали изготавливать их из сосны, бакелитовой фанеры и шпона. Не было меди для втулки шасси — пошел в ход чугун. Перестал поступать на заводы казеиновый клей — стали делать свой...

Впрочем, эти меры оказались временными — очень скоро на востоке усилиями А. И. Шахурина, всех работников авиационной промышленности были созданы новые цепочки заводских взаимосвязей, возникли новые пути грузопотоков. В результате нескольких бессонных ночей, труда, который нельзя ни оценить, ни измерить, на одном из заводов освоили изготовление бронестекла. На металлургическом заводе имени Серова наладили выпуск сортовой стали, а Верх-Исетский завод начал производить для авиационной промышленности листы нержавеющей конструкционной и углеродистой стали нужных марок.

Шла напряженнейшая перестройка всех заводов. Выпуск самолетов наращивался. «Народная трудовая эпопея по эвакуации и восстановлению производственных мощностей в годы войны, проведенная в связи с этим колоссальная организаторская работа партии по размаху и значению своему для судьбы нашей Родины равны величайшим битвам второй мировой войны», — писал в своих «Воспоминаниях» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Приезжая на заводы, А. И. Шахурин видел потемневшие от усталости лица, запавшие от бессонных ночей глаза. Он знал: еще много-много дней не будет у этих людей ни сна, ни отдыха, они будут жить в холодных землянках, питаться баландой. Сердце сжималось от боли и тревоги, просило: «Утешь, успокой этих людей! Подари им хоть немного иллюзий!» Но он пересиливал себя, ибо понимал — нужна только правда. Рабочие видели: в горьких словах наркома — большое мужество, надежда. От этих слов они мрачнели, становились злее и еще яростнее брались за работу.

Подвиг тыла...

Самолеты, что вступали в единоборство с врагом в огненном небе Сталинграда, Кубани, Курской дуги, рождались за тысячи километров от фронта, но едва ли в более легких условиях. Нет лишней, которых не пришлось пережить бойцам тыла в первую лютую военную зиму. Но эти люди не сдавались. Они перестали жить по минутной стрелке, от утреннего гудка до вечернего — они перевели свое личное время на другой счет. Каждый день их

сражения со стужей, голодом, усталостью, с собственной плотью, что просила, требовала отдыха, тепла, пищи, — каждый такой день вмещал в себя годы...

Да, им порой по 70—80 часов подряд не удавалось отойти от станка. Их «домом» стали бочки с дымящимся коксом или горящим мазутом, стоявшие посреди цехов, около которых можно было немного поспать. Пальцы прилипали к металлу, оставляя на нем лоскуты содранной кожи. Пронизывающий ветер метил руки багровыми рубцами. Но даже ребенок понимал в те дни, как нужны самолеты! И рев каждого мотора на испытательном стенде был для всех праздником, предвестником Победы.

А. И. Шахурину в годы войны была дана огромная власть. Но власть сама по себе не интересовала его. Он рассматривал ее как инструмент, который вложили в его руки партия, народ для достижения поставленной цели. И никогда не пользовался им напрасно. Энергия А. И. Шахурина, его умение спрашивать, но не запугивать, помогали ему вновь и вновь поднимать людей в бой за самолеты. Казалось, что уже все, предел, большего от людей ждать невозможно... В такие моменты особую важность приобретало слово руководителя, его способность найти дорогу к израненному, измученному сердцу.

Как правило, эвакуированные заводы направлялись туда, где уже были родственные предприятия. Но производственных площадей все равно не хватало. Порой некуда было просто поставить оборудование. Приходилось идти на невероятное. Одна из полученных А. И. Шахуриным телеграмм сообщала: «Сегодня одели слона в специальные валенки и вывели из закрытого помещения, где организовывали цех, очень нужный для выпуска продукции» — в этот же город был эвакуирован зоопарк.

Вот хроника строительства одного из предприятий, помещенная в нескольких номерах газеты «Все для фронта!», выпускавшейся для группы эвакуированных в тыл заводов.

«18 декабря... Стены корпусов еще в лесах, горы строительного мусора, кое-где строительная техника, засыпанная снегом. Между корпусами, на временных железнодорожных колеях, много платформ с оборудованием. Люди сгружают с платформ станки, тащат их волоком или на листах железа в еще недостроенные цеха. Вошел в один «цех», — писал корреспондент. — Огромная площадь, окруженная со всех сторон стенами. Крыши нет. Вместо ворот и окон — проемы... На стенах во многих

местах — плакаты, лозунги: «Родина в опасности! Приложим все силы для быстрого пуска завода!»

«20 декабря... Никогда не видел такого, с чем встречаемся здесь на каждом шагу. Станки устанавливают в цехах одновременно с возведением стен. В цехах начинают выпускать самолеты, когда еще нет окон, нет крыш. Снег покрывает человека, станок, но работа продолжается...»

«21 декабря. В цехах у Третьякова вырыли ямы, в них положили дров, полили мазутом и зажгли, рабочие по очереди подходят к кострам, греются. Из цехов никуда не уходят. Здесь же и живут. Столовых еще нет. Где-то есть раздаточная, где выдают что-то похожее на суп...»

«28 декабря... Каждый день меняется облик вчерашнего пустыря. Люди, приехавшие сюда на месяц раньше нас, вспоминают о делах этого месяца, и их рассказы звучат как легенды».

«29 декабря. Сегодня во всех уголках обширной заводской территории был слышен рокот мотора. Долго не могли понять, в чем дело. Невольно искали среди облаков самолет. Но тут кто-то догадался:

— Испыталку пустили!

Все, кто был в этот час на территории завода, где директором Жезлов, устремились к испытательной станции. Там стояли рабочие и слушали, как ревет первый мотор, созданный на новом месте...»

...А. И. Шахурин аккуратно сложил газеты — он будет хранить их всю жизнь, — долго сидел, смотря прямо перед собой, туда, где висела огромная карта Родины.

Газета рассказала только об одной из строек. Он же мысленно видел весь этот гигантский фронт, где даже по ночам при чадном свете смоляных факелов возводились корпуса цехов, монтировали оборудование и тут же, под открытым небом, начинали превращать бесформенный металл в совершенные детали самолетов, пока строители шли дальше...

Оценит ли история эти дни?

...Моторостроительный завод, эвакуированный с Украины, стал выпускать двигатели сразу после прибытия на новое место. Сборка их проходила в наскоро сбитом фанерном сарае, рядом с которым строились будущие цеха.

...На воронежском заводе монтаж огромного пресса

«Бредборо», который в свое время занял полгода, завершили в 25 дней. А в начале декабря 1941 года на запад ушел первый эшелон с ильюшинскими штурмовиками.

...С января 1942 года начал давать продукцию завод точных измерительных приборов. Высокоточное производство было налажено в корпусах бывшего мясокомбината.

...7 января 1942 года, через три месяца после эвакуации запорожского завода, в кабинете А. И. Шахурина раздался звонок:

— Принимай, Родина, первый запорожский двигатель на сибирской земле!

Нарком был выдержанным, сильным человеком, но от этих слов спазмы перехватили горло. А голос кричал:

— Алло, алло, товарищ нарком, вы слышите, мы, запорожцы, дали моторы.

Он слышал, но не мог ничего ответить...

Самолеты в значительной степени изготавливались руками вчерашних домохозяек, колхозников, студентов, подростков. Других рабочих рук не было — несмотря на броню, которую давали работникам авиапромышленности, тысячи кадровых рабочих добились отправки на фронт.

Тяжелее всего было думать о детях. А ведь тринадцати-, четырнадцати-, пятнадцатилетние подростки были чуть ли не главной силой производства. А. И. Шахурин сжимал зубы, представляя детские руки, шершавые, с потрескавшейся кожей. И, обсуждая с директорами заводов важнейшие производственные проблемы, он первым делом задавал вопрос: «Как ребята? Следите за тем, чтобы все были обеспечены пропусками в столовую, чтобы у них была теплая одежда. Никакой сверхзанятостью вы не сможете оправдать невнимание к детям...»

Нарком знал — на заводы пришли десятки тысяч новых людей. Многие из них не имели представления не только об авиапромышленности, но и о заводе вообще. Иные шарахались от мостового крана, непроизвольно втягивали голову в плечи от шума десятков станков. Но ведь самолет, повторим, — это сгусток новейших достижений науки и техники. Любой, даже невидимый глазу брак чреват гибелью машины.

Отдавая должное подвигу инженеров, мастеров, которым удавалось в одну-две недели научить новичков рабочих специальности, А. И. Шахурин понимал — огром-

ная масса людей, освоивших лишь отдельные операции, не может решить дело.

...На одном из моторостроительных заводов, всегда числившемся на хорошем счету, вдруг не пошли двигатели. Как случилось, что завод начал давать брак? А. И. Шахурин срочно связался с руководством завода, выслушал отчет о всем технологическом пути прохождения деталей, их подготовке к сборке.

— Какие изменения произошли в составе рабочих? — неожиданно спросил он.

Выяснилось, что стерженщицами в формовочных цехах раньше работали женщины, которых война разбросала по всей стране. Приказ наркома был краток:

— Немедленно составить поименный список стерженщиц, разыскать и доставить на завод!

Нельзя не сказать еще об одной задаче, которую пришлось решать А. И. Шахурину. В условиях, когда фронт буквально молил о присылке самолетов, ремонт машин приобретал огромное значение. На заводах Москвы, а также там, куда враг не дошел, по приказу наркома оставались цеха, где побывавшие в бою самолеты возвращались к новой жизни. С начала 1942 года к ним стали присоединяться заводы с освобожденных от фашистской оккупации территорий. Началось и полное восстановление заводов. Все они требовали непрерывной заботы и внимания наркома. Прежде всего им было нужно оборудование.

А. И. Шахурин изыскивал пути, чтобы обеспечить их станками, инструментами, умело маневрировал производственными мощностями авиапромышленности. Часть станков пришлось забрать у предприятий других отраслей промышленности, в продукции которых фронт нуждался не столь остро. Обращался за помощью к наркому станкостроения А. И. Ефремову, директору автозавода И. А. Лихачеву. Редкое знание своих предприятий помогло найти возможности для того, чтобы вернуть многие станки с восточных заводов. В то же время по его приказу были созданы фронтовые бригады, которые буквально на передовой находили самолеты, коим уже не суждено было подняться в небо, снимали с них запасные части. На всех фронтах действовали полевые ремонтные бригады, где были и установленные на мотоциклах сварочные аппараты, и небольшие станки. Порой им приходилось под огнем врага ремонтировать самолеты. Через руки этих механиков прошли тысячи израненных машин.

...А. И. Шахурин прилетел в Саратов осенью 1942 года. Совсем недалеко от этого волжского города шла великая битва. Шахурин знал, что там, в Сталинграде, истерзанном, развороченном, но не сдающемся, авиация врага «висит» над полем боя сотнями и сотнями машин еже часно в течение всего боя. Ночь не представляет исключения, потому что на смену истребителям в воздух поднимаются ночные бомбардировщики. Город подвергается непрерывным атакам с воздуха в течение круглых суток.

Нужно было сейчас же, немедленно противопоставить врагу не меньшее количество своих, советских самолетов. Но авиационная промышленность и так работала на пределе. Нарком чувствовал себя в положении летчика, которому на максимальной скорости добавили дополнительно тонну бомб, под тяжестью которых самолет стало катастрофически тянуть к земле.

Огромное мужество, волю надо было иметь, чтобы сохранить в этой кризисной ситуации самообладание, искать и находить правильные решения.

...Дышать в Саратове было трудно. Несколько месяцев не было дождя — сухая дымная пыль не оседала и к полуночи. Эта пыль, толстым слоем лежавшая на дорогах, серыми клубами поднималась за движущейся машиной. «Как же тяжел этот путь для солдат, что идут в пешем строю, колоннами?» — думал А. И. Шахурин о бойцах, непрерывной чередой идущих через город к Сталинграду, в ад жесточайшего в истории человечества сражения. С новой, яростной силой почувствовал он свою ответственность за этих людей... «Больше нельзя оглядываться на наши необъятные просторы и думать, что у нас еще много земли, куда можно попятиться, собираясь с силами. Силы собраны. На затылке глаз нет. Взор во взор — пусть немец опустит глаза, в которых ужасом мелькнет тень смерти. Русское упорство против немецкого упорства. Немцев должно остановить. Перед силой русского оружия упадут фашистские знамена», — писал в те дни Алексей Толстой.

Немцев должно остановить! Мысль А. И. Шахурина обретала конкретное, деловое направление. Саратовский завод должен ежедневно отправлять в Сталинград полк готовых к бою самолетов! Для этого и прибыл он в этот прифронтовой город. Правда, была у него еще одна, возложенная правительством задача — определить готовность Саратова к обороне. Если немцам удастся захватить Сталинград, то скорее всего они кинутся на Саратов

и Куйбышев, чтобы обойти Москву с востока и еще раз попытаться захватить советскую столицу, где уже потерпели поражение зимой сорок первого года.

Но главное — это, конечно же, завод! Он работал с полным напряжением. Один за другим из цеха сборки выходили новые истребители. Опытным взглядом самолетостроителя А. И. Шахурин тут же уловил тесноту, скученность на заводских аэродромах. Готовые машины не успевали испытать. Проводить облеты надо было круглые сутки. Но стоило ночью поднять самолет в воздух, как тут же раздавался звонок из штаба МПВО:

— Демаскируете завод!

Несколько суток, не выходя из цехов, А. И. Шахурин занимался разработкой мероприятий по отработке схемы испытательных полетов. Чуть ли не с секундомером в руках замерял, сколько времени требует та или иная операция по подготовке машины к вылету. Сам собой напрашивался вывод — заправлять самолет бензином, маслом, водой, проверять все системы обеспечения полета надо одновременно. А. И. Шахурин требовал от всех служб исключительной четкости. По его приказу в цехах было организовано горячее питание и созданы места для отдыха.

Но и этого было недостаточно. Для того чтобы проводить облеты и ночью, в переговорах с зенитчиками пришлось использовать авторитет наркома. Чтобы не демаскировать завод, посадочный прожектор включался всего на какие-то мгновения от выхода истребителя на последнюю посадочную прямую до его приземления. Расчет был простой: если какой-нибудь гитлеровский ас заметит прожектор и кинется бомбить аэродром, то, пока он дойдет до места, внизу снова будет темно.

Паладив дело, нарком на У-2 вылетел на военный аэродром, чтобы своими глазами увидеть тех, кто полетит в бой на новых самолетах.

Молодые безудные лица. Сержантские треугольнички в петлицах. Горящие решимостью глаза... В тот день, когда народы мира услышали сообщение, потрясшее умы, опрокинувшее привычные представления о возможном и невозможном, сообщение о том, что наши войска перешли под Сталинградом в наступление, А. И. Шахурин сразу вспомнил тех необстрелянных мальчиков, с которыми несколько дней и ночей провел на военном аэродроме, которых провожал в первый бой.

...Воздушная битва на Волге принимала небывалые до

сих пор размеры. У наших истребителей с каждым днем увеличивался счет сбитых вражеских самолетов. Штурмовики наносили огромный урон наземным войскам врага. А почамы им не давали покоя летчики легкой авиации на самолетах По-2, тех самых «небесных тихоходах», которые немцы поначалу неосмотрительно прозвали «рус фанер». Гитлеровское командование срочно перебросило в район боев на выручку своему гарнизону свежие авиационные части. Не только из-под Ленинграда и с центральных фронтов, даже из Сицилии прислали они своих асов. Но и это не помогло. Небо Сталинграда стало гигантской мясорубкой для фашистской авиации.

После победы наших войск под Сталинградом решительно изменился настрой людей. А. И. Шахурин немедленно ощутил эту перемену. Еще не пришла пора для отдыха, еще будет трудно, но все же теперь появилась наконец возможность вплотную заняться проблемами, до которых раньше не доходили руки.

На совещаниях в наркомате, ЦК ВКП(б) А. И. Шахурин неоднократно повторял свою мысль: дальнейшего увеличения выпуска самолетов можно добиться только путем совершенствования технологии, переходом на поточное производство. Конвейер! Вот что становилось главным во всей работе авиапромышленности.

Самолет на конвейер. Такого еще не было. Внедрение потока означало создание иной технологии, а следовательно, и новых инструментов, штампов, отливки новых форм. Но это позволяло в несколько раз поднять производительность труда, увеличить выпуск самолетов без прибавления оборудования.

Одно за другим на поточное производство переводились предприятия авиационной промышленности. Только в моторостроении внедрение поточных линий позволило снизить трудоемкость при изготовлении одного двигателя на 150 часов, высвободить более 400 рабочих и свыше 100 станков. А трудоемкость изготовления штурмовика благодаря конвейеру и автоматизации отдельных операций за годы войны удалось снизить вдвое, причем время его нахождения в цехе сборки — в пять раз.

Нельзя не сказать и о деятельности наркомата, направленной на повышение качества самолетов. К середине войны отпала необходимость из-за нехватки тех или иных материалов пускать в дело заменители. Теперь первооче-

редное значение приобретало качество техники. По приказу А. И. Шахурина в Наркомате авиационной промышленности была создана Главная инспекция по качеству. Вскоре прошла конференция по качеству, на которой присутствовали директора, главные инженеры и главные конструкторы большинства заводов, работники отделов технического контроля и военной приемки. А. И. Шахурин задал этой конференции деловой, конкретный тон. Учитывались все сколько-нибудь значительные предложения по улучшению качества. На крупных заводах появилась новая должность — главный контролер качества, которого утверждал ЦК партии.

За все военные годы нашей авиапромышленностью был освоен выпуск только одной новой машины — бомбардировщика Ту-2, и то потому, что уж очень ярко выделялось его превосходство над другими отечественными и иностранными фронтовыми бомбардировщиками. Поставить в разгар войны на производство новый самолет было практически невозможно.

— Совершенствовать технику сейчас нужно за счет модификации уже строящихся самолетов, повышая их скорость, вооружение, дальность, потолок, — говорил А. И. Шахурин. — Но улучшать не по мелочам, не дергать из-за пустяков промышленность...

Ведь и совершенствование уже существующей техники порождало немало проблем, требовало подчас риска.

...В начале 1942 года на фронте появился модернизированный немецкий истребитель «Мессершмитт-109Г», оснащенный двигателем повышенной мощности. Борьба с ним нашим летчикам стало сложнее. В ответ срочно требовалось увеличить скорость наших истребителей, чтобы восстановить их преимущество перед гитлеровскими. Для этого надо было повысить мощность двигателей.

К этому времени конструктор В. Я. Климов разработал двигатель М-107, значительно превосходящий по мощности мотор М-105П, который стоял на Яках. Но освоение этого двигателя требовало серьезной перестройки на заводах, а его доводка — времени. И поэтому было принято решение — форсировать старый мотор. Конструктор возражал, доказывая, что из-за этого значительно снизится ресурс мотора, ускорится его изнашиваемость. Но двигатель все-таки установили на стенд для проверки срока его службы на форсированном режиме. За его поведением с волнением следили в наркомате, конструкторских бюро самолетостроителей.

...Прошло 70 часов — это был ресурс, о котором говорили мотористы, но мотор продолжал работать. 100 часов — с ним по-прежнему ничего не случилось. Мотористы послали Сталину телеграмму с просьбой разрешить снять мотор со стенда, но он приказал продолжать испытания до полного разрушения. Двигатель разрушился только на 203-м часу работы...

Наши летчики очень быстро получили существенно улучшенные истребители, при этом серийный выпуск не был снижен ни на один самолет, — напротив, он все более возрастал.

Параллельно с В. Я. Климовым аналогичное задание — форсировать мотор — нарком дал и другому конструктору — А. Д. Швецову. Форсированный двигатель АШ-82, получивший название АШ-82фн, был создан в считанные дни. Его использовали не только на знаменитых истребителях Лавочкина, но и на бомбардировщиках Ту-2, Пе-8...

Генеральная стратегия советской авиапромышленности в годы войны, направленная на непрерывное модифицирование выпускавшихся машин, определялась, конечно же, не только А. И. Шахуриним. Но проводить ее в жизнь предстояло прежде всего ему. Вводить улучшения надо было так, чтобы это никоим образом не отражалось на количестве самолетов.

— Приспосабливайте свои машины к технологии серийного завода, на котором они выпускаются, — требовал он от конструкторов. — Вы должны отчетливо представлять, какие именно изменения принесет новшество.

Что ж, наши самолеты, что были рождены перед самой войной, имели огромные резервы для улучшения. Немцы оказались в менее выгодном положении — их машины создавались в 1935—1936 годах, и возможности их совершенствования к началу войны были практически исчерпаны.

Анализируя самолетный парк, изучая потенциальные ресурсы каждой отдельной машины, нарком приходил к выводу — нам не нужно большое количество разнотипных машин. Множество различных машин резко сокращает возможности их массового, конвейерного производства, затрудняет ремонт. А потому настаивал на сокращении стоявших на вооружении типов самолетов. Здесь — в который раз! — проявился государственный подход А. И. Шахурина в определении технической политики отрасли.

«Мы перестали выпускать самолеты старых марок. Из восьми типов истребителей, производившихся в 1941 году, к концу войны осталось только три. За это время количество типов бомбардировщиков сократилось с девяти до пяти. Из 18 типов боевых самолетов, выпускавшихся в начале войны, к 1945 году осталось лишь 10. Почти в два раза сократилось за это время количество типов моторов. Из общего количества боевых самолетов всех назначений больше всего было произведено в годы войны штурмовиков конструкции С. В. Ильюшина — 40 тысяч, затем истребителей конструкции А. С. Яковлева — 37 тысяч и истребителей конструкции С. А. Лавочкина — 22 тысячи. Фронтowych бомбардировщиков конструкции В. М. Петлякова создано 11 тысяч, бомбардировщиков конструкции С. В. Ильюшина — 6,5 тысячи, фронтowych бомбардировщиков конструкции А. Н. Туполева — около 800. Истребителей конструкции А. И. Микояна и М. И. Гуревича выпустили 3,5 тысячи. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны было осуществлено не просто техническое оснащение Советских Военно-Воздушных Сил, а, можно сказать, их полное перевооружение новыми видами боевой техники» — эти слова А. И. Шахурин напишет через годы после Победы. Они будут его отчетом перед своим народом за свой труд на посту наркома авиационной промышленности.

Велик был час Победы! Испытания железом и огнем, голодом и жестокостью выдержал советский народ. Долог был путь к Победе, и все же ее час настал!

Отгремели салюты, торжественно прошли по Красной площади сводные полки фронтов на Параде Победы. Мир входил в свои права. И эта мирная жизнь несла с собой множество новых проблем, ставила иные задачи. На пороге новой эры стояла и авиация.

Винтомоторная авиация вплотную подошла к своему пределу — поршневым двигателем исчерпал себя, у него не было больше резервов для повышения скорости полета. Требовался крутой переворот в технической политике всей авиации. На совещаниях в наркомате все чаще звучало: «Реактивный двигатель...»

Век реактивной техники... А. И. Шахурин его предвидел. Над самолетом с реактивным двигателем в нашей стране работы начались еще до начала Великой Отечественной войны, в конструкторском бюро В. Ф. Болхови-

тинова и А. М. Люльки, где разрабатывался реактивный самолет-перехватчик. Поначалу, правда, конструкторы Александр Яковлевич Березняк и Алексей Михайлович Исаев, начальные буквы фамилий которых и дали название самолету БИ, работали над истребителем по собственной инициативе. Но почти сразу после нападения Германии на Советский Союз Виктор Федорович Болховитинов явился в наркомат и предложил создать новый самолет.

А. И. Шахурин мгновенно оценил возможности, что таил в себе проект. Несмотря на немыслимую загруженность работой — шли первые, самые трудные месяцы войны, — с напряженным вниманием следил за ходом работ, постоянно ездил на испытания.

Несмотря на самоотверженную работу конструкторов, двигатель рождался с огромным трудом. Бывали случаи, когда он взрывался буквально на глазах. В октябре 1941 года КБ В. Ф. Болховитинова было эвакуировано на Урал. В труднейших условиях войны, в отрыве от научной базы конструкторы продолжали строить реактивный истребитель. Весной 1942 года летчик-испытатель Г. Я. Бахчиванджи совершил на нем первый успешный вылет. Вскоре, однако, в одном из испытательных полетах, когда летчик дал полную тягу двигателю и самолет набрал скорость, машина потеряла устойчивость, стала неуправляемой и разбилась. Работу над самолетом временно приостановили. Но опыт был крайне важен.

Внесли свой вклад в новое дело и другие конструкторы. В годы войны конструктор-турбинщик А. М. Люлька создавал первый в СССР турбореактивный двигатель. Р. Л. Баргини спроектировал самолет под жидкостные ракетные двигатели В. П. Глушко. Незадолго до смерти начал работать над машиной с ракетным двигателем Н. Н. Поликарпов...

Широко работы над реактивной техникой удалось вернуть лишь с начала 1944 года. 18 февраля 1944 года было принято важное правительственное решение о создании научно-исследовательского института по разработке и исследованию реактивных двигателей. Вскоре в решение проблемы создания реактивной авиации включилась вся мощь советской авиационной промышленности. Для проведения опытных работ А. И. Шахурин отдавал конструкторам целые заводы. Вопрос ставился однозначно — не сделать нельзя!

В начале 1946 года состоялись испытания первого советского реактивного самолета А. И. Микояна и М. И. Гуревича. В тот же день, 26 апреля 1946 года, поднялся реактивный истребитель Як-15, созданный в конструкторском бюро Яковлева... Шел по земле 1946 год, 1947... Работы над реактивными самолетами полным ходом велись во всех конструкторских бюро. Но А. И. Шахурин там не было...

В августе 1953 года А. И. Шахурин снова вернулся к активной деятельности. Он был назначен заместителем, а вскоре и первым заместителем министра авиационной промышленности СССР, позднее работал заместителем председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешнеэкономическим связям. Вел большую военно-патриотическую работу.

...В его жизни запечатлелась целая эпоха. В ней было много всякого: и радость труда, и муки неудач, и горечь поражения, и восторг побед. Личное всегда было неразрывно связано с общим. И жизнь как бы растворялась в тысячах самолетов, принесших нашей Родине победу.

Сейчас уже невозможно сказать, когда впервые возникла у него мысль написать книгу о том, как шла наша авиация к победе. Возможно, эта идея была подана ему кем-либо из многочисленных друзей. Но скорее всего было естественное желание рассказать потомкам о великом времени. Он не успел довести до конца свою работу над книгой. 3 июля 1975 года Алексей Иванович Шахурин скончался.

...«Мое поколение исполнило свой долг. Хотелось бы, чтобы и новые поколения советских людей были в чем-то похожи на нас. И лучше нас. Они должны достроить то, что мы не достроили. А если придется защищать завоевания нашего народа, то у них есть с кого брать пример и на чей опыт опереться» — эти слова стали последними в его рукописи.

Александр Сергеевич ЩЕРБАКОВ

В первых числах июня 1942 года стало известно, что Центральный Комитет партии назначил начальником Главного политического управления Красной Армии (Главпура), важнейшего органа ЦК в армии, Александра Сергеевича Щербакова.

Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Московского областного и городского комитетов партии, начальник Совинформбюро, а теперь еще и начальник Главпура — многим тогда казалось, что один человек просто физически не в состоянии выполнить такой огромный объем работы. Нужно было знать железный характер Щербакова, его неукротимую энергию, волю и необыкновенную самодисциплину, чтобы понять, как этот несгибаемый боец ленинской партии смог до конца решить труднейшие и ответственные задачи, которые были поставлены перед ним Центральным Комитетом.

...Родился он 10 октября 1901 года в городе Рузе Московской губернии в рабочей семье. Отец, избитый жандармами за участие в демонстрации, умер в 1907 году, и вскоре малолетнему сыну пришлось начать трудовую жизнь, помогать матери и сестре. Работал продавцом газет и фальцовщиком в типографии, был чернорабочим и метчиком на железной дороге. Несмотря на трудности, Александр успешно окончил начальную школу.

После победы Октября шестнадцатилетний юноша вступает в Красную гвардию, вместе с товарищами со-

* Автор очерка, генерал-лейтенант Н. В. Пупышев, работал в годы войны вместе с А. С. Щербаковым в качестве начальника Управления Главного политического управления Красной Армии.

здает в городе Рыбинске Союз рабочей молодежи имени III Интернационала, а в 1918 году его принимают в партию большевиков. В составе боевого отряда имени Карла Либкнехта молодой коммунист получает первое крещение в борьбе с белогвардейскими мятежниками в Ярославской губернии. Затем он работает в ЦК РКСМ. Будучи инструктором-организатором, он энергично занимается созданием комсомольских организаций.

Известно, что в этот период шла жестокая классовая борьба в городе и деревне, в центре и на окраинах России. ЦК РКСМ в конце 1918 года направляет восемнадцатилетнего Александра Щербакова для работы в Среднюю Азию. Его избирают секретарем Туркестанского крайкома.

Работал Александр, не жалея сил. Вместе с тем он находил время для чтения художественной и политической литературы. Старался, что называется, работать над собой. Чтение, повседневное общение со старшими товарищами — коммунистами, конечно, вооружало юношу знаниями и бесценным опытом, помогало понимать суть жизни. Однако он почувствовал недостаток своей общей и политической подготовки и обратился с заявлением в Туркестанский крайкомол с просьбой послать его учиться в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова. В заявлении он откровенно писал: «Работаю в КСМ более двух лет. К настоящему моменту... выдохся... Смею надеяться, что, принимая во внимание вышеуказанное, крайкомол не откажет в моей просьбе».

Ему не отказали, и в 1922 году он стал учиться в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова. Александр Щербаков избирался делегатом III и IV съездов РКСМ. Он слушал Ленина...

В университете Щербаков с увлечением изучает революционную теорию, труды классиков марксизма-ленинизма, блестяще успевает по всем дисциплинам. Он выступает с теоретическими докладами, беспощадно разоблачает троцкистов и иных врагов партии и поражает глубиной знаний своих товарищей. Но не удалось ему окончить университет...

Ушел из жизни В. И. Ленин. Оппозиционеры — троцкисты и бухаринцы — усилили атаки на единство партии. По ленинскому призыву в ряды РКП(б) влилось много преданных Советской власти рабочих, в том числе и молодых, но политически недостаточно воспитанных. И в марте 1924 года ЦК партии посылает Щербакова «на

работу среди ленинского призыва» в Нижегородский край. Здесь он борется за организационную и идейную сплоченность партийных организаций края.

Вначале Александр Сергеевич заведует орготделом Сормовского укома РКП(б), затем избирается ответственным секретарем Берегового райкома партии. С марта 1926 года по декабрь 1927-го редактирует газету «Нижегородская коммуна» и, наконец, избирается ответственным секретарем Муромского окружкома РКП(б). В свои 28 лет он уже опытный партийный работник. Постоянно связан с заводами и другими предприятиями, умеет найти подход к рабочим и мобилизовать их на напряженный труд. Проявляет большую заботу о быте трудящихся, особенно беспокоится о грузчиках. Настойчиво добивается повышения активности в деятельности профсоюзных организаций. Он завоевывает среди рабочих большой авторитет.

Здесь на Волге произошло знакомство Щербакова с великим пролетарским писателем Алексеем Максимовичем Горьким, посетившим свой родной город. Вот как это произошло.

8 августа 1928 года «Нижегородская коммуна» писала, что, когда Горький сошел с парохода на берег, на набережной была масса людей, приветствовавших великого земляка. Александр Сергеевич, успокоив собравшихся, заговорил: «Товарищи, сегодняшний день принес нам большую радость... Мы видим среди нас великого писателя, большого революционного деятеля, имя которого известно во всех частях света, имя которого с гордостью произносят миллионы пролетариев, — мы видим сегодня Максима Горького...

Горький слышал уже много приветствий, он, наверное, уже устал от них, но мы сегодня горячо приветствуем нашего великого земляка...»

Как вспоминала жена Александра Сергеевича Вера Константиновна, общение с М. Горьким было каким-то особенным. Они совершали длительные прогулки по Волге и непрестанно говорили о литературе, о газетах, как сделать их интересными и влиятельными, чтобы они были действительно и пропагандистами, и организаторами трудящихся масс в строительстве новой жизни. По воспоминаниям Веры Константиновны, Александр Сергеевич рассказывал Алексею Максимовичу о влиянии на молодежь его книги «Мои университеты».

В Нижегородский период в деятельности Александра

Сергеевича наряду с организационной большое место занимает журналистская работа. Достаточно сказать, что только за 1925 год он выступил со статьями в «Нижегородской коммуне» 18 раз. Пропагандировал текущую политику партии, давал советы по практическому ее осуществлению, призывал готовить новые кадры ленинцев, предупреждал об опасности новой войны и призывал укреплять оборону. Выступал он и за решительное развитие самокритики, разоблачая троцкистов и бухаринцев. Печатал теоретические статьи: «Осуществимо ли у нас равенство», «Истоки троцкизма», «О теории вращающегося кулака» и другие. За 1925—1930 годы А. С. Щербаков опубликовал в газетах и журналах более 70 статей.

С поста секретаря Муромского окружкома партии в 1930 году А. С. Щербаков уехал продолжать учебу в Институт красной профессуры. В рекомендации, направленной в агитационно-пропагандистский отдел ЦК партии, говорилось: «Нижкрайком ВКП(б) целиком поддерживает кандидатуру товарища Щербакова на основное отделение ИКП».

Товарищ Щербаков имеет большой опыт руководства партийной работой, теоретически подготовлен и является крупным партработником.

Секретарь Нижкрайкома ВКП(б) А. Жданов».

Но и на этот раз ему не удалось закончить институт. Со второго курса он был отозван для работы в ЦК ВКП(б) заместителем заведующего организационным отделом. Одновременно он возглавлял в Коммунистическом Университете трудящихся Востока кафедру партийного строительства.

В те годы восторжествовала политика индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Она была озарена ленинским положением о возможности победы социализма в одной стране.

Все это вызывало особую злобу внутренних и внешних врагов нашей партии и государства. В этих условиях особое значение приобретали сплоченность партийных организаций вокруг ЦК ВКП(б), насыщенная идеологическая работа партии среди масс трудящихся. А. С. Щербаков со всей своей неутомимой энергией ведет широкую организационную работу, устную и печатную пропаганду, разъясняющую политику партии.

Он относился к наиболее подготовленной теоретически части партийного актива, много читал, хорошо знал, понимал и любил литературу и искусство.

Известно, что к 30-м годам значительная часть интеллигенции, писателей и поэтов перешла на позиции рабочего класса, трудового народа, сплачивалась на принципах партийности и социалистического реализма. Появились условия для создания общественной писательской организации. В 1934 году созывается Первый съезд писателей. В его подготовке активное участие принимал Александр Сергеевич. Он оказал большую помощь Организационному комитету в проведении съезда и был избран секретарем Союза советских писателей. Ему было тридцать три года. Но высокая эрудиция, организаторский талант, умение сплотить творческую интеллигенцию помогли ему быстро завоевать авторитет и уважение в писательской среде. Лучшее свидетельство тому — письма великого пролетарского писателя А. М. Горького и его отзыв на рецензию, написанную А. С. Щербаковым на роман Авдеенко. Чтобы представить, о чем идет речь, приведем выдержки из этой рецензии, тем более что высказанные в ней мысли не потеряли своего значения и в наше время.

«Художественное произведение о пятилетке не может претендовать на значительность (я уже не говорю о таком произведении, которое собирается быть непревзойденным в ближайшие 3—4 года), если в этом произведении более или менее развернуто не отображена героическая и руководящая роль партии. В Вашем романе эта роль показана слабо. Вы скажете: а Дубров, Старожилов, секретарь парткома? — Да, но этого мало, во-первых, и действуют они часто не так, как это бывает на деле — во-вторых.

Фронт врагов на строительной площадке представлен куда более ярко и выпукло... Что им противопоставлено? Дубров, начальник строительства, — фигура недоработанная, неяркая, схематичная; секретарь парткома — фигура еще более бледная, Старожилов — действительно подлинный коммунист, вдумчивый, делающий огромную черновую работу партии. Еще две-три фигуры. А как действуют коммунисты? Вот Дубров едет уговаривать казаков дать хлеб для стройки. Вместо кропотливой организаторской и разъяснительной работы с его стороны следуют окрики и рукоприкладство, чем, естественно, сейчас же воспользовались контрреволюционные элементы...

Еще одна существенная деталь: у вас на протяжении первых месяцев стройки (в романе это занимает 5 или

6 глав) вообще нет коммунистов, кроме Дуброва. Между тем в действительности было не так: партия, начиная такие стройки, с самых первых дней сколачивает на них ядрышко коммунистов, которое затем, как правило, вырастает в мощную организацию...

Мой первый совет вам: сделайте коммунистов более живыми и яркими, а роль партийной организации более выпуклой. В романе у вас уже имеется ряд эпизодов (например, роль партийной организации в продвижении предложения Коробельникова), которые, будучи развернуты более ярко, выдвинут партийную организацию и коммунистов на место, какое они занимали в действительности...»

Алексей Максимович Горький познакомился с этой рецензией и счел необходимым написать Александру Сергеевичу:

«Ваше письмо Авдеенко, дорогой мой товарищ, я прочел с чувством глубокого удовлетворения, с радостью. Вы написали деловитую, убедительную рецензию в хорошем, подлинно литературном тоне. Это возбуждает у меня крепкую надежду на то, что молодая наша литература найдет в лице Вашем крепкого, толкового, заботливого руководителя. Вы понимаете, как необходим такой руководитель, партиец-большевик. Вы видите, что критика наша все еще не учитель... И дружески отмечая правильность взятой Вами линии, я нимало не боюсь «захвалить» Вас, «испортить»... Всех благ! Письмо Авдеенко очень хорошо...»

В Союзе писателей А. С. Щербаков направляет писательские силы на создание высококачественных художественных произведений. Он возглавляет делегацию Союза советских писателей на Международном конгрессе писателей в защиту мира, состоявшемся в 1935 году в Париже. В состав делегации входили В. Иванов, А. Толстой, Н. Тихонов, Ф. Панферов, А. Корнейчук и другие писатели.

А когда ЦК ВКП(б) назначил А. С. Щербакова культпропом ЦК партии без освобождения от обязанностей секретаря Союза писателей, Алексей Максимович писал ему: «Дорогой Александр Сергеевич, не скрою, очень огорчен Вашим назначением в Культпроп. Конечно, дело необходимое, с литературой тесно соприкасается и давно требует энергичных работников — людей, которые имеют определенное представление о социалистической культуре, о методах ее развития. Но боюсь, что по-

вая сложная работа отнимет у Союза писателей две трети, а то и всю Вашу энергию. В Союзе Вы оказались на месте, быстро приобрели авторитет культурного руководителя и друга дела... То, что Вы не совсем уходите, не сколько утешает меня...»

В 1936 году Александр Сергеевич работает в Ленинграде в качестве второго секретаря обкома ВКП(б). В это время партия ведет напряженную работу по выполнению плана второй пятилетки, одновременно советуется с народом по важнейшему вопросу в жизни страны — новой Конституции СССР. Щербаков проводит большую работу по разъяснению рабочим и колхозникам области значения нового Основного Закона Советского государства.

Совместная работа с таким выдающимся деятелем нашей партии, как А. А. Жданов, оказала благотворное влияние на его формирование как партийного и государственного работника. ЦК ВКП(б) направляет Щербакова в Иркутский обком ВКП(б). За непродолжительный срок напряженной работы ему удается сплотить актив, обновить руководящие кадры и поднять хозяйство края. Вскоре ЦК ВКП(б) направляет Александра Сергеевича в Донецкую область. Его избирают первым секретарем обкома партии. Партией ставится трудная задача подъема угольной промышленности Донбасса. И здесь за короткий срок, мобилизуя на выполнение этой задачи в первую очередь коммунистов и комсомольцев, Щербаков добивается значительных результатов. За выдающиеся успехи в деле подъема угольной промышленности он впервые награждается орденом В. И. Ленина.

В октябре 1938 года Александр Сергеевич Щербаков избирается первым секретарем столичной городской и областной партийных организаций. Ему тридцать семь лет. С первых дней пребывания на посту первого секретаря Щербаков особо заботился об улучшении партийного руководства промышленностью, о правильном сочетании партийно-политической и хозяйственной работы в Москве. Стилем его деятельности было постоянное общение с массами, умение советоваться с рабочим классом и со всей энергией двигать дело вперед. Он обладал бесценным качеством руководителя — чувством нового, и подмечал любую полезную инициативу, любое патристическое начинание. Распространение передового опыта среди рабочих масс, вопросы социалистического соревнования всегда были в поле его зрения.

Так, по инициативе А. С. Щербакова бюро МГК ВКП(б) обсудило опыт работы многостаночного обслуживания на заводе «Фрезер» имени М. И. Калинина. Ценный почин получил широкий отклик в стране и принес немалый экономический эффект. Оценивая в 1940 году итоги пятилетней работы в области жилищного и коммунального хозяйства, развития транспорта, строительства метро, водоснабжения и озеленения столицы, он говорил: «То, что сделано за пять лет в Москве, вообще не знает примера в истории градостроительства, невысказано и невозможно при капитализме». Первый Генеральный план реконструкции Москвы и его осуществление также связаны с именем А. С. Щербакова.

В условиях усложнившейся международной обстановки, нарастания угрозы мировой войны Московский городской и областной комитеты ВКП(б) особенно внимательно занимались партийными организациями оборонных заводов города и области, помогали им в выполнении напряженных производственных планов.

В 1939 году А. С. Щербаков предупреждал московских коммунистов: «Военная опасность — вещь вполне реальная, она растет... война приближается. Нельзя назвать срока, но она не за горами... Это будет тяжелое испытание. Победим наверняка. Но чем скорее... — зависит от нас, как подготовимся».

Дело не ограничивалось предупреждением. Партийная организация Москвы проводила большую военно-оборонную работу, настойчиво занималась патристическим воспитанием трудящихся.

На одном из партийных активов города, призывая настойчиво и серьезно изучать марксизм-ленинизм, он говорил: «Марксистско-ленинская теория является могучим оружием нашей партии и нашего народа. Знание теории... дает нашим кадрам понимание политики партии и Советского государства, вооружает их умением правильно ориентироваться в обстановке, сознательно и с успехом выполнять свою работу». Много внимания уделял Александр Сергеевич воспитанию молодежи, беспокоился о ее культурном и нравственном облике.

В предвоенные годы Москва и Московская область по развитию народного хозяйства занимали ведущее положение в стране. Промышленность, сельское хозяйство успешно выполняли и перевыполняли государственные задания. За развитие сельского хозяйства и животноводства области, за выполнение заданий правительства

А. С. Щербаков в 1940 году второй раз награжден орденом Ленина.

К этому времени Александр Сергеевич завоевал большой авторитет среди советских людей как пламенный пропагандист ленинских идей, прекрасный оратор, державший постоянно аудиторию во внимании.

Его выступления на пленумах МК и МГК, на партийных активах города, перед общественностью страны всегда производили большое впечатление. Он анализировал внутреннее и международное положение страны, убедительно раскрывал роль ленинской партии в строительстве социалистического общества и неизбежность торжества коммунистических идей.

А. С. Щербаков выступал на страницах журналов «Большевик» (членом редколлегии которого он был), «Московский большевик», «Партийное строительство» и в других органах печати. Его статьи помогали коммунистам ориентироваться в важнейших вопросах политики партии, воспитывали молодежь.

По-новому прозвучало выступление А. С. Щербакова на XVIII съезде ВКП(б). Он выдвинул задачу: добиться резкого перелома в производстве картофеля и овощей, повысить удельный вес подмосковных колхозов и совхозов в снабжении городского населения продовольствием, создать вокруг столицы самое продуктивное сельское хозяйство. Активно поддержал Александр Сергеевич инициативу одного из московских заводов: организовать подсобное хозяйство для снабжения рабочих столовых и детских садов овощами и молочными продуктами.

Восемнадцатый съезд Коммунистической партии избрал товарища А. С. Щербакова членом Центрального Комитета. На первом Пленуме он был избран членом Оргбюро ЦК ВКП(б), в феврале 1941 года — кандидатом в члены Политбюро, а через три месяца одновременно с другими обязанностями — секретарем Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Ему поручается возглавить идеологический участок деятельности ЦК ВКП(б) в то сложное для страны и партии время.

22 июня 1941 года немецкие фашисты, имея в своем тылу почти всю поверженную Европу, вероломно напа-

ли на нашу Родину. В годы Отечественной войны с особой силой проявился талант А. С. Щербакова как великолепного организатора.

Под руководством МГК в считанные дни было сформировано и отправлено на фронт 12 ополченческих дивизий. На фронт ушло 400 тысяч квалифицированных рабочих и специалистов и чуть позднее еще 45 тысяч. К началу войны в Московской городской и областной партийных организациях было 330 тысяч коммунистов, в 1942 году их осталось 94,4 тысячи, количество первичных партийных организаций сократилось в два раза. На фронт ушел почти весь партийный актив. Надо было позаботиться о выдвижении и воспитании новых кадров секретарей горкомов, райкомов, первичных организаций, инструкторов партийных органов. И Московский городской и областной комитеты партии под руководством А. С. Щербакова успешно справлялись с этой задачей. В кратчайший срок были перестроены на военный лад промышленность, сельское хозяйство, транспорт.

Еще в июле 1941 года Московский комитет партии создал областной штаб по руководству подпольем и партизанским движением в Московской области. И когда враг вступил на ее территорию, против него развернули активную борьбу 41 партизанский отряд, 317 специальных боевых групп. В ходе боев они уничтожили 17 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, значительное количество боевой техники врага, снабжали военный совет Западного фронта ценной информацией о противнике.

Осенью 1941 года обстановка под Москвой крайне осложнилась. Городской комитет партии собрал 13 октября партийный актив. А. С. Щербаков в своем докладе говорил: «Враг... не останавливаясь ни перед какими трудностями, поставил себе целью до наступления зимы... какой угодно ценой добиться успехов... Нависла опасность над родной Москвой. Перед лицом этой опасности большевики московской организации обязаны сплотиться как никогда, встать стальной стеной, организовать и повести за собой трудящихся — превратить Москву в неприступную крепость... Как бы тяжело нам ни было... мы твердо знаем, мы твердо уверены — победим».

Это был особый день. Коммунисты считали себя мобилизованными и призвали всех трудящихся столицы к оружию. Решили в каждом районе формировать коммунистические роты и батальоны, создавать отряды и

группы пулеметчиков, снайперов, истребителей танков и минометов.

Особенно памятно выступление Александра Сергеевича по радио 17 октября, в котором он по поручению ЦК ВКП(б) заверил советский народ в том, что «за Москву войны Красной Армии будут драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови».

А. С. Щербаков был одним из организаторов обороны Москвы, без его участия невозможно представить эту эпопею. Москвичи видели его в цехах заводов, на оборонительных рубежах, где он добрым метким словом поддерживал дух работавших, на обучении рабочих батальонов и рот борьбе с танками, на военном совете Московской зоны обороны, на улице, выслушивавшего тружеников Москвы.

При всех постоянных заботах по обеспечению фронта и своего быта Москва еще по заданию Государственного Комитета Обороны строила третью очередь метрополитена. За успешное выполнение этого задания ГКО в условиях военного времени Александр Сергеевич Щербаков был третий раз награжден орденом Ленина.

Все четыре долгих года войны столица самоотверженно трудилась во имя победы. За годы войны только московские предприятия дали фронту 16 тысяч самолетов, 3,5 миллиона автоматов, несколько тысяч танков и самоходных установок, 4 тысячи «катюш» (реактивных минометов), 10 миллионов шинелей. Лишь на строительстве оборонительных сооружений участвовало около полумиллиона москвичей. А каких усилий МГК стоила забота о быте трудящихся, о снабжении их продовольствием, овощами, обеспечении топливом! Только на заготовку топлива было направлено 257 тысяч человек. Ни один вопрос жизни людей не оставался без внимания партийной организации в те трудные годы.

В январе 1943 года Щербаков докладывал Государственному Комитету Обороны, что трудящиеся Москвы и области собрали «на строительство своей армии» 390 миллионов рублей.

А когда освободили от фашистских захватчиков оккупированные районы Московской области, партийная организация немедленно мобилизовала все силы на восстановление разрушенных заводов, городов и сел, чтобы больше и лучше обеспечивать действующую армию и ускорить разгром ненавистного врага. Душой этой кипучей деятельности был Александр Сергеевич. Дела шли

успешно. Однако он, выступая на партийном активе города, говорил: «Не позволяйте голове кружиться от успехов, умеете видеть, распознавать недостатки... Умейте бороться с этими недостатками, а не замазывать их, почаще оглядывайтесь на то, что сделано, оценивайте проделанную работу, даже если она сделана неплохо, с одной точки зрения, — как можно было бы сделать ее еще лучше».

Все, кому приходилось работать рядом с А. С. Щербаковым и близко знать, отмечали его колоссальный партийный опыт, великолепную память и необыкновенную работоспособность.

Секретарь Московского комитета ВКП(б) Б. Н. Черноусов подчеркивал глубокую партийность и высокую образованность А. С. Щербакова, его удивительное умение находить в ежедневной лавине неотложных дел главное, на чем следовало сосредоточить внимание партийной организации Москвы и области.

Председатель Московского Совета того времени Василий Прохорович Пронин отмечает такие качества А. С. Щербакова, как принципиальность в оценке людей и своей работы, способность не уходить от ответственности, какой бы тяжелой она ни была. Он рассказывал такой случай. Однажды советские бомбардировщики на большой высоте оказались по ошибке над Москвой, и зенитчики открыли по ним огонь. К счастью, ни один самолет не был сбит. В связи с этим А. С. Щербакову пришлось вскоре разговаривать по телефону с И. В. Сталиным, который жестко спросил:

— Вы как секретарь ЦК, отвечающий за противовоздушную оборону столицы, уверены, что она в хорошей боевой готовности?

— Уверен, товарищ Сталин, — ответил Александр Сергеевич. Немалую ответственность он принял на себя таким утверждением, хотя до разговора он уже успел разобрататься с этим неприятным происшествием в небе столицы и принять необходимые меры.

Дня через два после назначения начальником Главного политического управления Красной Армии Александр Сергеевич приступил к ознакомлению с его работой, с состоянием руководства партийно-политической работой в действующей армии. Надо прямо сказать, что аппарат Главпура нуждался в его помощи, в твердой и заботли-

вой руке, в мудром совете авторитетного руководителя в столь трудное время, когда на юге страны противник вновь начал геснить наши войска на широком фронте.

Вначале он разбирался с кадрами политсостава. Война в совершенно новых масштабах поставила задачи в таком важнейшем и ответственном деле, как подготовка и воспитание политработников. Комиссар, политрук был полпредом партии в армии, ее совестью и честью. Это он должен был первым встать под пулями в полный рост, чтобы произнести обжигающие высоким смыслом слова: «Коммунисты, вперед!» Стаким призывом первыми поднимались в атаку комиссары гражданской войны, с ним же шли на беззаветный бой с врагом коммунисты Великой Отечественной. В этом призыве великая суть партийного долга: быть на самых трудных участках. Это комиссар, политрук обязан были найти такие слова, чтобы люди шли в бой, думая не о себе, а о бессмертии Родины. Он вручал партбилет перед атакой, вслух читал газету во время затишья, был для солдат старшим товарищем и другом. Это политрук заботливо интересовался тем, получил ли воин весточку от родных и друзей, он первым узнавал, накормлен ли боец, и лишь потом сам обедал. И таких людей надо было найти среди бойцов и командиров, в короткий срок обучить их методам партийно-политического руководства.

Гитлер еще до «великого похода» на Восток издал директиву: «политических руководителей не считать военнопленными, их уничтожать на месте». Он боялся их пуще самого грозного оружия.

...Под Ворошиловградом на высоком кургане — одиннадцатиметровая фигура атакующего воина. Рука вскинута вверх. Он зовет за собой и уверен, что бойцы последуют за ним. На граните надпись: «В честь героического подвига политработников Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Вот таким навеки остался в памяти советского народа политрук. Таких политработников неутомимо воспитывала партия и по ее поручению начальник Главпура А. С. Щербаков...

Кабинет Александра Сергеевича в то время находился во 2-м Доме Советов по Садовой улице. Отсюда он вскоре перебрался на улицу Кирова, 51, поближе к Ставке и Генеральному штабу. Но помещение здесь было мало приспособлено для работы, и он окончательно обосновался в здании МГК ВКП(б).

Кабинет в МГК был просторный, обставленный стро-

го, без каких-либо излишеств. Слева у окна стоял двухтумбовый, покрытый зеленым сукном рабочий стол с небольшим приставным столиком, по обеим сторонам которого располагались полумягкие стулья с высокими спинками.

На противоположной стороне от постоянного рабочего места — длинный полированный стол для совещаний, вокруг него — такие же полумягкие кресла с высокими спинками. На стенах — портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. За спиной Александра Сергеевича висела большая географическая карта Европы и Ближнего Востока, изготовленная, если судить по тщательности, в Генштабе.

На рабочем столе Щербакова никогда не было никаких бумаг или книг — только аппарат для связи с Кремлем, телефонный справочник и простой письменный прибор с деревянным стаканчиком для ручек и карандашей (кстати сказать, резолюции на документах он всегда писал красным или синим карандашом). Справочная библиотека (сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, материалы по истории партии, общественно-политические журналы) помещалась в кабинете его помощника Александра Николаевича Крапивина.

Прежде всего Александр Сергеевич заинтересовался структурой Главпура и его основными руководящими работниками: начальниками управлений и отделов. Подробнее ему хотелось получить информацию о начальниках управления пропаганды, организационно-инструкторского отдела и отдела по работе среди войск противника.

Ему были хорошо известны такие члены военных советов, как А. А. Жданов, Н. А. Булганин, А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, начальники политуправлений К. Ф. Калашников и В. Е. Макаров, другие кадровые политработники: С. Ф. Галаджев, И. М. Гришаев, А. С. Желтов, Д. С. Леонов, А. П. Пигурнов, И. З. Сусайков.

Тщательно ознакомился А. С. Щербаков с руководящим политсоставом на уровне армий, корпусов и дивизий. Его интересовали политическая и военная подготовка, опыт руководящей партийно-политической работы. Но особенно он хотел разобраться в том, как члены военных советов, комиссары связаны с массами бойцов и командиров, каковы их роль в организации политической работы и личное в ней участие, как близко стоят члены военных советов к политорганам и партийным организациям, помо-

гают им в работе. Но не только служебная деятельность руководящих политработников была в поле зрения А. С. Щербакова. Он с первого дня пребывания на посту начпура заботился, например, об их семьях, где они находятся, имеют ли они связь с ними и т. д.

Александр Сергеевич подробно рассмотрел укомплектованность политработниками действующей армии. В связи с этим поинтересовался порядком их назначения.

Здесь была такая принципиальная схема: члены военных советов фронтов и армий, начальники политуправлений фронтов назначались решением Государственного Комитета Обороны по представлению Главпура; начальники политотделов армий, корпусов, дивизий, бригад, спецвойск, политорганов центрального аппарата, начальники отделов политуправлений фронтов, редакторы фронтовых и армейских газет — приказами начальника Главного политического управления Красной Армии. Остальные политработники назначались военными советами фронтов и армий.

Рассматривая вопросы новых формирований, А. С. Щербаков обратил при этом особое внимание на соблюдение принципа укомплектования вновь создаваемых частей, при котором к командиру без боевого опыта назначался политработник-фронтовик или, соответственно, наоборот. Затем детально изучил важный по тому времени вопрос о подготовке кадров политсостава. 74 учебных заведения плюс фронтовые курсы и курсы при школах родов войск в 1942 году выпустили 95 тысяч политработников. Александр Сергеевич много времени уделял резерву политсостава. С помощью ЦК ВКП(б) к тому времени резерв политработников на каждом фронте составлял 150—200, а в армиях — 20—30 человек. При Главном политуправлении к началу июня 1942 года было 900 политработников разных категорий. ЦК ВКП(б) перераспределил партийные силы. В армию пришли 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых, областных комитетов, горкомов и райкомов, 270 ответственных работников аппарата ЦК партии. С Ленинских курсов, из Высшей школы партийных организаторов и Высшей партийной школы в распоряжение Главпура прибыли 2500 квалифицированных партийных работников.

При всей внушительности этих цифр этого было недостаточно. В особенности нехватка ощущалась в 1942 году на южных фронтах. Потери среди политработников были немалые. Чтобы возместить выбывавших из строя, укомп-

лектовать новые формирования и иметь необходимый резерв, нужно было готовить политработников значительно больше, чем готовилось.

Александр Сергеевич не откладывал решение трудных вопросов, он всегда оперативно, взвесив, опосредствовав все обстоятельства, смело принимал нужные решения. И в данном случае незамедлительно были расширены учебные заведения и курсы. Под его контролем и с помощью ЦК ВКП(б) в первой половине 1943 года уже было выпущено политработников в полтора раза больше, чем в 1942 году. В резерве при политотделах армий теперь было по 40—50, при политуправлениях фронтов — по 300—400, а при Главном политуправлении — до 2 тысяч политработников разных категорий. Пополнение подбиралось из членов партии, проявивших себя в боях с фашистами, имевших высшее, незаконченное высшее и среднее образование. Александр Сергеевич по этому поводу заметил:

— Да, за короткое время партия сумела ликвидировать неграмотность и дать большой массе молодежи среднее и высшее образование. Как это помогает нам. Что бы делали, имея неграмотных или малограмотных. Это большая заслуга партии.

Александр Сергеевич Щербаков разобрался и изучил работу организационно-партийного отдела и управления пропаганды. В первых числах июля 1942 года он решил провести Всеармейское совещание членов военных советов и начальников политуправлений фронтов и тщательно готовился к нему. С этого всеармейского мероприятия, какого не было с начала войны, он хотел начать решительную перестройку партийно-политической работы в действующей армии.

Развязанная фашистской Германией война, ставшая для советского народа труднейшим испытанием, когда решался вопрос — быть или не быть нашему государству, на многое заставила взглянуть другими глазами. Надо было многое переосмыслить, перестроиться, как говорится, на ходу. Неизмеримо возросли масштабы и сложность тех задач, которые встали перед нашей партией в таком перестроенном и ответственном деле, как идейно-политическое воспитание защитников Родины: укрепление их убежденности в правоте нашей борьбы с гитлеровскими захватчиками и веры в победу, воспитание любви к Отечеству и бесстрашия на поле брани, высокой сознательной дисциплины, наступательного духа и стойкости в обороне.

Одно лишь перечисление основных направлений деятельности Главного политического управления Красной Армии в годы войны может дать достаточное представление как о важности проблем, которые необходимо было решать А. С. Щербакову, так и о роли, которую ЦК партии отводил политической работе в армии:

— сосредоточение партийно-политической и агитационно-массовой работы в армии на претворении в жизнь политики партии в военных условиях; осуществление руководства военными советами и политуправлениями фронтов;

— совместный с Генеральным штабом анализ оперативно-стратегической обстановки на фронтах; непосредственное участие в подготовке и проведении боевых операций в соответствии с приказами Верховного Главнокомандования;

— подготовка и переподготовка всех звеньев политсостава, создание резерва политработников, подбор и восстановление кадров, а также воспитание их на практической работе;

— решение вопросов армейского партийного строительства и руководство комсомолом;

— постоянное изучение политико-морального состояния войск;

— тесная связь с ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами ВКП(б) для постоянной информации воинов о жизни и работе тыла;

— изучение армии противника и проведение мероприятий по спецпропаганде среди его войск;

— изучение военно-политической обстановки в освобожденных от фашистского гнета странах и на территории гитлеровской Германии.

Многогранность политической работы в армии, необходимость научного анализа и обобщения опыта в первые же дни пребывания А. С. Щербакова на посту начальника Главполитуправления специального совещательного органа, обладающего как высоким уровнем компетентности, так и облеченного доверием высшего руководства страны. И такой орган — Совет военно-политической пропаганды — был создан в июне 1942 года. В него входили члены ЦК ВКП(б): А. С. Щербаков (председатель), А. А. Жданов, Д. З. Мануильский, Е. М. Ярославский, Л. З. Мехлис, И. В. Рогов, кандидат в члены ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров и другие.

Образование Совета военно-политической пропаганды было наглядным примером стремления Александра Сергеевича к коллегиальности в работе в сочетании с высокой персональной ответственностью — к тому, что мы с полным основанием называем ленинским стилем руководства.

Задачи, возложенные на Совет военно-политической пропаганды, были весьма ответственны. Он намечал пути дальнейшего улучшения политработы в войсках, совершенствования ее форм и методов. На его заседаниях выступали с докладами члены военных советов и начальники политуправлений фронтов, равно как и другие руководящие политработники.

На первом заседании совета, состоявшемся 16 июня 1942 года, разговор был откровенным, вскрывались слабые стороны в работе Главпура, политической работы в действующей армии. Закljučая прения, с некоторыми принципиальными оценками и предложениями выступил А. С. Щербаков.

— Прежде всего, — сказал он, — нам нужно подготовить для представления в ЦК ВКП(б) предложения об улучшении партийно-политической работы в армии, обобщив выступления на сегодняшнем совете представителей всех отделов Главпура. Что я при этом имею в виду? Начинать перестройку партийно-политической работы в армии будем с Главпура, решительно ломая сложившийся в нем, к сожалению, бюрократический стиль. Сократим количество директив. Улучшим руководство политорганами через печать. В Главпуре создадим группу штатных и нештатных агитаторов, причем в последнюю, я думаю, надо включить крупных работников партии и список их представить в ЦК. Отдел печати Главпура подчиним Управлению пропаганды и агитации. Без печати — какая же пропаганда и агитация?..

Если на первом заседании Совета были рассмотрены вопросы общего характера, то второе его заседание было посвящено проблемам более конкретным — работе политуправления Западного фронта и политотдела 20-й армии среди войск противника. Выступали заинтересованно, горячо, что вполне соответствовало остроте поставленных проблем. Говорили о не всегда убедительной аргументации в листовках, отсутствии конкретики в материалах, выдвигали предложения по привлечению к работе в области спецпропаганды политических эмигрантов и т. д.

И снова Александр Сергеевич, выступивший с заклю-

чительным словом, показал образец глубокого проникновения в суть обсуждаемой проблемы, умения буквально одной-двумя фразами четко определить наиболее оптимальный способ ее решения.

«Почему, — спрашивал политработников начглавнур, — у вас серьезные недостатки в пропаганде среди войск противника? Потому что она ведется без должного учета морального облика и политического уровня солдат и офицеров вермахта. Основная их масса растлена Гитлером. Это — смердяковы по Достоевскому. Доказывать им, что они поступают плохо, как это нередко делается в нашей пропаганде, — напрасный труд. Немного среди них таких, кто понимает, что они творят преступления. Лучшее средство убеждения гитлеровцев — сокрушительные удары Красной Армии. В пропаганде надо действовать на фашистов показом силы и мощи СССР, силы антигитлеровской коалиции. В листовках надо писать о том, что наши силы неисчислимы: немцы сделают один танк — мы десять, у них один солдат — у нас десять, у них нефти столько-то — у нас в десять раз больше. Пропаганда должна быть устрашающей, чтобы фриц почувствовал себя безнадежным смертником. Убеждать немецких солдат, что Гитлер войну не выиграет ни теперь, ни в будущем.

Наконец, надо сильнее использовать внутренние противоречия между Германией и ее вассалами, противоречия внутри немецкой армии. Поражение Гитлера под Москвой не может не вызвать недоверия кадровых генералов и высших офицеров к Гитлеру...

Бить врага правдой, и только правдой! В правде наша сила, в ней залог непобедимости.

В выступлении Александра Сергеевича звучала такая убежденность, что у каждого, кто его слушал, появлялась твердая уверенность в успехе, возникало желание скорее взяться за дело.

— Гитлеровская пропаганда, — продолжал А. С. Щербаков, — беспардонно врет, она вся и насквозь лжива. К примеру, потери фашистской армии на фронте, по статистике Гитлера, меньше, чем в тылу. В тылу, по его арифметике, гибнет больше. Нужно беспощадно разоблачать лживую фашистскую пропаганду. В. И. Ленин учил срывать маску с врага, политически его изобличать — это важное средство разложения противника».

И сам Александр Сергеевич показывал в этом примере. В своем докладе, посвященном ленинским дням, он говорил: «Германское командование старалось во что бы

то ни стало удержать линию Днепра. В конце сентября гитлеровское командование обратилось к своей армии с приказом не отдавать больше ни одной пяди земли. Гитлер уверял немцев, что Днепр будет рубежом, отделяющим две армии друг от друга, что зимние позиции на Днепре хорошо укреплены и их можно считать неприступными. Берлинское радио расписывало ширину и глубину Днепра, высоту его западных берегов, выгодность и неприкосновенность командных позиций немцев на высотах днепровских берегов. На днепровских позициях гитлеровцы намеревались прочно держаться. Но, как говорят, держалась кобыла за оглоблю, да упала».

Надо сказать, что с первых дней пребывания на посту начпура Александр Сергеевич не раз высказывал горячее желание посетить действующую армию. Это не означало, разумеется, что он не доверял получаемой информации, вовсе нет. Просто стиль его работы был таким — поstarаться как можно глубже выикнуть в дело, которое ему поручено, увидеть все своими глазами. С разрешения Центрального Комитета ВКП(б) он выехал в 33-ю армию Западного фронта, где за короткий срок (вот где опять проявилась его поразительная работоспособность!) подробно познакомился с боевой обстановкой, политико-моральным состоянием войск, постановкой партийно-политической работы и очень интересовался вопросами быта. Он посетил несколько частей, где беседовал с красноармейцами, политруками рот, побывал на армейских курсах подготовки политсостава, здесь внимательнейшим образом изучил программу, принципы подбора преподавательского состава и методику обучения. На митинге личного состава одной из частей он выступил с краткой, но, как всегда, яркой и убедительной речью, в которой в простых, но образных словах разоблачил челоовеконенавистническую идеологию фашизма, разъяснил справедливый характер войны с нашей стороны и неизбежность поражения гитлеровской Германии.

Возбужденным вернулся Александр Сергеевич в Москву, охотно делился впечатлениями о том, что увидел и услышал, о высоком моральном духе воинов Красной Армии, их стремлении беспощадно уничтожать врага.

— Золотые, ну просто золотые люди! — говорил он. И всякий раз непременно добавлял: — Забота о них — святое наше дело!

Кое-кто из кадровых военных допускал мысль, что этому крупному партийному и государственному деятелю

жизнь воинских частей и подразделений знакома больше теоретически. Ему ведь не пришлось служить в частях регулярной армии. На деле же это предположение опровергалось...

Перед войной Александр Сергеевич был членом военного совета Московского военного округа, активно участвовал в его работе и вникал в жизнь частей. Он знал организацию войск, их вооружение и уставы. Он знал оружие и боевую технику не только Красной Армии, но и немецко-фашистской армии. В беседах со специалистами по стрелковому и артиллерийскому оружию, по танкам, самоходным установкам и самолетам он удивлял их глубиной своих знаний и нередко кое-кого из них ставил в затруднительное положение.

— Без знания боевой техники и оружия, — не раз говорил политработникам А. С. Щербаков, — их тактико-технических возможностей, без знания оружия врага не может быть конкретной политической работы с личным составом. Чтобы с пользой побеседовать с бойцами перед выполнением боевой задачи, надо знать уставы, оружие, которым они будут пользоваться в бою, знать оружие противника. Иначе как посоветовать, чтобы тактически обхитрить врага, как отметить его слабые и сильные стороны? Без этого останутся общие разговоры.

Показателен такой случай.

В беседе с кандидатом на должность начальника политуправления фронта А. С. Щербаков остался доволен его общей и политической культурой, но, убедившись в недостаточной осведомленности в боевой технике и оружии фашистской армии, кандидатуру отклонил.

При обсуждении на Совете военно-политической пропаганды доклада начальника политуправления Карельского фронта о состоянии партийно-политической работы в войсках Александр Сергеевич привлекал внимание всех присутствующих к необходимости изучения оружия и боевой техники. Это было видно из вопросов, которые он задавал докладчику:

— Какими танками воюют финны?

— Чем лучше наш танк?

— Какое у них автоматическое оружие?

— Чем лучше наш станковый пулемет, какая у него скорострельность?

— Какие у финнов средства противовоздушной обороны?

Как-то, слушая начальника политуправления Брян-

ского фронта, он выразил удовлетворение ростом партийных рядов и увеличением количества ротных парторганизаций.

— Это хорошо, но только этого мало! Надо, чтобы ротные партийные организации были жизнедеятельны. Что для этого требуется? Чтобы парторганизация и часа не оставалась без парторга.

— Парторги рот в бою часто выбывают из строя, они ведь всегда на острие боя, — заметил начальник политуправления.

— Правильно. Вот поэтому надо иметь постоянный резерв парторгов в полках. Есть он у вас?

— Есть, должен всегда быть.

— Должен-то должен. Надо, чтобы был на деле. Парторгов надо учить. Парторг должен уметь вместе с командиром расставить коммунистов на самые ответственные участки, выделить во взводах агитаторов, подобрать более грамотного коммуниста для написания листовок-«молний» «передай по цепи» и т. д.

— Перед каждым боем мы расставляем коммунистов и комсомольцев и поручаем им вести за собой рядом находящихся бойцов.

— Этого надо добиваться. Вместе с тем парторг должен готовить достойных воинов к вступлению в партию, уметь по Уставу оформить прием.

Продумывать вопросы, с которыми он сталкивается, до конца — в этом была его огромная сила. С докладом к нему можно было смело идти лишь тогда, когда все отработано до мелочи. Иначе завернет доработать.

6 июля 1942 года состоялось очень важное, можно сказать, программное Всеармейское совещание членов военных советов и начальников политуправлений фронтов, на котором присутствовали также представители политотделов армий и дивизий. В заключительном слове А. С. Щербакова, если принять во внимание, когда оно было произнесено (июль сорок второго, Сталинград!), станет понятной та взволнованность, с которой он выступал, обычно умевший скрывать свои чувства, владевший собой в самых сложных ситуациях.

— Выступавшие, — сказал он, — вскрывали некоторые недостатки партийно-политической работы в боевых частях. Но надо прямо сказать — говорилось о них как-то неостро, робко, не чувствовалось нетерпимости к ним. ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Обороны счита-

ют необходимым незамедлительно повысить уровень партийно-политической работы в Красной Армии, а для этого надо прежде всего в полный голос, не отыскивая смягчающих обстоятельств, говорить об имеющихся в этом деле недостатках! Красная Армия похоронила гитлеровскую идею «молниеносной войны», накопила достаточный боевой опыт. Бойцы и командиры избавились от того благодушия, которое встречалось в начале войны. Все сильнее проявляется массовый героизм. Армейские партийные организации выросли вдвое, комсомольцев в армии свыше двух миллионов. Эти благоприятные условия для политической работы недостаточно, к сожалению, используются военными советами и политорганами. Партийно-политическая работа нередко ведется бюрократически, сухо, непродуктивно. В сложившихся условиях политработник-бюрократ также нетерпим в наших рядах, как солдат-разгильдяй!

С сожалением приходится говорить и о том, что политорганы не всегда проявляют заботу о надлежащих формах политической работы в боевой обстановке, а ведь Владимир Ильич Ленин, наша партия всегда придавали огромное значение агитации, обращенной к уму, чувствам, эмоциям человека! Беседа — это, конечно, замечательно, но мы не можем обойтись без других форм массовой агитации, нам нужен массовый агитатор-трибун! Мы почти забыли такую важную массовую форму агитации, как митинги, бойцы, как правило, не видят и не слышат членов военных советов, начальников политуправлений фронтов и начальников политотделов армий, а ведь именно их ЦК ВКП(б) считает воинствующими большевиками, носителями боевого духа нашей партии, ее дисциплины, твердости, мужества, непоколебимой воли к победе!

Сразу же после этого совещания все основные работники Главпура выехали на фронты, где вместе с военными советами и руководителями политорганов провели большую работу по реализации намеченных преобразований...

Тем временем начпур с присущей ему энергией продолжал взятый им курс на перестройку партийно-политической работы. В Главпуре был организован отдел агитации. Управление пропаганды стало управлением агитации и пропаганды. Сотрудниками отдела агитации были подобраны лучшие агитаторы-фронтовики. В июле 1942 года при Главпуре была создана внештатная группа агитаторов, в которую входили известные деятели партии,

члены ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, А. Г. Зверев, Д. З. Мануильский, К. И. Николаева, В. П. Потемкин, Н. М. Шверник, Е. М. Ярославский и другие. Активно участвовал в агитационной работе М. И. Калинин, выступивший по просьбе А. С. Щербакова с речью перед агитаторами Западного фронта. В политуправлениях фронтов и политотделах армий, кроме уже существовавших лекторских групп, были созданы штатные и нештатные группы агитаторов, а в полках и дивизиях — введена должность агитатора вместо ранее существовавшей должности инструктора по пропаганде. Так — от Главпура до роты — была создана система агитаторов. В течение июля — августа 1942 года с помощью ЦК компартий союзных республик было подобрано и отправлено на фронт свыше 500 агитаторов нерусской национальности. Аппарат Главпура был укреплен за счет фронтовиков.

С разрешения ЦК ВКП(б) увеличился и выпуск печатной продукции. С августа 1942 года Главное политическое управление начало выпускать «Блокнот агитатора Красной Армии», выходящий три раза в месяц. «Блокнот» помогал агитаторам разъяснять бойцам наиболее злободневные политические вопросы, давал советы по организации быта, печатал памятки о поведении солдата в бою, рассказывал о героических подвигах наших солдат и офицеров, разоблачал сущность фашизма, вооружал агитаторов материалами о руководящей роли великой партии Ленина, о боевых успехах Красной Армии, о росте экономического и военного могущества нашего государства. В «Блокноте» выступали лучшие агитаторы, видные деятели нашей партии, в том числе и М. И. Калинин. Был налажен выпуск брошюр небольшого карманного формата с рассказами для чтения в окопах. Перестраивался журнал Главпура «Агитатор и пропагандист». К концу 1942 года в действующей армии издавалось 13 фронтовых и более 60 армейских газет. Выходила своя газета и в каждой дивизии.

Заботами А. С. Щербакова как секретаря ЦК ВКП(б) армия обеспечивалась материалами для массовой агитации и пропаганды. Вот цифры, которые говорят сами за себя: лишь с июля 1942 года по февраль 1943 года в войска было направлено 350 тысяч экземпляров книг (считая и политическую, и художественную литературу), около 26 миллионов экземпляров брошюр, 5 миллионов экземпляров разных журналов, 20 миллионов экземпляров листовок.

Работники Главпура, командированные в войска, докладывали об оживлении политической жизни в частях и соединениях, о росте партийных рядов, об укреплении ротных партийных организаций. Если в августе 1942 года в Вооруженных Силах было принято кандидатами в члены ВКП(б) 114 тысяч человек, то в декабре эта цифра выросла до 121,3 тысячи.

Не случайно Александр Сергеевич с первых же дней пребывания в Главпуре с такой энергией и настойчивостью боролся за перестройку партийно-политической работы, добиваясь — и как можно скорее — усиления ее действенности: сама жизнь, обстановка на фронте, особенно между Волгой и Доном, требовала этого. К середине лета 1942 года стали очевидны планы противника — прорваться на Кавказ и к Волге в районе Сталинграда, захватить нефтяные районы, зайти в тыл Москве. После долгой и героической обороны Красная Армия вынуждена была оставить Севастополь. Пользуясь отсутствием второго фронта, фашистское командование подавляющее большинство войск бросило против Красной Армии. Учитывая сложившуюся ситуацию, Главное политическое управление сочло необходимым укрепить наиболее опытными и подготовленными кадрами политработников военные советы и политорганы армий Сталинградского направления.

29 июля 1942 года народный комиссар обороны И. В. Сталин подписал приказ № 227, в котором самым решительным образом подчеркивалось требование «Ни шагу назад!», 30 июля всем политорганам была разослана директива за подписью А. С. Щербакова о разъяснении в войсках этого приказа. «Не должно быть ни одного военнослужащего, который не знал бы приказа И. В. Сталина», — писал начпур, потребовав от политуправлений фронтов дважды в сутки докладывать ему о ходе разъяснения приказа.

Одновременно в помощь политуправлению Сталинградского фронта были направлены основные силы инспекторов, лекторов, агитаторов, инструкторов Главпура. Перед отъездом они были вызваны к А. С. Щербакову. Он был взволнован. Мы, пожалуй, впервые видели его таким. Инструктируя отъезжающих, он говорил так, словно выступал с трибуны перед огромной аудиторией, — а ведь разговор происходил в его небольшом служебном кабинете на улице Кирова. Энергичные жесты, блеск глаз, сам эмоциональный настрой речи — все го-

ворило о том, что больше всего в эту минуту ему хотелось быть там, в Сталинграде, даже так: ему скорее хотелось быть напутствуемым, чем инструктирующим.

— У нас есть все, — говорил начпур, — для того, чтобы остановить врага, а потом погнать его на Запад. Не хватает порядка и дисциплины в некоторых частях и подразделениях, и вы, именно вы вместе с командирами обязаны добиться здесь коренного перелома. Надо требовать образцовой дисциплины от коммунистов и комсомольцев! Лозунг «Ни шагу назад!» должен знать каждый командир, политработник и боец — где бы они ни были: на переднем крае, во втором эшелоне, в тыловых частях или госпиталях. Больше мы отступать не можем. Надо всем сказать суровую правду, как наша партия всегда это делала в трудных условиях, и люди ее понимали, — закончил Александр Сергеевич.

Вслед за группой Главпура в резерв политуправления Сталинградского фронта было направлено 200 политработников разных категорий.

Полиорганы действующей армии развернули широкую работу по разъяснению приказа № 227. Призыв «Ни шагу назад!» по прямому указанию А. С. Щербакова получил распространение в военной печати, по радио, в художественных плакатах «Окон ТАСС». 12 августа начпур предлагал политорганам армии «шире информировать личный состав о зверствах немецко-фашистских захватчиков, об их целях истребить советский народ, а оставшихся в живых превратить в рабов. Воспитывать на этом жгучую и беспощадную ненависть к врагу».

В комплексе мер, направленных на повышение стойкости войск в обороне, на повышение личной ответственности каждого воина за судьбу Сталинграда, А. С. Щербаков отводил особое место усилению партийного влияния в частях действующей армии. Он не раз говорил, что это важнейшая задача Главпура по руководству вооруженной борьбой с фашистами.

Во второй половине 1942 года приток в партию усилился. За три месяца партийные организации Сталинградского фронта приняли кандидатами в члены ВКП(б) 21 тысячу. Подавляющее большинство из них — бойцы и младшие командиры, те, кто находился на передовой в самой гуще воинов и оказывал на них влияние личным примером.

Информация Главпура была постоянной и основательной. Однако Александр Сергеевич вызвал с фронта ру-

ководителя группы Главпура. Последний докладывал, что теперь почти в каждой роте есть и активно действует партийная организация. Политорганы постоянно занимаются с парторганами рот и батальонов. Военные советы отмечают также нарастающее сопротивление врагу и повысившуюся активность частей в обороне. Бои идут с неслыханным упорством.

В это трудное для страны и армии время А. С. Щербаков держал под неослабным контролем работу политорганов по выполнению приказа по Сталинградскому фронту и в то же время занимался одним из важных аспектов партийно-политической работы в армии — работой с бойцами нерусской национальности. Будучи подлинным интернационалистом, учитывая многонациональный состав Красной Армии как отражение многонационального характера нашего социалистического государства, Александр Сергеевич особенно глубоко и вдумчиво подходил к осуществлению вопросов национальной политики партии применительно к такому сложному организму, какими являлись наши Вооруженные Силы.

Из данных, полученных в Управлении формирований, следовало, что бойцы нерусской национальности составляют в некоторых частях до 30 процентов личного состава, но, по мнению начпура, высказанному им после июльской поездки в войска Западного фронта, внимания этой значительной части бойцов уделяется недостаточно. Оперативная проверка показала, что многие командиры, политработники и члены военных советов недооценивали значение этой проблемы, не продвинулись дальше констатации факта слабого знания бойцами нерусской национальности русского языка. Продуманной политико-воспитательной работы, специально рассчитанной на этот контингент бойцов, почти не велось, и это было серьезным упущением. В результате обстоятельного обсуждения сложившейся ситуации А. С. Щербаковым в сентябре 1942 года была подписана директива «О воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности», где в основу их идейно-политического воспитания предлагалось положить разъяснение благородных и возвышенных целей народов СССР в Великой Отечественной войне, разъяснение военной присяги, вопросов национальной политики партии и международного положения страны. В директиве указывалось также на необходимость создания актива из бойцов и младших командиров нерусской национальности, привле-

чения их к выступлениям на собраниях и митингах, выделения для помощи им агитаторов из числа коммунистов и комсомольцев.

Надо сказать, что директивы, подписанные А. С. Щербаковым, отличались остротой поставленных в них вопросов, с одной стороны, и конкретностью — с другой. Вот и в данном случае он не ограничился простой оценкой важности рассматриваемого вопроса, но и рекомендовал (наряду с другими практическими советами) тематику докладов и бесед, имея при этом в виду специфику конкретной аудитории, предлагал выделить для повседневной работы с бойцами нерусской национальности заместителей политруков, знающих их родной язык, издавать листовки, выпускать боевые листки на национальных языках, практиковать громкие читки книг и газет на русском языке, наладить обмен письмами с предприятиями и колхозами союзных и автономных республик, подчеркивал необходимость обсуждения директивы на партийных и комсомольских собраниях.

К концу 1942 года благодаря усилиям Александра Сергеевича в армии имелось около тысячи политработников — представителей народов Закавказья и Средней Азии. Вскоре около полутора тысяч коммунистов — грузин, армян, азербайджанцев, казахов, узбеков, туркмен, киргизов — начали занятия на курсах политсостава.

По предложению А. С. Щербакова в политорганах практически всех фронтов (за исключением Карельского и Волховского) и армий вводилась должность инструктора по работе среди воинов нерусской национальности. С разрешения ЦК ВКП(б) был начат выпуск газет на языках народов СССР (к концу 1943 года таких газет в Красной Армии выпускалось уже шестьдесят четыре). Кроме того, Главпуром издавались на национальных языках брошюры, плакаты и листовки. И здесь как нельзя более кстати оказалась помощь ЦК компартий союзных республик и ряда обкомов ВКП(б), которыми было подготовлено более 500 журналистов.

...После первого Всеармейского совещания руководящих политработников прошло шесть месяцев. Никогда не забывавший о прочерке принятых решений, А. С. Щербаков пригласил в Москву начальников отделов агитации и пропаганды политуправлений фронтов. Состоялся серьезный и откровенный обмен мнениями по наиболее острым вопросам, требующим немедленного решения. Один из выступающих привел такой пример:

— Выступает агитатор. Грамотно, толково и убедительно выступает, около часа рассказывая о действиях союзников в Африке. Кончил. Спрашивает: «Есть вопросы, товарищи?» — «Есть, — отвечают ему. — Когда махорку будут давать?..»

Реакция Щербакова была немедленной:

— Вот-вот, это мы виноваты — не научили агитатора правильно строить беседу. Начинать надо с курева! С махорки, с обуви, с обеда, а не с высоких материй...

Прошло полгода с того времени, как были введены агитаторы. За это время выявились среди них настоящие таланты, подлинные самородки, обладавшие не просто даром слова, но даром убеждения, умением захватить аудиторию, донести до сознания каждого слушателя важнейшие идейно-политические установки, диктуемые суровым военным временем. По предложению начпура было решено провести в Москве месячные сборы лучших армейских агитаторов с тем, чтобы вооружить их более глубокими знаниями по наиболее важным вопросам текущей политики и военного дела. Эти сборы были проведены с 5 апреля по 4 мая 1943 года, а для того, чтобы читатель мог яснее представить то значение, которое придавалось такого рода мероприятиям, назовем фамилии лишь тех, кто выступал перед участниками сборов с лекциями, беседами, докладами: заведующий Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, Е. М. Ярославский, В. П. Потемкин, Е. В. Тарле, А. Н. Толстой и другие.

С 15 июля по 5 августа был проведен семинар, в котором участвовали агитаторы, работавшие с бойцами нерусской национальности. Перед этой группой агитаторов вызвался выступить Александр Сергеевич. Сам этот факт говорит о том значении, какое он придавал осуществлению ленинской национальной политики применительно к нашим Вооруженным Силам. Выступая, он говорил:

— Среди вас 50 процентов имеют высшее образование, а 45 процентов — среднее. Как в капле воды отражается солнце, так в этом факте отражаются те огромные изменения, которые произошли в нашей стране после Октябрьской революции. Нам есть за что сражаться, есть что защищать!

С первых же минут аудитория была полностью во власти его мыслей:

— Вы — интеллигенция братских республик. Вам понятно, что одно из величайших завоеваний Октября — это дружба народов многонационального Советского Сою-

за, ставшая краеугольным камнем его могущества. Сегодня все наши народы участвуют в борьбе с фашизмом. Растет число бойцов нерусской национальности, вступающих в партию и комсомол. На Юго-Западном фронте с ноября прошлого года по апрель 1943 года они составили 11,5 процента от всех принятых в партию.

Он говорил о печатных изданиях на национальных языках, об отличившихся бойцах нерусской национальности, о создании актива вокруг агитаторов и т. д.

Не забыл он отметить и недостатки, высказать пожелания. Отделу печати Главпура поручил через республиканские издательства издать книги, пользующиеся большой популярностью: у грузин — «Витязь в тигровой шкуре», у калмыков — «Джангар», у армян — «Давид Сасунский», у казахов — «Батытлар жиннычы» и другие.

При непосредственном участии Александра Сергеевича было организовано и культурное обслуживание действующей армии. К концу 1942 года было создано 20 фронтовых театров, сформированы сотни концертных бригад. На Южном фронте, если употребить военную терминологию, был задействован вновь созданный театр под названием «Веселый десант». Он захватывающе ставил спектакль «Ко всем чертям». А театр имени Евг. Вахтангова, к примеру, сформировал фронтовой филиал для обслуживания действующей армии. Не однажды посещали Александра Сергеевича представители московских театров — МХАТа, театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко...

Особым вниманием у А. С. Щербакова пользовались вопросы усиления действенности нашей спецпропаганды (так называлась тогда пропаганда среди войск противника). В дни разгрома окруженной под Сталинградом фашистской группировки войск он сам отредактировал листовку и доложил И. В. Сталину, а затем отправил телеграфом члену военного совета фронта Н. С. Хрущеву с припиской «для распространения в кольце окруженного противника».

«Немецкие офицеры и солдаты! — писалось в листовке. — Русские войска в районе Сталинграда нанесли немецко-румынским войскам тяжелое поражение. Только за первые 8 дней нашего наступления вы потеряли 1320 танков, 1863 орудия, 4 тысячи пулеметов, свыше 6 тысяч автомашин, 108 складов с боеприпасами, продовольстви-

ем и теплым обмундированием, 63 тысячи немецких и румынских солдат и офицеров сдались в плен.

Все пути снабжения перерезаны русскими войсками. Вы окружены плотным кольцом наших войск. Ваше положение безнадежно, и дальнейшее сопротивление бесполезно. Оно приведет лишь к ненужным многочисленным жертвам с вашей стороны.

Сдавайтесь в плен!

Тот, кто сдается в плен, перестает быть врагом. Сдавшимся в плен солдатам и офицерам командование Красной Армии гарантирует жизнь и полную безопасность, лечение раненым и больным, возвращение на родину после войны. Ваши офицеры и солдаты, уже сдавшиеся в плен, живы и здоровы.

Сдавайтесь в плен, пока не поздно!

Те, кто не сдастся в плен, будут беспощадно перебиты нашими войсками. Выбирайте между жизнью и бессмысленной смертью...

Настоящая листовка служит пропуском для неограниченного количества немецких солдат и офицеров при их сдаче в плен русским войскам».

Александр Сергеевич Щербаков хорошо владел своими чувствами, умел сдерживать эмоции. Всегда сосредоточенный и невозмутимый, он порой казался даже суровым человеком, особенно когда давала о себе знать усталость.

И все же после контрнаступления под Сталинградом заметно улучшилось настроение у Александра Сергеевича. Глаза потеплели, голос зазвучал задушевнее, он стал чаще улыбаться. Стал позволять себе отрываться на несколько минут от дел и делиться воспоминаниями, например о Ленинграде. Он размышлял о потомках питерских пролетариев, о характерных особенностях ленинградского рабочего класса: сплоченности вокруг партии большевиков, постоянной готовности откликнуться на ее призывы. Таковы у них революционные традиции, говорил Александр Сергеевич. Ведь эти традиции складывались под непосредственным влиянием В. И. Ленина, создаваемой им партией, начиная с отдельных активистов, кружков и союзов. Не случайно Ленинград — колыбель нашей революции. Он высказывал убеждение, что А. А. Жданов сделает все возможное и даже невозможное

для обороны Ленинграда. Не случайно ведь рабочие Ленинграда говорят: «Камни будем грызть, а город не сдадим». И вместе с тем сам тяжело переживал вести из осажденного города. Часто говорил по телефону с А. А. Ждановым о нуждах города, о положении дел на фронте, с А. И. Микояном, который осуществлял контроль за снабжением армии, заместителем председателя СНК А. Н. Косыгиным, начальником тыла Красной Армии А. В. Хрулевым.

Помощь Ленинграду стремились оказать все республики, вся страна. Однако размеры помощи лимитировались возможностями перевозок по ледовой дороге — «Дороге жизни» через Ладожское озеро и «воздушному мосту».

В условиях блокады исключительно важное значение имели поддержание высокого морального духа войск и населения, борьба с деморализующими явлениями, возникавшими от постоянного недоедания. Александр Сергеевич делал все для этой цели: добивался от политорганов Ленинградского фронта усиления партийного влияния в войсках, требовал постоянно информировать личный состав войск о героизме рабочего класса Ленинграда, об успехах Красной Армии под Сталинградом, посылал группы работников Главпура и т. д.

А когда в Главпур поступил сигнал об отсиживающихся в тыловых органах Ленинградского фронта всякого рода ловкачах, Александр Сергеевич приказал немедленно разобратся. Проверка выявила неприглядную картину. Он по этому поводу говорил:

— Вот видите, как всякая шваль умеет использовать трудности в своих корыстных интересах. Партийный орган должен быть всегда предельно чутким к сигналам...

Просто ликовал Александр Сергеевич, когда в январе 1943 года была частично прорвана блокада Ленинграда.

Александр Сергеевич высоко ценил командные и политические кадры, называл их золотым фондом партии и требовал самого бережного и внимательного отношения к ним.

— Немало у нас случаев неправильного отношения к людям, — говорил он как-то в беседе с работниками Главпура. — Почему это происходит? Одна из основных причин — потому что не перевелись бюрократы. Вместо того, чтобы вникнуть в дело, разобраться с чело-

веком, понять, что два года он воюет в самых сложных условиях, что он поистрепался и нервышки накалились, бюрократ большое и малое толкает в бумагу, а человека — под бумагу. Надо решительно вести борьбу с бюрократическим отношением к людям.

Возникла необходимость наказать одного политработника. Был подготовлен соответствующий приказ. Александр Сергеевич внимательно прочитал его, но подписать поручил начальнику управления кадров.

— Понимаете, — сказал он, — накажу его я — и человеку не будет хода.

Потом помолчал и, характерным жестом поправив очки, добавил:

— Рука у нас тяжелая. Обижаем, наверное, кое-кого не по заслугам. Ведь так получается, что на фронте у человека меньше возможностей пожаловаться на несправедливое к нему отношение. Иного крепко обидели, а он скажет: «Ладно, черт с вами, не время сейчас кляузы разводить...» И если мы не будем учитывать этого в нашей работе — плохо дело.

В выступлении перед начальниками отделов кадров политуправлений фронтов Александр Сергеевич говорил:

— Я часто думаю о том, как нелегко бывает распределить материальные ценности, в особенности если их нехватка. Для этого надо иметь немалую квалификацию. А чего уж тогда говорить об умении правильно распределить партийные кадры — какую здесь надо иметь квалификацию. Представьте, если, не дай бог, неудачно назначен командир части да мы еще не сумеем подобрать достойного политработника. Что тогда? Эта часть будет плохо воевать, даже если там золотые бойцы.

Конечно, на войне неизбежны боевые потери, на то она и война. Но если мы к этим потерям будем добавлять еще и свои ошибки в назначении или смещении работников — грош нам цена... Если человек не справляется с работой — его надо освободить, а не писать на него такую характеристику, что впору его сей же час из партии исключить, а то и в штрафную роту отправить. Ошиблись в выдвижении — давайте признаем ошибку, ошиблись-то ведь мы! Наговорить на человека ох как легко...

О том, как сам Александр Сергеевич изучал людей, с которыми ему приходилось работать, как принимал близко к сердцу их удачу и промахи, вспоминает генерал-лейтенант в отставке Николай Михайлович Мионов,

в те годы возглавлявший политуправление Московской зоны обороны:

— После проверки инспекторами Главпура состояния партийно-политической работы в ряде частей Московской зоны обороны появилась в «Красной звезде» небольшая статья, в которой, отметив ряд положительных моментов, автор критиковал работу политорганов. Досталось, честно говоря, и мне лично. Надо сказать, что на критику мы отреагировали оперативно — в то же утро я собрал начальников отделов политуправления, мы серьезно обсудили статью и наметили меры по исправлению недостатков, которые были в ней отмечены. Ну а потом пошел я к члену военного совета Гапановичу и доложил о нашей реакции на критику в «Красной звезде». Прошло несколько дней, Гапанович мне рассказывает: «И часа не прошло после нашей с тобой беседы — звонит начпур: «Как там Мионов?» Да ничего, говорю, только что докладывал о мерах, принимаемых политуправлением по статье в «Красной звезде». — «Вот это хорошо», — сказал Щербаков с каким-то, как мне показалось, даже облегчением. Беспокоился, значит, переживал...»

Немного встречается людей, к которым выражение «гореть на работе» подходило бы в той степени, в какой оно было свойственно Александру Сергеевичу Щербакову. Уже говорилось о его невероятной, почти фантастической работоспособности, скажем еще, что он сам вел скромный, если не сказать аскетический образ жизни. Вот как с этой стороны вспоминает об отце старший сын Александр: «Работая в частях противовоздушной обороны столицы, мне изредка удавалось бывать дома и видеться с отцом. Он иногда приезжал обедать домой, как правило, в 7—8 часов вечера. Для всех родных это была радость. После обеда сразу же уезжал на работу и возвращался поздно, почти на рассвете — в 4—5 часов утра, нередко бывало и позже. Перед сном около часа обязательно читал. На прикроватной тумбочке и письменном столе всегда лежали новые журналы, сигнальные экземпляры книг и брошюры разных издательств. В 9—10 часов утра он уже снова спешил в ЦК или МГК».

Скромность А. С. Щербакова проявлялась во всем: и в оценке своей работы, и во взаимоотношениях с окружающими, и в быту. Он не терпел самодовольства и лестных слов в своей адрес, и когда ему приходилось слышать такое, он хмурился, испытывал неловкость. Явно было, что ему это неприятно.

Во время встречи с политработниками, закончившими курсы по подготовке членов военных советов и начальников политотделов армий в Солнечногорске, парторг этих курсов в своем выступлении выразил признательность Главпуру за хорошую организацию учебы и лично А. С. Щербакову за «сегодняшнюю бесценную», как он выразился, встречу.

Александр Сергеевич помрачнел, а после окончания встречи пытался выяснить:

— Кто научил парторга произнести подхалимскую речь? Подхалимов нельзя иметь на руководящей политической работе.

Его старались разубедить: это искреннее высказывание от имени всех. Никто со стороны таких мыслей не подавал. Поверил ли? Неизвестно.

За время войны Александр Сергеевич был награжден орденами Суворова, Кутузова, Отечественной войны — все первой степени. В конце 1942 года ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта, а в 1943 году — генерал-полковника. Наркомы, руководящие военные деятели, общавшиеся с ним, искренне его поздравляли с наградами. А он как-то стеснялся, благодарил и старался поскорее перевести разговор в деловое русло.

Рабочие Раменского завода построили на собранные средства трудящихся бронепоезд и решили назвать его «Александр Сергеевич Щербаков». Он решительно отклонил эту просьбу и порекомендовал бронепоезд назвать «Москвич». Ему в высшей степени была свойственна постоянная забота о людях. На заседаниях Совета военно-политической пропаганды, где приводились примеры недостаточного внимания к питанию и обмундированию бойцов, он резко говорил:

— Людей, проявляющих подобную безответственность, надо исключать из партии и привлекать к уголовной ответственности! Как же так, наш народ — женщины, старики, подростки — в труднейших условиях делают все, чтобы наши воины были досыта накормлены и хорошо одеты, а мы готовым не можем по-настоящему распорядиться!

С трогательным вниманием относился Александр Сергеевич и к тем, с кем связывала его повседневная служба.

Помнится, однажды утром заехал он в управление кадров, обошел все рабочие кабинеты, а потом заглянул

к одному из работников Главпура. Улыбаясь, спросил:

— А как у вас люди отдыхают? Уезжают домой?

— Да нет, Александр Сергеевич, домой не уезжают, ночуют, как правило, здесь же.

— Так где же они отдыхают?

— Сумели выкроить комнату, там и спят по очереди, но одной комнаты, конечно, не хватает, спят, сколько удастся, прямо на рабочих столах.

— Да-а, — задумался Александр Сергеевич. — А ведь война закончится не скоро... В общем, надо как-то устраивать отдых людей. Приобретайте матрацы, подушки, постельное белье, ну а если кровати поставить негде, пусть устраиваются на столах или на полу. С матрацами — оно все же получше.

Летом 1943 года, когда из-за напряженной работы удавалось спать не более одного-двух часов в сутки, во время очередных докладов Александр Сергеевич иногда замечал, что кое-кто, попросту говоря, клует носом. Он спрашивал:

— Сколько часов в сутки вы спите? — И не дожидаясь ответа, говорил: — Сейчас же, как закончим работу, поезжайте домой и сутки не появляйтесь, отдохайте.

Щербаков ценил людей действия и не давал их в обиду.

...Осенью 1941 года на строительстве оборонительных сооружений под Москвой руководил одним из участков мало известный по тому времени инженер И. И. Наймушин. Как вспоминает бывший начальник Главного продовольственного управления Красной Армии Д. В. Павлов, Наймушина заподозрили в умышленном затягивании строительства. И, возможно, не быть бы ему прославленным строителем Братской и других гидроэлектростанций, если бы в дело не вмешался Щербаков. Объезжая оборонительные рубежи, он узнал о том, что случилось на том участке, которым руководил Наймушин.

Это произошло, когда решалась судьба Москвы, миллионов людей. Пройти мимо, забыть о нем человеку, обремененному огромной ответственностью за оборону столицы, нетрудно было. Однако Щербаков не забыл о долге человека к эпизоду, разобрался и, убедившись в целесообразности поступков Наймушина, вмешался и добился возвращения строителя на свое рабочее место.

А как он умел разговаривать с посетителями! Как-то сразу располагал их к себе, и люди откровенно высказывали даже то, о чем и не имели в виду говорить. Быв-

ший член военного совета 2-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант М. В. Рудаков вспоминал:

— Прошло уже немало времени, но я еще и сейчас нахожусь под впечатлением беседы с Александром Сергеевичем. Для меня это целая школа, как надо работать, разговаривать с людьми и слушать их, как расположить их к откровенной беседе. Я не очень словоохотлив, да и явился к начпуру в довольно скованном состоянии, озабоченный предстоящей беседой. Но с первых минут забыл, что нахожусь у такого крупного партийного деятеля. Незаметно разоткровенничался и высказал свои критические замечания по партполитработе, замечания в адрес членов военных советов армий, вообще по руководству войсками, о чем совсем не имел в виду рассказывать.

А как внимательно слушал Александр Сергеевич!

— Приятно было ему докладывать. Что греха таить, — продолжал Михаил Васильевич, — бывает у нас нередко так: задает начальник вопрос, а ответ слушать совсем не умеет или не хочет. Перебивает, переводит разговор на другую тему, а то и оборвет на полуслове. После такой беседы, какая была у меня с Александром Сергеевичем, все остается в голове, уходишь воодушевленным на самую напряженную работу.

Зная огромную силу печатного слова, Щербаков стал инициатором прикрепления к Главпуру группы квалифицированных журналистов, писателей и поэтов, которые могли бы оперативно и на высоком художественном уровне откликаться на важнейшие военные и политические события (надо заметить, что материалов такого рода очень не хватало газетам, выходящим непосредственно в действующей армии).

Когда весной 1943 года ЦК ВКП (б) принял специальное постановление о печати, А. С. Щербаков организовал проверку всех руководящих журналистских кадров. Газетные работники в основном были подобраны и расставлены правильно: в 69 армейских и 9 (из 13) фронтовых газетах с начала войны перестановок редакторов не было.

Не лишним будет отметить также инициативу Александра Сергеевича по организации курсов усовершенствования военных журналистов при Высших всеармейских военно-политических курсах (бывшей Военно-политической академии) с шестимесячным сроком обучения. Эти курсы работали успешно и сделали три выпуска. Наши войска в то время готовились к тому, чтобы бить

врага на его территории, и перед советской военной журналистикой вставали новые, серьезные задачи, так что повышение квалификации тех, кто нес в солдатские массы слово партии, было делом первостепенной важности.

Сердечно А. С. Щербаков относился к творческой интеллигенции. Нередко встречался с писателями и журналистами, помогал им, особенно молодым.

В начале войны имя поэта, спецкора «Красной звезды» Константина Симонова мало кто знал. Но вскоре читатели полюбили его лирические стихи, правдивые очерки и оперативные корреспонденции с фронта, в которых чувствовалось дыхание боя. Заметил его талант и Александр Сергеевич. Случайно узнав, что Симонов не имеет даже угла в Москве, он помог ему получить жилье...

К. Симонов встречался с А. С. Щербаковым во время войны несколько раз, в частности, в связи с очерком «Москва», который «Красная звезда» наметила опубликовать накануне 25-й годовщины Октября. Пригласив Симонова по поводу этого очерка, Александр Сергеевич посоветовал ему встретиться с москвичами, пережившими оборону, с ополченцами.

Писатель точно подметил: «В Щербакове было то качество партийного работника, которое не дает тебе поводов размышлять: вызвали тебя или пригласили, сделали предложение или дали поручение. Все замыкалось на слове «нужно». Оно присутствовало в атмосфере его рабочего кабинета, и ты прекрасно понимал, что слово «нужно» имеет здесь всеобщий характер, оно также обязательно для самого Щербакова, как для тебя... Этот человек жил словом «нужно». И других слов ни для других, ни для себя у него не было».

Возглавлявший в ту пору Союз писателей Александр Александрович Фадеев был передким гостем у А. С. Щербакова, роль которого в жизни союза трудно переоценить. «Что ни говорите, — восхищался А. А. Фадеев А. С. Щербаковым, — удивительных способностей этот человек! Он показывал толстый журнал, не то «Знамя», не то «Новый мир» — здесь примерно 300 страниц. Находился он у Александра Сергеевича не более двух часов, а замечаний, и очень существенных, он сделал столько, что в пору весь номер переверстывать... И это после того, как редакция вычитала и все проверила».

Нередко А. С. Щербаков расспрашивал А. А. Фадеева, над чем работают писатели, что появится в печати в

ближайшее время. Однажды зашла речь о поэзии, и он сказал, что ему понравились поэмы «Ленинградцы, дети мой!» Джамбула и «Слово о 28 гвардейцах» Николая Тихонова.

Как-то Александр Сергеевич спросил, что известно о Шолохове, где он?

Работники Главпура не знали места нахождения Михаила Александровича и вразумительно на этот вопрос ответить не могли. Александр Сергеевич попросил поинтересоваться, где Шолохов и что с ним.

Не успели всерьез заняться поисками автора «Тихого Дона», как Александр Сергеевич позвонил своим сотрудникам:

— К вам зайдет Шолохов, разберитесь, что с ним и как, а я, когда освобожусь, вам еще позвоню.

Вскоре появился Михаил Александрович Шолохов — в стоптанном сапогах, изношенной шинели, в какой-то истрепанной шапке, еле державшейся на голове.

— Что случилось, Михаил Александрович?

— Да вот как-то так получилось: никто меня не признает, аттестатов у меня нет. Кое-как приоделся. С питанием, правда, проще — где кухня, там и накормят.

Оказалось, что Шолохов был на фронте, так сказать, «на птичьих правах», и около года не получал ни копейки. От Михаила Александровича узнали, что он оставил Вешенскую вместе с отступающими частями Красной Армии. Так или иначе, в Главпуре попросили интендантов обмундировать его и выдать зарплату как военному корреспонденту «Красной звезды». Оформили присвоение воинского звания и уже тогда представили Александру Сергеевичу.

Они встретились тепло, как старые знакомые.

— Мне рассказывали, — начал Щербаков, — что вы на фронте испытывали неоправданные трудности...

— Да что вы, Александр Сергеевич, в такое время — до себя ли?.. Было — и прошло. Теперь все вопросы решены. Спасибо вашим товарищам — приняли меня, как родного — вымыли, выгладили, одели. Вроде опять на казака стал похож...

Потом был интереснейший разговор двух умудренных жизнью людей — о поэме «Василий Теркин» и о пьесе «Фронт», об успешном развитии угольной промышленности на Востоке, о том, что эвакуированные заводы уже начали давать продукцию — танки и самолеты, о втором фронте («Сдержим гнев, будем политиками», — сказал

тогда по этому поводу Шолохов) и еще о многом, что было всем так близко в те суровые военные годы...

Как-то в конце 1943 года Александр Сергеевич спросил одного сотрудника, читал ли он книгу Степанова «Порт-Артур».

— Книгу эту, — сказал Александр Сергеевич, — отыскал товарищ Сталин. Издана она в Краснодаре, вышла очень маленьким тиражом, и ее с трудом нашли лишь в библиотеке имени Ленина. Товарищ Сталин на днях показал мне эту книгу и спросил, не читал ли я ее. Я признался, что, хотя читаю достаточно много, эта книга как-то прошла мимо меня. Вот он и дал мне ее прочесть.

Затем он помолчал и продолжил:

— Далеко смотрит товарищ Сталин, далеко. Он считает необходимым «Порт-Артур» немного переработать, подсократить то, что касается любви, и переиздать большим тиражом. Заняться этим поручено нам. Нужно бы поскорее разыскать автора.

Переиздание этой книги большим тиражом на переломе войны с фашистами явилось своего рода заботой Верховного о морально-психологической подготовке армии — и страны в целом — к неизбежной схватке с японскими милитаристами... Удалось установить, что автор романа «Порт-Артур» до войны жил где-то на юге, а в самом начале войны добровольцем ушел на фронт. Отыскивали его на Карельском фронте. Вызвали. Явился пожилой старшина. Убедившись в том, что это именно тот Степанов, который нужен, познакомили его с начпуrom.

Беседа была довольно продолжительной. Степанов рассказывал о себе, о том, как совсем юным во время русско-японской войны был вместе с отцом в армии. Затем речь пошла о романе, и Александр Сергеевич высказал пожелание о некотором его сокращении, а также задал кое-какие вопросы по тексту. Степанов внимательно выслушал пожелания и замечания Щербакова, полностью согласился с ними и выразил готовность сейчас же приступить к работе, что и было практически немедленно осуществлено.

По ходу работы над новой редакцией «Порт-Артура» Александр Сергеевич несколько раз встречался с автором, а когда книга вышла в свет — послал экземпляр романа персонально каждому командующему, члену военного совета и начальнику политуправления фронта, командую-

шему, члену военного совета и начальнику политотдела армии.

Привлечение внимания руководящего командного и политического состава армии со стороны А. С. Щербакова к историческим произведениям было не единичным случаем. Когда в 1942 году Госполитиздат выпустил в свет монографию К. Осипова «Суворов», А. С. Щербаков сразу же ее прочитал. Книга произвела на него сильное впечатление. Александр Сергеевич говорил по поводу ее:

— Время теперь иное, но задуматься над тем, что было когда-то, очень полезно. Суворов горячо любил солдата и всегда побеждал. Суворов все делал во имя своего Отечества. Суворов — не просто полководец, он — реформатор в области военного дела.

В предисловии автора Александр Сергеевич подчеркнул синим карандашом фразу: «Суворов — эти три слова звучат как апофеоз русского военного искусства, как победный клич и военное напоминание о непобедимой мощи русского оружия».

А. С. Щербаков пришел к выводу, что этот труд принесет несомненную пользу, если его послать в войска. Но посчитал свою оценку недостаточно компетентной и обратился к военным историкам с просьбой подготовить объективную рецензию. А затем направил И. В. Сталину книгу и рецензию со своей запиской, в которой писал: «Этот труд об опыте великого русского полководца, не имевшего ни одного поражения, может многому научить командиров и политработников Красной Армии». А. С. Щербаков просил разрешить распределить эту книгу, исходя из следующего расчета:

— на управление фронта	30	экземпляров
— на управление военного округа	30	»
— на управление армии	15	»
— на управление корпуса	10	»
— на стрелковую дивизию	20	»
— на военное училище	30	»
— на академию	70	»

И. В. Сталин поддержал это предложение, написав: «Согласен».

Александр Сергеевич Щербаков плодотворно работал с аппаратом Главпура: занимался подбором кадров, не упускал случая послушать руководителей групп, вернув-

шихся с фронта, всегда оперативно откликался на предложения, казавшиеся ему заслуживающими внимания.

Дважды в году проводились совещания работников Главпура, на которых обсуждалось состояние партийно-политической работы в армии. Атмосфера на этих совещаниях была доброжелательной, хотя ко всякого рода недоработкам и упущениям начпур подходил с большой взъясательностью.

Не так-то легко было, скажем, уговорить Щербакова подписать директиву — обязательно забросает вопросами вроде: «А точно ли нужна бумага? Может, обойдемся без нее? С кем советовались по этому поводу? Может, просто напечатать статью в «Красной звезде?»»

— У нас нередко, — говорил он, — плохой бумажный приказ подменяет живую работу. А как готовится приказ, директива? Некоторые считают, раз я начальник, стало быть кладешь мудрости. Я все знаю, все могу, все, что нишу, — умно, хорошо. Дело остальных — исполнять. Так ли на самом деле?

Как-то зашел разговор о значении печати, и Александр Сергеевич сказал:

— Мы часто говорим об умении руководить через печать. А что, собственно, это значит? Да прежде всего то, что надо научить командиров и политработников правильному пониманию материалов, публикуемых в «Правде» и «Красной звезде». Вот вам пример: «Правда» вдруг начала печатать пьесу Корнейчука «Фронт». Необычно, верно ведь? Спрашиваю я одного военного товарища, как он смотрит на то, что «Правда» печатает пьесу? Выясняется, что никак не смотрит — просто не задумывался над этим. Но ведь если «Правда» публикует — значит, вопрос более чем злободневен. Центральный орган партии объявляет решительную борьбу косности в военном деле — значит политработник должен без особых указаний это понять, привлечь к пьесе внимание командиров, своих товарищей по службе!

Александр Сергеевич Щербаков так сумел организовать работу аппарата Главпура, что за всю войну не возникло ни одного серьезного вопроса, который пришлось бы решать, что называется, впопыхах, и это обеспечивало четкое управление всей партийно-политической работой в Красной Армии. работой, значение которой в деле разгрома врага трудно переоценить.

Задачи особой важности встали перед военными политработниками весной 1944 года, когда Красная Армия готовилась перенести боевые действия за рубежи нашей Родины.

— Самое основное для нас сейчас, — говорил Щербаков, — чтобы личный состав наших войск понимал, что мы вступаем на территорию другой страны не завоевателями, а освободителями, что мы выполняем свой интернациональный долг, освобождая народы от гитлеровской тирании. Отсюда — и главные вопросы, которые перед нами встают: корректное отношение бойцов и командиров к местному населению, дисциплина и организованность, повышение бдительности во время пребывания на чужой территории. Нетрудно, я думаю, понять, что воспитание солдата и офицера в духе интернационализма имеет сейчас особое значение, если учесть, что советские воины не просто прошли через три года страшной, кровавой войны — у многих из них убиты, замучены в концлагерях, искалечены их родные и близкие, их родные города и села разрушены и сожжены фашистами. В сложившейся ситуации вопросы идейного воспитания приобретают особую остроту — мы выдержали испытание оружием, и теперь капиталистическое окружение будет принимать все меры к тому, чтобы попытаться воздействовать на нас, на наши кадры со стороны идеологической. Разумеется, необходимо учесть и еще одно важное обстоятельство: в армию пришли сотни тысяч призывников из районов, освобожденных от гитлеровских захватчиков, в том числе из Западной Украины и Белоруссии. В течение достаточно длительного времени они были оторваны от политической жизни нашей страны и находились под воздействием фашистской пропаганды в духе ненависти к Советскому Союзу, к Красной Армии. Понятно, я думаю, что с этим пополнением необходимо вести продуманную, целенаправленную политическую работу...

Когда в июле 1944 года военные действия были перенесены на территорию Восточной Польши, Александр Сергеевич особенно заботился о том, чтобы политорганы довели до сознания поляков справедливость политики Советского государства, сумев убедительно доказать, что Красная Армия пришла к ним как освободительница, что мы выступаем за свободную, сильную и миролюбивую Польшу.

— Польский народ должен быть уверен в том, что мы не собираемся вмешиваться в его внутренние дела, —

говорил Александр Сергеевич руководителям политуправления Белорусского фронта. — Общественное и государственное устройство новой Польши — забота самих поляков.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны по-особому вставали вопросы нашей пропаганды среди войск противника, и Главгур заблаговременно готовил все звенья политического аппарата к тому, чтобы эта пропаганда была как можно более действенной. В мае 1944 года на Всеармейском совещании начальников отделов политуправлений фронтов, занимавшихся спецпропагандой, в выступлениях была заметна переоценка наших достижений в этом важном деле, однако начпур несколько охладил пыл выступавших, заметив, что у немцев, разумеется, наша пропаганда вызывает беспокойство, она внимательно ими изучается, принимаются контрмеры и т. д. и т. п.

— Однако, — говорил Александр Сергеевич, — нельзя забывать о том, что все-таки главным фактором, влияющим на моральное состояние противника, является то обстоятельство, что Красная Армия его бьет, и бьет крепко. Военная обстановка изменилась — следовательно должны измениться формы и методы нашей спецпропаганды. Так как же нам действовать в новой обстановке? Прежде всего — направить пропаганду на убедительное разъяснение того, что немцы войну проиграли и, чтобы спасти жизнь, надо сдаваться в плен. Показывать, как пленные живут у нас, нужно без прикрас, помня указание Владимира Ильича, что фальшь нам не нужна, что наша сила в правде. Ни в коем случае не следует допускать запугивания немецкого солдата и офицера ответственностью за преступления. Нужно доходчиво объяснять, что Советское правительство не ставит в один ряд немецкий народ и гитлеровскую клику, что Красная Армия идет не завоевывать немецкую землю, а избавить народ от гитлеровской тирании...

К сожалению, немецкий солдат, одураченный фашизмом, со всей жестокостью топтал нашу землю, но, идя к победе, мы должны исходить из классовых позиций, помнить указание В. И. Ленина: «Ненависть к немцу, бей немца», таков был и остается лозунг обычного, т. е. буржуазного патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими».

При активной помощи Главного политического управления за пять месяцев — с декабря 1944 года по апрель 1945 года — только в полосе действий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на территории Германии было сброшено 8,3 миллиона листовок с обращением советского военного командования к немецкому народу и информацией о положении на фронтах. На территорию Чехословакии за тот же срок было сброшено 8,7 миллиона листовок с обращениями к населению. Широко распространялся приказ Верховного Главнокомандующего № 20, в котором разъяснялись задачи Красной Армии, разоблачались бредовые росказни геббельсовской пропаганды, будто СССР хочет истребить германский народ. В помощь фронтам Главпул издавал справки о Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии со сведениями политического, экономического и военного характера. По решению ЦК ВКП(б) Главное политическое управление организовало издание газет для населения освобожденных стран (издавались они политуправлениями фронтов). В Польше издавались «Новая жизнь», «Свобода», «Свободная Польша», в Румынии — «Свободное слово», в Венгрии — «Венгерская газета», в Германии — «Ежедневное обозрение» и «Немецкая газета». Эти издания, безусловно, сыграли свою положительную роль в установлении правильных взаимоотношений населения с советскими войсками.

А. С. Щербаков требовал от политорганов, как только наши войска вступили на территорию стран Европы, активной, широкой политической работы с населением по разъяснению политики нашей партии и государства, освободительной миссии Красной Армии. В разговорах с членами военных советов и начальниками политуправлений фронтов, ссылаясь на Ленина, он подчеркивал, что никто не может нам запретить пропагандировать нашу единственно справедливую марксистскую политику. Считал, что необходимы выступления руководящих политработников, лекторов, агитаторов фронтов и армий перед населением, предлагал демонстрировать местному населению советские кинофильмы, устраивать вечера с выступлением концертных групп и театров. Войскам, находившимся на территории Чехословакии, рекомендовал помогать крестьянам в сельскохозяйственных работах и с разрешения соответствующих органов оказывать им материальную помощь.

Александр Сергеевич пользовался доверием И. В. Сталина. В этом смысле интерес представляют воспоминания маршала А. М. Василевского. В мемуарах «Дело всей жизни» он писал: «...Хочу отметить особенно теплые отношения между мной и начальником Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаковым... И. В. Сталин очень доверял А. С. Щербакову. Материалы, согласованные с Александром Сергеевичем или завизированные им, он подписывал без задержки».

Приведем еще хотя бы один пример. К Первому 1945 года был подготовлен праздничный приказ народного комиссара обороны и направлен в Кремль. Через два-три дня в Главпул раздался телефонный звонок. Спрашивали:

— Видел ли проект первомайского приказа товарищ Щербаков?

— Нет, не видел. Он еще болеет, решили его не тревожить.

— Потревожьте, интересуется товарищ Сталин.

Позвонили Александру Сергеевичу и послали ему проект приказа. Он внес некоторые поправки. Первого мая приказ народного комиссара обороны был опубликован в той редакции, в какой он был представлен после замечаний А. С. Щербакова. Ни один партийный документ того времени не рассматривался без участия кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б), члена Оргбюро А. С. Щербакова.

ЦК ВКП(б) направил всю идеологическую работу на укрепление духовных сил народа, на дальнейшее повышение политического сознания и ответственности каждого гражданина Страны Советов за свободу Родины, памятуя при этом, что «осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу».

Через многочисленную армию агитаторов, печать и радио партия разъясняла рабочим, крестьянам, интеллигенции, на что они должны направить свои усилия, чтобы максимально приблизить победу. Важнейшим звеном идеологической работы партии стала массовая агитация и пропаганда. К концу войны в стране насчитывалось 28 тысяч штатных лекторов, более 120 тысяч докладчиков и 1,3 миллиона агитаторов — и это без Вооруженных Сил. За первые три года войны ЦК ознакомился с состоянием агитации и пропаганды и оказал помощь в

82 областях и краях, организовал учебу идеологических кадров. Только в течение года (март 1943-го — март 1944-го) в ЦК были заслушаны отчеты более 30 секретарей крайкомов и обкомов по пропаганде. В целом за время войны было рассмотрено на Оргбюро ЦК ВКП(б) около 40 и на Секретариате — свыше 50 вопросов идеологической работы.

Большое внимание Александр Сергеевич уделял издательской работе. За 1941—1945 годы вышло в свет более 500 изданий трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Опубликована книга «Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности».

Агитацию и пропаганду в годы войны активно вело радио, которое вещало 18 часов в сутки, ежедневно передавалось 14 выпусков последних известий, 4 выпуска «Письма с фронта и на фронт». Передачи велись на 70 языках народов СССР и на 28 иностранных языках.

В воспитании трудящихся большое место занимали литература и искусство. ЦК ВКП(б) за время войны неоднократно рассматривал эти вопросы и обращал внимание на повышение их идейно-художественного уровня. Сам Александр Сергеевич только за период с 1942 по 1944 год выступал с докладами и речами, со статьями в газетах и журналах 69 раз.

На третий день войны — 24 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР с целью оперативной информации о событиях, происходящих в мире, на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу приняли решение о создании Советского информационного бюро во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. С. Щербаковым.

Сводки Совинформбюро с начала войны были утренними и вечерними, а с июля 1943 года стали выходить один раз в день. Они печатались в газетах, передавались по радио. Их с волнением ждали и слушали все советские люди, в том числе находившиеся на временно оккупированной врагом территории. Они были не только источником информации, но и серьезным средством воспитания советских людей, мобилизации их на беззаветную борьбу с фашистами, на ударный труд во имя победы.

За время войны было опубликовано свыше двух тысяч сводок Совинформбюро. В этой огромной работе и труд каждодневный, и целенаправленный Александра Сергеевича. Кроме того, как начальник Совинформбюро, он вы-

ступал в газетах с разоблачением лживой фашистской пропаганды. Например, А. С. Щербаков писал, что Гитлер 3 октября 1941 года обратился по радио к немецкому населению с фальшивыми посулами и обещаниями скорых побед. Почему выступил Гитлер? Потому, что он испытывал страх за состояние своего тыла — вот действительная причина, заставившая Гитлера 3 октября обратиться к населению.

«Гитлеру в своей речи пришлось сделать, — писал А. С. Щербаков, — горькое признание: «Мы ошиблись в вопросе о том, какую силу представляет наш противник».

Гитлер кричит о потерях Красной Армии, а о своих потерях молчит. Почему? Потому, что Гитлер боится назвать цифры этих потерь, ибо они столь огромны, что если бы он их назвал, не осталось бы камня на камне от лживых и хвастливых заявлений Гитлера о «победах».

ЦК ВКП(б) и правительство поручили Совинформбюро, помимо своевременной информации о положении в СССР, о ходе войны, о делах и настроениях нашего тыла — рабочих, колхозников, интеллигенции, еще информировать и людей за рубежами нашей Родины.

Второй стороной этого поручения являлось ознакомление народов других стран с Советским Союзом. Эти люди мало знали правды о нашей стране и нередко верили всякого рода выдумкам, лжи и клевете.

Для этого в составе Совинформбюро была создана литературная группа из известных советских писателей. Среди них были Л. Леонов, Е. Петров, К. Симонов, Н. Тихонов, А. Толстой, М. Шолохов, А. Фадеев, И. Эренбург и другие.

В статьях для зарубежного населения освещались гигантские усилия, предпринимаемые Советским Союзом, чтобы поскорее разбить фашистов и закончить войну, какие жертвы ради достижения этой цели приносят советские люди. Совинформбюро откровенно сообщало прогрессивной общественности США и Великобритании о недовольстве советских людей затяжкой с открытием второго фронта.

Статьи Совинформбюро рассылались в посольства, миссии, консульства нашей страны в разные части света. Советские органы печати помещали их в бюллетенях, передавали для публикации в редакции газет и журналов. В Англии, к примеру, выходила газета Совинформбюро «Совет уор ньюс уикли». Статьи шли в США, Англию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Китай.

Мексику, Уругвай, Кубу. В 1944 году Совинформбюро снабжало статьями 32 телеграфных и газетных агентства, 18 радиостанций во многих странах. Только американское радио Юнайтед Пресс передавало статьи Эренбурга 1600 раз. В 1944 году за границу было направлено около 60 тысяч статей.

Вся работа Совинформбюро, развернутая в таких широких масштабах, была под постоянным руководством и контролем со стороны А. С. Щербакова

Как-то осенью 1942 года в беседе с группой работников Главпура Александр Сергеевич спросил:

— Слышали, какое впечатление произвела в США статья Леонида Леонова «Письмо к неизвестному американскому другу», посланная Совинформбюро?

— Нет, Александр Сергеевич, не слышали.

— Огромное. Его читали по радио, слушали миллионы американцев. В письме прямо не говорится, — продолжал он, — о затягивании с открытием второго фронта, о невыполнении соглашения по этому вопросу. Однако каждому читателю и слушателю ясна взволнованность советских людей, обличающих американцев в стремлении «отсидеться в своих убежищах». Это хорошо. Таких статей нужно писать больше, — закончил А. С. Щербаков.

Александр Сергеевич изредка позволял себе несколько минут разрядки. Любил вспомнить молодость, годы учебы, иногда рассказывал о семье, о сыновьях, к которым питал нежные отцовские чувства. Жена его — Вера Константиновна — окончила Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, затем Инженерно-техническую академию. В «Свердловке», как уважительно называли тогда это учебное заведение, она и познакомилась с А. С. Щербаковым.

Родилась Вера Константиновна в 1902 году в рабочей семье в Донбассе. Семнадцати лет вступила в партию большевиков. Работала в партийном аппарате, заведовала губернским женотделом, принимала участие в борьбе с бандитизмом в районе города Лисичанска. Во время войны работала инструктором Московского городского комитета партии, в отделе оборонной промышленности. Она хорошо понимала, какой груз ответственности лежит на плечах мужа, видела, как много он трудился, и помогала чем могла. В семье росли три сына. Присматривать за малолетними помогали бабушки.

Старший из них, Александр, окончил школу в 1941 году и начал учиться в Военном институте иностранных языков, который эвакуировался из Москвы. В это время отец писал сыну коротенькие письма. Вот одно из них:

«Мне очень приятно было услышать, что ты хорошо учишься и с дисциплиной у тебя в порядке. Я очень прошу тебя в смысле учебы и в смысле дисциплины быть лучшим. Такие предметы, как стенография, в той специальности, какую ты для себя избираешь, безусловно, необходимы, и их надо изучать. Но еще более необходимо изучать военное дело. Не исключено, что вас призовут в ближайшее время в армию... и надо быть готовым в любое время к этому, чтобы выполнить свой долг перед Родиной».

Когда Саше исполнилось 17 лет, он по совету отца поступил в Вязниковскую военно-воздушную школу на ускоренный курс, успешно закончил ее и стал летчиком-истребителем. Служил в частях ПВО, оберегал московское небо, а когда к осени 1944 года полностью миновала угроза столице с воздуха, лейтенант А. А. Щербаков получил назначение в истребительный полк 2-го Белорусского фронта и участвовал в заключительных операциях войны, в том числе и Берлинской. После войны окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского и свыше 30 лет «учит летать самолеты». Он получил звания «Заслуженный летчик-испытатель СССР» и Героя Советского Союза, был делегатом XXVI съезда КПСС.

Александр Александрович, как в народе говорят, поднял на ноги двух братьев, которые после смерти родителей (отца в 1945 году и матери в 1947 году) остались малолетними: Константину было 9 лет, а Ивану — 2 года. Ныне К. А. Щербаков искусствовед, член Союза писателей, автор многих книг.

Младший сын окончил Московский энергетический институт, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола...

Влияние А. С. Щербакова, деловитого, немногословного и всегда приветливого, на окружающих было огромным, а воздействие личным примером — повседневным и мобилизующим. Казается, что ему по плечу любые за-

дачи, и нет таких обстоятельств, трудностей, которые бы он не преодолел...

С годами все чаще бросалась в глаза съедающая его изнутри усталость в лице, в жестах, даже в походке. Но он был человеком железной воли и не позволял себе расслабляться и поддаваться даже минутной слабости.

Александр Сергеевич Щербаков прошел путь от рабочего до крупного государственного деятеля, от красногвардейца до начальника Главного политического управления Красной Армии и заместителя народного комиссара обороны, от комсомольца до одного из видных руководителей партии.

Монумент в честь героического подвига политработников Красной Армии в Великой Отечественной войне под Ворошиловградом олицетворяет и личность главного политического руководителя Красной Армии А. С. Щербакова, который пламенным словом и личным примером звал бойцов, командиров и политработников — всех воинов вперед и вперед на разгром врага.

Среди славных имен революционеров-большевиков, выдающихся деятелей нашей партии, строителей и защитников социализма ярко светится имя А. С. Щербакова. К Александру Сергеевичу по праву можно отнести слова Ф. Энгельса: «Высокие личные качества обуславливают авторитет и политического, и военного деятеля, который способствует объединению и сплочению людей, поддержанию организованности масс, их дисциплины».

...Он успел увидеть нашу Победу. Успел порадоваться вместе с народом, которому отдал всю свою недолгую, но такую яркую жизнь. 8 мая 1945 года он проверил готовность столицы к Празднику Победы. Как жаль, что радость эта была столь недолгой — Александр Сергеевич Щербаков ушел из жизни 10 мая 1945 года. Ему не было и 44 лет. Похоронен Александр Сергеевич у Кремлевской стены.

Он ушел, как уходят настоящие коммунисты — сделав все, что было в его силах, и еще многое сверх того. 11 мая 1945 года «Правда» писала: «Жизнь товарища Александра Сергеевича Щербакова — одного из виднейших руководителей партии Ленина и Красной Армии, будет служить примером для трудящихся нашей страны в их борьбе за дальнейший расцвет Союза Советских Социалистических Республик».

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	6
Н. Степанов. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ ПОДВОЙСКИЙ . . .	9
В. Тикыч. НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ МАРКИН . . .	54
Р. Бекдемирли. МЕШАДИ АЗИМБЕК-ОГЛЫ АЗИЗБЕКОВ. <i>Перевод с азербайджанского С. Ионина</i> . . .	117
М. Труш. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛЮНТАЙ	155
А. Родин. АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БУБНОВ	193
Ю. Марушак. ИВАН ИВАНОВИЧ ЛЕПСЕ	242
Валентин Осипов. ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ КЛЮЧКОВ	274
Е. Владычина. АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ШАХУРИН . . .	304
Н. Пушпышев. АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЩЕРБАКОВ	348

Комиссары: Сборник / Сост. А. Л. Афанасьев. —
К 63 М.: Мол. гвардия, 1986. — 399 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 19 (673)).

В пер.: 1 р. 90 к. 150 000 экз.

Сборник объединяет очерки о девяти героях — Н И Подвойском, Н Г. Маркине, М А. Азизбекове, А М Коллонтай, А. С. Бубнове, И И Лепсе, В Г. Ключнове, А И Шахурине, А С. Щербакове. Видные деятели революции, гражданской и Великой Отечественной войн, они являются в немеркнувшей памяти народа ярким примером самоотверженного служения партии, людям, Отчизне.

К $\frac{4702010200-266}{078(02)-86}$ КБ—035—022—86

ББК 63.3(2)7

ИБ № 5287

КОМИССАРЫ

Редактор **И. Трофимова**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Макет фототетрадей **А. Косаргина**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технические редакторы **Н. Баранова, Т. Шельдова**
Корректоры **В. Назарова, Т. Пескова**

Сдано в набор 26.02.86. Подписано в печать 22.09.86. А08258.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 21 +
+ 2,52 вкл. Усл. кр.-отт. 25,51. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 150 000
экз. (75 001—150 000 экз.). Цена 1 р. 90 к. Заказ 2590.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.